

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№3 2022 (МАРТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

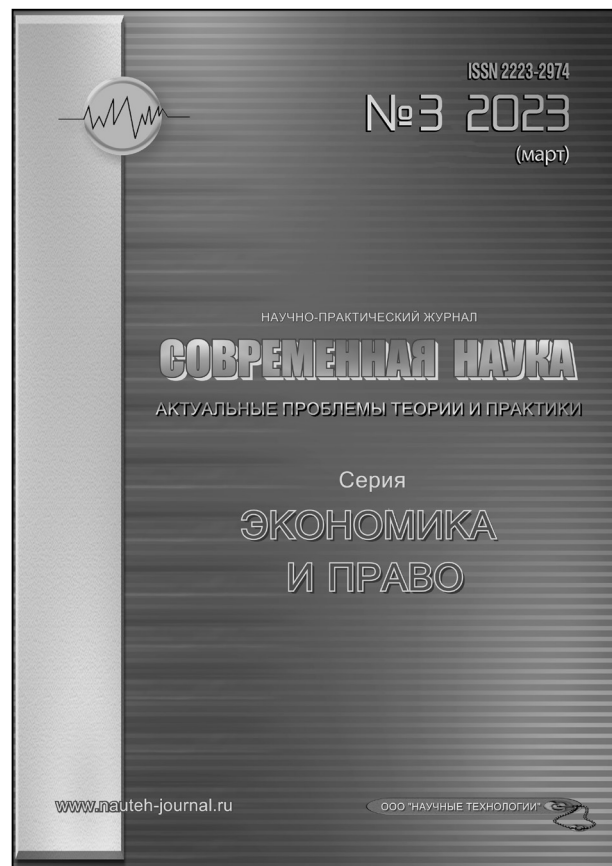
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 21.03.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор,
г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ
РАН; профессор, Белгородский Государственный
Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор,
Московский Педагогический Государственный
Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с.,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н.,
профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н.,
профессор, Всероссийский государственный
университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор,
Российский государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Гуковская А.А. — Оценка волатильности процентных ставок на российском финансовом рынке

Gukovskaya A. — Valuation of interest rates volatility in the Russian financial market 7

Гумеров М.Ф. — Развитие модельных инструментов выработки управленческих решений в условиях цифровой экономики

Gumerov M. — Developing model instruments of managerial decision-making under the circumstances of digital economy 12

Домбровская М.А. — Выбор области применения системы менеджмента качества организации дополнительного профессионального образования

Dombrovskaya M. — The choice of the scope of the quality management system of the organization of additional professional education 15

Исаев М.Г. — Цифровые технологии в формировании современных стратегий развития бизнеса

Isaev M. — Digital technologies in the formation of modern strategies for business development 21

Кузнецова Э.Г., Соколов Д.В. — Влияние органической продукции на здоровье и качество жизни населения страны

Kuznetsova E., Sokolov D. — The impact of organic products on the health and quality of life of the country's population 26

Малёшина Л.М., Шатская И.И. — Анализ финансового состояния и инвестиционной привлекательности зарубежных компаний транспортной отрасли

Maleshina L., Shatskaya I. — Analysis of the financial state and investment attractiveness of foreign companies in the transport industry 30

Миндлин Ю.Б. — Особенности реализации кластерной политики в оборонно-промышленном комплексе РФ

Mindlin Yu. — Features of the implementation of cluster policy in the military-industrial complex of the Russian Federation 36

Рашева О.Д. — Аудиторская политика субъектов в современных условиях

Rasheva O. — Audit policy of subjects in modern conditions 41

Руснакова Е.В., Ковалева Н.С. — Педагогическая команда как средство повышения кадрового потенциала: зарубежный опыт

Rusnakova E., Kovaleva N. — Teaching team as a means of increasing human potential: foreign experience 46

Соколицына Н.А. — Моделирование краткосрочного кредитования для повышения экономической устойчивости развития интегрированных промышленных структур и их бизнес-единиц

Sokolitsyna N. — Modeling short-term lending to improve the economic sustainability of the development of integrated industrial structures and their business units 51

Спешилова Н.В., Дедеева С.А., Арькова О.В. — Кадровый потенциал как фактор устойчивого развития региона

Speshilova N., Dedeeva S., Arkova O. — Human resources potential as a factor of sustainable development of the region 59

Турищева Т.Б. — Организационные основы и задачи контроля в автономных учреждениях в условиях трансформации требований системы управления	Васильева Я.В., Калинин Е.В. — Проблемы развития системы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации
<i>Turishcheva T.</i> — Organizational basis and tasks of internal control in autonomous institutions under the transformation of the requirements of the management system65	<i>Vasileva Ya., Kalinyuk E.</i> — Problems of development of the information security system of the Russian Federation94
Право	
Алехина Е.С., Матвеева О.А., Москалева Т.А. — Особенности медиативного сопровождения в семейных правоотношениях	Галыч К.А. — Предупреждение мошенничеств, совершаемых женщинами
<i>Alyokhina E., Matveeva O., Moskaleva T.</i> — Peculiarities of mediative support in legal family relations69	<i>Galych K.</i> — Prevention of frauds committed by women100
Беков Б.Б. — Деятельность российской прокуратуры по международному сотрудничеству	Голикова С.В. — Наследство как объект правопреемства
<i>Bekov B.</i> — Activities of the Russian prosecution office for international cooperation76	<i>Golikova S.</i> — Inheritance as an object of succession ... 105
Бикбаев Р.Р. — Иск из договора или деликта на примере института заверения об обстоятельствах: решение какой правовой системы является оптимальным на примере США, Германии и России	Каландаришвили З.Н., Гезенко Д.П. — К вопросу о предпосылках конституционной культуры в нормах и принципах иудаизма
<i>Bikbaev R.</i> — An action from contract or tort regarding warranties and representations: Which legal system has the best regulation in respect to the USA, Germany and Russia.80	<i>Kalandarishvili Z., Gezenko D.</i> — On the question of the prerequisites of the constitutional culture in the norms and principles of judaism109
Бондарь В.В. — «Источники права» сквозь призму юснатуралистских концепций в трудах российских правоведов второй половины XIX – начале XX века	Козлов А.Г. — Общие принципы толкования явно выраженных условий договора в договорном праве Великобритании
<i>Bondar V.</i> — Sources of law» through the prism of naturalist concepts in the works of Russian jurists of the second half of the 19th – early 20th centuries.84	<i>Kozlov A.</i> — General principles of construction of express terms in English contract law113
Бултикова А.Е. — Актуальные проблемы примирительных процедур в гражданском процессе на современном этапе	Краснов А.В. — Институт охранного ордера в системе мер административно-профилактического противодействия семейно-бытовому насилию в зарубежных правовых порядках
<i>Bultikova A.</i> — Actual problems of conciliation procedures in the civil process at the present stage90	<i>Krasnov A.</i> — Evolution of legal counteraction to domestic violence in the pre-revolutionary period116
	Кулабухов В.С. — Основные проблемы взыскания убытков при бездоговорном потреблении электроэнергии
	<i>Kulabukhov V.</i> — The main problems of collecting damages for non-contractual electricity consumption.120

- Лутцева К.В.** — Особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста, в отношении лиц, больных наркоманией
Lutseva K. — Peculiarities of the application of a precautional measure in the form of house arrest in respect of persons with drug addiction.125
- Любимова Г.М.** — Конфигурация норм уголовного и административного права в формировании новых диспозиций, определяющих ответственность за нарушение ПДД
Lyubimova G. — Configuration of norms of criminal and administrative law in the formation of new dispositions determining responsibility for violation of SDA.129
- Магомедов А.М.** — Опыт самостоятельного государственного строительства в субъектах РФ после конституционной реформы 1993 г. и современные тенденции обеспечения единства системы публичной власти
Magomedov A. — The experience of independent state building in the constituent entities of the Russian Federation after the constitutional reform of 1993 and current trends in ensuring the unity of the public authority system133
- Максакова А.С., Брагер Д.К.** — Проблемы освидетельствования лиц с религиозными убеждениями
Maksakova A., Brager D. — Problems of examination of persons with religious beliefs.138
- Манзанга О.К.** — Защита жертв от задержек международного уголовного правосудия: миф или реальность?
Manzanga O. — Protecting victims from delays in international criminal justice: myth or reality?142
- Мельников Р.В.** — Этика как базис функциональной деятельности прокурора
Melnikov R. — Ethics as the basis of functional activities of the prosecutor.149
- Михайлин Д.А.** — Проблемные аспекты определения объективной стороны посредничества во взяточничестве
Mikhailin D. — Problematic aspects of determining the objective side of mediation in bribery153
- Нуждаева В.В.** — Слабая сторона в обязательственном правоотношении: проблемы идентификации
Nuzhdaeva V. — Weakness in the legal relationship of obligations: problems of identification156
- Павлов И.М.** — Правильная визуальная оценка правонарушителя как тактический прием и мера личной безопасности для сотрудника полиции при несении службы
Pavlov I. — Correct visual assessment of the offender as a tactical device and a measure of personal safety for a police officer on duty161
- Прохоров А.В.** — Правовое положение финансового управляющего в период с завершения (прекращения) процедур банкротства гражданина и до отмены вышестоящим судом такого судебного акта
Prokhorov A. — The legal status of the financial manager in the period from the completion (termination) of the bankruptcy procedures of a citizen to the cancellation by a higher court of such a judicial act165
- Саляхутдинов Э.Ш., Уйманова В.С.** — Влияние FATCA на юрисдикцию российской федерации в эпоху санкций
Saliakhutdinov E., Uimanova V. — Impact of FATCA on the jurisdiction of the Russian federation in the age of sanctions.168
- Симонова Е.В., Алёхина Т.А., Мосина Е.И.** — Правовой статус корпораций в системе юридических лиц России
Simonova E., Alekhina T., Mosina E. — Legal status of corporations in the system of legal entities of Russia . . . 173

<i>Степанова И.А., Замятин А.В.</i> — К вопросу о лицензировании деятельности по тушению пожаров в населённых пунктах, на производственных объектах и объектах инфраструктуры <i>Stepanova I., Zamyatin A.</i> — On the question of licensing of fire extinguishing activities in residential areas, at production facilities and infrastructure objects179	<i>Фоменко Е.В., Труфанова Е.Г.</i> — Актуальные вопросы квалификации объективной стороны состава преступления «получение взятки» за общее покровительство или попустительство по службе <i>Fomenko E., Trufanova E.</i> — Topical issues of qualification of the objective side of the crime of “taking a bribe” for general patronage or connivance in the service187
<i>Тугутова Д.А.</i> — Сравнительно-правовой анализ коллизии и конкуренции уголовно-правовых норм <i>Tugutova D.</i> — Comparative legal analysis of the collision and competition of criminal law norms183	Информация Наши авторы. Our Authors191 Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале194

ОЦЕНКА ВОЛАТИЛЬНОСТИ ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК НА РОССИЙСКОМ ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

VALUATION OF INTEREST RATES VOLATILITY IN THE RUSSIAN FINANCIAL MARKET

A. Gukovskaya

Summary. The paper discusses methods for modeling the price volatility of zero-coupon bonds and their use for forecasting market volatility. Based on the method of modeling interest rates using the one-factor Hull-White model or the generalized Vasicek model, a formula was obtained for calculating volatility, on the basis of which the interest rate model was calibrated using time series of OFZ price changes. The results obtained made it possible to make a forecast of changes in volatility for two months in advance with 95% reliability, which indicates the possibility of further using the apparatus of stochastic interest rate models for analyzing and forecasting the Russian bond market.

Keywords: volatility, term structure of interest rates, government bond market, generalized Vasicek model.

Гуковская Анастасия Алексеевна

*К.э.н., доцент, Российский Государственный гуманитарный Университет (Москва)
gukovskaya.a@rggu.ru*

Аннотация. В работе рассматриваются методы моделирования волатильности цен бескупонных облигаций и их использование для прогноза рыночной волатильности. На основе метода моделирования процентных ставок с использованием однофакторной модели Халла-Уайта или обобщенной модели Васичека была получена формула для вычисления волатильности, на основе которой была осуществлена калибровка модели процентных ставок с помощью временных рядов изменения цены ОФЗ. Полученные результаты позволили сделать прогноз изменения волатильности на два месяца вперед с 95% надежностью, что свидетельствует о возможности дальнейшего использования аппарата стохастических моделей процентных ставок для анализа и прогнозирования российского рынка облигаций.

Ключевые слова: волатильность, временная структура процентных ставок, рынок государственных облигаций, обобщенная модель Васичека.

Введение

Изучение и моделирование волатильности стало важной областью исследований в прикладных финансах по целому ряду причин. Волатильность широко используется в качестве простого параметра риска во многих моделях оценки стоимости активов. Динамика волатильности рынка является опережающим индикатором и может быть использована как мера эффективности рынка [1, 2]. Наконец, волатильность имеет широкий спектр применений: от ценообразования экзотических деривативов до моделей ценообразования активов [3] и имеет решающее значение для ценообразования опционов.

Различают четыре типа волатильности:

- ◆ волатильность как стандартное отклонение доходности активов, существует в каждый момент времени, с ней не связана никакая «временная шкала».
- ◆ историческая (реализованная) волатильность основана на эмпирических данных о ценах;
- ◆ подразумеваемая волатильность связана с эмпирическими ценами опционов;

- ◆ форвардная волатильность получена от какого-либо форвардного инструмента.

Общепринятыми и чаще всего используемыми в практике являются три метода моделирования волатильности: исторический, метод Монте-Карло или метод стохастического программирования и параметрический. В количественных финансах разработано и успешно применяется огромное количество методов оценки волатильности [4], среди которых можно выделить следующие основные группы — авторегрессионные модели скользящего среднего (ARMA), авторегрессионные гетероскедастичные модели (ARCH), модели стохастической волатильности, модели с переключением (Regime Switching), пороговые модели (Threshold model). Выбор той или иной модели для оценки волатильности обусловлен спецификой анализируемого актива, рынка, решаемой задачей.

Задача оценки и моделирования волатильности процентных ставок усложняется так как необходимо учитывать временную структуру процентных ставок и ее параметры. Оценивание параметров — один из наиболее важных этапов в моделировании времен-

ной структуры и здесь также существует несколько подходов, отличающиеся выбором данных для моделирования/анализа и методов для оценивания [5]. Выявить преимущества и недостатки тех или иных моделей и определить границы их применимости позволяют эмпирические тесты. Так, например, анализ волатильности процентных ставок на рынках Латинской Америки и Азии с помощью одномерных и двумерных моделей переключения волатильности показал их преимущество перед моделями скользящего стандартного отклонения [6]. Оценка волатильности процентных ставок на денежном рынке еврозоны с помощью показателя подразумеваемой мгновенной волатильности консольной облигации, которая оценивалась по кривой свопов EONIA показала хорошие результаты и позволяет отслеживать историческую волатильность, при этом почти полностью устраняет избыток эксцесса и кластеризации волатильности, приближая их к обычному гауссовскому белому шуму [7].

В управлении долгом распространено использование современных теорий временных структур, основанных на фундаментальных работах Васичека [8, 9] и Кокса, Ингерсолла и Росса [10, 11]. Эти модели успешно использовались для анализа структуры государственного долга по срокам погашения¹.

Материалы и методы

В качестве базовой модели для оценки волатильности процентных ставок выбрана модель Дж. Халла и А. Уайта или обобщенная модель Васичека [12, 13]. В этой модели процентные ставки рассматриваются как нормально распределенные и используются мгновенные краткосрочные ставки², т.е. параметры модели не являются константами в отличие от классической модели Васичека. Эта модель подходит для случаев, когда есть некоторая функция $x = f(r)$ краткосрочной ставки r , которая следует арифметическому процессу с возвращением к среднему [14].

В общем случае модели Халла — Уайта функция краткосрочных ставок подчиняется гауссовому распределению. Если считать, что случайным фактором является не краткосрочная ставка, а какой-либо другой параметр, модель всегда может быть преобразована таким образом, что единственным случайным фактором будет являться именно краткосрочная ставка. Динамика

1 См. например Danish government borrowing and debt 2001. pp 105–121 available at <https://www.nationalbanken.dk/en/publications/Documents/2002/02/dgbd-2001.pdf> (Accessed 12 Dec 2022)

2 В других моделях возможно использование других ставок — в Хита-Джарроу-Мортон (HJM) — мгновенной форвардной ставки, в модели Brace Gatarek Musiela (BGM) — наблюдаемых ставок.

краткосрочной ставки в модели Халла — Уайта может быть представлена как:

$$dr(t) = (\theta(t) - \alpha(t) + \sigma(t)dW(t)), \alpha(t) > 0$$

$\theta(t)$ — определяет изменение во времени долгосрочного уровня мгновенной ставки;

$\alpha(t)$ — определяет изменение скорости корректировки ставки;

$\sigma(t)$ — изменение во времени волатильности процесса;

$W(t)$ — стандартный винеровский процесс.

В практических приложениях часто используется частный случай модели Халла- Уайта, когда параметры $\alpha(t)=\alpha$ и $\sigma(t)=\sigma$ являются константами. Наиболее важным преимуществом модели Халла- Уайта по сравнению с классической моделью Васичека является возможность точного отображения фактических рыночных цен (рыночной структуры процентных ставок во времени). Это достигается за счет подбора соответствующей функции $\theta(t)$. В нашей работе наоборот $\theta(t)=\gamma$, то есть является постоянной величиной, а $\alpha(t)$ и $\sigma(t)$ функции времени. В оценку волатильности процентных ставок параметр γ не входит, он входит только в оценку изменения во времени долгосрочного уровня мгновенной ставки. Поэтому для оценки волатильности процентных ставок, необходимо будет произвести оценку параметров $\alpha(t)$ и $\sigma(t)$ за один месяц и за весь период наблюдения по классической модели Васичека, аппроксимировав их временными функциями, вычислить изменения во времени волатильности процентных ставок.

На основании временного ряда значений мгновенной процентной ставки могут быть оценены параметры α , γ и ρ классической модели Васичека. Для этого можно использовать дискретный (с шагом Δt) вариант процесса:

$$d(r + \Delta t) - r(t) = \alpha(\gamma - r(t))\Delta t + \varepsilon(t)\rho\sqrt{\Delta t} \quad (1)$$

где $\varepsilon(t)$ - нормально распределенные случайные величины с нулевым средним и дисперсией равной единице.

Дифференциал от стандартного винеровского процесса $dW(t)$ можно записать как: $dW(t) = \vartheta(t)dt$, где $\vartheta(t)$ белый шум. Тогда уравнение Васичека примет вид:

$$dr(t) = \alpha(t)(\gamma - r(t))dt + \rho(t)\vartheta(t)dt$$

или

$$dr(t)/dt = \alpha(t)(\gamma - r(t)) + \rho(t)\vartheta(t) \quad (2)$$

Таблица 1. Результаты расчётов параметров модели

Период	α скорость возвращения к среднему	Среднее значение цены%	M^2	M^2 расч
1/12	0,78085	98,97685	3,26385E-06	3,2639E-06
2/12	0,59572	97,68735	7,53393E-06	4,6969E-05
3/12	0,09455	95,6353	1,34493E-05	1,9741E-04
4/12	0,25189	94,5127	1,23E-05	3,1105E-04
5/12	0,54194	94,85635	1,26E-06	3,0365E-04
6/12	0,52333	94,5612	8,12E-06	2,9803E-04
7/12	0,36580	94,6666	1,76867E-06	2,7875E-04

Записав обобщенное уравнение Васичека таким образом, мы не будем определять стоимость дисконтной облигации, а будем искать распределение условной плотности вероятности мгновенной процентной ставки $r(t)$ во времени. Зная плотность вероятности мгновенной процентной ставки, можно вычислить ее математическое ожидание и волатильность.

Для того, чтобы получить выражение для условной плотности вероятности мгновенной процентной ставки $r(t)$, описываемой уравнением (2), необходимо решить систему дифференциальных уравнений, что даст условную плотность вероятности следующего вида:

$$W(t_0, r_0, r) = \frac{1}{\sqrt{(2\pi)\sigma}} e^{[-(r-M(r))^2 / 2\pi\sigma^2]} \quad (3),$$

где: $\sigma = \sigma(t_0, \tau)$, $M(r)$ — математическое ожидание мгновенной процентной ставки;

$$M(r) = (r_0 - \gamma)(y/x)\beta + \gamma \quad (3.1),$$

где: $r_0 = r(0)$ — начальное значение мгновенной процентной ставки;

γ — среднее значение мгновенной процентной ставки модели Васичека;

t_0 — начальное время отсчета;

τ — текущее время мгновенной процентной ставки;

$$y = \alpha t_0 + 1; x = \alpha \tau + 1; \beta = \alpha / \alpha$$

Волатильность мгновенной процентной ставки будет определяться как:

$$\sigma^2(t_0, \tau) = \left(\rho_0^2 / 4\alpha\right) P(t_0, \tau) \quad (4), \text{ где}$$

$$P(t_0, \tau) =$$

$$= 2\beta\{k[x^2 - (y/x)^2\beta + 2] - c[x - (y/x)^2\beta + 1]\}$$

$$k = 1/2(\alpha + a) \text{ и } c = 1/(2\alpha + a)$$

Накопленная волатильность за период времени T при $t_0 = 0$, вычисляется по формуле:

$$\sigma^2(0, T) = 1/T \int_0^T \sigma^2(t_0, \tau) d\tau$$

$$\sigma^2(0, T) = \left(\rho_0^2 / 4\alpha\right) Q(0, T) \quad (5).$$

Результаты

Методом простого случайного бесповторного отбора из генеральной совокупности данных о котировках ОФЗ с датами погашения с 2019 г. по 2034 г, торгуемых на площадке Мосбиржи была выбрана ОФЗ SU26209RMF-S5 с началом торгов 01.08.2012 г. и датой погашения 20.07.2022 г, таким же образом был выбран временной период с 14.05.2018 г. по 26.04.2019 г. Далее этот временной период был разделен на 11 месяцев по 20 рабочих дней. Так как для анализа необходимо использовать бескупонные облигации, из ежедневных котировок облигаций необходимо удалить стоимости купонов (стоимость купона для данной облигации составляет 3,79% от номинала).

Для оценки волатильности процентных ставок произведена оценка параметров $\alpha(t)$ и $\sigma(t)$ за один месяц и за весь период наблюдения (табл. 1, рис.1 и 2). Аппроксимировав их временными функциями, вычислены изменения во времени волатильности процентных ставок по формуле (4). Далее оценивается волатильность по описанной модели (5), и осуществляется проверка ее адекватности сравнением с волатильностью, рассчитанной методом исторического моделирования по выборке эволюции цены облигации ОФЗ.

По результатам расчетов волатильности историческим способом за 7 месяцев была откалибрована математическая модель и проведено прогнозирование

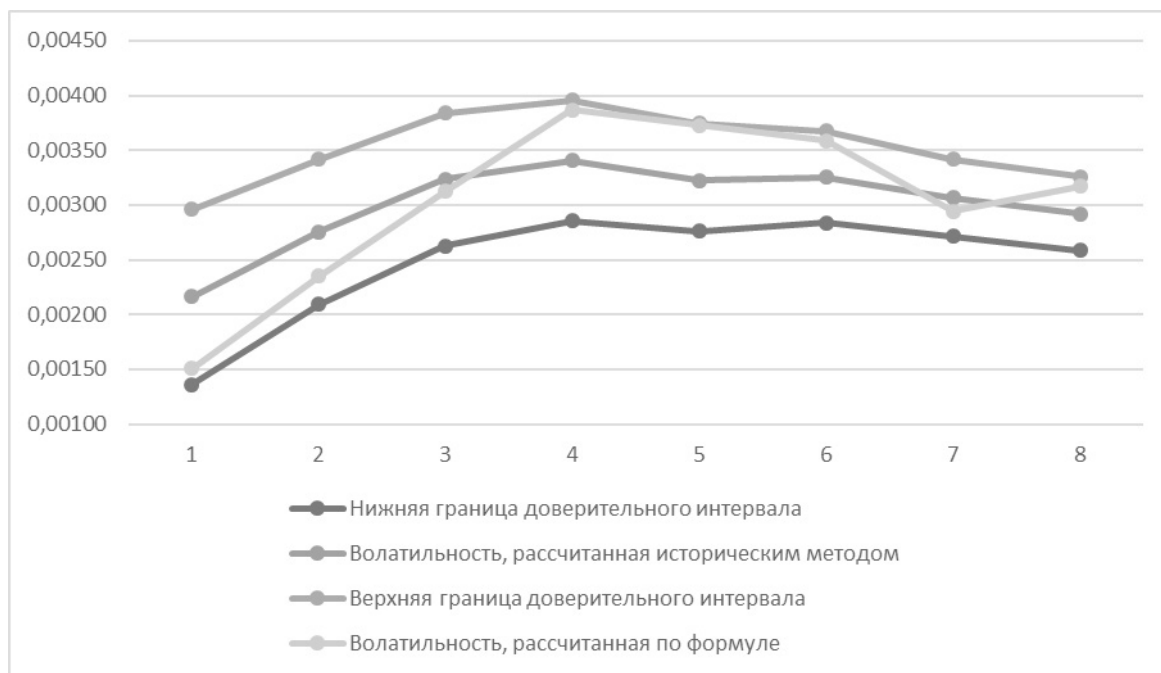

Рис. 1. Историческая и спрогнозированная волатильность за 8 месяцев

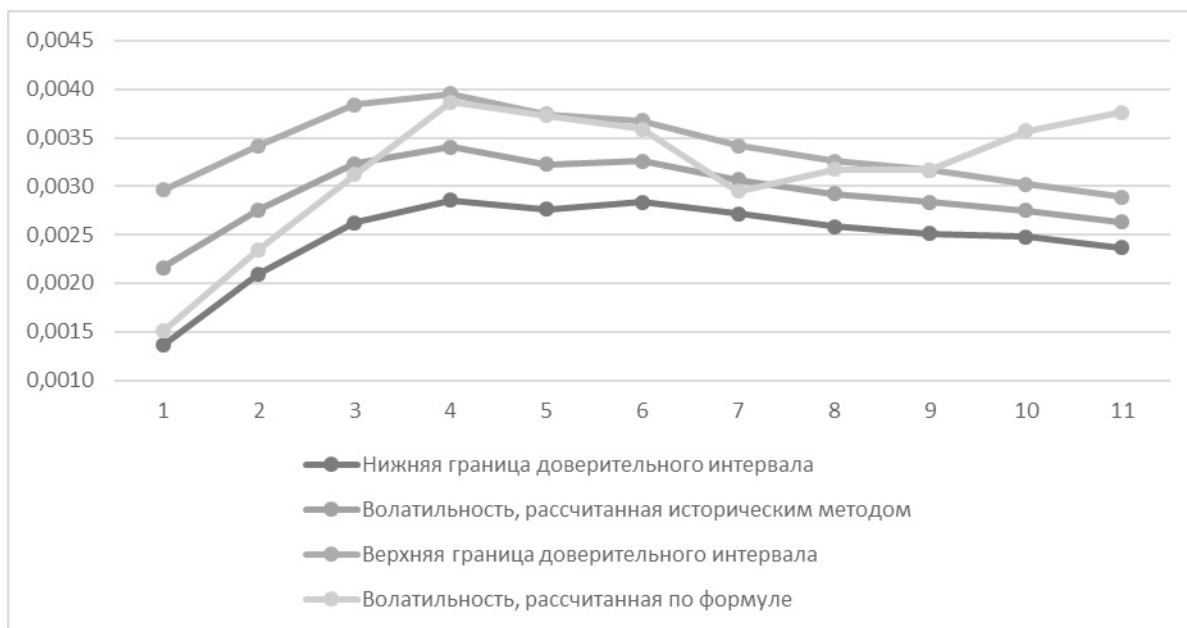

Рис. 2. Прогноз волатильности в доверительном 95% интервале за 10 и 11 месяцев

ние по выведенной формуле (5) на один месяц вперед (сделан расчет на восьмой месяц) уже без калибровки данной модели и проведен расчёт волатильности историческим способом за 8 месяцев. Изменения волатильности, построенной историческим способом и волатильности, вычисленной по формуле в пределах доверительного интервала с надежностью $\gamma = 0,95$

на один месяц вперед (восьмой месяц) по откалиброванной модели процентной ставки за предыдущие 7 месяцев (рис. 1) демонстрируют надежность модели.

Таким же образом была рассчитана волатильность на 9-й месяц (прогноз на два месяца вперед) с такими же результатами. Для прогноза волатильности

на 10-й и 11-й месяцы (рис. 2) результаты хуже — волатильность, рассчитанная по модели после 9-го месяца, выходит за пределы 95% доверительного интервала. И эта тенденция только усиливается. Это можно объяснить тем, что за последующие 2 месяца (10-й и 11-й месяцы) корреляционные связи между ценами облигаций сильно ослабели и волатильность, рассчитанная по формуле и волатильность, рассчитанная историческим методом стали вести себя независимо. Поэтому, после месяца, когда наступает рассогласование (в нашем случае после 9-го месяца) необходимо сделать новую калибровку модели. Например, с 7-го месяца и по 11-й. Однако вопрос, по какому количеству месяцев делать новую калибровку, требует дополнительной проработки.

Полученные результаты позволяют сделать прогноз изменения волатильности на два месяца вперед с 95% надежностью, что в целом свидетельствует о надежности предложенной оптимизации усовершенствованной модели Васичека для анализа волатильности процент-

ных ставок по данным о ценах государственных облигаций на российском рынке.

Заключение

Выведенное выражение для оценки волатильности в рамках модели Халла — Уайта / обобщенной модели Васичека позволило провести эмпирический тест, в результате которого была решена задача оценки волатильности процентных ставок на основе цен облигаций, торгуемых на российском рынке. Данные расчетов по предложенной формуле показали, что, используя анализ предыдущей волатильности можно дать оценку будущей волатильности процентных ставок на 2 месяца вперед с надежностью $\gamma = 0,95$. Более глубокие прогнозы требуют дополнительной калибровки модели.

Проведенное исследование позволяет сделать заключение о возможности дальнейшего использования аппарата стохастических моделей для анализа и прогнозирования российского рынка облигаций.

ЛИТЕРАТУРА

- Schiller, R.J. The Uses of Volatility Measures in Assessing Market Efficiency // *Journal of Finance*. 36 (2). 1981. pp. 291–304.
- Schiller, R.J. *Market Volatility* // MIT Press. 1989
- Rebonato, R. *Volatility and Correlation: The Perfect Hedger and the Fox* / Wiley & Sons. 2004. Chichester, UK
- Knight J. and Satchell S. (ed) *Forecasting volatility in the financial markets* / Butterworth-Heinemann Finance. 2-nd ed. 2002
- Лукаевич, И.Я., Моделирование временной структуры процентных ставок // *Экономика и управление*. № 1. 2016. с.43–51
- Edwards, S., and Raul, S. Interest-Rate Volatility in Emerging Markets // *The Review of Economics and Statistics*. vol. 85. no. 2. 2003. pp. 328–48.
- Brousseau V. and Durré A. Interest rate volatility. A consol rate-based measure European Central Bank. Working Paper Series 2013. No 1505
- Vasicek O.A., Oldrich An Equilibrium Characterization of the Term Structure // *Journal of Financial Economics*. no. 5. 1977. pp. 177–188.
- Vasicek O.A. and Fong H.G. Term Structure Modelling Using Exponential Splines // *Journal of Finance*. no. 37. 1982. pp. 339–356
- Cox J., Ingersoll J., and Ross S. A Re-examination of Traditional Hypotheses about the Term Structure of Interest Rates // *The Journal of Finance*. Vol. 36. No. 4. 1981. pp. 769–799.
- Cox J., Ingersoll J., and Ross St. A Theory of the Term Structure of Interest Rates // *Econometrica*. Vol. 53. no. 2. 1985. pp. 385–407.
- Hull J., White A. Pricing Interest rate derivatives securities // *Review of Financial Studies*. vol.3. no. 4. 1990. pp. 573–592.
- Hull J. and White A. The General Hull-White Model and Super Calibration // *Financial Analysts Journal*. November/December 2011. pp. 34–43.

© Гуковская Анастасия Алексеевна (gukovskaya.a@rggu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ МОДЕЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВЫРАБОТКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

DEVELOPING MODEL INSTRUMENTS OF MANAGERIAL DECISION-MAKING UNDER THE CIRCUMSTANCES OF DIGITAL ECONOMY

M. Gumerov

Summary. The object of the present article is new approaches to decision-making in management of a company's business digital transformation. These new approaches are based on three components: system economics, specific of managerial style and phenomenological modeling. This kind of modeling is being used for a long period already in nature studying and technics for designing production circumstances of particular materials. We offer to accept this experience to arena provided with management of modern companies' business digital transformation.

Keywords: digital transformation of a company's business, emergent decision-making for unstandardized problems, theory of systems; managerial functions, phenomenological modeling.

Современная экономика переживает переход на новый, 6-й технологический уклад, главной отличительной чертой которого становится доминирующая роль в создании прибавочного общественного продукта четырех групп технологий: нано-, биологических, когнитивных и информационных [4]. Развитие и внедрение технологий последней группы в бизнесе современных компаний связано с его цифровой трансформацией. Это достаточно сложное явление, охватывающее разноплановые социально-экономические процессы, и управление его ходом должно опираться на следующие принципы [5, 6, 7]:

- ◆ научное обоснование всех управленческих решений и воздействий, их опора на результаты регулярного мониторинга;
- ◆ учет потенциальных синергетических эффектов трансформации, способных радикально изменить эффективность бизнеса;
- ◆ учет связи результатов цифровой трансформации с долгосрочной стратегией развития компании.

При этом главной проблемой в сфере управления цифровой трансформацией, как в общем-то и внедрением любых новшеств в современном бизнесе, остается

Гумеров Марат Фаридович
Доктор экономических наук, Московский технический университет связи и информатики
maratushka85@gmail.com

Аннотация. Объектом исследования в настоящей статье являются новые подходы к выработке управленческих решений в компаниях, реализующих цифровую трансформацию своего бизнеса. В основе этих подходов лежат три компонента: системная экономика, стилевые особенности управления и феноменологическое моделирование. Этот вид моделирования вот уже на протяжении длительного времени успешно используется в технических дисциплинах для подбора условий переработки отдельных видов материалов. Предлагается перенести этот опыт в сферу управления цифровой трансформацией бизнеса современных компаний.

Ключевые слова: цифровая трансформация бизнеса компании, принятие экстренных решений нестандартных проблем, теория систем, управленческие функции; феноменологическое моделирование.

частое возникновение проблем нестандартного характера, не имеющих прецедентов для сравнения из прошлого, но при этом требующих выработки менеджерами решений в ускоренном, экстренном режиме, при котором нет большого запаса времени для глубинного анализа ситуации.

Ранее в работах [2, 3] была обоснована необходимость применения феноменологических моделей для выработки управленческих решений подобного рода, направленных на преодоление нестандартных проблем в ходе внедрений новаций в работу компаний. Разработанный в этих трудах подход синтезирует идеи двух популярных сегодня управленческих концепций:

- ◆ системного менеджмента (Г.Б. Клейнер), устанавливающего зависимость между особенностями управления экономической системой и ее принадлежностью к одному из четырех типов по пространственно-временному признаку (объект, среда, процесс или проект) [9];
- ◆ управления изменениями (И. Адизес), рассматривающего данную деятельность как результат интеграции производительской (P), администраторской (A), предпринимательской (E) и интеграторской (I) управленческих функций [1, 8].

Синтезированный на базе этих двух концепций подход к выработке решений опирается на базовые понятия, которые применительно к управлению цифровой трансформацией бизнеса компании, обретают следующие толкования:

- ◆ *управляемая объектная система* (обозначение — δM ; δ — объект, M — *managed*, управляемый) — это компания, ресурсами которой имеет право распоряжаться ЛПР, в результате принятия им управленческого решения она направляет часть своих ресурсов в систему — проект, связанный с цифровой трансформацией;
- ◆ *релевантные объектные системы* — другие компании, направляющие или потенциально способные направлять свои ресурсы на проекты, аналогичные тому, что реализует наша компания (обозначение — $\delta I \dots \delta n$);
- ◆ *средовая система* (α) — рынок, на котором действуют все упомянутые выше компании;
- ◆ *процессная система* (β) обеспечивает передачу ресурсов схожими компаниями на схожие проекты;
- ◆ *проектная система* (γ) — результат направления конкретной компанией ресурсов на конкретные действия, связанные с цифровой трансформацией своего бизнеса.

Мегасистема, объединяющая все четыре типа систем, в рамках предлагаемого подхода рассматривается как экономическая тетрада, обеспечивающая цифровую трансформацию бизнеса компаний, работающих на рынке конкретного вида продукции. Здесь управляемая компания δM и релевантные ей компании, работающие на этом же рынке $\delta I \dots \delta n$, взаимодействуют с k -тым количеством процессных систем, и в результате данного взаимодействия возникают проекты цифровой трансформации бизнесов всех этих компаний в количестве $(n+1) \cdot k$. Каждый такой проект обозначается двузначным индексом, где первый знак — номер объекта ($1 \dots n, M$), второй знак — номер процесса ($1 \dots k$). При этом в виду того, что каждая компания является элементом рыночной среды, его экономический показатель x_δ рассматривается в зависимости от показателя этой среды x_α ($x_\delta = x_\delta(x_\alpha) = x_\delta(x_{\delta 1} \dots x_{\delta n})$). А каждый проект цифровой трансформации рассматривается как элемент процесса, соответственно x_γ измеряется в зависимости от x_β ($x_\gamma = x_\gamma(x_\beta)$).

В исследовании рассматривается ситуация, когда менеджер разрабатывает экстренное управленческое решение нестандартной проблемы о параметрах диффузии своей компании-объекта в некий новый процесс цифровой трансформации бизнеса и использует информацию за довольно ограниченный период времени — как правило, не более 1–1,5 лет, предшествующих

моменту принятия решения. А этот временной отрезок характеризуется тем, что уже с самого его начала имеет место движение в экономическом пространстве — времени не только управляемой компании (который по времени никогда не ограничен), но и нового процесса цифровой трансформации, предполагаемого к взаимодействию с ней в результате принятия решения. Процесс цифровой трансформации бизнеса, согласно определению, ограничен во времени, но на краткосрочном интервале времени он по данному параметру оказывается не ограничен так же, как объект. Т.е. траектории движения управляемой компании-объекта δM и нового процесса цифровой трансформации βN при построении модели на основе информации, взятой за краткосрочный интервал времени, оказываются в одной области экономического пространства — времени. При этом само взаимодействие δM и βN происходит в строго определенный момент времени, на котором заканчивается пространственно-временная область, в которую помещена экономическая тетрада, описывающая проблемную область рассматриваемого управленческого решения — поэтому далее это временной параметр будет обозначаться как $t_{кон}$. До наступления этого момента времени компания-объект управления δM на рассматриваемом временном интервале диффундирует с различными группами процессов трансформации бизнеса, количество групп составляет от 1 до n , и этим взаимодействиям соответствуют моменты времени $t_1 \dots t_n$. На этом же интервале времени новый процесс цифровой трансформации βN диффундирует с различными группами других компаний, число данных групп $1 \dots k$, взаимодействия происходят в моменты времени $t_1 \dots t_k$. В ходе дальнейшего исследования взаимодействия компании-объекта управления с различными группами процессов и взаимодействия нового процесса с различными группами объектов предлагается рассматривать через равные интервалы времени в пределах рассматриваемой области экономического пространства времени. Т.е. предлагается весь интервал времени, данные за который используются для построения феноменологической модели, разделить на l равных промежутков, заканчивающихся в точках соответственно $t_1 \dots t_l$, и в каждый из этих моментов времени должны оцениваться соответствующие ему параметр взаимодействия объекта управления в общую совокупность всех процессов, с которыми он диффундирует именно в этот момент, и параметр взаимодействия нового процесса в совокупность всех объектов, с которыми он диффундирует также именно в этот момент времени.

Таковы общие принципы нового методологического подхода к выработке экстренных решений нестандартных проблем в ходе управления цифровой трансформацией бизнеса компании, который подлежит адаптации

к особенностям конкретных ситуаций, возникающих в данной сфере. Дальнейшие исследования в этой сфере связаны с разработкой программной оболочки

разработанного нотационного языка моделирования экономических тетрад, в которых реализуются данные процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адизес И. Управляя изменениями. — СПб.: Питер, 2008. — 224 с.
2. Гумеров М.Ф. Проблема оперативности изменений в организационном менеджменте отечественных организаций и предприятий // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2017. — № 2. — С.13–18.
3. Гумеров М.Ф. Формирование управленческой команды в организационном менеджменте на основе феноменологического моделирования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2016. — № 1. — С.32–35.
4. Дрогобыцкий И.Н. Системная кибернетизация организационного управления. — М.: Вузовский учебник, 2018. — 333 с.
5. Кузовкова Т.А., Салютина Т.Ю., Шаравова О.И., Кузовков А.Д. Синергия цифровой трансформации бизнеса и инфокоммуникационной инфраструктуры // Инновации в менеджменте. — 2020. — № 4 (26) . — С. 14–23.
6. Салютина Т.Ю., Володина Е.Е., Кухаренко Е.Г. Стратегическое управление развитием инфокоммуникационных компаний // Экономика и качество систем связи. — 2018. — № 1 (17) . — С. 3–11.
7. Салютина Т.Ю., Кузовкова Т.А., Колотов Ю.О., Платунина Г.П. Принципы и методы мониторинга развития инфокоммуникационной инфраструктуры во взаимосвязи с цифровизацией экономики и общества // Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. — 2021. — № 4. — С. 112–121.
8. Adizes I. The Pursuit of Prime / I. Adizes. — Santa Monica, USA: Knowledge Exchange, 1996.
9. Kleiner G.B., Karpinskaya V.A. Transition of firms from the traditional to ecosystem form of business: the factor of transaction costs // Lecture notes in networks and systems. — 2020. — № 110. — P. 3–14.

© Гумеров Марат Фаридович (maratushka85@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЫБОР ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE CHOICE OF THE SCOPE OF THE QUALITY MANAGEMENT SYSTEM OF THE ORGANIZATION OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

M. Dombrovskaya

Summary. The article analyzes the choice of the scope of the quality management system in the organization of additional professional education. The relevance and significance of the article lies in the description of the procedure for choosing the scope of the quality management system in an educational organization. The article gives the basic concepts of the scope of the quality management system, the stages of its selection, as well as the direction of its improvement.

Keywords: quality, scope, requirement, process, process approach, quality management system, stakeholders.

Домбровская Марина Анатольевна

Канд. пед. наук, доцент, ГАУ ДПО «Институт
развития образования Иркутской области»
marina_dombr@mail.ru

Аннотация. В статье приведен анализ выбора области применения системы менеджмента качества в организации дополнительного профессионального образования. Актуальность и значимость статьи заключается в описании процедуры выбора области применения системы менеджмента качества в образовательной организации. В статье даны основные понятия области применения системы менеджмента качества, этапы ее выбора, а также направления её совершенствования.

Ключевые слова: качество, область применения, требование, процесс, система менеджмента качества, заинтересованные стороны.

Введение

Сегодня вопросы, связанные с разработкой процессов системы менеджмента качества (далее — СМК), нашли отражение в научных исследованиях. Имеется ряд серьезных публикаций о системах управления качеством на промышленных предприятиях. В целом, проблемам управления качеством уделяется большое внимание как зарубежными (Э. Деминг, Дж. Деарден, Дж. Джуран, К. Исикава, Т. Конти, Ф. Кросби, В. Шухарт), так и отечественными учеными (Ю. Адлер, В. Азаров, В. Качалов, М. Кунявский, В. Левшина, В. Ларин, В. Окрепилов, С. Пономарев, М. Свиткин, Н. Яшин). Однако в опубликованных исследованиях совсем немного внимания уделяется процессам СМК в сфере образования. Практически отсутствуют работы, посвященные выбору области применения СМК организации дополнительного профессионального образования (далее — ДПО). Поэтому исследования, связанные с выбором области применения при разработке процессов СМК организации ДПО, актуальны. Итак, целью данного исследования является определение области применения СМК при разработке процессов в организации ДПО.

Для достижения поставленной цели было сделано следующее:

1. Создан порядок разработки процессов СМК организации ДПО.
2. Составлен алгоритм определения области применения при разработке процессов СМК организации.
3. Определена основа выбора области применения СМК (внешние и внутренние факторы среды организации, виды деятельности организации).

Объект и предмет исследования. Процессы СМК организации ДПО в данной статье стали объектом исследования. Предметом данного исследования является область применения при разработке процессов СМК.

Методы исследования. В процессе исследования применялись следующие методы:

- ♦ анкетирование (проводился анализ материалов итоговых опросов заинтересованных сторон, приняли участие 120 респондентов);
- ♦ опрос экспертов (субъектами опроса были 14 аудиторов).

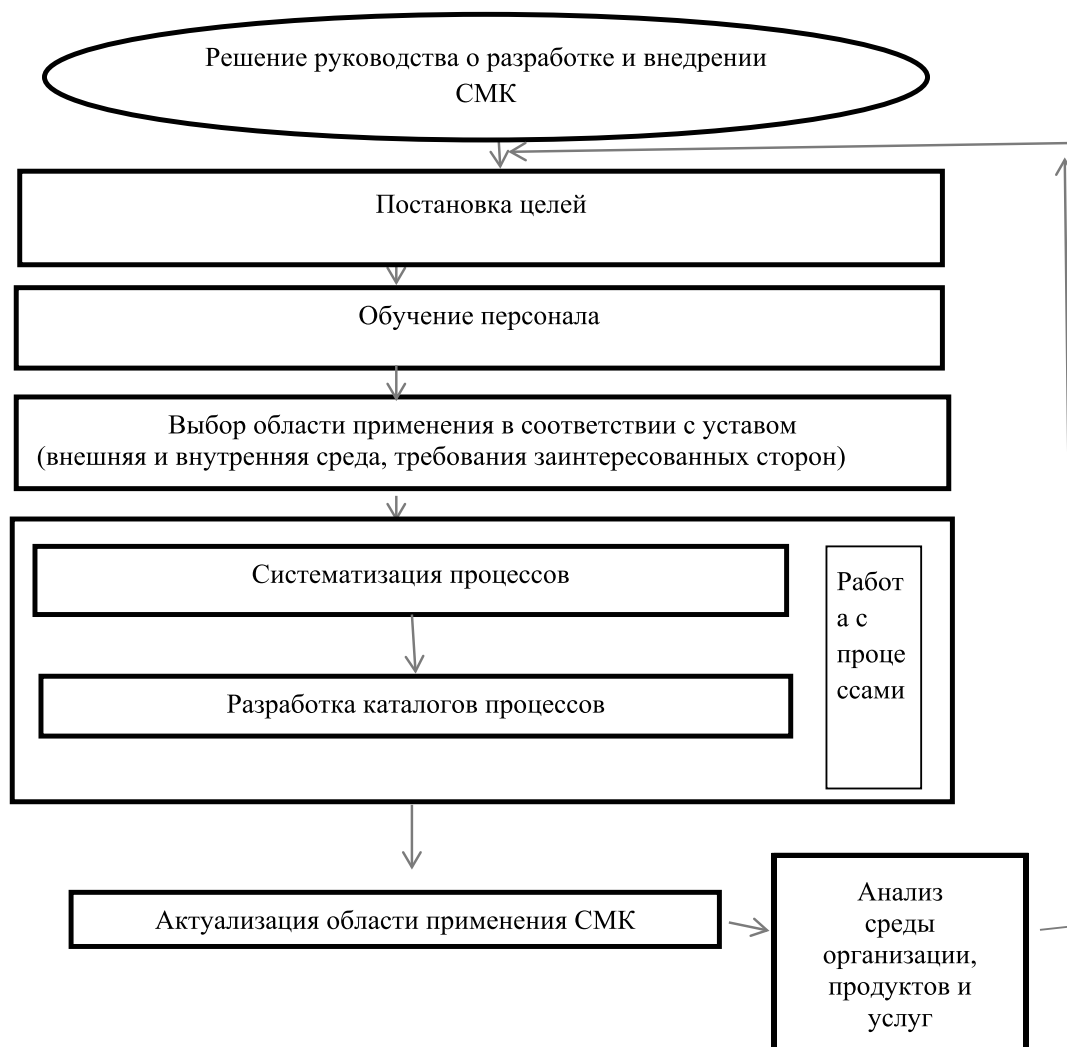

Рис. 1. Алгоритм выбора области применения при разработке процессов СМК.

Научная новизна исследования:

1. Обозначены шаги разработки процессов СМК и выстроена их последовательность.
2. Разработан алгоритм выбора области применения СМК организации.

Практическая значимость исследования:

1. Выстроены процессы системы управления качеством для эффективного управления организацией ДПО (в соответствии с международными стандартами ИСО 9001:2015 и созданным алгоритмом). Были рассмотрены процессы института развития образования Иркутской области (далее — ИРО).
2. Выбрана область применения СМК ИРО «Оценка качества образования» (на основе стандартов ИСО 9001:2015, структурного анализа).
3. Разработаны каталоги процессов СМК с учетом выбранной области применения.

4. Выстроена система оценки процессов СМК ИРО, что позволяет распространять опыт применения процессного подхода в образовательных организациях (прежде всего ДПО), не только в Иркутской области, но и в других регионах страны через проведение научно — практических мероприятий.

Результатом данного исследования стал выбор области применения СМК, создание каталога процессов СМК организации ДПО, системы оценки процессов СМК ИРО.

Описание процесса выбора области применения СМК

Область применения СМК выбирается и корректируется на этапе разработки процессов СМК. Разработка процессов системы менеджмента качества ИСО 9001

состоит из конкретного набора элементов. Стандарты ИСО — жесткая ориентация на потребителя [8, с. 10]. Согласно стандарту ИСО 9001:2015 организация должна определить границы системы менеджмента качества и охватываемую ею деятельность, чтобы установить область ее применения [1, с. 3]. Различают следующие шаги разработки процессов СМК: решение руководства о разработке СМК и, прежде всего, процессов; обучение персонала; выбор области применения; описание процессов; создание каталогов процессов. Особо отметим, что в рамках этапа «Обучение сотрудников» выполняются работы по определению потребности в обучении новых сотрудников, разработке учебного плана, обучению сотрудников и оценке эффективности обучения [9, с. 24]. В процессе обучения должны быть задействованы все сотрудники компании [7, с. 14].

Для того, чтобы грамотно установить область применения системы следует учитывать внешние и внутренние по отношению к организации аспекты, интересы стейкхолдеров, продукцию и услуги организации (рис. 1).

Очень важно правильно определить область применения системы управления качеством, так как

- ◆ на основе области применения, как правило, формулируют область сертификации СМК.
- ◆ этот вопрос регулируется как самим ИСО 9001:2015, так и рядом других документов, так что неправильно определенная область применения может стать предметом спора с сертификационным аудитором.

В основу построения системы менеджмента качества положен процессный подход [6, с. 66]. Преимущество процессного подхода состоит в непрерывности управления с целью повышения удовлетворенности потребителей путем выполнения их требований [2, с. 36]. Для формулировки области применения СМК необходимо расписать процессы, к которым применяется СМК, то есть составить каталог процессов. При этом виды деятельности должны совпадать с формулировками устава. Описывая область применения, нужно указать продукцию и услуги, которые попадают под действие СМК. Простое и понятное описание области применения позволяет сконцентрировать в правильном направлении виды деятельности сотрудников в рамках СМК и даёт возможность устранить ненужные вопросы о деятельности, которая осуществляется организацией, но которая не охватывается СМК.

Определение области применения системы менеджмента качества в ИРО

Для создания СМК в учреждении руководством института было принято стратегическое решение (приказ

директора). Разработка системы менеджмента качества в ИРО осуществлялась силами сотрудников организации. Сначала необходимо было определить процессы СМК института.

Рассмотрим основные шаги разработки процессов СМК в институте:

1. Издание приказа директора института о разработке процессов.
2. Обучение 92% сотрудников по ДПП «Система менеджмента качества». Назначение представителя высшего руководства и уполномоченных по СМК, а также внутренних аудиторов.
3. Разработка каталогов процессов.

При этом были учтены результаты SWOT — анализа и PEST — анализа, а также требования заинтересованных сторон. Определены внешние и внутренние факторы, которые могут положительно или отрицательно повлиять на достижение запланированных результатов. К внешним факторам, способным повлиять на учреждение относятся:

- ◆ рыночные отношения;
- ◆ налоговая политика;
- ◆ уровень инфляции;
- ◆ нестабильность в обществе;
- ◆ денежные доходы потребителей;
- ◆ уровень образования;
- ◆ научно — технический прогресс в сфере реализации основных процессов и процедур на бюджетной и внебюджетной основе.

К внутренним факторам, оказывающим влияние на институт, относятся:

- ◆ большой объем документов по системе управления институтом (в том числе, реализация более 30 процессов (процессов управления, системных процессов, процессов жизненного цикла, поддерживающих процессов института);
- ◆ высокая подверженность влиянию изменения законодательства;
- ◆ необходимость постоянного развития персонала (компетентности, укомплектованности штата, квалификации и т.д.).

Институт осуществляет мониторинг и анализ информации о внешних и внутренних факторах в текущем режиме в рамках планирования деятельности учреждения, в том числе при планировании изменений. Результаты анализа являются частью входных данных оценки рисков для деятельности учреждения, определения возможностей для улучшения.

Ответственным за определение внешних и внутренних факторов, способных повлиять на деятель-

ность учреждения и его СМК, их анализ и мониторинг является директор института. При рассмотрении факторов учитывались законодательные требования, экономическая среда, социальная обстановка. При этом SWOT — анализ проводился экспертным путем, на индикативном уровне.

Под руководством представителя высшего руководства по СМК ежегодно в первом квартале календарного года, а также в случае значительных изменений в среде института проводится работа по рассмотрению и анализу внешних и внутренних факторов.

Далее нужно описать потребности и ожидания заинтересованных сторон. В учреждении определены:

- а) заинтересованные стороны;
- б) требования этих заинтересованных сторон.

К таким заинтересованным сторонам были отнесены:

- ◆ работники Министерства просвещения РФ;
- ◆ работники министерства образования Иркутской области, представители муниципальных органов образования;
- ◆ педагоги Иркутской и других областей Российской Федерации;
- ◆ инвесторы и спонсоры;
- ◆ руководители образовательных организаций;
- ◆ сотрудники института.

Мониторинг выполнения требований заинтересованных сторон, влияющих на результаты функционирования СМК института, осуществляется ежегодно. Ответственный по взаимодействию с каждой из выявленных заинтересованных сторон назначается приказом директора.

Институт осуществляет периодический мониторинг и анализ информации о заинтересованных сторонах.

Особо нужно остановиться на выборе области применения СМК. Согласно уставу, у института основными направлениями деятельности являются реализация дополнительных профессиональных программ, организация и проведение оценки качества образования.

Были проанализированы сильные и слабые стороны вышеназванных направлений деятельности ИРО, проанализированы требования заинтересованных сторон и руководством организации принято решение, что областью применения СМК нужно выбрать оценку качества образования.

Необходимо отметить, что это решение не является стандартным для сферы ДПО, но надо учесть, что дан-

ный процесс пронизывает всю деятельность института и является менее проработанным для организаций ДПО.

На момент выбора области применения СМК в ИРО реализовывались различные формы оценки качества образования, которые осуществлялись в виде государственной аттестации обучающихся, аттестации руководящих и педагогических работников, государственной итоговой и промежуточной аттестации слушателей, мониторинга и педагогического аудита государственных, муниципальных, негосударственных образовательных учреждений различных типов, расположенных на территории Иркутской области; научной экспертизы образовательных программ, проектов, других документов и материалов по профилю работы Института, комплексного мониторинга.

Периодически проводится актуализация области применения, например, по результатам анализа влияния внешних и внутренних факторов, изменения применимого законодательства, стандартов или иной нормативной документации.

Система менеджмента качества института не содержит исключений из международных требований качества.

Основу СМК ИРО составляет система взаимосвязанных процессов: процессов управления, процессов жизненного цикла (оценка качества образования) и поддерживающих процессов (табл. 1,2).

На этапе разработки системы важно грамотно определить не только область применения СМК, но и показатели оценки процессов.

Следует избегать сложных, трудноизмеримых показателей [3, с. 123]. Так, примером разработанных нами показателей могут стать показатели подпроцессов основного процесса «Оценка качества образования» (табл. 3, 4).

Разрабатывают показатели руководители процессов, затем показатели оценки процессов утверждаются на заседании координационного совета по качеству. Координационный совет по качеству осуществляет координацию работы по разработке и внедрению СМК в институте, определению основных направлений для улучшения деятельности системы управления качеством института, а также по рассмотрению и утверждению основных документов системы менеджмента качества института.

Важным является решение задач, связанных с оценкой системы управления качеством. Такие оценки могут

Таблица 1. Каталог подпроцессов основного процесса жизненного цикла услуги «Оценка качества образования»

Шифр процесса	Название процесса жизненного цикла	Шифр подпроцесса	Подпроцессы	Ответственный за подпроцесс
ОП01	оценка качества образования	ОП01.02	разработка и подготовка оценки качества образования	заместитель директора 1
		ОП01.03	осуществление оценки качества	заместитель директора 1
		ОП01.04	анализ удовлетворенности потребителей	руководитель учебной части

Примечание: ОП — основной процесс

Таблица 2. Каталог управляющих и поддерживающих процессов

Шифр процесса	Название процесса	Шифр подпроцесса	Подпроцессы	Ответственный за процесс
УП01	стратегическое планирование	–	–	директор
УП02	анализ СМК со стороны высшего руководства	–	–	представитель высшего руководства СМК
ПП01	управление персоналом	–	–	директор
ПП02	управление информационными ресурсами	–	–	заместитель директора 2
ПП03	управление инфраструктурой и производственной средой	–	–	заместитель директора 3
ПП04	материально-техническое обеспечение	–	–	заместитель директора 3
ПП05	управление проектами	–	–	заместитель директора 2

Примечание: ПУ — процесс управления; ПП — поддерживающий процесс

Таблица 3. Оценка подпроцесса основного процесса института «Осуществление оценки качества образования» за 2020–2021 гг.

Наименование процесса	Наименование показателя	Индикатор норматив	Индикатор 2021 год	Индикатор 2020 год
разработка и подготовка оценки качества образования ОП01.02	доля отклонений от сроков выполнения	не более 10%	1%	12%
	доля пошаговых несоответствий разработанной документации	не более 10%	3%	10%
	доля рекламаций в рамках реализации процесса разработки и подготовки оценки качества образования	не более 10%	0%	7%
	доля объектов, прошедших разработку и подготовку оценки качества образования	не менее 80%	95%	81%

быть внутренними и внешними, проводимыми соответственно своими и сторонними органами (независимыми организациями, смежниками, потребителями и заказчиками). При этом одной из важнейших задач внешних оценок может являться сертификация [4, с. 172] .

Итак, сотрудниками на этапе формирования процессов СМК в соответствии с ISO 9001:2000 сделано следующее:

- ♦ разработаны цели, обязательства и задачи в области качества и способы их достижения,
- ♦ определена область применения СМК,
- ♦ проведен анализ сильных и слабых сторон организации (SWOT — анализ и PEST — анализ),
- ♦ выявлены требования заинтересованных сторон,
- ♦ созданы каталоги процессов,
- ♦ разработана система оценки процессов СМК ИРО.

Таблица 4. Оценка подпроцесса основного процесса института «Осуществление оценки качества образования» за 2020–2021 гг.

Наименование процесса	Наименование критерия	Индикатор, норматив	Индикатор, 2021 год	Индикатор, 2020год
осуществление оценки качества образования ОПО1.03	доля несоответствий форм проведения оценки качества образования от установленных требований	не более 10%	3%	15%
	доля отклонений от сроков выполнения оценки	не более 10%	2%	15%
	доля рекламаций в рамках реализации процесса осуществления оценки качества образования	не более 10%	0%	5%
	доля объектов, прошедших оценку качества образования	не менее 80%	95%	81%

Заключение

Качество любой продукции или услуги начинается с изучения потребностей рынка и оценки возможностей данной компании [5, с. 166]. Возможности же организации должны быть сопоставимы с областью применения СМК. Отметим, что процесс предоставления услуг характеризуется неосязаемостью [11, с. 23]. Результат обычно отсроченный и процессы нужно постоянно улучшать. Важно, что менеджмент осознал свою роль в улучшении каждого процесса. [10, с. 23].

Итак, СМК института с выбранной областью применения «Оценка качества образования» позволила повысить долю объектов, прошедших процедуру разработки и осуществления оценки качества образования на 14%, уменьшить долю отклонений от сроков выполнения разработки и осуществления оценки качества на 11% и 13% соответственно, долю пошаговых несоответствий разработанной документации на 7%; долю несоответствий форм проведения оценки на 12%. Поэтому можно резюмировать, что область применения «Оценка качества образования» выбрана верно и позволяет СМК ИРО эффективно управлять процессами учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГОСТ Р ИСО 9001–2015 Системы менеджмента качества. Требования — М.: Стандартинформ, 2015. — 23 с.
2. Белый Е.М., Романова И.Б. Управление качеством: Учебное пособие. — Ульяновск, УлГУ, 2010. — 72 с.
3. Елиферов В.Г. Управление качеством. Сказки, мифы и проза жизни. М.: Вершина, 2006. — 296 с.
4. Мишин В.М. Управление качеством: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации» (061100) / В.М. Мишин — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 463 с.
5. Основы управления качеством: учебное пособие / В.Я. Дмитриев, Т.А. Борисова; под ред. Е.С. Ивлевой; С. — Петерб. ун-т технол. упр. и экон. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. — 185 с.
6. Прохоров Ю.К. Управление качеством: Учебное пособие. — СПб: СПбГУИТМО, 2007. — 144 с.
7. Управление качеством: Краткий курс лекций для студентов 3 курса направления подготовки 38.03.01. Менеджмент /Сост. Коник Н.В.; ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ». — Саратов, 2016. — 68 с.
8. Управление качеством: Учебник для вузов / С.Д. Ильенкова, Н.Д. Ильенкова, В.С. Мхитарян и др.; Под. ред. С.Д. Ильенковой. — 2-е издание, перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. — 334с.
9. Шарипов С.В., Толстова Ю.В. Система менеджмента качества. — СПб.: Питер, 2004. — 192 с: ил. — (Серия «Теория и практика менеджмента»).
10. Deming E. Out of the Crisis: A New Paradigm for Managing People, Systems and Processes. М.: Alpina Publisher, 2012. 419 p.
11. Richard B. Chase Production and Operations Management: Manufacturing and Services. Richard D Irwin, 1995. 853 p.

© Домбровская Марина Анатольевна (marina_domb@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF MODERN STRATEGIES FOR BUSINESS DEVELOPMENT

M. Isaev

Summary. The study is devoted to the study of the content aspects of digitalization as an actual trend that affects the architecture of the economic space and causes changes in the formation of modern business development strategies. Information is structured on the incentives that encourage companies to digitalize, as well as the identification of factors hindering the growth of the spread of digital technologies. Priority tasks for domestic business have been identified in terms of enhancing digitalization processes in the face of unprecedented sanctions pressure and lack of financial resources.

Keywords: digitalization, digital economy, digital technologies, digital economy tools.

Исаев Мурад Гусейнович

*Кандидат эконом. наук, доцент, Дагестанский
государственный университет
ef.dgu@mail.ru*

Аннотация. Исследование посвящено изучению содержательных аспектов цифровизации как актуального тренда, воздействующего на архитектуру экономического пространства и вызывающего изменения в формировании современных стратегий развития бизнеса. Структурирована информация по стимулам, побуждающим компании к цифровизации, а также выявлению факторов, сдерживающих рост распространения цифровых технологий. Обозначены приоритетные задачи для отечественного бизнеса в части активизации процессов цифровизации в условиях беспрецедентного санкционного давления и нехватки финансовых ресурсов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровые технологии, инструменты цифровой экономики.

Введение

Динамично развивающиеся процессы цифровизации представляют собой основной тренд, воздействующий на архитектуру экономического пространства и вызывающий изменения в формировании современных стратегий развития бизнеса. Цифровые технологии вытесняют традиционные способы организации бизнес-процессов, все больше компаний из различных отраслей создают цифровые системы и включаются в сетевые форматы взаимодействия [2, 3, 12].

Исследователи отмечают, что конвергенция значительного числа новых цифровых технологий, таких как большие данные, технологии распределенного реестра, искусственного интеллекта, определения местоположения, виртуальной и дополненной реальности, цифровых двойников, Интернета вещей ведет к появлению и всепроникающему распространению сервисов межмашинного взаимодействия и автоматизации бизнес-процессов [4, 5]. Инновации дополняют друг друга в результате слияния нескольких технологий в физическом мире, виртуальной реальности и социальной сфере [6, 7]. Кроме того, цифровые технологии

обладают функциями мобильности и повсеместного подключения, которые обеспечивают мгновенное взаимодействие и доступ к широкому спектру данных и вычислительных мощностей. Данный функционал также применяется в современных цифровых продуктах и услугах и обеспечивает более широкий охват участников, независимо от их географического положения.

Стремительные процессы цифровизации предоставляют не только дополнительные возможности для реформирования бизнеса и создания новых концептов, адаптированных к применению цифровых сервисов и технологий, они также создают новые вызовы и угрозы, решение которых необходимо в целях обеспечения необходимого уровня конкурентоспособности [8, 9, 11].

Материалы и методы

Проведенное исследование опирается на методы общенаучного познания, а также логический анализ возможностей максимизации конкурентных преимуществ компании посредством цифровизации бизнес-процессов и гибкого, адаптивного реагирования на изменяющиеся условия внешней среды.

Результаты

и обсуждение. Актуальным аспектом внедрения цифровых технологий является оценка уровня их эффективности. В ее основе находится соотношение затрат с результативностью внедрения цифровых сервисов и технологий в организацию бизнес-процессов. В частности, исследование опыта ведущих компаний в сфере финтеха показывает, что снижению затратности в приведении бизнес-процессов к цифровому формату способствует внедрение облачных инфраструктурных решений. В их числе модель SaaS, позволяющая заказчику не оплачивать приобретение и адаптацию программного обеспечения, а брать его в аренду. Таким образом заказчик несет относительно небольшие периодические расходы по использованию программного обеспечения в своей деятельности. К тому же разработчик гарантирует быстрое развертывание софта, его аппаратное обеспечение, релевантное обновление, доступ из любой географической точки, подключенной к интернету. С позиции разработчика применение данной схемы позволяет эффективно бороться с контрафактным использованием программного обеспечения.

Современный бизнес заинтересован в обеспечении быстрой и гибкой ответной реакции на изменение внешних средовых условий, а потому применение цифровых технологий и сервисов позволяет решить многие операционные задачи, актуальнейшей из которых является прогнозирование и оперативное реагирование на потребности рынка. Для экосистем и организаций, работающих в сетевом формате, вопросы адаптивного реагирования осложняются необходимостью принятия решений с учетом разветвленности сети. Разработке управленческих решений способствует внедрение таких инструментов цифровой экономики, как искусственный интеллект и технологии распределенного реестра данных. Применение блокчейна заменяет централизованные базы данных, а также сокращает затраты времени и материальных ресурсов на проведение транзакций. Обработка и хранение больших массивов данных осуществляется с использованием облачных технологий. В настоящее время использование традиционных ИТ-решений в сравнении с облачной инфраструктурой более затратно. Экономия достигается за счет масштаба и внедрения цифровых систем принятия решений (DSS). Цифровые системы принятия решений, как это подтверждается практикой, доказали свою эффективность в управлении бизнесом и принятию оптимальных решений.

В связи с внедрением цифровых технологий в бизнес-процессы остро обозначаются две проблемы, которые волнуют участников рынка — это соблюдение конфиденциальности и упреждение рисков утечки данных.

Для компаний, которые встали на путь использования цифровых технологий, решение этих проблем является приоритетным.

Искусственный интеллект обладает огромным потенциалом, благодаря встроенным возможностям к обучению и адаптации. Его использование сопряжено с новыми рисками по поводу высочайшего уровня автономности технологии в принятии решений, что необходимо учитывать для целей обеспечения кибербезопасности.

Актуальной проблемой является и сохранение конфиденциальной информации об участниках рынка: инвесторам важно сохранять уверенность в использовании и передачи информации только с их разрешения.

Различными экспертными компаниями ведутся исследования по поводу оценки киберутечек. Иностранные аналитические службы обнародовали данные за период с 2016 г. по 2021 г., согласно которым зафиксировано более 241 тысяч инцидентов в мировом киберпространстве. В результате было похищено более 43 млрд. долларов [1].

Утечки цифровых данных в качестве последствий влекут за собой значительный ущерб. По оценкам аналитиков наиболее высокий ущерб от утечек информации зафиксирован в здравоохранении. Он составил порядка 9,2 млн. долл. в 2021 г. Вторую позицию занимает финансовый сектор, где объем ущерба оценен на уровне 5,72 млн. долл. Замыкает тройку фармацевтическая отрасль, где ущерб составил порядка 5 млн. долл. В целом по всем секторам экономики отмечается заметный рост ущерба от влияния киберутечек, выросший в 2021 г. по сравнению с 2020 г. на 10 процентов [1].

В отношении регионального распределения киберутечек в отчете отмечается, что самые дорогие утечки происходили в США (9,05 млн. долл. на каждый случай), затем следуют страны Ближнего Востока (6,9 млн. долл.) и Канада (5,4 млн. долл.).

Эксперты «Ростелеком-Солар», отечественной компании, работающей в сфере обеспечения кибербезопасности, считают, что целевые атаки и троянцы-шифровальщики представляют собой наиболее опасные атаки [10]. В среднем компании сталкиваются с тремя крупными инцидентами в год, а средний ущерб от инцидента составляет от 4 до 6 млн. руб. В свою очередь средняя сумма на восстановление обходится около 2 млн. руб., а длительность пресечения — порядка 4-х дней.

Опрос госслужащих в регионах России показал, что подавляющее большинство воспринимает случайные

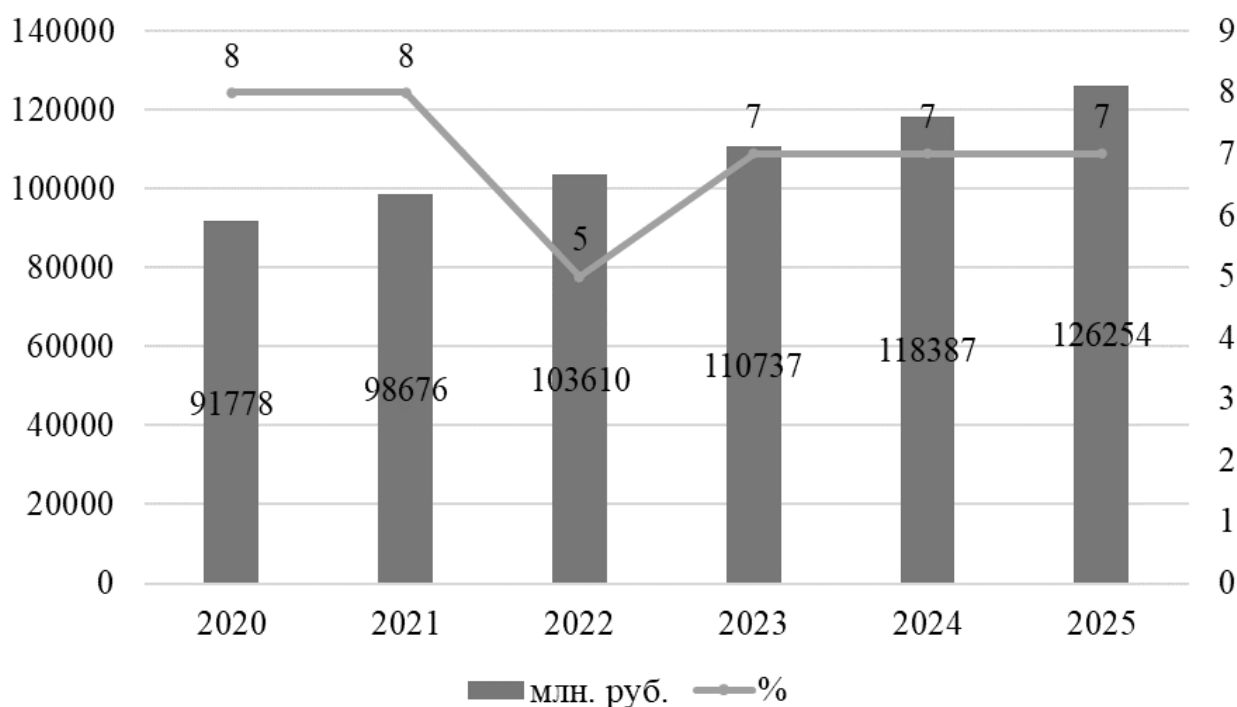

Рис. 1. Динамика затрат конечных пользователей на обеспечение информационной безопасности
Составлено автором по материалам [10]

утечки информационных данных как серьезные риски. А более половины опрошенных полагают, что эти риски представляют более высокую угрозу, нежели умышленная кража цифровых данных.

В отношении финансового сектора в компании «Ростелеком-Солар» считают, что ущерб от утечек данных из банков в России за 2022 год снизился в 10 раз. Максимальный ущерб от утечек информации в финансовом секторе к концу 2022 года составил 1 млн. рублей, тогда как годом ранее показатель достигал 10 млн. рублей. Снижение предельного размера ущерба и одновременный рост экономии от DLP-систем коррелируют с положительной динамикой затрат конечных пользователей на обеспечение информационной безопасности (рис. 1).

Стремительное развитие цифровых технологий и современная сложная внутренняя ситуация в России обозначили проблему нехватки высококлассных отечественных специалистов в ИТ-отрасли. Государство, вводя беспрецедентные меры поддержки ИТ-сектора, пытается оказать компаниям помощь в восполнении дефицита ИТ-специалистов.

Проведенное исследование позволило систематизировать возможные стимулы, побуждающие компа-

нии к цифровизации, а также факторы, сдерживающие рост распространения цифровых технологий (рис. 2).

Рост киберугроз является решающим фактором, стимулирующим распространение цифровых технологий в сфере информационной безопасности. В условиях, когда потенциальные киберугрозы материализуются и становятся реальностью, бизнес вынужден защищаться.

Также среди стимулирующих факторов следует обозначить расширение правового поля, регламентирующего требования к бизнесу по усилению киберзащиты. Ведение российскими компаниями бизнеса в условиях санкционного давления регламентируется со стороны законодателя новыми правовыми актами, призванными усилить защиту в сфере информационной безопасности. К числу наиболее значимых документов следует отнести Указы Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации».

В связи с необходимостью упреждения последствий санкционного давления Правительством Россий-

Рис. 2. Матрица стимулов и ограничителей роста в сфере распространения цифровых технологий

ской Федерации реализуется комплекс мероприятий по поддержке ИТ-компаний: введен мораторий на проведение проверок бизнеса, минимизирована налоговая нагрузка. Кроме того ИТ-специалисты получают значимые льготы, что призвано повысить привлекательность отрасли для молодых профессионалов.

Сдерживающим фактором распространения цифровых технологий, по совершенно объективным причинам, является нехватка финансовых ресурсов. Компании из сегмента среднего и малого предпринимательства кардинально сокращают затраты на киберзащиту. Также среди актуальных задач развития отечественной ИТ-отрасли обозначена нехватка (утечка) молодых специалистов, проблемы доступа к использованию глобальных облачных сервисов из-за санкционных ограничений. Российские же ИТ-решения есть не во всех сегментах, хотя они чаще всего дешевле западных аналогов.

Заключение

Распространение цифровых сервисов и технологий осуществляется чрезвычайно быстрыми темпами и затрагивает все сферы жизнедеятельности общества. Циф-

ровизация открывает для бизнеса новые возможности. Вместе возрастают и угрозы. В частности, расширяется представление о важной роли мероприятий, обеспечивающих безопасность в цифровой среде. Следует обозначить приоритетные задачи для отечественного бизнеса в части активизации процессов цифровизации:

- ♦ внедрение современных моделей управления затратами по эксплуатации программного и аппаратного обеспечения, способствующие их оптимизации;
- ♦ совершенствование технологий по сбору, агрегированию, обработке и хранению больших объемов данных, их;
- ♦ применение комплексных решений для обеспечения кибербезопасности и выстраивания коммуникаций в бизнес-среде;
- ♦ перестройка системы безопасности, диктуемая новыми условиями ведения бизнеса российскими компаниями под санкционным давлением, направленная на замену цифровой инфраструктуры и соблюдение новых требований регуляторов в части обеспечения импортозамещения в ИТ-сфере;
- ♦ подготовка специалистов для ИТ-индустрии и вовлечение их к решению поставленных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. 2021 Cost of a Data Breach Report // IBM Security [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://www.ibm.com/downloads/cas/OJDVQGRY>
2. Брагин Н.И., Колмыкова Т.С., Щербakov А.П. Структурно-инвестиционные преобразования в экономике: монография. — М., 2008.
3. Исаев М.Г., Алиев М.А., Ибрагимов Ю.М. Экономическая сущность и реализация инвестиционной деятельности // Индустриальная экономика. 2021. № 5–12. С. 1113–1118.
4. Колмыкова Т.С. Многоцелевой характер структурно-инвестиционных преобразований экономики // Микроэкономика. 2010. № 1. С. 82–85.
5. Колмыкова Т.С., Артемьев О.Г. Инновационные аспекты формирования и развития высокотехнологичного сектора национальной экономики // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2017. № 1 (58). С. 44–47.
6. Колмыкова Т.С., Клыкова С.В. Роль цифровых финансовых сервисов и технологий в развитии современной архитектуры экономического пространства // Регион: системы, экономика, управление. 2021. № 2 (53). С. 11–17.
7. Колмыкова Т.С., Клыкова С.В., Макаров Н.Ю. «Цифровизация» как новая парадигма социально-экономического развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 5. № 11 (107). С. 5–9.
8. Колмыкова Т.С., Сокур А.В., Махнычева О.В. Сравнительный анализ современных источников финансирования в реализации проектной деятельности в образовательной среде // Управленческий учет. 2022. № 7–1. С. 90–96.
9. Разумовская Е.А., Трофименко Л.А., Соколов А.П. Влияние пандемии COVID-19 на сферу кредитования физических лиц в Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2021. Т. 3. № 2. С. 35–45.
10. Ростелеком-Солар [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://rt-solar.ru/>
11. Ситникова Э.В., Колмыкова Т.С., Астапенко Е.О. Влияние цифровизации на тенденции развития банковской деятельности в регионах России // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 1 (48). С. 71–76.
12. Султанов Г.С., Исаев М.Г. Перспективы развития аудиторско-консалтинговых услуг в условиях глобализации экономики // Экономика и предпринимательство. 2020. № 4 (117). С. 701–705.

© Исаев Мурад Гусейнович (ef.dgu@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ НА ЗДОРОВЬЕ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ

THE IMPACT OF ORGANIC PRODUCTS ON THE HEALTH AND QUALITY OF LIFE OF THE COUNTRY'S POPULATION

*E. Kuznetsova
D. Sokolov*

Summary. The strategic task of the country in the coming years is the intensive development of organic agriculture, which ensures a healthy and high-quality life for every citizen of Russia. The article notes that Russia is the only country in the world that today can organize the production of environmentally friendly and high-quality products without chemical additives. To do this, the country has sufficient natural and industrial resources, a lot of available water resources, high-quality organic and mineral fertilizers. The available material resource should be realized in the production of organic products such as meat, fish, milk and other socially significant food products. The author notes that the production of organic products in the agro-industrial complex faces existing problems in agriculture. To do this, the author suggests optimizing the integrated.

Keywords: organic agriculture, organic products, green economy, environmentally friendly products, natural and productive resources, integrated agricultural production.

Кузнецова Эльвира Георгиевна

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский
государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
Россия (г. Чебоксары)
Elvira.kuz.70@mail.ru*

Соколов Дмитрий Викторович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский
государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
Россия (г. Чебоксары)
sokolov77@inbox.ru*

Аннотация. Стратегической задачей страны в ближайшие годы является интенсивное развитие органического сельского хозяйства, обеспечивающего здоровую и качественную жизнь каждому гражданину России. В статье отмечается, что Россия является единственной страной в мире, которая сегодня может организовать производство экологически чистой и качественной продукции без химических добавок. Для этого в стране в достаточном количестве имеются природные и производственные ресурсы, множество доступных водных ресурсов, качественных органических и минеральных удобрений. Имеющийся материальный ресурс должен быть реализован при производстве таких органических продуктов как мяса, рыбы, молока и других социально-значимых продовольственных продуктов. Автор отмечает, что производство органической продукции в АПК сталкивается с существующими проблемами в сельском хозяйстве. Для этого автор предлагает оптимизировать интегрированное аграрное производство.

Ключевые слова: органическое сельское хозяйство, органическая продукция, зеленая экономика, экологически чистая продукция, природные и производственные ресурсы, интегрированное аграрное производство.

Мировой тренд на здоровый и качественный образ жизни все больше набирает свою популярность. В этом большую роль играет экологически чистая продукция называемая органической. В последние годы россияне стали осознанно относиться к своему питанию, а интерес к органическим продуктам постоянно растет. Поэтому многие потребители в современном мире проявляют большой интерес к продуктам, выращенными фермерскими хозяйствами (КФХ) и личными подсобными хозяйствами (ЛПХ), где продукция не подвергается химическим и другим видам обработки. Данная продукция является экологически чистой и потребление ее становится частью здорового образа жизни. При выборе продуктов питания, в первую очередь, покупатели обращают внимание на состав, его натуральность и качество. Доступность цены, узнаваемость бренда и вкусовые характеристики

продукта являются самыми важными факторами спроса. Следовательно, происходит смена приоритетов — здоровый образ жизни становится неотъемлемой частью жизни большинства населения. Основой здорового питания являются продукция фермерских и личных подсобных хозяйств, которая имеет преимущества над продукцией крупных производителей по качеству и натуральности. Местная продукция более экологичная, натуральная, качественная, чем импортная. И ее транспортировка занимает меньше времени, не нужно обрабатывать консервантами для продления срока годности.

В соответствии с определением «Международного объединения органиков» органическая продукция — это продукция, производимая по органическим стандартам. В ней отсутствуют пестициды, агрохимикаты,

синтетические минеральные удобрения, искусственные пищевые добавки, антибиотики, загустители и усилители вкуса.

Следует отметить, что интерес к органической продукции возник 100 лет назад. В мире первые опыты по производству органики проводились в европейских странах. Организация данного производства стала альтернативной системой сельскохозяйственного производства в России в 2000-х годах. С 2010 г. отношение к органике с точки зрения влияния питания на человека, стало меняться и наибольший стимул ее развития получил в 2020 г. В настоящее время на долю отечественных производителей приходится всего 0,2% мирового рынка и 20% внутреннего, хотя Россия владеет самыми огромными ресурсами для организации производства органической продукции. В 2021 г. рост продаж органики вырос на 13–15%. Тормозом в развитии производства органической продукции и в целом органического сельского хозяйства является отсутствие государственной стратегии по развитию органического сельского хозяйства.

Россия — единственная страна в мире, которая может быстро нарастить производство экологически чистой и качественной органической продовольственной продукции, свободной от ядохимикатов, некачественных удобрений и ГМО. В этом направлении у России с ее обширной географией и огромным количеством природных и производственных ресурсов имеется значительный потенциал. Он должен быть реализован в интересах повышения качества жизни как городских, так и сельских жителей. Поэтому перед АПК страны стоит задача наращивать поставки экологически чистой и качественной продукции как на внутреннем, так и на мировых рынках массовых продуктов потребления — таких как зерно, мясо, молоко и др. продовольственные продукты. Для этого в стране имеется соответствующий потенциал: более 10 млн. га незадействованных земель, множество доступных водных ресурсов, миллионы тонн качественных органических и минеральных удобрений.

При этом разница в цене между обычной и органической продукцией в 2013–2014 гг. составляла 2–3 раза, а в настоящее время по большинству позиций от 25 до 60% и ее производство работает на уровне себестоимости [1]. Снижение цены на органику во многом определяется государственной поддержкой. По данным Минсельхоза, на начало 2022 г. в России насчитывалось 105 компаний производителей органической продукции [3]. В ближайшие годы активными участниками рынка органики могут стать компании, которые находятся на этапе перехода от индустриального сельского хозяйства к органическому.

По итогам 2022 г. объем мирового рынка органики составил более 140 млрд. долл. США. Доля стран ЕС на мировом рынке органической продукции составляет 35%, США — 50%, Китая — 10%, России — 0,2%. По оценкам, в 2025 г. мировой рынок органики может вырасти до 225 млрд. евро. К началу 2023 г. объем рынка органической продукции в России составил более 14 млрд. руб., против 10–12 млрд. руб. в 2021 г. [3].

В общем объеме мирового продовольственного рынка доля рынка органической продукции не превышает 5–6%. В странах Швейцарии, Дании, Австрии данный показатель составляет около 10%. По количеству потребляемой органической продукции на душу населения лидируют Дания и Швейцария, затраты на душу которых составляют около 400 долл. США в год.

Согласно исследованию Россельхозбанка к 2025 г. каждый десятый россиянин будет потреблять органическую продукцию. В этих целях для продвижения идеологии потребления органической продукции и содействия развитию органического сельского хозяйства в стране, а также поддержки российских производителей органической продукции Россельхозбанком создан фонд «Органика». Фонд сконцентрирован на всестороннем развитии органической продукции и на ее экспорте. Важной задачей фонда является популяризация органической продукции среди населения страны. Поэтому фонд будет поддерживать не только Россельхозбанком, но и рядом заинтересованных компаний, международных организаций, меценатов и учебных заведений. К 2025 г. объем рынка органической продукции в России может достичь 5 млрд. евро., а в будущем может составить 10% мирового рынка [3]. Таким образом, работа фонда «Органика» позволит реализовать имеющийся потенциал природных ресурсов России и вывести потребление органической продукции в стране на новый уровень.

Показательным примером производства органической продукции является опыт работы крестьянского (фермерского) хозяйства России — экоферма «Коновалово» Шаховского района Московской области. Территория экофермы составляет 2 га. Имеется огород, сад, пасека и летние теплицы. Питаясь экологически чистыми кормами с лугов, животные не получают ни гормональных, ни вредных лекарственных препаратов. Помещения, где содержатся животные, не подвергаются воздействию дезинфицирующих веществ, не используются для животных химические добавки. Под строгим контролем находятся консерванты, усилители вкуса, ароматизаторы, красители и эмульгаторы [2].

При выращивании огурцов и помидоров на экоферме противопоказано использование пестицидов и азотистых химикатов.

Учитывая большой спрос москвичей на качественную (натуральную) органическую продукцию, организована служба доставки свежей экопродукции людям, проживающим в коттеджных поселках на Рублевском, Новорижском и Волоколамском направлениях. Ассортимент продукции насчитывает 62 наименования.

Перед производителями органической продукции в России стоит непростая задача по поиску компромисса в борьбе за качества и объем урожая сельхозкультур. При этом приходится снижать пестицидную нагрузку и негативное воздействие на экологию. Поэтому необходимо уделять особое внимание разработке и применению органоминеральных удобрений, сочетающих в себе уникальные комбинации природных органических веществ, влияющих на обмен веществ в растениях и на процессы их роста в естественной форме, не нарушая экологического равновесия.

Одной из задач, стоящих перед органическим сельским хозяйством России является формирование бездефицитного баланса органических веществ в почве, которого можно добиться путем разложения растительных остатков в почве. Следовательно, регулируя процесс разложения растительных остатков различными средствами и технологиями, можно управлять поступлением питательных веществ в растения и повышением плодородия почв, необходимого для производства органической продукции.

По поручению Президента страны в настоящее время в АПК подготовлены документы, устанавливающие правовые основы создания российского бренда сельхозпродукции с улучшенными характеристиками и не содержащие ГМО. Эта группа сельхозпродукции называется «зеленая продукция». Она отличается от органической продукции тем, что при ее производстве допускается применение пестицидов, кормовых добавок и ветеринарных препаратов, но в минимальных количествах и под жестким контролем правоустанавливающих документов. «Зеленая экономика» является главной особенностью нынешнего десятилетия. Это новое направление в экономической науке и практике, которое призвано сводить воедино вопросы экологического, экономического и социального развития. При этом для ее характеристики вводятся такие понятия как «улучшенная сельхозпродукция», «улучшенное сырье» и «улучшенное продовольствие». Предложено регламентировать все стадии их движения: производство, хранение, транспортировка, маркировка (сертификация) и реализация. Эти меры направлены на повышение конкурентоспособности российского экспорта и на потребление здоровой продукции внутри страны. Одновременно предусмотрены меры поддержки производителей «зеленой продукции», а также на под-

держку могут рассчитывать и производители пестицидов и агрохимиков.

В России с 1 января 2020 вступил в силу федеральный закон «Об органической продукции», предполагаемый сертификацию и маркировку органической продукции, и предусматривающий безопасность сельхозпродукции. Аграрная отрасль России увеличивает ежегодно объемы производства органической продукции, как для внутреннего потребления, так и для экспортных поставок. Объем поставок органической продукции в страны Европы составляет около 15 млн. евро в год. Наиболее востребованы российская органическая пшеница, горох, соя, гречиха, лен. В России только 0,3% пашни используется для производства «органики». В ЕС данный показатель составляет около 10%. Экспорт России органики в США составляет около 40 млн. долл. США. В основном это поставки сои и кормовых культур. По итогам 2021 г. Россия заняла 24-е место среди поставщиков органической продукции.

Улучшение ситуации производства органической продукции в отрасли растениеводства возможно с помощью цифровых технологий, что позволит провести быструю диагностику болезней сельскохозяйственных культур, проследить за правильным внесением минеральных удобрений.

В животноводстве наиболее перспективным направлением для производства органической продукции являются инновационные подходы, позволяющие сохранить продуктивность молочного скота за счет улучшения содержания и кормления скота, сокращения доли вредных животноводческих отходов.

Потенциал развития производства органической продукции в России связан с Арктической зоной, где активно развивается отрасль дикоросов. Так, в 2021 г. ее доля в закупке ягод у населения составила 82% от общего объема по России, а грибов — 44%. На данной территории находятся около 44% перерабатывающих мощностей по ягодам и 77% — по грибам. В настоящее время в России производится около 30 тыс. т пищевой продукции с использованием дикоросов. Поэтому Минсельхоз России продолжит активную деятельность по совершенствованию механизмов, направленных на стимулирование сбыта и переработку дикоросов в качестве органической продукции.

Таким образом, перспективной формой развития производства органической продукции является индустрия дикорастущих культур: сбор и переработка грибов, ягод, лечебных трав, что может послужить мощным толчком для развития здоровой и качественной жизни людей, создания новых рабочих мест и обеспечения

притока инвестиций в производство органической продукции.

В современных условиях на первых позициях по объемам в органическом производстве в РФ находится молочная продукция, далее — детское питание и мясное производство.

Основной проблемой в развитии производства органической продукции является отсутствие инфраструктурных элементов. Например, по производству семян, биодобриям, биопрепаратам Россия зависит от зарубежных поставщиков. В отношении мер господдержки производитель органической продукции находится в неравных условиях с производителями сельхозпродукции. Например, для перехода на производство органической продукции необходим конверсионный период, в течение которого хозяйство перестраивает свои технологии и несет естественные потери. Производители органики не получают дотации на закупку биодобриений. Поэтому необходимы меры господдержки по продвижению отечественной органической продукции.

Однако следует учесть, что с введением органического сельского хозяйства в АПК страны, возникает необходимость решения существующих проблем в сельском хозяйстве. Это дефицит семян и саженцев сельхозкультур, проблемы увеличения затрат на производство органической продукции из-за растущего

потребления сырья, отказ от технических инноваций, большие затраты аграриев на выращивание сельхозкультур как следствие высоких цен на органическую продукцию. Для реализации данных проблем необходимо организовать оптимизированное интегрированное аграрное производство, что заключается в ужесточении правил по внесению удобрений и обработки культур пестицидами при обязательном соблюдении севооборотов.

Таким образом, рассмотренные проблемы организации производства органической продукции являются ключевыми в решении задач по обеспечению российских граждан новым качеством жизни. Потенциал сферы органической продукции базируется на трех ключевых направлениях:

- ◆ комплексное развитие сельских территорий;
- ◆ вовлечение в оборот сельскохозяйственных земель;
- ◆ регулирование рынка продовольствия с улучшенными характеристиками.

В настоящее время Минсельхоз России формирует стратегию развития органического производства как внутри страны, так и для экспорта. Производство органической продукции призвано решать вопросы, связанные со здоровьем и качеством жизни людей, с экологией, с благополучием населения, а главное — со здоровьем будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова В.А., Иванова Т.В., Чердакова М.П. Развитие мирового и национального рынка продукции органического сельского хозяйства / В.А. Архипова, Т.В. Иванова, М.П. Чердакова. — Текст: непосредственный // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 4–2. С. 346–349.
2. Кузнецова, Э.Г. Современное состояние и перспективы роста качества жизни на селе / Э.Г. Кузнецова. — Текст: непосредственный // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: науч. — практ. журн. Сер., Экономика и право*, 2021. № 4. С. 43–47.
3. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации: официальный сайт — 2023. — URL: <http://mcx.ru/contacts> (дата обращения: 21.01.2023 г.). — Текст: электронный.

© Кузнецова Эльвира Георгиевна (elvira.kuz.70@mail.ru), Соколов Дмитрий Викторович (sokolov77@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЗАРУБЕЖНЫХ КОМПАНИЙ ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ

ANALYSIS OF THE FINANCIAL STATE AND INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF FOREIGN COMPANIES IN THE TRANSPORT INDUSTRY

**L. Maleshina
I. Shatskaya**

Summary. The issue of investment attractiveness is relevant for representatives of the transport industry, since the COVID-19 pandemic has revealed the need for digitalization, which is associated with high financial costs. Since a unified methodology for assessing investment attractiveness has not yet been developed, the authors studied the possibility of using various financial indicators and ratios. It is shown that a comparative analysis with similar representatives of the same industry in dynamics makes it possible to judge the attractiveness of investing in a particular company. As a starting point for identifying successful and promising companies, the indicator “market capitalization” was chosen. The study determined the dynamics of market capitalization, investment multipliers and liquidity ratios of companies in the transport industry from 2018 to 2022. This five-year interval includes a period of instability in the global market, which made it possible to determine how this situation actually affected economic performance, as well as to understand whether it created any financial problems for the companies selected for analysis.

Keywords: investment attractiveness, market cap, financial ratios, investment multipliers, liquidity.

Малёшина Людмила Михайловна

Кандидат технических наук, доцент, Российский университет транспорта (МИИТ), Москва
docentglm@gmail.com

Шатская Ирина Ивановна

Кандидат экономических наук, доцент, Российский университет транспорта (МИИТ), Москва
irina_shatskaya@mail.ru

Аннотация. Вопрос инвестиционной привлекательности является актуальным для представителей транспортной отрасли, так как пандемия COVID-19 выявила необходимость в цифровизации, что сопряжено с большими финансовыми затратами. Так как в настоящее время не выработана единая методология оценки инвестиционной привлекательности, авторы изучили возможность применения различных финансовых показателей и коэффициентов. Показано, что сравнительный анализ с аналогичными представителями одной отрасли в динамике позволяет судить о привлекательности инвестирования в ту или иную компанию. В качестве отправной точки для выявления успешных и перспективных компаний выбран показатель «рыночная капитализация». В ходе исследования определена динамика рыночной капитализации, инвестиционных мультипликаторов и коэффициентов ликвидности компаний транспортной отрасли с 2018 по 2022 год. Данный пятилетний интервал включает период нестабильности на мировом рынке, что позволило определить как данная ситуация фактически повлияла на экономические показатели, а также понять, создала ли она какие-либо финансовые проблемы для компаний, выбранных для анализа.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, рыночная капитализация, финансовые коэффициенты, инвестиционные мультипликаторы, ликвидность.

Введение

Инвестирование, в широком смысле, заключается во вложении денежных средств в компанию (проект) с целью получения положительной отдачи, т.е. прибыли, которая будет превышать сумму первоначальных инвестиций. Инвесторы, вкладывая свой капитал в широкий спектр инвестиционных инструментов, таких как акции, облигации, биржевые фонды, фьючерсы, иностранную валюту, золото, недвижимость и пр., балансируют между управлением риском и доходностью. Базовые инвестиции, такие как депозитные сертификаты характеризуются наименьшей

степенью риска, ценные бумаги с фиксированным доходом (облигации) выше по степени риска, а долевыми ценными бумагами (акции) считаются наиболее рискованным приобретением.

Инвестиционная привлекательность является одной из ключевых характеристик, которая обуславливает привлечение компаниями инвестиций. Проанализировав различные трактовки, определим понятие «инвестиционная привлекательность» как «оценка эффективности использования собственного и заемного капитала, анализ платежеспособности и ликвидности» [1].

Вопрос инвестиционной привлекательности является актуальным для многих компаний транспортной отрасли ввиду необходимости их адаптации к цифровизации в высококонкурентной среде [2], наличия инвестиционных проектов, направленных на развитие и создание объектов транспортной инфраструктуры, сопряженных с высокими затратами.

«В настоящее время нет единой методологии анализа инвестиционной привлекательности. Используемые методы основаны на применении различных индикаторов состояния и динамики развития деятельности компании, инструментов для их анализа и интерпретации результатов» [3].

Материал и методы исследования. Материалами для осуществления исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных авторов в области инвестиций, оценки инвестиционной привлекательности и финансового анализа компаний. В качестве информационной базы использованы открытые данные крупнейших транспортных компаний, представленные на сайте CompaniesMarketCap.com, акции которых доступны в свободном доступе на фондовом рынке, а также бухгалтерская годовая отчетность компаний за 2018–2021 годы.

Результаты исследования и их обсуждение

Рыночная капитализация (market capitalisation, market cap) является важным показателем для определения инвестиционной привлекательности компаний. В большинстве случаев её определяют умножением цены акций на их количество в обращении [4]. Рыночная капитализация используется в качестве основы для анализа, поскольку все другие финансовые показатели должны рассматриваться через её призму. С помощью рыночной капитализации можно оценить масштаб бизнеса и сравнить компании между собой. Например, если компания имеет в 2 раза больше дохода, чем любая другая в отрасли, но при этом её рыночная капитализация в 4 раза больше, то можно утверждать, что компания работает неэффективно.

На сайте CompaniesMarketCap.com можно получить ежедневно обновляемый список крупнейших мировых компаний по рыночной капитализации. В рейтинг включены только публичные компании, акции которых доступны в свободном доступе на фондовом рынке [5].

С помощью данных CompaniesMarketCap.com авторы определили лидеров по рыночной капитализации на 31 декабря 2022 г. в категории транспортные компании:

1. United Parcel Service — \$150,35 млрд. (–19,3%), цена акции: \$173,8 (–18,1%);
2. Union Pacific Corporation — \$127,30 млрд. (–21,4%), цена акции: \$207,1 (–15,7%);
3. Canadian National Railway — \$80,58 млрд. (–5,6%), цена акции: \$118,9 (–2,3%);
4. Canadian Pacific Railway — \$69,37 млрд. (4,6%), цена акции: \$74,6 (4,6%);
5. CSX Corporation — \$65,13 млрд. (–21,9%), цена акции: \$31,0 (–15,8%);
6. Uber Technologies — \$49,32 млрд. (–39,4%), цена акции: \$24,7 (–43,7%);
7. FedEx — \$43,71 млрд. (–36,2%), цена акции: \$173,2 (–31,8%);
8. Kinder Morgan — \$43,63 млрд. (13,0%), цена акции: \$18,1 (16,0%);
9. Maersk — \$40,00 млрд. (–37,7%), цена акции: \$2262,2 (–33,0%);
10. TC Energy — \$39,85 млрд. (–12,0%), цена акции: \$39,9 (–15,3%).

Так как рыночная капитализация демонстрирует размер компании, то она является важным инструментом для финансовой аналитики, особенно при сравнении компаний. Сорок первых транспортных компаний из списка CompaniesMarketCap.com, содержащего 189 позиций, являются компаниями с большой рыночной капитализацией (более \$10 млрд.). Инвестирование в них является более безопасным, так как компании являются крупными игроками с длительной историей, но при этом оно не обязательно принесет огромную прибыль за короткий период времени. В долгосрочной же перспективе инвесторы могут быть вознаграждены последовательным увеличением стоимости акций и дивидендными выплатами.

Шестьдесят пять транспортных компаний, например, пассажирская авиакомпания Индии InterGlobe Aviation и южнокорейская компания по контейнерным перевозкам и судоходству HMM, имеют среднюю капитализацию (от \$2 млрд. до \$10 млрд.). Инвестирование в них характеризуется как более высокими рисками, так и большей привлекательностью из-за потенциально-го роста компаний.

Малую капитализацию (от \$300 млн. до \$2 млрд.) имеют шестьдесят транспортных компаний, например, корпорация Греции и Маршалловых островов владельцев и поставщиков чартерных контейнерных судов Costamare. При инвестировании нужно учитывать, что компании с меньшими ресурсами более чувствительны к замедлению экономического роста. Цены на акции компаний с малой капитализацией, как правило, более волатильны и менее ликвидны, чем более зрелые и крупные компании. В то же время небольшие компа-

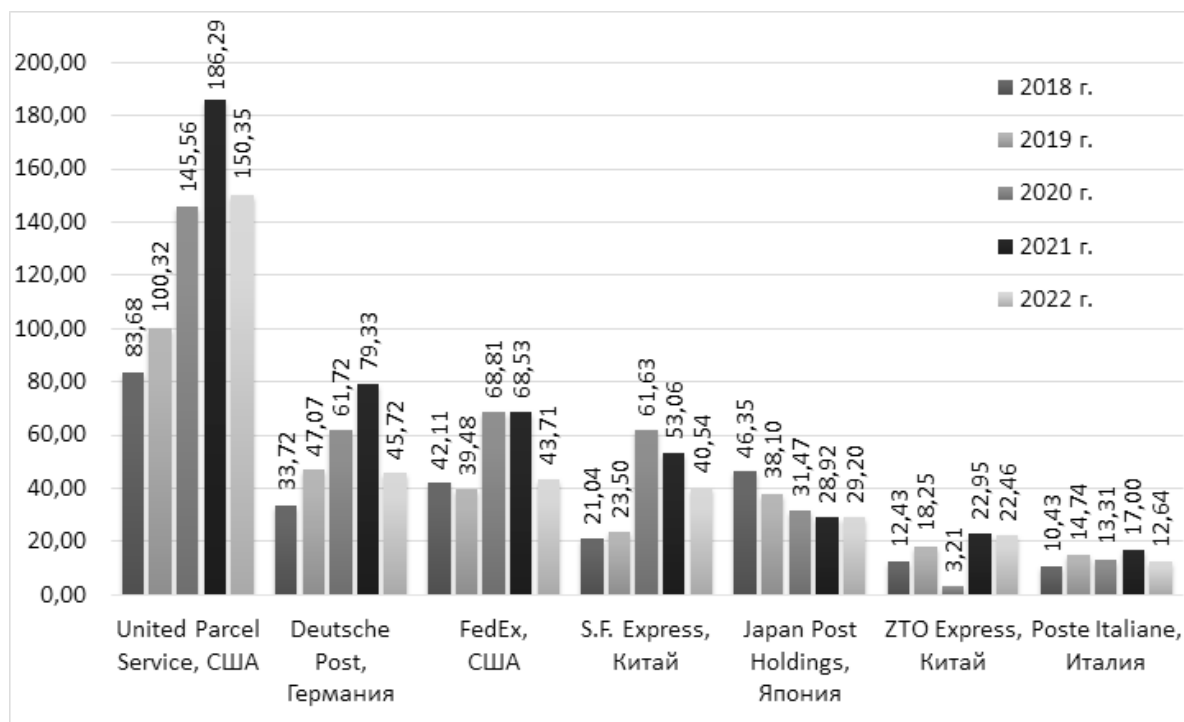

Рис. 1. Крупнейшие компании экспресс-доставки по рыночной капитализации, млрд. долл. США

нии часто предоставляют большие возможности для роста, чем крупные компании.

Для будущих инвесторов полезно сравнить близкие по деятельности компании по показателю рыночной капитализации, особенно в динамике, например в интервале 3–5 лет. Тогда market cap позволит определить тенденцию развития компании и предсказатель доходность на следующий период.

Так как первое место в представленном выше рейтинге транспортных публичных компаний мира занимает американская компания, специализирующаяся на экспресс-доставке посылок и документов по всему миру, а также логистике — United Parcel Service, то остановимся на сравнении только курьерских компаний. При этом рассмотрим динамику рыночной капитализации за пятилетний интервал с 2018 по 2022 годы, который включает период нестабильности на мировом рынке, вызванный введением строгих ограничительных мер для сдерживания распространения COVID-19. Таким образом можно определить как данная ситуация фактически повлияла на экономические показатели, а также понять, создала ли она какие-либо финансовые проблемы для компаний, выбранных для анализа.

На основании динамики, представленной на рис. 1, видно резкое увеличение в 2020 г. показателя рыночной капитализации у первых четырех компаний. Эконо-

мический кризис, вызванный COVID-19, внес свои коррективы в финансовый план компаний [6].

На фоне затянувшейся пандемии компании Japan Post Holdings (–17,4%), ZTO Express (–82,4%) и Poste Italiane (–9,7%) в 2020 г. показали отрицательную динамику рыночной капитализации (рис. 1). Особенно остро возникшие проблемы почувствовала на себе китайская частная логистическая компания ZTO Express, входящая в «большую пятёрку» компаний экспресс-доставки страны, которой пришлось закрыть огромные территории. Реальной проблемой для ZTO Express было снижение цен ($\approx 20\%$ за посылку) из-за конкурентного давления, но не объема перевозок (+5% в годовом исчислении).

Возросший в 2020 г. спрос потребовал от компаний экспресс-доставки инвестировать в мощности и эффективность производства, ориентируясь на высококонкурентную среду. Пандемия COVID-19 решительно подчеркнула настоятельную необходимость адаптации к цифровизации, но в то же время подтвердила важность физической сети почтовых отделений и системы доставки. Надежная бизнес-структура должна сочетать как реальное, так и виртуальное.

Для эффективного инвестирования недостаточно выбрать компанию с самой высокой рыночной капитализацией, необходимо провести сравнительный

Таблица 1. Мультипликаторы компаний экспресс-доставки, 2022 г.

	Название компании	P/E, \$	P/S, \$	EPS, \$	Прибыль, млрд. \$
1	United Parcel Service	14,20	1,39	12,81	14,3
2	Deutsche Post	9,48	0,37	4,50	9,5
3	FedEx	14,70	0,50	12,73	4,9
4	S.F. Express	101,18	0,79	0,09	1,9
5	Japan Post Holdings	6,94	0,28	1,09	5,7
6	ZTO Express	26,68	3,73	1,08	1,2
7	Poste Italiane	6,88	0,30	1,53	2,72

финансовый анализ её деятельности и аналогичных компаний (конкурентов) в динамике. Финансовые коэффициенты (мультипликаторы, платежеспособности, ликвидности и рентабельности) имеют большое значение как для индивидуальных инвесторов, так и профессиональных аналитиков, так как могут обеспечить всестороннее представление о компании с разных сторон и помочь определить потенциальные риски [7].

Мультипликативный подход представляет собой сравнительный анализ, который направлен на оценку аналогичных компаний с использованием одних и тех же стандартизированных финансовых показателей, таких как:

$$P/E = \text{Market cap} / \text{Earnings},$$

$$P/S = \text{Market cap} / \text{Revenue},$$

$$EPS = \text{Earnings} / \text{Average Outstanding Shares},$$

где *Market cap* — рыночная капитализация компании; *Earnings* — годовая прибыль; *Revenue* — годовая выручка; *Average Outstanding Shares* — количество простых акций в обращении.

В табл. 1 представлены значения мультипликаторов за 2022 г. семи первых курьерских компаний рейтинга сайта CompaniesMarketCap.com.

Так как удобно сравнивать представителей одной отрасли с примерно одинаковой прибылью, то были выбраны следующие две пары компаний (табл. 1):

- ◆ FedEx (США) и Japan Post Holdings (Япония). Компания Japan Post Holdings является более привлекательной для инвестирования, так как она недооценена и стоит ниже своей справедливой стоимости. Приобретая акции с низким *P/E*, инвесторы могут рассчитывать на то, что в долгосрочной перспективе рыночная стоимость акций будет стремиться к своей справедливой стоимости. В итоге котировки акций вырастут, как и сам *P/E*. Коэффициент *P/S* помогает определить,

за сколько лет окупятся инвестиции в акции. Значение *P/S* компании Japan Post Holdings менее 1, что также говорит о недооцененности её акций. Показатель *EPS* (*Earning Per Share*) однозначно указывает на то, есть ли прибыль и сколько конкретно заработал акционер за одну акцию. Но для того, чтобы сравнивать компании между собой, *EPS* не подходит;

- ◆ S.F. Express (Китай) и ZTO Express (Китай). Обе компании переоценены рынком, так как их коэффициенты *P/E* более 20. Значение *P/S* компания ZTO Express более 2, что также говорит о переоценке рынком её акций.

Оценка платежеспособности компании осуществляется на основе характеристики ликвидности текущих активов (времени, необходимого для превращения их в денежную наличность). Понятия платежеспособности и ликвидности очень близки, но второе более емкое. Так как от степени ликвидности зависит платежеспособность, и она характеризует не только текущее состояние расчетов, но и перспективу, то авторы для оценки инвестиционной привлекательности остановились на расчете 3-х основных коэффициентов ликвидности [7].

Коэффициент текущей ликвидности:

$$\text{Current Ratio} = \text{Current Assets} / \text{Current Liabilities},$$

где *Current Assets* — текущие активы; *Current Liabilities* — текущие обязательства.

Значение коэффициента *Current Ratio* ниже 1,00 является угрозой финансовых рисков, связанных с неспособностью компании оплачивать текущие счета. Мировая практика признает нормальным значение от 1,0 до 2,0 в зависимости от отрасли и отличается в разных странах.

Коэффициент быстрой (срочной) ликвидности:

$$\text{Quick Ratio} = \text{Quick Assets} / \text{Current Liabilities},$$

Таблица 2. Динамика коэффициентов ликвидности курьерских компаний, 2018–2021 гг.

Название коэффициента	2018	2019	2020	2021	Нормативное значение
United Parcel Service (UPS), США					
Current Ratio	1,2	1,1	1,2	1,4	1,0–2,0
Quick Ratio	1,1	1,0	1,0	1,3	> 1,0
Absolute liquidity ratio	0,4	0,4	0,4	0,6	> 0,2
Deutsche Post (DPW.DE), Германия					
Current Ratio	1,0	0,9	1,1	1,1	1,0–2,0
Quick Ratio	0,6	0,6	0,7	0,8	> 1,0
Absolute liquidity ratio	0,1	0,1	0,2	0,2	> 0,2
FedEx (FDX), США					
Current Ratio	1,5	1,6	1,5	1,4	1,0–2,0
Quick Ratio	1,3	1,4	1,4	1,3	> 1,0
Absolute liquidity ratio	0,3	0,5	0,5	0,5	> 0,2
ZTO Express (Cayman) Inc., Китай					
Current Ratio	4,1	3,0	2,4	1,4	1,0–2,0
Quick Ratio	1,1	1,0	1,7	0,9	> 1,0
Absolute liquidity ratio	0,9	0,8	1,5	0,7	> 0,2

где *Quick Assets* — быстрые активы, образованные как сумма краткосрочной дебиторской задолженности, краткосрочных финансовых вложений и денежных средств.

Чем выше показатель *Quick Ratio*, тем лучше платежеспособность компании, создавая возможности для привлечения дополнительных сумм за счет кредитов и инвестиций. Нормальным считается значение коэффициента более 0,8 (некоторые аналитики считают оптимальным интервал 0,7–1,0), что означает, что денежные средства и предстоящие поступления от текущей деятельности должны покрывать текущие долги компании.

Коэффициент абсолютной ликвидности:

$$Absolute\ liquidity\ ratio = \frac{Absolute\ liquidity\ assets}{Current\ Liabilities},$$

где *Absolute liquidity assets* — абсолютно ликвидные активы, включающие краткосрочные финансовые вложения и денежные средства.

В отличие от текущей и срочной ликвидности показатель *Absolute liquidity ratio* не нашел широкого распространения на западе. Причиной его расчета является исключение дебиторской задолженности из списка ликвидных активов, поскольку могут возникнуть некоторые сомнения в ее быстром взыскании. В связи с этим, лакмусовой бумажкой текущей платежеспособности может служить коэффициент *Absolute liquidity ratio*, который должен быть более 0,2.

В табл. 2 представлена динамика коэффициентов ликвидности, рассчитанных для четырех курьерских компаний. В анализ были включены три лидера по рыночной капитализации, успешно справившиеся с экономическими вызовами 2020 года, а также компания ZTO Express, показавшая отрицательную динамику показателя market cap (рис. 1). Для оценки ликвидности компаний были использованы данные бухгалтерского баланса за 2018–2021 годы.

С учетом динамики коэффициента *Quick Ratio* (табл. 2) и его значения более 1,0 по итогам 2021 г. можно сделать вывод, что американские компании United Parcel Service и FedEx находятся в хорошем положении для покрытия своих текущих обязательств, поскольку их ликвидные активы больше, чем общая сумма краткосрочных долговых обязательств. При этом коэффициент *Current Ratio* хотя и укладывается в нормативные значения, но меньше, чем медиана текущей ликвидности (1,94) публичных компаний, зарегистрированных в США, в 2020 г.

Данные табл. 2 свидетельствуют, что компании Deutsche Post и ZTO Express могут быть не в состоянии погасить свои текущие обязательства, используя только быстрые активы. Но тенденция для Deutsche Post положительная, что может указывать на более быстрый оборот капитала или на то, что компания смогла погасить долг. Динамика ликвидности компании ZTO Express отрицательная, что может указывать на повышенный операционный риск и вероятное снижение стоимости компании. Последний вывод коррелирует с данными о рыночной капитализации компании (рис. 1). При этом значение коэффициента *Current Ratio* в 2018 г.

было высоким (более 3,00), что указывает на то, что ZTO Express не использовала свои текущие активы эффективно, должным образом не управляла своим оборотным капиталом.

Заключение

Инвестиционная привлекательность компаний представляет собой совокупность различных объективных и субъективных экономических признаков, оценка которых значима не только для инвесторов, но и для руководителей. Инвестирование в его нынешнем виде уходит своими корнями в XVII–XVIII века, когда были основаны первые публичные рынки акций, которые связали потенциальных инвесторов с инвестиционными возможностями. Но несмотря на более чем четырёхсотлетнюю историю в настоящее время не выработана единая методология оценки инвестиционной привлекательности компаний.

Изучив основные финансовые показатели и коэффициенты, которые помогают в оценке эффективности компаний, авторы пришли к выводу, что именно сравнительный анализ с аналогичными представителями одной отрасли (конкурентами) в динамике за 3–5 лет позволяет судить о привлекательности инвестирования в ту или иную компанию.

Хотя единого показателя, определяющего инвестиционную привлекательность компании, не существует, значение рыночной капитализации является хорошей отправной точкой для выявления успешных, с экономической точки зрения, и перспективных для инвестирования компаний. Как только найдена интересующая компания, необходимо определить на основе её бухгалтерского баланса основные финансовые коэффициенты (мультипликаторы, платежеспособности, ликвидности и пр.), которые помогут определить потенциальные риски для инвестора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернышова Л.И. Оценка инвестиционной привлекательности транспортного предприятия // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. — № 11–1. — С. 170–175.
2. Малёшина Л.М., Шатская И.И. Транспортно-логистическая отрасль: основные вызовы и тенденции цифрового развития // Транспортное право и безопасность. — 2022. — № 4 (44). — С. 161–169. — EDN IXDSVU.
3. Подсорин В.А., Аникина К.В. Современные подходы к оценке инвестиционной привлекательности транспортных компаний // Транспортное дело России. 2019. — № 2. — С. 3–5.
4. Pavone P. Market capitalization and financial variables: Evidence from Italian listed companies, *International Journal of Academic Research Business and Social Sciences*. 2019. — 9 (3). — P. 1356–1371.
5. Alshubiri F. The stock market capitalisation and financial growth nexus: an empirical study of western European countries. *Futur Bus J*. 2021. — 7 (46). — <https://doi.org/10.1186/s43093-021-00092-7>.
6. Song H., Yang Y., Tao Z. How different types of financial service providers support small- and medium- enterprises under the impact of COVID-19 pandemic: from the perspective of expectancy theory. *Frontiers of Business Research in China*. 2020. — 14 (27). — <https://doi.org/10.1186/s11782-020-00095-1>.
7. Farfan K.B., Barriga G., Lizarzaburu E.R., Noriega L.E. Financial ratio method peruvian listed companies. *Revista ESPACIOS*. 2017. — vol. 38 (38). — P. 18.

© Малёшина Людмила Михайловна (docentglm@gmail.com), Шатская Ирина Ивановна (irina_shatskaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РФ

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF CLUSTER POLICY IN THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yu. Mindlin

Summary. The Russian military-industrial complex is one of the most stable, competitive, and knowledge-intensive sectors of the manufacturing industry. In modern conditions of political tension and tightening of anti-Russian sanctions, the development of the Russian defense industry complex is carried out through the implementation of a cluster policy, the basis of which in this industry is the diversification of the activities of defense enterprises based on the cluster approach. The article presents the definition and features of the cluster, cluster policy, prerequisites for the use of the cluster approach in the military-industrial complex of Russia. The specific features of the mechanism of cluster policy implementation in the Russian military-industrial complex and the problems of its implementation in modern conditions are revealed. Such problems included: suboptimal structure and lack of necessary production equipment, problems of entering the foreign market of high-tech products due to anti-Russian sanctions, the problem of staffing in the conditions of diversification of the activities of defense enterprises for innovative and high-tech production. The solution of these problems will be facilitated by the development of additional support measures and strategies for the diversification of defense enterprises, as well as improving the efficiency of universities that train personnel for defense enterprises and the effectiveness of their interaction with enterprises participating in the cluster.

Keywords: military-industrial complex, defense industry, defense enterprises, cluster, innovations, import substitution, diversification of the defense industry.

Миндлин Юрий Борисович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru*

Аннотация. Оборонно-промышленный комплекс России представляет собой один из наиболее устойчивых, конкурентоспособных, а также наукоемких секторов обрабатывающей промышленности. В современных условиях политической напряженности и ужесточения антироссийских санкций развитие оборонно-промышленного комплекса России осуществляется с помощью реализации кластерной политики, основой которой в данной отрасли является диверсификация деятельности оборонных предприятий на основе кластерного подхода. В статье представлено определение и признаки кластера, кластерной политики, предпосылки к использованию кластерного подхода в оборонно-промышленном комплексе России. Выявлены специфические особенности механизма реализации кластерной политики в российском оборонно-промышленном комплексе и проблемы его осуществления в современных условиях. К таким проблемам были отнесены: неоптимальная структура и отсутствие необходимого производственного оборудования, проблемы выхода на внешний рынок высокотехнологичной продукции в связи антироссийскими санкциями, проблема кадрового обеспечения в условиях диверсификации деятельности оборонных предприятий для инновационного и высокотехнологичного производства. Решению данных проблем будет способствовать разработка дополнительных мер поддержки и стратегии диверсификации оборонных предприятий, а также повышение эффективности работы вузов, подготавливающих кадры для оборонных предприятий, и эффективности их взаимодействия с предприятиями — участниками кластера.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, ОПК, оборонные предприятия, кластер, инновации, импортозамещение, диверсификация ОПК.

В современных условиях, характеризующихся введением большого числа антироссийских санкций, нарушением торгово-производственных связей и напряженностью политической обстановки, оборонно-промышленный комплекс является сектором экономики, обладающим технологическим и инновационным потенциалом для развития экономики России.

Задачи оборонно-промышленного комплекса России сегодня лежат в плоскости диверсификации в области разработки и производства высокотехнологичной

продукции двойного и гражданского назначения, а также трансфер технологий [9, с. 260]. Однако диверсификация оборонно-промышленного комплекса осложняется спецификой имеющихся технологий и кадрового потенциала для производства оборонной продукции, а также высоким уровнем риска при выводе на рынок оборонными предприятиями гражданской продукции, что также осложняет развитие проектов импортозамещения. Подобные условия вызывают необходимость поиска новых стратегий деятельности оборонных предприятий в решении задач по диверсификации производства [5, 6].

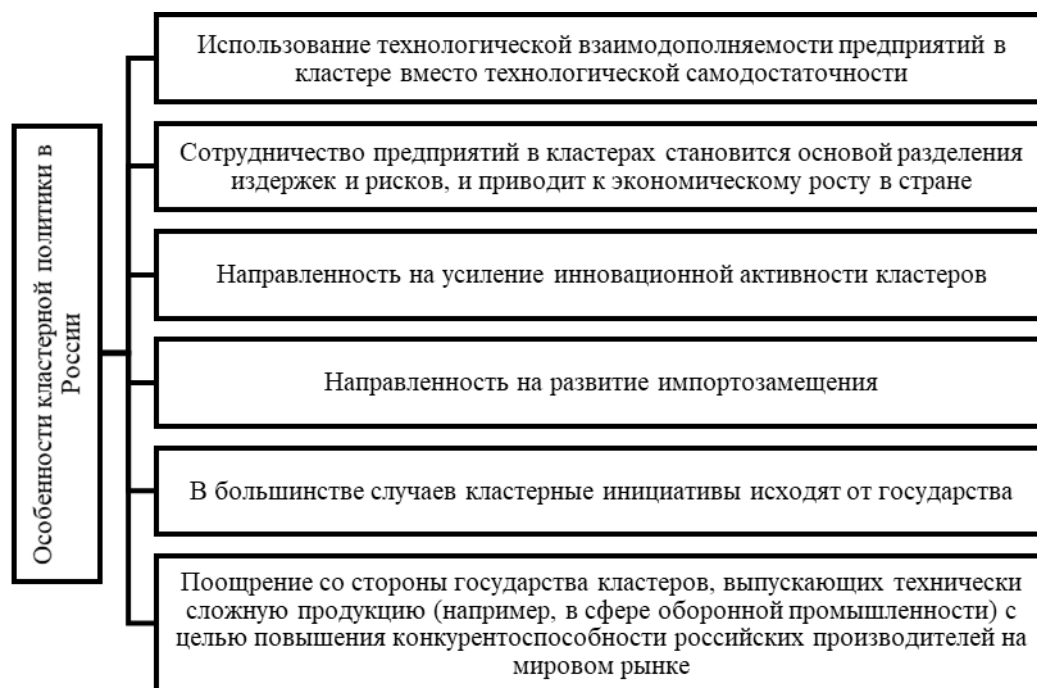

Рис. 1. Особенности кластерной политики в России

Источник: составлено автором по данным [13]

Вместе с тем оборонно-промышленный комплекс в связи со спецификой производства имеет большую зависимость от наличия и эффективности кооперационных связей с научно-исследовательскими и инновационными институтами, государственными органами и другими компаниями, участвующими в выполнении государственного заказа в оборонной промышленности или производстве гражданской продукции и продукции двойного назначения. Поэтому для наиболее эффективного взаимодействия оборонных предприятий с вышеуказанными экономическими субъектами в последние годы применяется кластерный подход.

Согласно Федеральному закону от 31.12.2014 № 488-ФЗ, промышленный кластер представляет собой совокупность субъектов деятельности в области промышленности, которые взаимосвязаны некоторыми отношениями по причине территориальной близости и зависимости в ресурсах. Они могут размещаться на территории одного или разных субъектов страны [1].

Следовательно, на смену традиционной промышленной политики приходит кластерная политика, которую принято трактовать как составную часть общей экономической политики страны, которая осуществляется в целях создания и развития кластерных инициатив путем улучшения условий для роста конкурентоспособности и повышения эффективности кооперационных связей между компаниями — участниками кластера [7, с. 163].

Преимущество реализации кластерной политики состоит в том, что поддержка и развитие кластеров неизбежно предполагает межотраслевые связи, в процессе чего происходит многополярное совершенствование производства и активный рост соответствующей отрасли в результате возникновения синергетического эффекта от сотрудничества субъектов кластера.

Выделяют следующие особенности российской кластерной политики (рис. 1).

Кластерная политика оборонно-промышленного комплекса России в современных условиях экономических санкций и активизации импортозамещения имеет главным вектором развития рост инновационной активности и конкурентоспособности кластеров в области производства высокотехнологической продукции. Постановлением Правительства РФ от 28 декабря 2021 г. № 2511–89 установлено, что оборонные предприятия должны перейти на современную индустриальную бизнес-модель. В числе прочего в документе определено, что доля высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения на оборонных предприятиях должна достигать 40% к 2027 году [2].

Кластерная политика оборонно-промышленного комплекса позволяет добиваться роста эффективности расходования средств бюджета в результате детально-

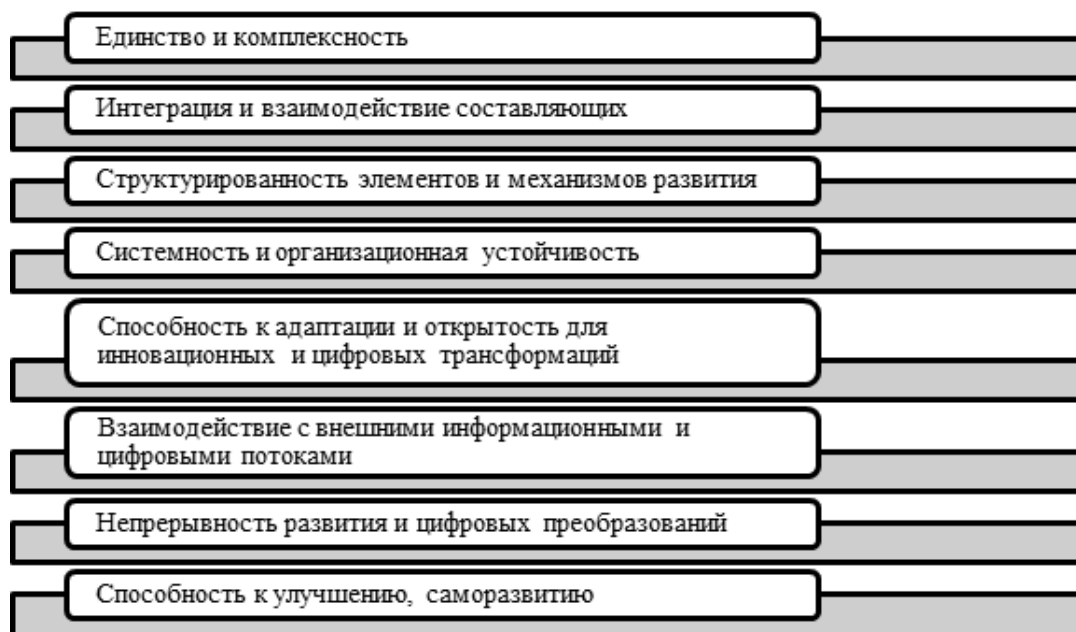

Рис. 2. Характерные особенности высокотехнологичного оборонно-промышленного кластера
Источник: [4]

го и многостороннего отбора финансируемых кластеров, а, следовательно, более точной целевой направленности бюджетных средств.

Реализация кластерной политики в оборонно-промышленном комплексе способствует росту конкурентоспособности всех участников кластера, в том числе оборонных предприятий, благодаря повышению эффективности их деятельности при производстве высокотехнологичной продукции, использования доступных инноваций и новых технологий, доступности высококвалифицированных кадров, а также сокращения транзакционных издержек в результате территориальной близости участников кластера [3, 12].

Следовательно, можно говорить о тенденции формирования высокотехнологичных оборонно-промышленных кластеров, под которым понимают сложную мультифункциональную экономическую структуру, создание которой имеет целью кооперацию родственных предприятий оборонно-промышленного комплекса и других отраслей на базе цифровых технологий. При этом институциональная и инновационная среда такого кластера должна стимулировать устойчивое развитие и рост конкурентных преимуществ на постоянной основе [4, с. 19].

А.С. Абдулкадыров, А.А. Хачатурян выделили характерные особенности высокотехнологичного оборонно-промышленного кластера, которые должны реализовываться в комплексе (рис. 2).

Поддержка и развитие высокотехнологичных оборонно-промышленных кластеров представляется основным направлением решения проблем и трудностей научно-технологического и инновационного характера.

Несмотря на осуществляемую в России кластерную политику, предприятия в оборонно-промышленном комплексе сталкиваются с рядом проблем. Так, остается проблема неоптимальной структуры и отсутствия необходимого производственного оборудования, а его оптимизация или модернизация занимает достаточно долгий срок. Вывод на рынок высокотехнологичной продукции затрудняется в результате действия антироссийских санкций, под которыми находятся множество крупнейших предприятий оборонно-промышленного комплекса [6, 10, 11].

Поэтому на государственном уровне необходима разработка недостающих форм поддержки оборонных предприятий в области разработки и производства высокотехнологичной продукции двойного и гражданского назначения. Этому будет способствовать принятие федеральной целевой программы по вопросам диверсификации деятельности предприятий оборонно-промышленного комплекса России.

Кроме того, в оборонно-промышленном комплексе существует проблема кадрового обеспечения, особенно остро данная проблема ощущается в условиях диверсификации деятельности оборонных предприятий, так как подготовка кадров для них осуществляется

на базе немногих специализированных вузов. Поэтому включение таких образовательных учреждений в кластеры оборонно-промышленного комплекса является стратегически важным направлением.

Необходимо отметить, что на уровне государства проводится значительная работа в области поддержки вузов, осуществляющих подготовку кадров для оборонно-промышленного комплекса. Однако этого недостаточно в современных условиях, когда подготовка специалистов для оборонно-промышленных кластеров должна приобретать опережающий характер, который включает перспективные потребности оборонных предприятий в кадрах. Такие кадры необходимо подготавливать на общероссийском уровне, включая в обучение пользование новейшими цифровыми промышленными технологиями и практические работы в научно-исследовательских и опытно-конструкторских бюро [8, с. 5]. Также можно предложить внедрение интегрированных форм обучения, в которых учебный процесс будет сочетаться с непосредственной работой на оборонных предприятиях, прежде всего, на производстве инновационных продуктов и высокотехнологичной продукции.

Вместе с тем необходимо совершенствование ключевых образовательных программ для соответствия актуальным требованиям оборонных предприятий. Для повышения эффективности работы вузов необходимо усовершенствовать систему показателей их результативности.

Также для повышения эффективности взаимодействия вузов с предприятиями ОПК необходимо включение

представителей участников кластера в структуру управления вузом, что позволит учитывать актуальные задачи и потребности оборонных предприятий в инновационных кадрах в процессе совершенствования учебного процесса [8, с. 7].

Реализация рассмотренных направлений совершенствования работы вузов, подготавливающих кадры для оборонной промышленности, а также совершенствования взаимодействия вузов и оборонных предприятий в составе кластеров позволит повысить эффективность деятельности и конкурентоспособность всех предприятий — участников кластера, как на внутреннем, так и на внешнем рынке путем импортозамещения.

Таким образом, задачи оборонно-промышленного комплекса России сегодня лежат в плоскости диверсификации в области разработки и производства высокотехнологичной продукции двойного и гражданского назначения, чему способствует реализация кластерной политики. Однако существуют проблемы в данной сфере: неоптимальная структура и отсутствие необходимого производственного оборудования, проблемы выхода на внешний рынок высокотехнологичной продукции в связи антироссийскими санкциями, проблема кадрового обеспечения в условиях диверсификации деятельности оборонных предприятий для инновационного и высокотехнологичного производства. Решению данных проблем будет способствовать разработка дополнительных мер поддержки и стратегии диверсификации оборонных предприятий, а также повышение эффективности работы вузов, подготавливающих кадры для оборонных предприятий, и эффективности их взаимодействия с предприятиями — участниками кластера.

ЛИТЕРАТУРА

1. О промышленной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 05.12.2022).
2. Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2021 г. № 2511–89 «О внесении изменений в государственную программу РФ «Развитие оборонно-промышленного комплекса».
3. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (утв. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 N 20615-ак/д19).
4. Абдулкадыров, А.С., Хачатурян А.А. Конкурентоспособность высокотехнологичных оборонно-промышленных кластеров в условиях внедрения цифровой экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2020. — № 8. — С. 16–22.
5. Батьковский, А.М., Леонов А.В., Пронин А.Ю. Формирование технологических кластеров в условиях диверсификации предприятий оборонно-промышленного комплекса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 8. — С. 62–66.
6. Беркутова, Т.А., Савельев А.М., Сидоров К.А. Модели сетевой кооперации организаций в процессе диверсификации оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. — 2022. — № 6. — С. 969–980.
7. Беспалов, М.В., Кудряшов В.С. Реализации кластерной политики в России: основные направления и перспективы // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. — 2018. — № 2. — С. 161–166.
8. Довгий, В.И., Матвеев С.А., Медведев В.В. Комплексное развитие интегрированной системы кадрового и научного обеспечения предприятий оборонно-промышленного комплекса в Российской Федерации // Высшее образование сегодня. — 2019. — № 1. — С. 2–9.
9. Ештокин, С.В. Диффузия высоких технологий оборонно-промышленного комплекса в гражданский сектор экономики: стратегические шаги к импортозамещению // Вопросы инновационной экономики. — 2021. — Т. 11. — № 1. — С. 257–278.

10. Лугачева, Л.И., Соломенникова Е.А. Финансово-хозяйственные дисбалансы компаний оборонно-промышленного комплекса и функциональная поддержка государства // Экономика, предпринимательство и право. — 2020. — Том 10. — № 12. — С. 3249–3268.
11. Поланская, Ж.А. Инновационная стратегия в оборонно-промышленном комплексе // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. — 2020. — № 1. — С. 15–20.
12. Радыгина, С.В. Кластерная политика как инструмент развития экономики регионов России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2021. — Т. 31. — № 3. — С. 394–402.
13. Фадеева, Т.В. Рекомендации по реализации кластерной политики в современной России // Омский научный вестник. — 2021. — № 2. — С. 154–160.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

АУДИТОРСКАЯ ПОЛИТИКА СУБЪЕКТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

AUDIT POLICY OF SUBJECTS IN MODERN CONDITIONS

O. Rasheva

Summary. The modern regulatory and legal regulation of auditing activities has been thoroughly analyzed and the directions of its improvement in terms of internal audit support have been identified, which provides audit companies with the opportunity to choose approaches to managing the quality of their services, pricing policy, corporate ethics, and the like, which is aggravated by the conditions of sustainable development and the processes of decentralization of power and management. The possibility of choosing methods and procedures in accounting has led to the emergence of the concept of «accounting policy». The application of the category «audit policy» in the theory and practice of auditing is overdue. Such a category for the subjects of audit activity is justified by the need for a comprehensive systematization in one internal document as a description of approaches (policy disclosure) regarding the features of quality management and pricing of their services, as well as disclosure of their public positioning and responsibility. The public audit policy will contribute to the formation in society (in particular, in certain rural areas) of a positive image of this activity, its compliance with the goals of sustainable development. The broad use of the category «audit policy of the subject of audit activity» in the science and practice of auditing is proposed and the main provisions (sections) are modeled its content (mission, quality management, personnel development and gender equality, corporate ethics, partner responsibility, pricing and remuneration of personnel, roadmap for the development of public utility, professional and social activity). The application of the audit policy as an internal document defining the key guidelines and the choice of approaches to the functioning of an audit company for a certain period forms the core of its financial activities and serves as a comprehensive representation of the company for external partners.

Keywords: audit, audit policy, financial activity, quality control of audit services, corporate ethics, social and professional activity.

Процессы децентрализации в современных условиях внесли существенные изменения в механизмы регулирования и координации сферы аудиторских услуг. Создание разнообразия, усложнение и появление новых объектов аудита, обусловили потребность трансформации его методологии. Методологическая трансформация аудита предполагает развитие аудиторской деятельности с переходом на новый уровень информационного управления, который

Рашева Ольга Дмитриевна

*Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
lululu5116@mail.ru*

Аннотация. В статье основательно проанализировано современное нормативно-правовое регулирование аудиторской деятельности и выявлены направления его совершенствования в части внутреннего обеспечения аудиторской деятельности, которое предусматривает для аудиторских компаний возможность выбора подходов к управлению качеством своих услуг, политики ценообразования, корпоративной этики и тому подобное, что усугубляется в современных условиях процессами децентрализации власти и управления. Возможность выбора методов и процедур в бухгалтерском учете привело к появлению понятия «учетная политика», нашедшего применение в теории и практике аудита категории «аудиторская политика». Такая категория для субъектов аудиторской деятельности обосновывается необходимостью комплексной систематизации в одном внутреннем документе в качестве описания подходов (раскрытие политики) относительно особенностей управления качеством и ценообразованием своих услуг, а также раскрытия своего общественного позиционирования и ответственности. Публичная аудиторская политика будет способствовать формированию в обществе (в частности, на определенных территориях) положительного имиджа этой деятельности, ее соответствия целям в современных условиях. Предложено широкое использование в науке и практике аудита категории «аудиторская политика субъекта аудиторской деятельности» и смоделированы основные положения (разделы) ее содержания (миссия, управление качеством, развитие персонала и гендерное равенство, корпоративная этика, партнерская ответственность, ценообразование и вознаграждений персонала, дорожная карта развития общественной полезности, профессионально-общественная активность). Применение аудиторской политики как внутреннего документа, определяющего ключевые ориентиры и выбор подходов функционирования аудиторской компании на определенный период, формирует стержень ее финансовой деятельности и служит комплексным представлением компании для внешних партнеров.

Ключевые слова: аудит, аудиторская политика, финансовая деятельность, контроль качества аудиторских услуг, корпоративная этика, общественно-профессиональная активность.

осуществляется комплексно с налаживанием интеграции внутренней и внешней информационных систем и предложением расширенных данных, на основании которых формируется профессиональное суждение, используемое как элемент стратегии в современных условиях управления субъектами хозяйствования.

По мнению Казакова Н.А., аудиторская стратегия означает всеобъемлющий план проведения аудитор-

ской проверки, содержащий основу для дальнейшего принятия решений относительно характера, графика и глубины конкретных процедур, которые должны быть выполнены при проведении проверки [3, с. 425]. В аудиторской стратегии реализуется задача развития предприятия, определяющая аудит, как составляющую инициативной программы преобразований, присущих развитому плану, который корректируется в соответствии с влиянием внешней экосистемы бизнеса.

Научному решению вопросов трансформации методологии аудита, формированию стратегии аудиторской деятельности и ее адаптации к современным условиям, нормативному обеспечению процесса организации и проведения аудита в экономических субъектах, созданных реформой децентрализации, посвящены труды многих ученых. Опираясь на положительные результаты исследований приведенных ученых, уместным будет констатировать, что возникает острая потребность в разработке внутреннего нормативного регулирования процессов и процедур аудиторской проверки субъектов аудиторской деятельности и его широкого использования в их практической работе.

Учитывая вышесказанное, целью статьи является разработка и внедрение финансовой политики субъектов аудиторской политики в современных условиях как внутреннего документа, определяющего ключевые ориентиры и выбор подходов функционирования аудиторской компании на определенный период, который формирует стержень ее внутреннего управления и служит комплексным представлением компании для внешних партнеров [4].

Результаты исследования

Стратегия аудита включает элементы аудиторской культуры и дисциплины, реализуемой в дополнительном уровне ответственности по вовлеченности при актуализации информационно-аналитического обеспечения управления предприятием и оптимизации программы развития предприятия. Условия постоянных изменений во внешней среде ориентируют аудитора на стратегическое видение дальнейшего развития как аудиторского процесса, так и бизнес-процессов предприятия с целью создания благоприятных условий хозяйствования для содействия стратегическому развитию предприятия. А.В. Колышкин подчеркивает, что финансовые отчеты отображают то, что двигалось; а бизнес-процесс — почему. Здесь все узлы бизнес-процесса — это уникальные шаблоны записей журнала, где каждый шаблон иллюстрирует процесс или его вариацию [7].

Механизм формирования аудиторской политики для целей в современных условиях предусматривает

решение вопросов организационного и методологического характера по раскрытию миссии аудита, регулированию кадровой стратегии, политики развития управления качеством, установлению партнерской ответственности, определению базовых положений корпоративной этики, оптимизации политики ценообразования и реализации профессионально-общественной активности. Процедуры, направленные на оценку состояния соблюдения требований нормативно-правовых документов, могут быть определены как реализация информативной функции, поскольку именно по результатам такой оценки будут приняты решения инициаторами контрольных мероприятий.

В.М. Пищулов обоснованно доказал, что аудиторские услуги отечественных компаний в настоящее время также расширены и ориентированы на рынок подготовки интегрированной отчетности [8]. Поэтому аудиторской политике свойственна свободная конфигурация с учетом требований формальных регуляторов и трансформационных положений методологии аудита, которые обобщаются в ее пунктах, которые характеризуют выбор способа организации аудиторской проверки из различных альтернативных вариантов, порядок разработки персонифицированного образа контрольной проверки и консультационной деятельности, руководствуясь внутренними и внешними факторами влияния, базовыми аспектами деятельности и перспективными направлениями развития.

Стоит отметить, что рациональнее видеть эффективность аудита в оптимизации деловых операций, повышении прозрачности, улучшении организационных составляющих.

В аудиторской политике прописываются базовые (обязательные) элементы и вариативные положения, которые разрабатываются в соответствии с характеристиками поставленной задачи и особенностями деятельности объекта аудита. Определенные вариативные положения могут быть комбинированы в различных вариациях, конфигурация которых может изменяться в режиме реального времени, однако при согласовании со всеми участниками аудиторской проверки.

Дерен, В.И. декларирует, что аудит уже играет важную роль в служении общественным интересам для усиления подотчетности и укрепления доверия и уверенности в финансовой отчетности [2].

Поэтому в аудиторской политике реализуется комбинация подходов функционирования аудиторской компании с раскрытием в соответствующем приказе особенностей управления качеством и ценообразованием услуг, общественного позиционирования и от-

Таблица 1. Критерии разработки аудиторской политики [3]

Составляющая аудиторской политики	Критерий	Характеристика
Миссия аудита	Основание деятельности и развития	Формирование оригинальной профессиональной мысли для содействия территорий на основании контрольных процедур и консультационных услуг
Политика управления качеством	Достижение приоритетов развития	Постоянный процесс улучшения деятельности с целью повышения результатов, которые заключаются в переходе на высший уровень профессионального консультирования для удовлетворения потребностей развития экономического, экологического и социального векторов
Политика развития персонала	Профессиональное развитие	Деятельность по обеспечению систематического и целенаправленного воздействия на развитие профессиональных компетенций работников с целью повышения эффективности аудиторской деятельности, методология которой трансформирована под влиянием внутренних и внешних факторов
Корпоративная этика	Нормы, ценности, правила	Перечень базовых положений, отражающих нормы поведения, правила и ценности, которые разделяют все работники для достижения определенной миссии, что предполагает продуктивное сотрудничество с личностным развитием, используя мотивационные инструменты
Партнерская ответственность	Культура взаимной работы	Налаживание конструктивного сотрудничества и взаимодействия на принципах доверия, честности и уважения для достижения общей цели, что выражается в заинтересованности в результате партнерских отношений, которые выстраиваются с равноправным участием каждого из участников в процессе деятельности
Политика ценообразования	Общие принципы формирования сметы аудиторских услуг	Комплекс систем, факторов и принципов, на основании которых определяется взаимосвязь стоимости аудиторских услуг с внутренними и внешними факторами, что выражается в построении стратегии формирования и контроля цены аудиторских услуг
Профессионально-общественная активность	Система-образовательный фактор	Выявление профессиональной и жизненной позиции относительно стремления внести вклад в процесс развития путем реализации профессиональных и личностных компетенций

ветственности для повышения эффективности аудита и формирования положительного имиджа аудиторской деятельности. Оптимизация контрольных и консультационных процедур в рамках разработки финансовой политики предусматривает информационное управление для регулирования деятельности по экономическим, социальным и экологическим векторам. В аудиторской политике реализуются положения по контрольным и консультационным процедурам для целей стратегического направления в современных условиях, которые осуществляется с учетом наиболее результативного варианта для эффективной деятельности.

В частности, М.А.Штефан считает, что для повышения качества аудита важно изучить, как большие данные могут способствовать выявлению аномалий бухгалтерского учета, существенного искажения и мошенничества [1].

Должны быть обеспечены не только базовые положения формальных институтов, а прежде всего, создана информационная среда, регулирующая интересы сторон заказчика и аудитора на правах равноправных партнеров, преследующих достижение общей цели с одновременным повышением культуры деятельности предприятия и аудиторской деятельности. На проблему «теоретического разрыва» между тем, что общественность ожидает от аудитора, и тем, что аудитор может и должен делать, Е.М. Ашмарина отмечает, что аудит не рассматривается как точная наука. Это скорее процесс суждения, который касается обеспечения точной, правдивой и справедливой информации достаточно, а не абсолютно [6].

Рассматривая аудит, как важную институциональную категорию, которая положена в основу информационных отношений, на основании которых предприятие обеспечивает выполнение бизнес-функций, формиро-

вание аудиторской политики осуществляется для обеспечения в современных условиях [4] гармонизации информационного обеспечения и учета перспективных направлений трансформации внешней экономической среды в соответствии с ключевыми векторами развития. В.М. Пищулов по этому поводу отметил, что первый этап стратегии развития аудита на территориях начинается с ознакомления с информацией, характеризующей объект по экологическим, социальным и экономическим векторам с оценкой перспективности и соответствия общей концепции [8].

В аудиторской политике реализуется совокупность базовых положений организационного, методического и профессионального обеспечения, являющегося инструментом для разработки информационного регулирования аудита для целей в современных условиях согласно практикам деятельности новых объектов, сформировавшихся в процессе децентрализации, и интеграцией с инновационными управленческими и технологическими разработками. Такой комплекс обеспечения способствует упрощению аудиторской проверки и повышению ее качественных параметров по реализации задачи в современных условиях, что сказывается на показателях деятельности объекта аудита с будущей перспективой его развития.

Дерен, В. И. отметил, что между аудитором и заказчиком существует связь, которая обусловлена финансовым интересом аудитора и заинтересованностью заказчика в положительном выводе, а связь между заинтересованными пользователями профессионального аудиторского мнения оказывается в этической составляющей ответственности специалиста перед третьими лицами, что предполагает его понимание необходимости нивелирования всех возможных потерь [2].

Аудиторская политика, как инструмент повышения эффективности хозяйствования, реализуется в совокупности способов ведения деятельности в соответствии с традиционными и инновационными аспектами, выделенными и сформулированными на основании контрольных процедур и консульта-

ционной деятельности, что является отправной точкой для содействия в современных условиях по базовым векторам (табл. 1).

Стратегический ориентир аудита должен быть ориентирован на моделирование его инновационной структуры, которая реализуется через раскрытие миссии аудита, разработку политики управления качеством и развития персонала, налаживание партнерской ответственности, оптимизации политики ценообразования и укрепления профессионально-общественной активности [1].

Обозначенные пункты совокупно с эволюционным процессом развития аудита предусматривают организацию эффективной аудиторской политики, которую наряду с объективной трансформацией аудиторской практики ориентируют на учет особенностей в современных условиях, учитывающей приоритеты планов и намерений, прогнозных установок и долгосрочные цели субъектов экономической деятельности в соответствии с процессом децентрализации.

Итак, в аудиторской политике прописаны методологические приемы и способы контрольных процедур, принципы и инструменты для осуществления консультационной деятельности, приведены организационные и технологические способы формирования информационно-аналитического обеспечения аудиторской проверки и определены базовые положения, присущие концепции в современных условиях, которые заложены в трансформационную базу развития методологии аудита. Аудиторская политика заключается в комплексной систематизации методов, принципов, процедур и подходов к процессам оказания и развития аудиторских услуг через управление качеством и ценообразованием с раскрытием общественного позиционирования и ответственности, способствует развитию позитивного имиджа этой деятельности, в частности, в аспекте содействия в современных условиях, что является переходом на качественно более высокий уровень аудиторской деятельности и перспективным направлением дальнейших научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аудит в 2 ч. Часть 1: учебник и практикум для вузов / под редакцией М.А. Штефан. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 238 с.
2. Дерен, В.И. Экономика и международный бизнес: монография / В.И. Дерен, А.В. Дерен. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 302 с.
3. Казакова, Н.А. Аудит: учебник для среднего профессионального образования / Н.А. Казакова, Е.И. Ефремова; под общей редакцией Н.А. Казаковой. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 425 с.
4. Попов, Е.В. Долевая экономика: монография / Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 405 с.

5. Попов, Е.В. Моделирование экономических институтов: монография для вузов / Е.В. Попов; ответственный редактор А.Д. Некипелов. — 2-е изд., стер. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 643 с.
6. Правовое обеспечение контроля, учета, аудита и судебно-экономической экспертизы: учебник для вузов / Е.М. Ашмарина [и др.]; под редакцией Е.М. Ашариной; под общей редакцией В.В. Ершова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 299 с.
7. Экономика предприятия: учебник и практикум для вузов / А.В. Колышкин [и др.]; под редакцией А.В. Колышкина, С.А. Смирнова. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 479 с.
8. Экономика: учебник и практикум для вузов / В.М. Пищулов [и др.]; под общей редакцией В.М. Пищулова. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 179 с.

© Рашева Ольга Дмитриевна (lululu5116@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОМАНДА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

TEACHING TEAM AS A MEANS OF INCREASING HUMAN POTENTIAL: FOREIGN EXPERIENCE

*E. Rusnakova
N. Kovaleva*

Summary. The formation of pedagogical teams, as a rule, is carried out in order to solve certain pedagogical, methodological, managerial tasks. Such a team may include teachers of the same or different specialties, methodologists, representatives of the administration of an educational institution, psychologists. One of the main trends in professional industries is communication skills and interdisciplinarity. In teaching, it is equally important to have both professional and supra-professional skills, to have knowledge about current trends in development in society. The purpose of the study is to generalize the experience of foreign researchers in the field of organizing pedagogical teams, to study the goals and objectives that pedagogical teams solve in foreign educational organizations. The theoretical significance of the article lies in the description of the goals and objectives of the organization of pedagogical teams in American, European and Asian organizations of secondary and higher education. The practical significance of the research is to study the experimental experience of teaching teams in foreign educational organizations. The results of the research will allow us to determine the effective mechanisms of working with teams. The search for proven technologies is carried out in order to introduce them into the process of training future teachers. Enriching the curricula of higher educational institutions with modern methods of teamwork, the practice of organizing work in pedagogical teams will allow future specialists to increase the level of readiness for professional activity.

Keywords: pedagogical team, team learning models, interdisciplinarity, co-education, group activity, team building.

Руснакова Елизавета Владимировна

*Ассистент, ФГАОУ ВО «СевГУ», г. Севастополь
1995liz@mail.ru*

Ковалева Наталья Сергеевна

Кандидат пед. наук, ФГАОУ «СевГУ», г. Севастополь

Аннотация. Формирование педагогических команд, как правило, осуществляется с целью решения определенных педагогических, методических, управленческих задач. В состав подобной команды могут входить педагоги одинаковой или различных специальностей, методисты, представители администрации образовательного учреждения, психологи. Одним из основных трендов профессиональных отраслей является навык коммуникации и междисциплинарность. В педагогической деятельности не менее важно обладать как профессиональными, так и надпрофессиональными навыками, иметь знания об актуальных тенденциях развития в обществе. Целью исследования является обобщение опыта зарубежных исследователей в области организации педагогических команд, изучение целей и задач, которые решают педагогические команды в зарубежных образовательных организациях. Теоретическая значимость статьи заключается в описании целей и задач организации педагогических команд в американских, европейских и азиатских организациях среднего и высшего образования. Практическая значимость исследования состоит в изучении экспериментального опыта работ педагогических команд в зарубежных образовательных организациях. Результаты исследований позволяют определить действенные механизмы работы с командами. Поиск апробированных технологий проводится с целью их внедрения в процесс подготовки будущих педагогов. Обогащение учебных планов высших образовательных организаций современными методиками командной работы, практика организации работы в педагогических командах позволяют будущим специалистам повысить уровень готовности к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: педагогическая команда, модели командного обучения, междисциплинарность, совместное обучение, групповая деятельность, командообразование.

Подходы к определению «педагогической команды» в отечественной научной литературе условно разделяются на несколько групп: педагогическая команда — команда учителей или преподавателей, уже работающих в образовательной организации, педагогическая команда — команда управленческая, педагогическая команда — команда педагогов, прошедших курс дополнительного образования.

Актуальность данной работы заключается в том, что подготовка современных учителей является зало-

гом как развития образования, так и будущего государства в целом. В связи с этим в процессе модернизации образования возрастает потребность в пересмотре методики подготовки учителей. В современной школе возросла потребность в молодом учителе, стремящемся к новаторской, творческой деятельности. В таком случае возникает вопрос перед методикой подготовки будущего учителя о том, как подготовить педагога творческим, активным и умеющим мыслить «вне рамок». Определение методики формирования педагогических команд из состава студентов направ-

ления «Педагогическое образование» для работы в школе.

Новизна исследования заключается в изучении опыта зарубежных исследователей в области организации педагогических команд. Интерес представляют цели и задачи, которые решают педагогические команды, технологии и механизмы работы, результаты работы в командах.

Целью исследования является изучение, обобщение, описание опыта американских, европейских и азиатских исследователей в области организации педагогических команд. В задачи исследования входит: изучить зарубежный опыт работы педагогических команд, цели и задачи организации педагогических команд.

Командообразование как средство повышения эффективности коллектива и каждого сотрудника в частности достаточно хорошо описано в научной литературе. Изучение командообразования как средство повышения кадрового потенциала получило развитие в экономической [2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16] научной литературе. Следует отметить, что в экономической научной литературе командообразование применяется с целью организации и оптимизации управления организацией. Содержанием работы управленческих команд является выбор организационной модели, распределение ролей и планирование деятельности на определенный краткосрочный или долгосрочный период. В рамках психологической литературы технологии командообразования включают в себя учет личностных, возрастных, когнитивных, психологических особенностей членов команды. Как правило, командообразование реализуется в форме группового тренинга, может так же включать входное и итоговое тестирование для оценки качества занятий. Особенностью организации педагогической команды является конкретная цель, задача или проблема, для решения которой организовывается данная команда. В ходе изучения педагогической научной литературы, были выделены следующие цели организации педагогической команды: решение учебно-воспитательных задач, обновление учебных планов, рабочих программ, решение управленческих задач образовательной организации, работа в рамках программ дополнительного образования. Таким образом, педагогические команды решают разнообразный спектр задач.

В зарубежных исследованиях достаточно широко описаны механизмы создания и работы педагогических командах в образовательных организациях разного уровня. Командные формы работы широко распространены в зарубежной практике. Интересным представля-

ется обзор европейского опыта в статье «Командное обучение как перспективная технология повышения квалификации учителей» Т.Н. Волобуевой. Характерной особенностью является тот факт, что состав педагогической команды может варьироваться в зависимости от целей обучения. В Германии и Австрии для инклюзивных занятий организуются междисциплинарные команды, включающие специалистов в области педагогики и медицины [17]. Для планирования и осуществления обучения иностранным языкам привлекают носителей языка [21], для решения проблем в социально сложных классах, в педагогические команды объединяются несколько педагогов вне зависимости от их специализации [22, 24]. В Швейцарии распространена практика проведения уроков в начальной школе с учителем-предметником и воспитателем. [29]. В Казахстане совместное преподавание двух учителей применяется для дифференциации урока, группового или двуязычного обучения, консультативной поддержки, целевого наблюдения. [3].

Не менее важным инструментом повышения качества работы школы является привлечение в организацию молодых педагогов. Как показывает практика, совершенствование результатов обучения учащихся напрямую зависит от профессионального образования и качества подготовки учителей.

Подобные изменения также наблюдаются в сфере профессиональной подготовки педагогов, где команды учителей все чаще несут ответственность за разработку, выполнение и результаты образовательных программ. Подобные практики существуют в отечественном и зарубежном образовании. Например, в Нидерландах, где примерно 40% всех учащихся проходят обучение в учреждениях Министерства образования, повышенные требования правительства к качеству образования побудили учреждения, осуществляющие подготовку и переподготовку педагогов, разработать и внедрить программы обучения на основе компетентностного подхода [22]. Команды преподавателей совершенствуют образовательные программы в соответствии с запросом рынка труда. Таким образом, педагог развивается профессионально и владеет реальным запросом рынка труда.

Интересным представляется исследование группы американских ученых Мин Сан и Сюзанны Лоб из Университетов Вашингтона, Вандерbiltского и Стенфорда. Исследователи утверждают, что успех учащихся зависит не только от классного руководителя, а от совместных усилий всех учителей, которые работают с классом. С этой целью, для повышения эффективности данной педагогической команды, исследователи вводят в группу среднеуспешных педагогов более

успешного. Гипотеза в том, что молодой и эффективный педагог, попадающий в группу своих сверстников, оказывает положительное влияние на эту группу. В исследовании сравниваются случаи, когда в группу попадает неэффективный педагог и его влияние дает побочные действия, отражающиеся либо на работе коллег, либо на обучающихся. Посредством объединения педагогов разного уровня менее эффективные начинают «подтягиваться» до уровня более успешных коллег. Таким образом, повышается качество образования и профессионализм педагогов [19].

Инструменты «привлечения» молодого педагога и работа с действующими учителями являются неотъемлемой частью управления образовательной организацией. Амеёриканский и корейский преподаватели Шэрон Конли и Саккиян Ю наравне с важностью «привлечения» выделяют необходимость «мотивации» педагога. В своей статье «Основные факторы, влияющие на намерения учителей специального образования уйти» изучили проблему возникновения желания сменить трудовую деятельность у учителей школы. В ходе исследования были выявлены следующие причины: плохие социально-экономические/человеческие условия и отстраненность учащихся также оказали значительное косвенное влияние на удовлетворенность и приверженность. С помощью командных методов работы и поддержке со стороны администрации школы исследователи предлагают сохранять педагогические кадры [23].

Нидерландские исследователи Инкер Гэст и Инк Шилдкемп дали обзор профессионального развития кадров в педагогических командах в контексте высшего образования. В статьях, включенных в этот обзор, сообщалось о положительной динамике в профессиональном и личностном развитии учителей средствами командообразования. Авторы рекомендуют университетам развивать командообразование среди учителей через программы дополнительного образования. Таким образом, вузы могут способствовать повышению качества преподавания и обеспечить подготовку студентов к меняющемуся рынку труда [26].

Нидерландские исследователи в своей статье «Что делает команды учителей эффективными в контексте профессионального образования» представили результаты интервьюирования учителей. Целью исследования стало определения факторов, которые делают работу педагогических команд эффективной. В результате обработки анкет влияющими факторами на эффективность команды были выделены: распределение молодых и опытных педагогов, готовность к инновациям, наличие неформального лидера, количество группы от 6 до 10 человек [30].

Бельгийские ученые Катрин Вангрикен, Филип Дочи и Элизабет Раес провели исследование в области командообразования среди педагогов высшей школы. В ходе исследования приняли участие 105 команд учителей. Работа с разновозрастными группами показала, что подготовка и образование учителей должны быть в большей степени сосредоточены на том, чтобы подготовить учителя к работе в команде и взаимодействию. Методом опроса исследователи выяснили, что многие педагоги изначально имеют негативное отношение к работе в команде. В статье описано, что психологический комфорт, групповая потенция возникают в процессе командного обучения. Авторы подчеркивают, что «приобретение опыта командной работы путем регулярной работы в командах должно стать частью программ подготовки учителей. Педагогические команды должны стать ключевым аспектом к подготовке учителей, готовых к сотрудничеству» [27].

Исследователи из Бельгии Марлис Баэтенаб и Маттея Саймонс в ходе описательного обзора опыта европейских и американских исследований в области командного обучения педагогов выделили пять моделей командного обучения: наблюдение, коучинг, ассистентское обучение, модель равного статуса и модель объединения. Модель «наблюдение» предполагает пассивное наблюдение одного учителя за работой другого. Наблюдатель собирает информацию об эффективном поведении в обучении, взаимодействии с учащимися и совместно анализируют собранную информацию. В модели «коучинг» в качестве тренера выступает более опытный педагог, который помимо возможности наблюдения предоставляет другому помощь и поддержку. В отличие от предыдущих моделей, «ассистентское обучение» предполагает активное участие в занятии. Менее опытный педагог может оказывать помощь обучающимся во время урока. Данная модель требует предварительного совместного планирования урока. В модели «равного статуса» нет лидера, команда совместно работает над программой/курсом. Модель «объединения» предполагает, что оба учителя ведут дискуссию перед обучающимися, демонстрируют модели и схемы. Эта модель реализуется на более поздних этапах обучения в команде, поскольку требуется время, чтобы узнать о стилях обучения друг друга [25, с. 94].

В статье «The Cross-School Teacher Team as a Site for Learning» внимание уделяется совместному профессиональному развитию учителей. В исследовательских группах были команды разных учителей из разных муниципалитетов. «Учителя взаимодействовали на запланированных семинарах, во время которых посещали школы друг друга, делились и обсуждали свой опыт, идеи и размышления о преподавании и цифровых под-

ходах к грамотности, а также обсуждали литературу. Кроме того, они планировали, проводили и оценивали проекты сотрудничества между классами и учителями. В перерывах между очными встречами они использовали цифровые пространства Вики и Facebook для обсуждения, обмена материалами и индивидуальных размышлений в журнале» [28, с. 291]. Результат показал, что доступ к общим цифровым пространствам не только позволял участникам продолжать взаимодействовать между очными встречами, но и работал в качестве инструмента прозрачности, документирования и рефлексии [28].

В ходе проведенного исследования была изучена педагогическая, психологическая, экономическая научная литература отечественных и зарубежных авторов. В указанных источниках применение технологий командообразования рассматривалось с точки зрения различных профессиональных отраслей. Обобщая изученный опыт, можно сделать вывод, что в педагогике, психологии и экономике командообразование применяется с целью повышения кадрового потенциала определенной организации.

Проанализировав особенности организации педагогических команд, был выявлен их междисциплинарный характер. Работа команды педагогов может быть направлена на решение учебных, воспитательных и управленческих вопросов. Учебные задачи напрямую связаны с педагогическими технологиями, воспитательные задачи неотъемлемы от возрастной психологии, психологии коммуникации, групповой психологии, психологических особенностях обучающихся. Управленческие задачи неразрывны с экономическими организационными моделями, в которых необходимы навыки анализа сильных и слабых сторон команд, внешних и внутренних угроз. Из этого следует, что педагогиче-

ская команда должна обладать навыками во всех перечисленных профессиональных областях.

В отечественных и зарубежных исследованиях организация педагогических команд рассматривается в рамках образовательной организации, с участием действующих педагогов. Однако малоизученным является вопрос об организации педагогических команд студентов педагогических направлений подготовки. Учитывая, что важность развития данного навыка представляет одну из основных компетенций современного педагога, имеет смысл ввести практику организации педагогических команд в процессе обучения. Зарубежные исследователи [23, 28] по результатам экспериментальных работ выявили повышение эффективности работы у педагогов, которые обладают опытом командного взаимодействия и имеют представление о работе коллег.

Таким образом, изученные материалы подтверждают, что эффективность формирования педагогических команд оказывает влияние на профессиональный рост педагога, благоприятную атмосферу в коллективе, а также на качество преподавания. Вслед за бельгийскими исследователями Катрин Вангрикен, Филип Дочи и Элизабет Раес, мы считаем, что приобретение опыта командной работы путем регулярной работы в командах должно быть частью программ подготовки учителей. Модель подготовки педагогической команды в учебной группе апробируется на базе ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» в формате продуктовой магистратуры «Школа под ключ». Данная область исследования кажется нам перспективной и требующей экспериментального подтверждения. Формирование педагогических команд в рамках высшей образовательной организации станут основой для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова М.А. Социально-педагогические возможности педагогическое команды единомышленников как субъекта социального воспитания // Психология и педагогика социального воспитания. 2020 [Электронный ресурс]: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42638378> (дата обращения: 13.02.2020).
2. Александрова Е.А., Педагогические команды как средство активизации инновационной деятельности образовательных учреждений: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Е.А. Александрова. — СПб., 2007. — 23 с.
3. Волобуева, Т.Б. Командное обучение как перспективная технология повышения квалификации учителей / Т.Б. Волобуева // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. — 2021. — № 1 (46). — С. 28–37.
4. Жуковский Игорь Владимирович. Эффективная педагогическая команда / И.В. Жуковский // Народное образование: Российский общественно-педагогический журнал. — 2010. — № 8. — С. 141–146
5. Зинкевич-Евстигнеева, Т.Д. Теория и практика командообразования. Современная технология создания команд / Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева, Д.Ф. Фролов, Т.М. Грабенко. — Санкт-Петербург: Речь, 2004. — 304 с.
6. Ефремова О.В. Формирование педагогической команды в учреждениях среднего профессионального образования // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 10–1. — С. 199–202;
7. Картушина, Е.Н. Командообразование как потребность в современном процессе управления персоналом / Е.Н. Картушина // Социально-экономические явления и процессы. — 2013. — № 5 (051). — С. 99–102.

8. Конобеева, Т.А. Развитие учителя в условиях деятельности педагогических команд / Т.А. Конобеева, Н.Н. Шевелева // Инновационные проекты и программы в образовании. — 2017. — № 3. — С. 20–24.
9. Леван, Т.Н. Подготовка компетентных специалистов по работе с педагогическими командами для развития качества образования / Т.Н. Леван, А.К. Белолуцкая, Т.В. Морозова // Казанский педагогический журнал. — 2018. — № 1 (126). — С. 27–37.
10. Москвин, С.Н. Менеджмент в образовании: управление человеческими ресурсами: учебное пособие для среднего профессионального образования / С.Н. Москвин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 142 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978–5–534–11768–4. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/457184> (дата обращения: 21.02.2021)
11. Управление персоналом: учебник и практикум для среднего профессионального образования / О.А. Лапшова [и др.]; под общей редакцией О.А. Лапшовой. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 406 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978–5–534–01928–5. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/471255> (дата обращения: 04.08.2021).
12. Пилипчевская, Н.В. Педагогическая команда для новой школы: теоретические аспекты и практические задачи / Н.В. Пилипчевская // Мир человека: Материалы ежегодной Межвузовской научно-практической конференции, Красноярск, 28–29 апреля 2022 года. Том Выпуск 1 (50). — Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решенева, 2022. — С. 144–149. — EDN YSWWGV.
13. Русякова, Е.Е. Самовосприятие учителей, имеющих разный опыт участия в тренинговых программах / Е.Е. Русякова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2018. — Т. 9. — № 2. — С. 9.
14. Савчик, О.М. Развитие психологической готовности педагогов к взаимодействию в педагогических командах в процессе дополнительного образования / О.М. Савчик // Психологическое сопровождение образовательного процесса. — 2015. — Т. 2. — № 5–2. — С. 201–206.
15. Фопель К. Психологические группы: Рабочие материалы для ведущего. Пер. с нем. 5-е изд., стер. — М.: Генезис, 2004. — 256 с: ил.
16. Цинарева Т.А. Формирование педагогических команд как средство повышения кадрового потенциала вуза: дис. канд. пед. наук: — 13.00.08. — М., 2010. — 152 с.
17. Arndt, A.K., Werning R. Unterrichtsbezogene Kooperation von Regelschullehrkräften und Lehrkräften für Sonderpädagogik. Ergebnisse eines qualitativen Forschungsprojektes. Inklusion: Kooperation und Unterricht entwickeln. Bad Heilbrunn: Klinkhardt, 2013, pp. 279–286.
18. Baumann, B. Unterrichtsbezogene Kooperation zwischen Regellehrpersonen und Lehrkräften schulischer Heilpädagogik (IF) und Aspekte guten Unterrichts. Kurzbericht. Zürich: HfH, 2012. 217 p.
19. Building Teacher Teams: Evidence of Positive Spillovers From More Effective Colleagues Author (s): Min Sun, Susanna Loeb and Jason A. Grissom Source: Educational Evaluation and Policy Analysis, Vol. 39, No. 1 (March 2017), pp. 104–125 Published by: American Educational Research Association
20. Bynom Anthony. TeamTeaching. Plus or Minus ESP // English Teaching Forum. Vol. 38. No. 1. 2000. P. 38–40.
21. Gyger, M., Heckendorn-Heinimann, B. Er erfolgreich integriert? Fremd- und mehrsprachige Kinder und Jugendliche in der Schweiz. 2 Bde. Publikation der NW EDK. Bern: Berner Lehrmittel- und Medienverlag, 2002. 285 p.
22. Hildebrandt, E., Maienfisch, K. Prozesse der Zusammenarbeit im Teamteaching (ProZiT) — ein Forschungsansatz zur Sichtbarmachung der Nutzung kreativer Potentiale. Individuelle Förderung und Lernen in der Gemeinschaft. Wiesbaden: VS Verlag / In: B. Kopp, S. Martschinke, M. Munser-Kiefer, M. Haider, E. Kirschhock, G. Rang er & G. Renner (Hrsg.), 2013, pp. 202–205.
23. Key influences on special education teachers' intentions to leave: The effects of administrative support and teacher team efficacy in a mediational model. Educational Management Administration & Leadership 2017, Vol. 45 (3) 521–540
24. Kolbe, F.U., S. Reh. Kooperation unter Pädagogen. Grundbegriffe Ganztagsbildung. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006, pp. 799–808.
25. Student teachers' team teaching: Models, effects, and conditions for implementation Teaching and Teacher Education Volume 41, July 2014, Pages 92–110
26. Team-Based Professional Development Interventions in Higher Education: A Systematic Review Author (s): Inken Gast, Kim Schildkamp and Jan T. van der Veen Source: Review of Educational Research, Vol. 87, No. 4 (August 2017), pp. 736–767
27. Team learning in teacher teams: team entitativity as a bridge between teams-in-theory and teams-in-practice Author (s): Katrien Vangrieken, Filip Dochy and Elisabeth Raes Source: European Journal of Psychology of Education, July 2016, Vol. 31, No. 3 (July 2016), pp. 275–298
28. The Cross-School Teacher Team as a Site for Learning. Katarina Cederlund. To cite this article: Katarina Cederlund (2018) The Cross-School Teacher Team as a Site for Learning, Education Inquiry, 9:2. Journal of Workplace Learning Vol. 25 No. 1, 2013 pp. 58–73
29. Vogt, F, Zumwald D. Aufgabenteilung und Arbeitsorganisation beim Teamteaching. Ergebnisse der Evaluation der Schweizer Basisstufe. Kooperation: Aktuelle Forschung zur Kooperation in und zwischen Schulen sowie anderen Partnern / S.T. Huber, F. Ahlgrimm (Hrsg.). Münster: Waxmann, 2012, pp. 103–123
30. What makes teacher teams in a vocational education context effective? A qualitative study of managers' view on team working. Journal of Workplace Learning Vol. 25 No. 1, 2013 pp. 58–73

МОДЕЛИРОВАНИЕ КРАТКОСРОЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ СТРУКТУР И ИХ БИЗНЕС-ЕДИНИЦ

Соколицына Наталья Александровна

Кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого;

Высшая школа производственного менеджмента
natasokoli@yandex.ru

MODELING SHORT-TERM LENDING TO IMPROVE THE ECONOMIC SUSTAINABILITY OF THE DEVELOPMENT OF INTEGRATED INDUSTRIAL STRUCTURES AND THEIR BUSINESS UNITS

N. Sokolitsyna

Summary. The article deals with the issues of short-term lending to integrated industrial structures and business units (industrial enterprises) for current and non-current assets in order to increase the economic sustainability of their development. As a result, an enlarged balance sheet of business units was developed in case of obtaining a short-term loan. On the basis of this balance, an economic and mathematical model for determining a short-term loan is formed, which ensures the financial stability of business units of integrated industrial structures and differs in the composition of the desired, simulated and exogenous parameters. On the basis of this model, an algorithm for determining a short-term loan for current and non-current assets has been developed, which allows, depending on the given values of the initial parameters, to obtain a certain set of feasible solutions. It is shown that the choice of the most effective (optimal) value of a short-term loan for non-current and current assets, taking into account ensuring the financial stability of business units, is associated with the problem of risk management. In this regard, as an optimization criterion, the maximum profit is proposed, taking into account the probabilistic assessment of the sale of products and their cost. Thus, an effective toolkit has been developed for short-term lending in the most promising strategic areas for the development of both business units and an integrated industrial structure as a whole in order to increase their sustainable economic development.

Keywords: modeling, economic stability, short-term credit, algorithm, non-current and current assets, integrated structures.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы краткосрочного кредитования интегрированных промышленных структур и бизнес-единиц (промышленные предприятия) под оборотные и внеоборотные активы с целью повышения экономической устойчивости их развития. В результате разработана укрупненная схема баланса бизнес-единиц в случае получения краткосрочного кредита. На основе данного баланса сформированы экономико-математическая модель определения краткосрочного кредита, обеспечивающая финансовую устойчивость бизнес-единиц интегрированных промышленных структур и отличающаяся составом искомым, моделируемых и экзогенных параметров. На базе данной модели разработан алгоритм определения краткосрочного кредита под оборотные и внеоборотные активы, позволяющий в зависимости от заданных значений исходных параметров получить определенное множество допустимых решений. Показано, что выбор наиболее эффективного (оптимального) значения краткосрочного кредита под внеоборотные и оборотные активы с учетом обеспечения финансовой устойчивости бизнес-единиц связан с проблемой управления рисками. В связи с этим в качестве критерия оптимизации предложен максимум прибыли с учетом вероятностной оценки реализации продукции и ее себестоимости. Таким образом, разработан эффективный инструментальный по краткосрочному кредитованию по наиболее перспективным стратегическим направлениям развития как бизнес-единиц, так и интегрированной промышленной структуры в целом с целью повышения их устойчивого экономического развития.

Ключевые слова: моделирование, экономическая устойчивость, краткосрочный кредит, алгоритм, внеоборотные и оборотные активы, интегрированные структуры.

Введение

Если в целом анализировать стратегические векторы устойчивого экономического развития бизнес-единиц интегрированных структур, то результаты их активности во многом определяются зависимостью от финансового состояния, особенностей тенденций бизнеса, эволюции интегрированной промышленной структуры в целом. Что касается основных векторов устойчивого развития отечественных интегрированных промышленных структур, то они в основном обусловлены производством новой продукцией, что должно приводить к увеличению выручки и прибыли, которые и выступают в качестве основных управляющих показателей. Кроме того, важно принять во внимание тот факт, что свое воздействие оказывают различные противоречивые факторы рынка. Поэтому нужно проводить расчет для ряда вариантов прогнозов выручки. Как правило, для того чтобы увеличить прибыль и выручку, нужно дополнительное ресурсное обеспечение интегрированной структуры. Увеличение объема оборотных, а также внеоборотных активов, которые необходимы для расширения деятельности, в некоторых случаях удается обеспечить посредством заемных средств. В связи с этим возрастает значимость в привлечении эффективных кредитов, в том числе краткосрочных кредитов под оборотные и внеоборотные активы для повышения экономической устойчивости развития интегрированных промышленных структур и их бизнес-единиц.

1. Литературный обзор

В настоящее время в экономической литературе осуществляется широкий круг исследований в сфере краткосрочного кредитования, в которой основное внимание концентрируется на определении эффективных объемов кредитов, кредитных рисках, параметрах выбора заемного лица, но многие вопросы требуют более глубокого рассмотрения.

В научной литературе отмечается, что для эффективного развития бизнес-единиц интегрированных структур необходимо использование заемных средств, потребность в которых возникает при увеличении спроса на продукцию структур при влиянии внешней и внутренней среды [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Многими авторами, такими как И.В. Пещанская, К.Н. Недосейкин, А.Л. Лавлинская, отмечается активное использование краткосрочного кредитования, как инструмента повышения рентабельности собственного капитала [7, 8, 9]. Рациональное управление и использование заемных средств приводит к увеличению прибыли, как основного показателя экономической устойчивости

и повышению уровня конкурентоспособности интегрированной структуры. Более того, отмечается, что использование заемных средств свидетельствует о гибкости экономического положения как бизнес-единицы, так и интегрированной структуры в целом и возможности их устойчивого развития [10].

В научной литературе отмечается актуальность формирования подходов к обоснованию экономической целесообразности привлечения кредита на тот или иной период. Так как привлечение заемных средств в большом объеме негативно влияет на экономику интегрированной структуры и в конечном итоге может снизить ее уровень рентабельности, то важно определить соответствующую величину кредита для получения максимального положительного эффекта с учетом возможных негативных последствий. В связи с этим ряд авторов, например В.С. Гуров, С.Г. Чеглакова, В.М. Волошин, исследуют вероятные ограничения при формировании рационального объема краткосрочных обязательств [11, 12].

Неэффективное использование заемных средств интегрированной структуры может привести к невозможности исполнения обязательств, снижению доверия к ней и экономической неустойчивости [13].

В качестве метода сбалансированности деятельности интегрированной структуры и контроля объемов заемных средств рядом авторов предлагается использование экономико-математического моделирования, которое позволяет определить рациональное соотношение между финансовыми показателями и влияющими параметрами [14, 15].

Таким образом, экономически целесообразно рассматривать вопросы краткосрочного кредитования интегрированных структур для повышения экономической устойчивости их развития.

2. Моделирование краткосрочного кредитования интегрированных промышленных структур и бизнес-единиц

Для определения краткосрочных кредитов под оборотные и внеоборотные активы бизнес-единиц необходимо построить укрупненную схему баланса в случае получения кредита (таблица 1).

Взятый кредит и увеличение выручки, обусловленное реализацией данного кредита, приводят к увеличению кредиторской задолженности в размере:

$$X + V + \frac{axb}{1-b}$$

Таблица 1. Укрупненная схема баланса бизнес-единицы при получении краткосрочного кредита

BA+w	КР
ОА в т.ч.: З+y ДЗ+z	в т.ч.: ax
	ДП
	КП в т.ч.: ЗС+x $KЗ + v + \frac{axB}{1 - B}$
A+y+z+w	$\Pi + ax + x + v + \frac{axB}{1 - B}$

Условные обозначения:

ОА, ВА — оборотные, а также внеоборотные активы бизнес-единицы соответственно; КР — капитал и резервы бизнес-единицы; КП, ДП — краткосрочные, а также долгосрочные пассивы бизнес-единицы соответственно; З — объем имеющихся запасов; ЗС — заемные средства бизнес-единицы; С — размер средней ставки финансового института по кредиту; x — нужных объем кредита краткосрочного характера; v, z, w, y — параметры прироста или убыли кредиторской дебиторской задолженности, внеоборотных активов, запасов соответственно; B, B₀ — прогнозный и отчетный объем выручки; ДЗ, КЗ — дебиторская и кредиторская задолженности соответственно; в-платежи в бюджет из прибыли; а — норма прибыли на капитал; А, П — соответственно актив и пассив баланса.

Это дает возможность построить систему математических соотношений.

1. Объем балансовой прибыли и налог на прибыль определяются соответственно

$$\frac{ax}{1 - B} \text{ и } \frac{axB}{1 - B}.$$

2. Прогнозируемые параметры баланса рассчитываются

$$y + z + w = ax + x + v + \frac{axB}{1 - B}$$

или

$$y + z + w - x - v - \frac{axB}{1 - B} = ax. \quad (1)$$

3. В целом, связь между прогнозируемыми размерами прибыли, себестоимости, балансовой прибыли выражается в форме неравенства:

$$B - C - \text{БП}_0 \geq \frac{ax}{1 - B},$$

$$(1 - B)(B - C - \text{БП}_0) \geq ax. \quad (2)$$

4. Определяется взаимосвязь прогнозной выручки с оборотными активами:

$$\frac{B_0}{(OA - КП)} = \frac{B}{[(OA + y + z) - (КП + x + v + \frac{axB}{1 - B})]}$$

или

$$y + z - x - v - \frac{axB}{1 - B} = (OA - КП) \left(\frac{B}{B_0} - 1 \right). \quad (3)$$

5. Используются эффект финансового рычага (ЭФР) для определения экономической целесообразности получения кредита:

$$\text{ЭФР} = (1 - B)(R_a - \text{СРСП}) \frac{ЗС}{СС}$$

где R_a — рентабельность активов, СРСП — средняя расчетная ставка процента, в долях от единицы; показатель

$$\frac{ЗС}{СС}$$

плечо финансового рычага;

а (1 - B)(R_a - СРСП) — дифференциал финансового рычага.

В том случае, если получение кредита влечет за собой увеличение ЭФР, то такое заимствование выгодно для бизнес-единицы. Положительный эффект рычага достигается при дифференциале больше 0. Соответственно, кредит будет также выгодным, если ЭФР отвечает условию:

$$\text{ЭФР} = (1 - B)(R_a - \text{СРСП}) \frac{ЗС}{СС} \geq 0.$$

Средняя цена заемных средств по бизнес-единице определяется:

$$СРСП = \frac{\sum_i СБП_i \cdot ККЗ_i}{\sum_i ККЗ_i},$$

где СБП_i — ставка кредита i-го вида в плановом периоде (в долях от единицы); ККЗ_i — величина краткосрочного кредита i-го вида в плановом периоде.

В процессе анализа экономической целесообразности привлечения кредита кредиторскую задолженность в вычислениях можно не учитывать, так как по экономическому содержанию она не является заемным капиталом вследствие того, что она имеет место только для финансирования текущих потребностей бизнес-единицы. В этом случае условие экономической целесообразности получения кредита примет следующий вид:

$$(1 - В) \left(\frac{БП_0 + \frac{ax}{1-b}}{(A+y+z+w) - (КЗ+v+\frac{axb}{1-b})} - \frac{СБП \cdot ККЗ + СБП \cdot x}{ККЗ + x} \right) \frac{ККЗ + x}{КР + ax} \geq 0,$$

где СБП, СБП — соответственно процентная ставка по кредиту в отчетном и плановом периодах; ККЗ — величина кредита в отчетном периоде.

В случае отсутствия у бизнес-единицы задолженностей по краткосрочному кредиту на начало планового периода эта формула преобразуется следующим образом:

$$(1 - В) \left(\frac{БП_0 + \frac{ax}{1-b}}{(A+y+z+w) - (КЗ+v+\frac{axb}{1-b})} - СБП \right) \frac{x}{КР + ax} \geq 0,$$

где БП₀ — балансовая прибыль на конец отчетного периода.

В скобках данного выражения (второй множитель) является дифференциалом финансового рычага. Ранее мы говорили о том, что если его значение не является отрицательным, то это будет выгодно в экономическом плане бизнес-единице. В противном случае финансовое положение бизнес-единицы только усугубится, то есть кредит будет экономически нецелесообразен.

Выражение, которое описывает условие целесообразности привлечения кредитных средств примет следующий вид:

$$(y + z + w - v) - \frac{ax}{СБП(1-b)} (1 + В \cdot СБП) \leq \frac{БП_0}{СБП} - (A - КЗ). \tag{4}$$

6. Для бизнес-единиц интегрированных структур к наиболее значимым среди показателей оборачиваемости их средств следует отнести оборачиваемость оборотных активов и дебиторской задолженности, для которой в соответствии с литературными источника-

ми время оборачиваемости не должно превосходить более 70 дней. Аналогично в литературных источниках рекомендуемый срок оборачиваемости не должен быть более 120 дней. В связи с этим можно сформировать ограничение на срок оборачиваемости прироста дебиторской задолженности:

$$\frac{zT}{B-B_0} \leq t_z \text{ или } z \leq t_z \frac{B-B_0}{T}, \tag{5}$$

где t_z — допустимый период оборачиваемости дебиторской задолженности; T — продолжительность планового периода времени.

7. Определяется период оборачиваемости внеоборотных активов по формуле:

$$w \leq t_w \frac{B-B_0}{T}, \tag{6}$$

где t_w — допустимый период оборачиваемости внеоборотных активов.

8. Рассмотрим определение значений коэффициентов текущей ликвидности (К_{ТЛ}) и обеспеченности собственными средствами (К_{ОСС}), для которых установлены нижние границы (К_{ТЛ} ≥ 2; К_{ОСС} ≥ 0,1). Для нашего случая рассмотрим ситуацию, чтобы значения этих коэффициентов в плановом периоде были бы не меньше в отчетном. Тогда ограничения на коэффициенты текущей ликвидности и обеспеченности собственными средствами примут вид:

$$\frac{0A+y+z}{КП+x+v+\frac{axb}{1-b}} \geq d; \tag{7}$$

$$\frac{КР+ax-BA-w}{0A+y+z} \geq L; \frac{КР+ax-BA-w}{0A+y+z} \geq 0,1, \tag{8}$$

где d, L (L ≥ 0,1) — соответственно нижние границы допустимого значения коэффициентов К_{ТЛ} и К_{ОСС}.

9. Аналогично установим ограничения на прогнозируемые коэффициенты рентабельности, чтобы их значения в плановом периоде были не меньше, чем в отчетном. В результате показатели рентабельности рассчитываются по формулам:

$$R_{ТП} = \frac{B-C}{C} \geq r_1; R_a = \frac{B-C}{A+y+z+w} \geq r_2;$$

$$R_{СС} = \frac{B-C}{КР+ax} \geq r_3; R_B = \frac{B-C}{B} \geq r_4,$$

где r₁, r₂, r₃, r₄ соответственно нижние границы коэффициентов рентабельности товарной продукции, активов, собственных средств и выручки; C — себестоимость продукции.

Если процент отчислений от прибыли в плановом и отчетном периодах один и тот же и нижние границы

на эти коэффициенты установлены в соответствии со значениями отчетного периода, то рассмотренные коэффициенты на рентабельность примут следующий вид:

$$\frac{B-C}{A+y+z+w} \geq \frac{БП_0}{A}, \quad (9)$$

$$\frac{B-C}{КР+ax} \geq \frac{БП_0}{КР}, \quad (10)$$

$$\frac{B-C}{C} \geq \frac{БП_0}{C_0}, \quad (11)$$

$$\frac{B-C}{B} \geq \frac{БП_0}{B_0}. \quad (12)$$

10. В качестве дополнения к выражениям, которые отражают непосредственную взаимосвязь производственно-хозяйственной деятельности и финансовой стабильности бизнес-единицы нужно еще добавить соотношение, которое описывало бы компоненты себестоимости продукции — постоянные, а также переменные затраты.

$$\frac{B}{B_0} C_{пер} + C_{пост} \geq C, \quad (13)$$

где $C_{пер}$, $C_{пост}$ — переменные и постоянные затраты соответственно.

Рассмотренные формулы (1) — (13) формируют экономико-математическую модель, которая может не иметь допустимых решений по различным причинам. Все допустимые решения обеспечивают финансовые результаты в плановом периоде не ниже, чем в отчетном.

Теперь рассмотрим более детально систему ограничений (1) — (13) построенной модели:

$$y + z + w - v - \frac{axb}{1-b} = (1+a)x; \quad (14)$$

$$(1-b)(B-C-БП_0) \geq ax; \quad (15)$$

$$y + z - x - v - \frac{axb}{1-b} = (OA - КП) \left(\frac{B}{B_0} - 1 \right); \quad (16)$$

$$y + z + w - v - \frac{axb}{1-b} \leq \frac{ax}{СБП(1-b)} + \frac{БП_0}{СБП} - (A - КЗ); \quad (17)$$

$$z \leq t_z \frac{B-B_0}{T}; \quad (18)$$

$$w \leq t_w \frac{B-B_0}{T}; \quad (19)$$

$$\frac{OA+y+z}{КП+x+v+\frac{axb}{1-b}} \geq d; \quad (20)$$

$$\frac{КР+ax-BA-w}{OA+y+z} \geq L; \quad (21)$$

$$\frac{B-C}{A+y+z+w} \geq \frac{БП_0}{A}, \quad (22)$$

$$\frac{B-C}{КР+ax} \geq \frac{БП_0}{КР}, \quad (23)$$

$$\frac{B-C}{B} \geq \frac{БП_0}{B_0}, \quad (24)$$

$$\frac{B-C}{C} \geq \frac{БП_0}{C_0}, \quad (25)$$

$$\frac{B}{B_0} C_{пер} + C_{пост} \geq C. \quad (26)$$

Прирост выручки $\left(\frac{B}{B_0} - 1 \right)$

обозначим через p .

Умножив на (-1) уравнение (14) и сложив его с (16) получим:

$$ax - w = (OA - КП)p. \quad (27)$$

В соответствии с (27) определяем величину x .

$$x = \frac{(OA-КП)p+w}{a}. \quad (28)$$

Прирост внеоборотных активов рассчитывает согласно (19):

$$w = t_w \frac{B_0 p}{T}. \quad (29)$$

Из ограничения (18) рассчитывается z :

$$z = t_z \frac{B_0 p}{T}. \quad (30)$$

Прирост запасов y определяется согласно (20):

$$y = dКП + \frac{d}{a} \left[(OA - КП)p + \frac{t_w B_0 p}{T} \right] \left(1 + \frac{ab}{1-b} \right) + dv - \frac{t_z B_0 p}{T} - OA. \quad (31)$$

Прирост кредиторской задолженности без учета увеличения налога на прибыль — v рассчитывается посредством подстановки значения (31) в выражение (16):

$$v = \frac{(OA-КП)p+OA-dКП-(d-1)\left(1+\frac{ab}{1-b}\right)\left[\frac{(OA-КП)pT+t_w B_0 p}{aT}\right]}{d-1}. \quad (32)$$

На основании рассчитанной величины v определяется значение y путем использования выражения (31).

Для построения алгоритма решения сформированной экономико-математической модели нужно определить выполняются ли соотношения (17) и (21).

Проанализируем выражение (17) с точки зрения экономической целесообразности получения кредита. Если выражение будет выполняться, то бизнес-единице целесообразно получить кредит с целью повышения эффективности собственной деятельности. После того, как в него будут подставлены выражения (28) — (32), после преобразований получаем:

$$\left(1 - \frac{a}{\text{СБП}(1-b)}\right) \left[\frac{(\text{ОА} - \text{КП})pT + t_w B_0 p}{aT} \right] + \frac{t_w B_0 p}{T} + (\text{ОА} - \text{КП})p \leq \frac{\text{БП}_0}{\text{СБП}} - (\text{А} - \text{КЗ}). \quad (33)$$

Если соотношение (33) не будет выполняться, то нужно его проанализировать. С этой целью вводится система обозначений:

$$r_1 = \left(1 - \frac{a}{\text{СБП}(1-b)}\right) \left[\frac{(\text{ОА} - \text{КП})pT + t_w B_0 p}{aT} \right] + \frac{t_w B_0 p}{T} + (\text{ОА} - \text{КП})p$$

и (34)

$$r_2 = \frac{\text{БП}_0}{\text{СБП}} - (\text{А} - \text{КЗ}).$$

И если по итогам деятельности бизнес-единицы за отчетный период $r_1 \leq r_2$, то нужно прирост выручки увеличить до уровня:

$$p = \frac{\frac{\text{БП}_0}{\text{СБП}} - (\text{А} - \text{КЗ})}{\left(1 - \frac{a}{\text{СБП}(1-b)}\right) \left[\frac{(\text{ОА} - \text{КП})pT + t_w B_0 p}{aT} \right] + \frac{t_w B_0 p}{T} + \text{ОА} - \text{КП}}. \quad (35)$$

Если не удастся достигнуть такого прироста выручки, то получение кредита экономически нецелесообразно.

Чтобы проверить неравенство (21) нужно подставить в него выражения (28) — (32). После преобразования получаем:

$$\frac{\text{КР} - \text{ВА} + (\text{ОА} - \text{КП})p}{L} \geq d\text{КП} + \frac{d}{d-1} [(\text{ОА} - \text{КП})p + \text{ОА} - \dots]$$

Далее проанализируем выполнение ограничений на величину себестоимости выпускаемой продукции:

$$C \leq \begin{cases} (1+p)V_0 - \frac{ax}{1-b} - \text{БП}_0; \\ (1+p)V_0 - \left(1 + \frac{y+z+w}{A}\right) \text{БП}_0; \\ (1+p)V_0 - \left(1 + \frac{ax}{\text{КР}}\right) \text{БП}_0; \\ (1+p)V_0 \left(1 - \frac{\text{БП}_0}{V_0}\right); \\ \frac{(1+p)V_0}{1 + \frac{\text{БП}_0}{C_0}}; \\ (1+p)C_{\text{пер}} + C_{\text{пост}}. \end{cases}$$

В системе (14) — (26) из всех искомым параметров наиболее приоритетным является прибыль и его лучше всего использовать в качестве управляющего параметра.

Реализация алгоритма является итерационной и состоит из следующих шагов:

1. Установление исходных параметров и данных по модели.

2. Изначально устанавливается вариант выручки согласно определенному шагу увеличения объемов выручки:

$$V = V_l = (1+p) V_0$$

3. На основании соблюдения соотношения (19), определяется максимально допустимый прогнозируемый на плановый период прирост внеоборотных активов, который связан с увеличением выручки. За планируемый квартал принимается 90 дней:

$$w \leq \frac{t_w B_0 p}{T},$$

где t_w — допустимый период оборачиваемости внеоборотных активов, определяемый на основании данных отчетного периода:

$$t_w = \frac{\text{ВА} \cdot T}{B_0}.$$

4. Определяется, согласно формуле (27), величина кредита:

$$x = \frac{(\text{ОА} - \text{КП})p + w}{a}.$$

5. На базе соотношения (34) осуществляется проверка экономической целесообразности получения кредита данной величины:

$$r_1 = \left(1 - \frac{a}{\text{СБП}(1-b)}\right) \left[\frac{(\text{ОА} - \text{КП})pT + t_w B_0 p}{aT} \right] + \frac{t_w B_0 p}{T} + (\text{ОА} - \text{КП})p$$

и

$$r_2 = \frac{\text{БП}_0}{\text{СБП}} - (\text{А} - \text{КЗ}).$$

Если выполняется условие $r_1 \leq r_2$, то осуществляется переход к шагу 6, в противном случае к шагу 11.

6. Определяется максимально допустимый прирост прогнозируемой дебиторской задолженности на планируемый период исходя из соотношения (18), обусловленный приростом выручки:

$$z \leq \frac{t_z B_0 p}{T},$$

где t_z — допустимый период оборачиваемости дебиторской задолженности, определяемый на основании данных отчетного периода:

$$t_z = \frac{d3 \cdot T}{B_0}$$

7. Определение прогнозируемой величины прироста кредиторской задолженности согласно формуле (32):

$$v = \frac{(OA - КП)p + OA - dКП - (d-1)\left(1 + \frac{ab}{1-b}\right) \left[\frac{(OA - КП)pT + t_w B_0 p}{aT} \right]}{d-1}$$

где d — допустимый коэффициент текущей ликвидности на планируемый период.

8. Определение величин прироста запасов бизнес-единицы, обусловленного приростом выручки, по формуле (31):

$$y = dКП + dx \left(1 + \frac{ab}{1-b} \right) + dv - z - OA$$

или

$$y = dКП + \frac{d}{a} \left[(OA - КП)p + \frac{t_w B_0 p}{T} \right] \left(1 + \frac{ab}{1-b} \right) + dv - \frac{t_z B_0 p}{T} - OA$$

9. Проверяется насколько выполняется выражение (21). Если оно выполняется, то подставив выражения (28) — (32) в (21) получаем:

$$\frac{КР - BA + (OA - КП)p}{L} \geq dКП + \frac{d}{d-1} [(OA - КП)p + OA - dКП].$$

И если данное условие выполняется, то можно переходить к шагу 10. Иначе необходимо увеличить выручку до B_2 и шаги 2–8 нужно повторить.

10. Проверяется насколько выполняются ограничения на показатель себестоимости в выражениях (15), (22) — (27).

$$C \leq \begin{cases} (1+p)B_0 - \frac{ax}{1-b} - БП_0; \\ (1+p)B_0 - \left(1 + \frac{y+z+w}{A} \right) БП_0; \\ (1+p)B_0 - \left[1 + \frac{ax}{КР} \right] БП_0; \\ (1+p)B_0 \left(1 - \frac{БП_0}{B_0} \right); \\ \frac{(1+p)B_0}{1 + \frac{БП_0}{C_0}}; \\ (1+p)C_{пер} + C_{пост}. \end{cases}$$

В том случае, если система неравенств будет выполняться, то искомое значение себестоимости будет той самой максимальной величиной, больше которой бизнес-единица не сможет иметь без ухудшения других финансовых параметров. Иначе необходимо увеличить выручку до B_2 и повторить шаги 2–9.

11. Осуществляется определение целесообразности получения кредита и соответствующего увеличения выручки с целью обеспечения экономической выгоды в получении кредита.

В случае невыполнения выражения (33) анализируются следующие зависимости:

11.1 Если выполняются условия $r_1 \geq 0, r_2 < 0$, то получение кредита в таком объеме не целесообразно.

11.2 Если выполняется условие $r_1 \geq r_2$, то для обеспечения экономической целесообразности прирост выручки нужно увеличить до уровня, представленного в формуле (25):

$$p = \frac{\frac{БП_0}{СВП} - (A - КЗ)}{\left(1 - \frac{a}{СВП(1-b)} \right) \left[\frac{(OA - КП)pT + t_w B_0 p}{aT} \right] + \frac{t_w B_0 p}{T} + OA - КП}$$

Решение задачи (14) — (26) завершается анализом последнего варианта выручки продукции, когда выполняются условия данной задачи.

12. Определение баланса бизнес-единицы в процессе привлечения краткосрочного кредита под оборотные, а также внеоборотные активы.

13. Определение параметров финансовой устойчивости бизнес-единицы в ходе привлечения краткосрочного кредита под оборотные, а также внеоборотные активы.

14. Детализированный анализ варианта привлечения краткосрочного кредита, который удовлетворяет исходным параметрам и данным модели.

Однако мало сформировать модель, по которой будет установлена целесообразность получения краткосрочного кредита под оборотные и внеоборотные активы, необходимо еще спланировать развитие ситуации. Очень важно в стратегическом управлении бизнес-единицей реализовать в практическую деятельность данную модель по получению краткосрочного кредита.

Для интегрированной промышленной структуры и бизнес-единиц в качестве важнейшего показателя оценки их производственно-хозяйственной деятельности выступает прибыль. Поэтому данный показатель целесообразно выбрать в качестве целевой функции при решении системы (14) — (26), то есть при оценке экономической целесообразности получения краткосрочного кредита для устойчивого развития бизнес-единицы и интегрированной структуры в целом. В результате получаем следующую целевую функцию:

$\max \text{ЧП}_i [q_i (V_i)],$

где ЧП_i [q_i (V_i, C_i)] — получаемая чистая прибыль бизнес-единицы при i-м варианте ее развития с учетом вероятности q_i получения выручки V_i и себестоимости C_i в планируемом периоде.

Заключение

В работе сформирована укрупненная схема баланса бизнес-единицы интегрированной промышленной структуры при получении краткосрочного кредита как под оборотные, так и внеоборотные активы, с помощью которой

разработана математическая модель по расчету краткосрочного кредита. Для реализации разработанной экономико-математической модели сформирован алгоритм расчета кредита, на основании которого возможно получить определенное множество допустимых решений. Получение наиболее предпочтительного кредита обусловлено рисками реализации продукции и формированием ее себестоимости. Поэтому в качестве целевой функции выступает максимизация получаемой прибыли с учетом вероятности реализации продукции и формирования ее себестоимости. Реализация рассчитанного кредита позволит повысить конкурентоспособность и обеспечить устойчивое экономическое развитие бизнес-единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугаков В.М. Механизмы формирования сумм краткосрочных кредитов малых производственных предприятий // Вестник Саратовского государственного технического университета. — 2009. — 4 с.
2. Илюшин В.Е., Балабаева Ю.А. Характеристика ключевых подходов управления дебиторской и кредиторской задолженностью организации // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. — 2015. — 8 с.
3. Дарискальева М.С., Идельбаева А.С., Хамидуллина Ж.Б., Сисенгалиева Ш.Б. Формы и функции краткосрочного кредитования предприятий, их особенности // Наука и мир. — 2020. — № 2–1 (78) . — С. 39–44.
4. Незванкина Ю.А. Развитие системы краткосрочного кредитования в аграрном секторе как приоритетное направление обеспечения источниками оборотных средств // Нива Поволжья. — 2008. — № 1 (6) . — С. 73–77.
5. Дмитриев А.М. Теоретические подходы к моделированию оптимальных ставок внутрифирменного кредитования в холдинговых компаниях // Вестник алтайской академии экономики и права. — 2020. — № 12–1. — С. 72–83.
6. Шигильчева С.А., Задорова Т.В., Христофорова А.В. Оценка влияния мер государственной поддержки на финансовую стабильность предприятий // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. — 2022. — Т. 32. № 3. — С. 482–487.
7. Недосейкин К.Н. Инерция кредитования и инвестирования обновления основного капитала // Известия Байкальского государственного университета. — 2013. — № 4 (90) . — С. 11–15.
8. Лавлинская А.Л. Нормирование собственного оборотного капитала как важнейший инструмент обеспечения финансовой устойчивости аграрных предприятий // Вестник аграрной науки. — 2017. — № 1 (64) . — С. 90–98.
9. Пещанская И.В. Краткосрочный кредит: теория, методология, практика: автореф. дисс. . . д.э.н.: 08.00.10 / И.В. Пещанская. — Москва, 2004. — 40 с.
10. Бердникова Л.Ф., Одарич В.В. К вопросу об анализе эффективности использования дебиторской и кредиторской задолженности // Карельский научный журнал. — 2016. — Т. 5. № 4 (17) . — С. 56–59.
11. Гуров В.С., Чеглакова С.Г. Учетно-аналитическое обеспечение как инструмент управления рисками хозяйственной деятельности // Международный бухгалтерский учет. — 2014. — № 23 (317) . — С. 15–24.
12. Волошин В.М. Критерии выбора краткосрочных источников финансирования // Вестник МГТУ. Труды мурманского государственного технического университета. — 2013. — Т. 16. № 2. — С. 219–224.
13. Родионов Л.Н., Ташбулатова Л.Р. Оценка влияния факторов на уровень долговой нагрузки предприятий // American scientific journal. — 2021. — № 56–2. — С. 48–53.
14. Подсумкова Л.А. К вопросу о необходимости управления дебиторской и кредиторской задолженностями производственного предприятия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2017. — № 4 (68) . — С. 64–67.
15. Бугаков В.М. Оперативное управление промышленным предприятием при росте спроса на выпускаемую продукцию // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2010. — № 2. — С. 37–45.

© Соколицына Наталья Александровна (natasokolii@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

HUMAN RESOURCES POTENTIAL AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

**N. Speshilova
S. Dedeeva
O. Arkova**

Summary. The article discusses the theoretical aspects of the human resource potential of the region, as well as its assessment in terms of quantitative and qualitative indicators. The analysis of the country's human resources potential is presented according to such indicators as the population of the country, the share of the able-bodied population, and also the natural movement of the population in Russia over the past six years is considered. The main problems in the regions of Russia concerning the staffing of the economy by young specialists are identified. An action plan has been developed for the development of human resources in the region, which is based on mechanisms of state, municipal and private interactions. Human resource potential, as a driver of the growth of the economy of the future, plays an important role in increasing the sustainability of the development of socio-economic indicators in the region. The data of the official statistics of Rosstat are used as an information base.

Keywords: economy, region, human resources, population, regional development, regional economy, personnel.

Спешилова Наталья Викторовна

Доктор экономических наук, профессор,
Оренбургский государственный университет
spfenics@yandex.ru

Дедеева Светлана Александровна

Кандидат экономических наук, Оренбургский
государственный университет
dedeeva79@mail.ru

Арькова Ольга Валерьевна

Оренбургский государственный университет
arkova84@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические аспекты кадрового потенциала региона, а также проведена его оценка с точки зрения количественных и качественных показателей. Представлен анализ кадрового потенциала страны по таким показателям, как численность населения страны, доля трудоспособного населения, а также рассмотрено естественное движение населения в России за последние шесть лет. Выявлены основные проблемы в регионах России, касающиеся кадрового обеспечения экономики молодыми специалистами. Разработан план мероприятий для развития кадрового потенциала в регионе, в основе которого заложены механизмы государственных, муниципальных и частных взаимодействий. Кадровый потенциал, как драйвер роста экономики будущего, играет важную роль в повышении устойчивости развития социально-экономических индикаторов в регионе. В качестве информационной базы использованы данные официальной статистики Росстата.

Ключевые слова: экономика, регион, кадровый потенциал, численность населения, региональное развитие, региональная экономика, кадры.

Каждый регион является субъектом страны, вносящим свой вклад в развитие экономики. Именно кадровое региональное развитие, как институциональная среда, способствует экономическому росту, воздействуя на уровень жизни населения.

Обоснованием актуальности исследования является:

- ♦ во-первых, оказываемое влияние кадрового потенциала не только на экономической рост отдельно взятого региона, но и страны в целом. В современной экономике развитие кадрового потенциала является одним из перспективных направлений;
- ♦ во-вторых, предписывание человеческому ресурсу роли наиболее ценного ресурса, который требует инвестиций, также, как и любое другое предприятие. Вложение в человеческий капитал,

его развитие и рациональное использование являются гарантом повышения его эффективности в трудовой деятельности;

- ♦ в-третьих, предъявляемые к людям требования по владению новыми навыками и компетенциями, особенно в условиях перехода от индустриальной экономики к цифровой. Данный аспект способствует развитию нового кадрового потенциала в регионах, осуществляющего все направления цифровизации [1].

Кадровый потенциал — это возможности определенной категории рабочих, специалистов, других групп работников, которые могут быть приведены в действие в процессе трудовой деятельности в соответствии с должностными обязанностями и поставленными перед коллективом целями на определенном этапе развития [4].

Рис. 1. Оценка кадрового потенциала региона [2]

Существует несколько понятий, так или иначе относящихся к кадровому потенциалу, но по своему содержанию все они схожи. Анализ научной литературы последних лет показал, что в экономике, социологии, статистике, управленческих науках существуют различные трактовки, связанные с трудовой деятельностью человека.

Понятия «кадры» и «кадровый потенциал» определяются с нескольких точек зрения. Так, например, по мнению Э.В. Крума понятия «персонал предприятия» и «кадры» отождествляются. Автор считает, что кадровый потенциал — это способность кадров решать стоящие перед ними текущие и перспективные задачи. Он определяется численностью кадров, их образовательным уровнем, личностными качествами, профессионально-квалификационной, половозрастной структурой, характеристиками трудовой и творческой активности [4].

Ильин А.И. в своих научных трудах разделяет понятия «персонал» и «кадры» и под «кадровым потенциалом» понимает интегральную характеристику сотрудников, представляющую собой их максимальные возможности по достижению целей предприятия [3].

Ряд других авторов под «кадровым потенциалом» понимают сложное сочетание профессиональных, фи-

зических и творческих способностей, знаний, навыков, опыта, духовных и нравственных ценностей, культурных установок и традиций работников.

Среди всех подходов особое место занимает «кадровый потенциал», однако единой трактовки до настоящего времени не создано. Отмечено, что в основе экономической категории «кадровый потенциал» заложено понятие эффективности.

Оценивая кадровый потенциал необходимо использовать систему количественных и качественных показателей, схематично представленную на рисунке 1. [2]

Одними из важнейших показателей формирования кадров являются уровень образования и финансовая грамотность населения. В связи с этим развитие системы непрерывного профессионального образования в регионе становится актуальной задачей.

Какие бы не были прекрасные идеи, новейшие технологии, самые благоприятные внешние условия не существовали, без хорошо подготовленного персонала высокой активности на предприятии добиться невозможно.

Современный этап развития региональной экономики связан с новым взглядом на кадровый потенциал

Рис. 2. Численность населения с 2017 по 2022 гг. в РФ
Составлено авторами [5]

Рис. 3. Естественное движение населения в России с 2017 по 2022 гг.
Составлено авторами [5]

как важнейший фактор экономического роста. В связи с этим рациональное использование трудовых ресурсов является актуальным направлением социально-экономического развития региона [7].

Одной из стратегических целей Российской Федерации является обеспечение ее устойчивого развития с целью эффективного использования научно-технического потенциала, человеческого и природного капитала в долгосрочной перспективе. В свою очередь

одним из важных факторов устойчивого развития страны является ее кадровый потенциал. Следует отметить, что в Концепции устойчивого развития, которая была декларирована членами-государствами ООН в 2015 г. в итоговом документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в число семнадцати приоритетных целей устойчивого развития вошли «содействие полной и производительной занятости и достойной работе для всех», а также «обеспечение всеохватного и качествен-

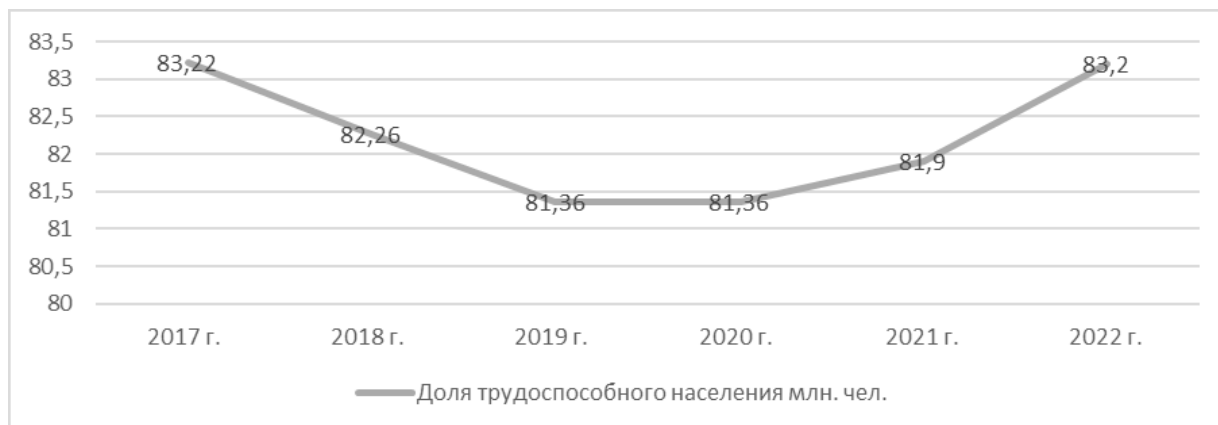

Рис. 4. Доля трудоспособного населения в РФ с 2017 по 2022 г. Составлено авторами [5]

Основные проблемы кадрового обеспечения экономики регионов России молодыми специалистами				
Не сбалансирован спрос и предложение рабочей силы	Рынки труда и образовательных услуг слабо связаны между собой	Отсутствует четкая система профессиональной ориентации молодежи	Имеется избыточное количество специалистов невостребованных профессий	Существует несоответствие между профессиональной подготовкой выпускников и требованиями работодателей

Рис. 5. Основные проблемы кадрового обеспечения экономики регионов России молодыми специалистами

ного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» [6].

Оценим состояние кадрового потенциала страны по следующим показателям: численность населения; доля трудоспособного населения в общей численности населения. Так на рисунке 2 представлена численность населения с 2017 по 2022 гг. в РФ по данным [5].

По данным, отображаемым на рисунке 2, можно сделать вывод, о том, что с 2017 по 2022 гг. численность населения выросла на 175 661 чел., но по отношению с 2021 г. данный показатель в России уменьшился на 1 146 823 чел. Это рекордное сокращение численности, связано с периодом пандемии коронавируса [10].

Рассмотрим современное состояние кадрового потенциала российской экономики по данным пока-

зателям с точки зрения угроз устойчивому развитию страны. Численность населения — начиная с 2017 г. в России замедлился рост рождаемости, а темпы снижения смертности оказались недостаточными для обеспечения естественного прироста населения (см. рис. 3).

В соответствии со статистическими данными Росстата, в 2017 г. число родившихся человек в России по сравнению с 2022 г. составило на 817 907 человек меньше, рождаемость сократилась почти в два раза, а количество умерших за этот же период сократилось на 528 825 человек. Самые рекордные показатели смертности были в 2020 г. это было связано с пандемией коронавируса.

На основании статистических данных, представленных на рисунке 4, можно сказать, что самой кри-

Рис. 6. План мероприятий для развития кадрового потенциала в регионе

тической точкой стали 2019 г. и 2020 г. по сравнению с 2022 г. доля трудоспособного населения в РФ сократилась на 1,84 млн. человек.

Сравнивая 2021 г. с 2022 г., число трудоспособных граждан увеличилось на 1,3 млн. человек. Однако, начиная с 2021 г. наблюдается закономерный рост трудоспособного населения, что связано с преодолением негативных последствий демографической ямы 1990-х годов. Сейчас активное трудовое пополнение приходится на выпускников вузов и колледжей, рожденных после 2000 г. Процент трудоустройства выпускников по специальности доходит в некоторых вузах до 85%. Как считают эксперты, что те, кто хочет работать, без

работы не останутся: всегда есть вакансии, как в сфере бизнеса, так и в сфере государственной службы.

Крайне важными являются прогнозирование потребности в кадрах, качественная их подготовка, профориентация и трудоустройство выпускников. При этом комплексная оценка социально-экономического развития региона позволяет выявить проблемы, связанные с диспропорцией в системе подготовки и обеспечения кадрами и реальными потребностями рынка труда.

Можно выделить целый ряд проблем в регионах России, касающихся кадрового обеспечения экономики молодыми специалистами (рис. 5).

Еще одним немаловажным фактором развития для экономики страны является приход молодых специалистов в бизнес. Создание собственного дела поощряется сейчас в вузах посредством обучения и помощи разработки работающих стартапов. Так, после окончания вуза студент вполне может попробовать свои силы в интернет-торговле, сфере обслуживания, сфере транспортных перевозок и пр., что послужит росту числа населения, вовлеченного в трудовой процесс, а это в свою очередь является ключевым показателем в формировании спроса, а спрос на товары и услуги развивает экономику региона и страны.

В связи с этим, можно выделить основные задачи, которые необходимо решить для достижения цели развития кадрового потенциала, что представлено на рисунке 6.

Посредством государственных, муниципальных и частных взаимодействий становится реальным повышение кадрового потенциала в регионе, за чем последует рост качества жизни населения. Поэтому кадровый потенциал, как драйвер роста экономики будущего, играет важную роль в повышении устойчивости социально-экономических индикаторов в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аношин Е.А., Пугина Л.И. Кадровый потенциал региона как драйвер роста экономики будущего [Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/103589/1/978-5-8295-0768-8_2021_03.
2. Батракова Л.Г. Кадровый потенциал региона как основа устойчивого инновационного развития // Социально-политические исследования. — 2020. — № 4 (9) . — С. 78–94.
3. Дедеева С.А. Иневатова О.А., Лазарева О.С. Социально-экономические аспекты развития трудовых ресурсов: учебное пособие. — Оренбург: филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2022. — 166 с.
4. Дедеева С.А., Галушко М.В. Человеческий капитал и знания — главное направление в развитии экономики страны // Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации: Сборник статей Междунар. науч. — практ. конф., 6–7 нояб. 2019 г., Оренбург. — Оренбург: ОГУ, 2019. — С. 438–441.
5. Демографический ежегодник России. 2022: Стат. Сб. Росстат. [Электронный ресурс] — М., 2022. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
6. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации Цели устойчивого развития ООН и Россия // <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>
7. Дуплина М.А., Субботина Т.Ю. Проблемы формирования и реализации государственной кадровой политики // Торгово-экономические проблемы регионального бизнес пространства. — 2015. — № 1. — С. 40–44.
8. Мажарова Н.А., Спешилова Н.В., Андриенко Д.А. Проблемы формирования высококвалифицированных кадров для экономики региона в условиях цифровизации (на примере Оренбургской области) // Труд и социальные отношения, 2020. — № 1. — С. 84–100.
9. Толкунова Е.Г. Управление персоналом в эпоху цифровой экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — Т. 9. (№ 6А) . — С. 138–143.
10. COVID-19: Ключевые вопросы управления персоналом [Электронный ресурс] // Ernst & Young. — Режим доступа: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/topics/workforce/ey-bulletin-covid-19-hr-issues.pdf

© Спешилова Наталья Викторовна (spfenics@yandex.ru),

Дедеева Светлана Александровна (dedeewa79@mail.ru), Арькова Ольга Валерьевна (arkova84@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ И ЗАДАЧИ КОНТРОЛЯ В АВТОНОМНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

ORGANIZATIONAL BASIS AND TASKS OF INTERNAL CONTROL IN AUTONOMOUS INSTITUTIONS UNDER THE TRANSFORMATION OF THE REQUIREMENTS OF THE MANAGEMENT SYSTEM

T. Turishcheva

Summary. The article is devoted to the consideration of directions for improving the organizational foundations, as well as clarifying the tasks of control in autonomous institutions in the context of the transformation of the requirements of the public administration system. In the process of research, various elements of the control system are considered. The author's approach to the elemental composition of the new organizational basis of control is formulated. The conditions for their effective functioning are indicated.

Keywords: autonomous institution, control, organization, technology, management, finance.

Турищева Татьяна Борисовна

*Кандидат экономических наук, доцент, РЭА
им. Г.В. Плеханова; Финансовый университет при
Правительстве РФ
ttb2812@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению направлений усовершенствования организационных основ, а также уточнению задач контроля в автономных учреждениях в условиях трансформации требований системы государственного управления. В процессе исследования рассмотрены различные составляющие системы контроля. Сформулирован авторский подход к элементному составу новой организационной основы контроля. Обозначены условия ее эффективного функционирования.

Ключевые слова: автономное учреждение, контроль, организация, технологии, управление, финансы.

В каждой стране мира существует система бухгалтерского учета, которая аккумулирует и предоставляет информацию о финансовых операциях, активах и записях всех ведомств, организаций, учреждений и предприятий, содержащихся за счет бюджетных средств. Точный бухгалтерский учет и отчетность необходимы для эффективного принятия решений и поддержки высокого уровня прозрачности [1]. Своевременная, точная и адекватная информация о доходах и расходах укрепляет способность правительства принимать решения и контролировать бюджетные потоки. Она также помогает в управлении долгосрочной фискальной устойчивостью, кроме того, эффективно организованная система бухгалтерского учета гарантирует, что правительство сможет выполнить обязательные платежи.

Обозначенные вопросы играют очень важную роль в обеспечении и стимулировании устойчивого экономического развития. Продолжающееся замедление роста в странах с формирующейся и развивающейся

экономикой, к числу которых относится и Россия в сочетании с тенденцией сокращения притока иностранных инвестиций, создает повышенную потребность правительств в улучшении контроля над государственными ресурсами [2].

Решению этой проблемы может служить развитие системы контроля, которая играет немаловажную роль в процессе функционирования государственных учреждений, к числу которых относятся и автономные.

В контексте вышеизложенного, разработка новых приоритетных методик организационно-методического обеспечения контроля в автономных учреждениях является первоочередной задачей теории и практики, что и обуславливает выбор темы данной статьи.

Над развитием теории контроля в бюджетных учреждениях в целом работали многие известные ученые, а именно: Шахбанов Р.Б., Юсупова А.М., Гоголева О.Л., Санович И.О., Кошик Ю.В., Иноземцева Л.В.

Рис. 1. Система контроля в автономном учреждении

Вопросы урегулирования контроля за выполнением сметы автономных учреждений и исследование основных этапов его проведения отражены в работах Акмурзиной Л.С., Курбанаевой Л.Х., Сметанко А.В.

Однако, несмотря на имеющиеся наработки, ряд вопросов в организации системы контроля в государственных учреждениях требуют дальнейшего научно обоснования. В частности, в уточнении нуждаются правовые, организационные, прикладные аспекты контроля в автономном учреждении с учетом наиболее эффективных методических приемов и временных аспектов проведения.

Итак, цель статьи заключается в рассмотрении направлений и перспектив усовершенствования организационных основ, а также уточнении задач контроля в автономных учреждениях в условиях трансформации системы государственного управления.

Понятие контроля в автономных учреждениях является достаточно широким и разнообразным. На сегодняшний день нет единой точки зрения относительно его видов, функций, целей и задач проведения.

По мнению автора, в общетеоретическом смысле контроль в автономном учреждении — это установленные меры предосторожности, которые позволяют защитить учреждение от технологических, финансовых, стратегических и репутационных рисков. В терминах бухгалтерского учета и аудита контроль гарантирует, что все опера-

ции автономного учреждения являются эффективными и результативными. С точки зрения кибербезопасности, которая приобретает особую актуальность в эпоху цифровизации экономики, контроль защищает автономное учреждение от рисков, которые могут скомпрометировать информационно-технологическую среду.

На рис. 1 представлена система контроля автономного учреждения.

Задачи административного контроля включают в себя осуществление контроля за выполнением производственных и финансовых планов, а также за полнотой и качеством исполнения должностными лицами своих обязанностей.

В задачи технического контроля на современном этапе входит контроль за соблюдением технологии производства, норм и нормативов расхода сырья, а также регулярный мониторинг качества изготовленной продукции, выполненных работ, предоставленных услуг.

Приоритетами финансового контроля являются: соблюдение общей бюджетно-налоговой дисциплины автономным учреждением, рост эффективности распределения ресурсов, обеспечение эффективного выполнения сметы, повышение уровня прозрачности и подотчетности в управлении государственными финансами.

Кадровый контроль призван следить за тем, чтобы сотрудники, работающие в учреждении, были квали-

Таблица 1. Задачи внутреннего контроля и рекомендации их решения

Задачи	Рекомендации по оптимизации выполнения
Оценка:	
степень выполнения и достижения целей, определенных в стратегических и годовых планах учреждения	Обоснование более совершенной методики анализа, в т.ч. факторной
эффективности планирования и выполнения бюджетных программ и результатов их выполнения	Усовершенствование основ планирования, в частности относительно пересмотра исходных показателей и норм расходов
качества предоставления административных услуг и выполнения контрольно-надзорных функций, задач, определенных актами законодательства	Формирование научно обоснованных критериев качества предоставляемых услуг, выполняемых работ
состояния управления государственным имуществом	Преодоление конфликта интереса, выбор критериев оценки и разработка методики правильности ведения бухгалтерского учета и достоверности финансовой отчетности
рисков, негативно влияющих на выполнение функций и задач автономного учреждения	Установление перечня объектов контроля, научное обоснование разграничения уровней рисков, разработка методологических основ их оценки

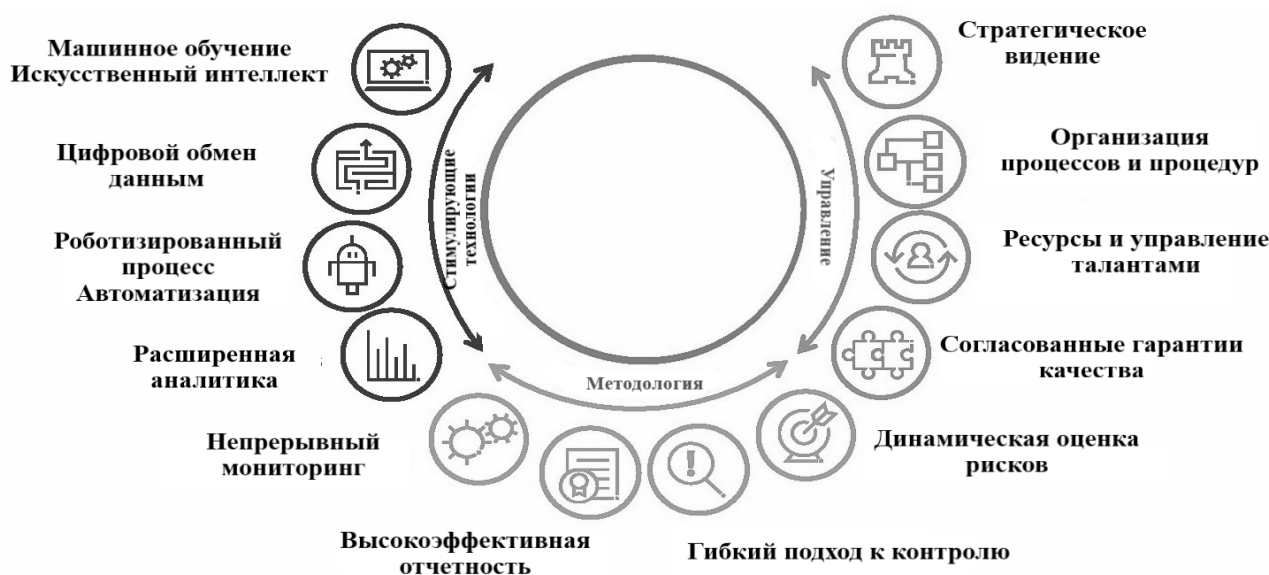

Рис. 2. Элементный состав новой организационной основы контроля в автономных учреждениях

фицированы и готовы выполнять возложенные на них обязанности, поскольку эффективное достижение целей автономного учреждения зависит от способностей и честности персонала.

Задачи организационного контроля можно сформулировать следующим образом: 1) контроль за четким определением и распределением обязанностей (каждая функция автономного учреждения должна находиться под контролем определенного лица); 2) контроль за соблюдением порядка подчинения; 3) контроль за тем, чтобы персонал был четко проинформирован о том, какие решающие полномочия возложены на него, каков диапазон его ответственности и перед кем он должен отчитываться.

Внутренний контроль в традиционном понимании предназначен для минимизации рисков и защиты активов, обеспечения точности записей, повышения операционной эффективности и поощрения к соблюдению политик, правил, положений и законов [3]. В тоже время, очевидно, что в контексте трансформации системы управления государственными финансами, целями которой является повышение качества государственных услуг, эффективная аккумуляция ресурсов и распределение их в четком соответствии с приоритетами развития государства в средне- и долгосрочной перспективе с одновременным соблюдением принципов экономичности, эффективности, результативности и прозрачности, задачи внутреннего контроля в автономных учреждениях обновляются и дополняются.

С учетом вышеизложенного в таблице 1 изложен авторский подход к формулировке задач внутреннего контроля автономных учреждений в современных условиях.

Также считаем необходимым акцентировать внимание на том, что в условиях смены парадигмы управления государственными финансами, с учетом внедрения новых подходов к бухгалтерскому учету, которые в частности базируются на принципах развития инновационных методов к формированию баз данных, их содержанию и структуре, формам представления, способам защиты, хранения и передачи заинтересованным пользователям, для достижения соответствия информации запросам управленческой системы, изменяется и система организации контроля в автономных учреждениях.

Принимая во внимание отмеченное, считаем, что организационную основу контроля должны составлять три ключевых элемента:

1. Управление — включая стратегическое видение, организационную структуру, управление ресурсами и обеспечение соответствия.
2. Методология — набора методик, подходов, инструментов и способов, с использованием которых функции контроля будут реализовываться на практике.
3. Вспомогательные технологии — аналитика, роботизированная автоматизация процессов, анализ больших данных, машинное обучение и искусственный интеллект (см. рис. 2) .

Все элементы, представленные на рис. 2 взаимосвязаны между собой — люди, процессы, данные и технологии. Изменение только отдельных компонентов принесет ограниченную и краткосрочную пользу. Для того, чтобы получить существенный эффект, повысить прозрачность и действенность системы бухгалтерского учета в целом, а также эффективность работы авто-

номных учреждений, в частности, критически важным, по мнению автора, является признание необходимости целостных изменений в системе контроля, что является ключом к ускорению и повышению ценности результатов.

Цели предложенной организационной основы — эффективность, адаптивность, повышение вовлеченности и получение более глубоких и ценных сведений по результатам проведения контроля в автономном учреждении. При этом эффективность использования бюджетных средств учреждением может быть еще больше увеличена, если преобразования контроля не только будут стратегически выверены, но также скоординированы и согласованы с другими организационными функциями обеспечения качества предоставляемых услуг.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Новые вызовы, стоящие перед системой управления государственными финансами, требуют, чтобы структура организации контроля в государственных учреждениях, в том числе и в автономных, базировалась на трех ключевых аспектах: управление, методология и технология. Реализация на практике такой системы организации контроля будет способствовать тому, что в деятельности автономных учреждений может органично сочетаться выполнение задач государственного контроля за движением и расходованием бюджетных средств, запросы потребителей, которых обслуживает учреждение, а также интересы общества в целом.

Задачи контроля, определенные новым вектором развития государственного менеджмента, предполагают налаживание системы, позволяющей своевременно выявлять риски, которые могут иметь негативные последствия для деятельности автономного учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глущенко А.В., Ковалёва Н.Ю. Система внутреннего контроля в деятельности организации // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2022. № 13 (541). С. 13–19.
2. Khelil, Imen Internal auditors' perceptions of their role as assurance providers: a qualitative study in the Tunisian public sector // Meditari accountancy research. 2021. Volume 30: Number 1; pp 121–141.
3. Нестеренко Д.А. Факторы, влияющие на систему внутреннего контроля для своевременного выявления фальсификации бухгалтерской (финансовой) отчетности организации // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2020. Т. 10. № 3 (31). С. 109–118.

© Турищева Татьяна Борисовна (ttb2812@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

PECULIARITIES OF MEDIATIVE SUPPORT IN LEGAL FAMILY RELATIONS

**E. Alyokhina
O. Matveeva
T. Moskaleva**

Summary. In the process of resolving conflicts in legal family relations, the most favorable option is to establish a peace agreement between the aggrieved parties, but it is not always possible without the intervention of third party. The mediator, being a neutral participant, assists the parties to the dispute in order to find compromise and reconciliation of the conflicting sides. The use of various mediative methods and techniques in family support is aimed at ensuring security and confidentiality for each family member, as well as resolving the dispute in the most effective way.

Keywords: family mediation, legal family relations, divorcing process, co-mediating, legal dispute.

Алехина Екатерина Сергеевна

К.э.н., ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет»
Ket_as@mail.ru

Матвеева Олеся Александровна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Донской
государственный технический университет»
oleksisa@mail.ru

Москалева Татьяна Александровна

К.соц.наук, ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет»
tanya8m@yandex.ru

Аннотация. В процессе урегулирования конфликтов в семейных правоотношениях наиболее благоприятным вариантом является установление мирового соглашения между сторонами, однако далеко не всегда это возможно без вмешательства третьих лиц. Медиатор, являясь нейтральным посредником, оказывает содействие участникам спора с целью нахождения компромисса и примирения конфликтующих участников. Использование различных медиативных методик и техник в семейном сопровождении направлено на обеспечение безопасности и конфиденциальности для каждого члена семьи, а также урегулирование спора наиболее эффективным способом.

Ключевые слова: семейная медиация, семейные правоотношения, расторжение брака, ко-медиация, правовой спор.

На современном этапе развития общества семейные ценности и обязанности, обеспечивающие защиту и поддержку интересов каждого отдельно взятого члена семьи, перестали казаться чем-то сакральным и неприкосновенным, и перешли в категорию тривиальности и дезинтеграции. Разобщенность во взглядах и субъективное восприятие основ семейных правоотношений определяет возрастающее количество разводов и судебных разбирательств в области семейного права.

В семье, как и в любой другой социальной группе, происходят конфликтные ситуации, естественность и неизбежность которых определяется эмоциональной вовлеченностью каждого члена семьи в процесс ведения совместной жизни.

Различные аспекты семейных конфликтов основываются на следующих проблемах: отсутствие партнерства в отношениях, ущемление прав членов семьи, супружеские измены, разделение имущества и т.д.

Урегулирование подобных споров зачастую переходит в судебные разбирательства по причине того, что стороны не могут решить собственные конфликты путем обсуждения и переговоров, и нахождения взаимовыгодного компромисса.

В данном случае актуальным становится вопрос о том, является ли судебный процесс оптимальным путем разрешения споров в семейных правоотношениях, и насколько эффективным будет прибегнуть к помощи третьих лиц для налаживания коммуникации и поиска

мирного и обоюдного решения. Такой шаг подразумевает применение специфических услуг медиации с целью посредничества и налаживания контакта между сторонами спора.

Анализируя особенности медиативных услуг в семейном праве, необходимо разобраться с нормативными вопросами урегулирования семейных правоотношений.

Являясь составной частью права, семейные отношения регламентируются нормативно-правовыми актами РФ, среди которых: Семейный Кодекс РФ, Гражданский Кодекс РФ, Федеральные законы и постановления, касающиеся вопросов семейных правоотношений.

По своей сути, семейные правоотношения подразумевают комплекс прав и обязанностей участников этих отношений, а также поддержание и защита их интересов и семейных ценностей.

В статье 2 Семейного Кодекса РФ обосновываются следующие требования: «семейное законодательство устанавливает порядок осуществления и защиты семейных прав, условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами, определяет порядок выявления детей, оставшихся без попечения родителей, формы и порядок их устройства в семью, а также их временного устройства, в том числе в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [1].

По своим видам семейные правоотношения разделяются на две категории: личные неимущественные и имущественные. К первой категории относятся: вступление в брак и его прекращение, взаимоотношения супругов в процессе ведения семейной жизни, смена и выбор фамилии, отношения между детьми и родителями, решение вопросов воспитания и образования ребенка и многое другое.

Имущественные правоотношения в семье возникают на основе совместной собственности, а также ее материального содержания и раздела (раздел имущества, доходов, выплата алиментов и т.д.)

По количеству субъектов семейные правоотношения подразделяются на двусторонние (отношения между супругами) и трехсторонние (отношения между родителями и ребенком).

В связи с этим можно сказать, что семейные отношения всегда основывались на взаимодействии и взаимном влиянии членов семьи. Данный процесс невозможно представить без столкновения интересов, мировоззрений, потребностей и стремления убедить в своей правоте и истинности собственной точки зрения.

Возникновение спорных вопросов в данном случае может трактоваться по-разному: противостояние разнородных интересов и мнений; межличностное напряжение; противоречия в функциональном аспекте семейной жизни и т.д. Семейные конфликты могут происходить на разных уровнях: горизонтально или вертикально.

Горизонтальные конфликты развиваются между представителями одного поколения (между супругами, между братьями и сестрами, между представителями старшего поколения). Например, супружеский конфликт подразумевает разобщенность во взглядах, поступках и мотивах партнеров в браке. Конфликт между братьями и сестрами, как правило, выражается в несоответствии желаемого и действительного и мотивируется эмоционально-психологической незрелостью детей.

Конфликты на вертикальном уровне подразумевают наличие определенной иерархии и неравенство социальных статусов, что определяет наличие активной стороны конфликта (лица, занимающие более высокое положение в семейной иерархии) и пассивной (те, кто вынуждено участвуют в конфликте). Примером может послужить конфликт между родителями и детьми, когда один или оба супруга руководствуются своим семейным авторитетом и властью, или же конфликт между бабушками и дедушками и родителями, затрагивающими вопросы воспитания, образования и бытовые проблемы.

Процесс правового урегулирования семейных конфликтов представляет собой институциональное разрешение спорных ситуаций, включающее в себя социальное воздействие, судебную деятельность, межличностную коммуникацию, а также применение услуг семейной медиации с целью предупреждения и преодоления конфликтов. Поэтому регулирование споров в семейных правоотношениях направлено на устранение конфликта и решение противоречий, мотивирующих и порождающих критическую ситуацию.

В процессе разрешения правовых споров наиболее благоприятным вариантом является установление мирового соглашения между конфликтующими сторонами, когда никто не остается в проигрыше, учитываются

мнения, как ребенка, так и его родителей и достигается наиболее эффективный результат.

Однако, как показывает практика, далеко не всегда стороны, участвующие в правовом споре, готовы прийти к мирному соглашению. В таких случаях, как правило, возникает конфликтная ситуация, неблагоприятно воздействующая на всех членов семьи и их интересы.

В данном случае и возникает необходимость применения услуг медиации, которые позволяют мирно урегулировать правовые конфликты между супругами и другими членами семьи.

Понятие «медиация» подразумевает использование альтернативного механизма решения споров в семейных правоотношениях. Дословно данный термин переводится как посредничество, т.е. участие третьих лиц в урегулировании конфликтов.

Целью посредничества является достижение сторонами добровольного компромисса, который в дальнейшем приводит к официальному договору о согласии сторон в письменной форме [2, с. 412].

В данном случае медиатор представляет собой нейтральную третью сторону или посредника, оказывающего содействие участникам спора с целью самостоятельно прийти к компромиссу и найти решение конфликта наиболее мирным и эффективным способом.

Истоки зарождения и развития семейной медиации в сфере правовых отношений в качестве легитимной отрасли, входящей в состав институтов права, уходят корнями в юридические процессы середины 1970х годов в США, Калифорнии. Именно тогда все большее количество людей стали искать мирное решение бракоразводным процессам в качестве альтернативы судебным разбирательствам, представлявшимися длительными и неудобными. В Штате Калифорния, одном из первых в США и в мире, деятельность медиаторов была официально включена в число судебных услуг. Вскоре после этого по всей территории Америки возник частный рынок семейной медиации преимущественно для разрешения споров, возникающих при расторжении брака. Структурирование посреднической деятельности произошёл благодаря трудам О. Куглера, юриста из Атланты, который исследовал и описал систему медиации с целью обучения специалистов и распространения данных услуг. Такое развитие посреднической системы позволило применять данные услуги на практике и адаптировать их не только к вопросам расторжения брака, но и к другим конфликтным ситуациям, возникающим в правовых отношениях [3].

На территории Российской Федерации семейная медиация стала развиваться с середины 2000х годов, однако полноценное распространение данной системы до сих пор находится под вопросом. Эффективность повсеместного применения посредничества в большей степени зависит от качества предлагаемых услуг и завоеванного доверия среди клиентов, что обуславливается спецификой медиации в разрешении правовых споров.

На сегодняшний день наиболее востребованной услугой семейных медиаторов является решение вопросов расторжения брака, разделения имущества и опекуна над детьми.

«Несмотря на нормализацию развода в современных обществах, он, как правило, воспринимается участниками как одно из тяжелейших событий в их жизни. Развод сопряжен с такими явлениями как острая эмоциональная реакция расстающихся супругов (чувство обиды, гнева, утрата доверия); реорганизация семейного быта и частных финансов; выработка договоренностей о совместном воспитании детей и выплате алиментов; осуществление сопутствующих юридических процедур. Поэтому супруги, оказавшиеся в ситуации расставания и расторжения брака, нуждаются как в поддержке родственников, близких, друзей, так и в квалифицированной помощи специалистов различного профиля» [4, с.13].

Однако важно отметить тот факт, что бракоразводный процесс сильнее всего травмирует детей, так как в большинстве случаев развод родителей означает для ребенка распад социальной устойчивости и стабильного образа жизни, что непосредственно влияет на формирование будущего образа семьи и общественной картины в целом. С этой точки зрения особо значимым является поддержание справедливого баланса между правами, требованиями и обязанностями родителей и интересами ребенка, которые должны приниматься во внимание в процессе разрешения споров.

Ребенку, вовлеченному в процесс расторжения брака родителей, в первую очередь, важна эмоционально-психологическая поддержка, которая должна быть оказана в полном объеме, но, как показывает практика, защита интересов ребенка в суде сводится лишь к отстаиванию его базовых прав, среди которых: право на жилье, имущественные права, право на общение с родственниками [1].

Отсюда следует обобщение о том, что эмоционально-психологическая поддержка ребенку, вовлеченному в процесс расторжения брака родителей, оказывается крайне редко и сводится, как правило, лишь

к психолого-педагогической экспертизе и участия органов опеки.

Непосредственное участие детей в семейной медиации необходимо рассматривать как способ оказания помощи ребенку и предоставление ему безопасных условий, гарантирующих открытость в выражении собственного мнения и интересов. «Ребенок при этом не является судьей в споре между взрослыми, от него не требуется принимать каких-либо решений или высказываться в пользу одного из родителей. В ходе общения с медиатором или приглашенным детским психологом нередко выясняется, что дети хотят донести до взрослых свою надежду на разрешение семейного конфликта и мысли о том, как можно было бы этого добиться» [4, с.14].

При участии ребенка в бракоразводном процессе, медиатору необходимо учитывать ряд факторов, определяющих благополучный результат посреднической деятельности: возраст ребенка (мнение детей старше десяти лет официально заслушивается в суде и учитывается в процессе медиации); личное желание ребенка участвовать в беседах и обсуждениях сторон; психологические особенности и эмоциональное состояние ребенка (способность спокойно обсуждать проблемы) и т.д.

В большинстве случаев родители выражают собственное мнение и преследуют личные интересы, манипулируя ребенком и оказывая на него психологическое давление. В этом случае медиатор выступает в роли психолога, поддерживая ребенка в выражении его личных потребностей и стремлений.

В России распространено мнение о том, что психологическая поддержка детей должна реализовываться в первую очередь родителями и именно они должны находить и организовывать квалифицированную психологическую поддержку для ребенка, однако в случаях судебных разбирательств, когда оба супруга глубоко погружены в собственный конфликт и не способны предоставить ребенку нужную эмоциональную поддержку, на помощь могут прийти специалисты в области семейной медиации.

Важно отметить, что в семейной медиации эмоционально-психологическая составляющая конфликтов проявляется гораздо сильнее, чем в любых других правоотношениях. Именно поэтому большая часть медиаторов имеют образование и квалификации в области психологии, что, безусловно, является значимым преимуществом в разрешении семейных споров.

Кроме того, посредничество носит конструктивный характер и предполагает возможность ментального

развития для всех участников конфликта. Принцип добровольности и выработка совместного решения между сторонами возлагают на них надежды на справедливое правосудие. Медиация также обещает экономически эффективное и более быстрое урегулирование споров по сравнению с длительными судебными разбирательствами, поэтому выбор в пользу посредничества гарантирует участникам конфликта более быстрое и дешевое спороразрешение.

К особенностям медиативного сопровождения в процессе урегулирования семейных конфликтов относится конфиденциальность и желание сохранить хорошие отношения между супругами, что особенно важно в семейных правоотношениях.

В вопросе защиты прав ребёнка и его интересов семейная медиация представляется наиболее благоприятным решением, так как мирное урегулирование бракоразводных процессов подразумевает психологическую поддержку ребёнка и его эмоционального состояния.

Обобщая все вышеперечисленное, выбор в пользу посредничества в целях урегулирования семейных конфликтов отвечает удовлетворительным результатам и представляется наиболее эффективным решением.

Как отмечают многие современные исследователи, семейная медиация не является основополагающим дополнением к юридической и судебной практике, по причине того, что посредничество применяет более широкое и глубокое определение конфликта, а также использует комплексный подход к его разрешению [5].

Именно поэтому многие семейные медиаторы определяют свою деятельность как терапевтическую, мотивируя своих клиентов признать внутренние эмоционально-психологические проблемы и постараться решить в первую очередь именно эти вопросы.

Медиативное сопровождение в семейных спорах ставит целью урегулирование неюридических эмоциональных вопросов в контексте правовых отношений, что объясняет специфику данного вида услуг и позволяет привести семейные отношения из точки глубокого конфликта в состояние примирения и даже воссоединения сторон.

В предоставлении посреднических услуг выделяют две доминирующие методики: совместные сессии конфликтующих сторон и индивидуальные конфиденциальные встречи (кокусы).

Первая методика позволяет каждой стороне быть услышанной и выразить свое мнение по поводу спорной

ситуации и перспектив её развития. Второй метод, наоборот, представляет собой закрытые встречи между медиатором и каждой из сторон в отдельности. Целью кокусов является раскрытие глубинных проблем и вопросов, которые не могут обсуждаться отдельными членами семьи в присутствии других участников конфликта [6, с. 13].

Применение данных методов позволит медиатору учесть эмоционально-психологическое состояние клиентов, которые зачастую не способны трезво оценить ситуацию и принять мнение другой стороны. В связи с этим комплексное применение двух методик позволит ускорить процесс разрешения спора и достигнуть консенсуса наиболее эффективным способом.

Не всегда спорные ситуация в семейных правоотношения требуют вмешательства третьих лиц, но существует ряд вопросов, представляющихся наиболее сложными для личного разрешения (вопросы опеки и попечительства над детьми, раздел совместно нажитого имущества, а также проблемы непонимания, несогласованности действий и нарушения личных контактов между членами семьи и т.д.).

В связи с этим, урегулирование правовых конфликтов в семейных отношениях с учётом их эмоциональной связи и психологической направленности требует от медиатора особого профессионализма и должного уровня подготовки, поскольку нейтралитет посредника играет важную роль в решении спора, а его личный опыт и симпатии не должны влиять на юридический процесс, иначе это может только навредить налаживанию коммуникации.

Медиативное сопровождение в бракоразводном процессе имеет ряд преимуществ, однако существует и несколько ограничений в предоставлении услуг, объясняющиеся отсутствием добровольного желание конфликтующих сторон на участие в медиации, положительного настроения сторон и их совместных усилиях, направленных на мирное урегулирование спора.

Медиация не будет успешной, «если одна сторона пытается оказывать давление на другую или одна из сторон чувствует себя запуганной другой стороной. Например, если один участник чрезмерно боится другого и не может говорить с ним даже в присутствии посредника, медиация может быть неприемлемой» [7, с. 12].

Наряду с этим, в ситуациях слишком глубоких и травматических разногласий между сторонами, успех медиации также находится под вопросом.

«Различные виды зависимости, например, алкогольной и наркотической, могут поставить обсуждение, пе-

реговоры под сомнение. Добросовестное выполнение соглашения и соблюдение его обеими сторонами чрезвычайно важны для медиации» [7, с. 12].

Медиативные услуги не являются психотерапией или способом избежать судебного разбирательства одной из сторон, и тем более медиация не предоставляет способов манипуляции над другим участником или детьми.

Применение медиации в выделенных случаях подразумевает проведение медиатором предварительного скрининга, оценивания ситуации, реализуемого в ходе индивидуальных бесед и сессий с пострадавшей стороной. В ходе таких конфиденциальных встреч посредник выступает в большей степени как психолог, нежели юрист и правозащитник, располагая к себе клиента и стараясь определить глубину психологической травмы посредством заранее подготовленных вопросов и терапевтических техник.

«Реализация собственных интересов в рамках равноправного переговорного процесса, поиск и обсуждение приемлемых для каждого участника решений, невозможны при существенном дисбалансе власти между участниками конфликта. Продолжающееся домашнее насилие делает процедуру медиации неприменимой, и медиатору следует проинформировать сторону о службах, оказывающих юридическую и психологическую помощь жертвам домашнего насилия. В то же время пострадавшая сторона может рассказать медиатору, что ее супруг применял физическое насилие, но это было несколько лет назад, и она не боится повторения. Если она уверена в этом, проведение медиации может считаться вполне допустимым» [4, с. 14–15].

Специалистам в области медиативного сопровождения нужно также учитывать тот факт, что женщины, ставшие жертвами домашнего насилия, часто обращаются к медиаторам в поисках возможности безопасных переговоров со своим бывшим партнером в присутствии независимого посредника.

Проведение сессий с медиатором и применение посреднических услуг в условиях домашнего насилия, психологического заболевания одного из клиентов и иных случаях неравномерного распределения власти и авторитета, возможно при участии дополнительно посредника в лице квалифицированного психиатра или социального работника.

«Существует еще одна категория лиц, которые могут принимать участие в медиации в силу своего значения для семьи или в качестве лидеров местных сообществ — лица, поддерживающие семью в области

духовных практик или традиций (имамы, раввины, священники, капелланы и т.п. Их участие также должно быть утверждено медиатором, и они должны соблюдать конфиденциальность» [7, с. 48].

Альтернативным вариантом медиативного сопровождения в запутанных семейных правоотношениях является дистанционная медиация с помощью средств видеосвязи и современных технологий.

Челночная медиация в форме отдельных встреч со сторонами также может подготовить клиентов к будущей совместной беседе, на стадии их психологической готовности к налаживанию контакта.

Еще одной разновидностью семейной медиации, применяемой в особо тяжелых случаях семейных конфликтов, является ко-медиация. Эта процедура проводится одновременно двумя медиаторами, при наличии нескольких условий: гендерный конфликт между участниками медиации, религиозные споры, трансграничные конфликты и т.д.

Когда межличностный конфликт воспринимается сторонами как гендерный, и нейтралитет посредника может подвергаться сомнению участниками противоположного пола. В данном случае медиаторами выступают одновременно мужчина и женщина, что позволяет поддержать равноправие и гендерный баланс в процессе разрешения спора.

В ситуациях трансграничных споров между представителями разных стран и культур ко-медиаторами могут быть специалисты из соответствующих стран, глубже понимающие требования и культурные особенности своих подопечных. Однако такие специалисты должны быть квалифицированы в области международных стандартов и глобальной семейной медиации [8].

Применение ко-медиации в процессе урегулирования серьезных конфликтов предполагает значимые преимущества, но только при том условии, что работа посредников будет максимально сплоченной и согласованной. Важным требованием также является баланс личных и профессиональных качеств специалистов, дополняющих друг друга.

Профессиональное взаимодействие медиаторов, участвующих в совместных сессиях, должно основываться на таких факторах, как: взаимоуважение и доверие; четкое разграничение функций, социальных ролей и зон ответственности; квалифицированные знания в области ко-медиации; наличие опыта совместной работы; открытость в высказываниях и сбалансированное участие в процессе предоставления услуг медиации; предварительная совместная подготовка к встречам с клиентами, сессиям и беседам, а также последующее обсуждение результатов.

В системе ко-медиации один из специалистов, как правило, имеет юридическое образование, а второй — психологическое, что позволяет лучше узнать клиентов, расположить их к себе и глубже проработать конфликтную ситуацию.

Поэтому непосредственное участие и помощь второго медиатора, включенного в процесс семейных правоотношений, во многих случаях предполагает дополнительные гарантии качества посреднических услуг.

При любом правовом споре целью медиативного сопровождения является достижение мирного соглашения, которое будет иметь юридическую силу и станет обязательным к исполнению всеми участниками конфликта. Это определяется успешностью медиации, фиксированием обоюдных решений, принятых сторонами, а также наличием юридического подтверждения о том, что данное соглашение соответствует всем требованиям законодательства.

«Такой документ называется, в зависимости от государства, меморандумом о взаимопонимании, отчетом о медиации или медиативным соглашением [7, с. 58].

Таким образом, роль медиатора заключается в том, чтобы осветить важнейшие правовые аспекты семейных конфликтов, предоставить необходимое эмоционально-психологическое сопровождение сторон, обеспечивая их безопасность и конфиденциальность, а также урегулировать спор наиболее эффективным способом. Поэтому распространение услуг семейной медиации может существенно облегчить процедуры разрешения конфликтов в семейных правоотношениях, а также помочь участникам достичь консенсуса и перемирия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (с изм. и дополнениями от 02.07.2021) — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (дата обращения 06.02.2023).
2. Lande L. The revolution in family law dispute resolution. — Missouri University Legal Studies Research Paper Series, Research Paper. — № . 2012–10. — The American Academy of Matrimonial Lawyers, 2012. — 411–449 p.

3. Robert B. The natural history of negotiation and mediation: the evolution of negotiative behaviors, rituals and approaches (2012). URL: www.mediate.com/articles/NaturalHistory.cfm (дата обращения: 07.01.23) .
4. Гордийчук Н.В. Особенности семейной медиации при разводах // Психология и психотерапия семьи, 2017. — № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semeynoy-mediatsii-pri-razvodah> (дата обращения: 08.01.2023) .
5. Currie C. Should a mediator also be a lawyer? (1999) URL: <http://www.mediate.com/articles/currie.cfm> (дата обращения: 15.01.23) .
6. Silbey S.S., Merry S.E. Mediator settlement strategies. J. Law & Policy — № 8, 1986. — 10–19 p.
7. Разрешение семейных конфликтов. Руководство по международной семейной медиации» — М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2015–104 с.
8. Kamenecka-Usova M. Mediation for resolving family disputes. — Web of Conferences, 2016. DOI: 30.00018.10.1051/shsconf/20163000018 (дата обращения: 15.01.23) .

© Аলেখина Екатерина Сергеевна (Ket_as@mail.ru),

Матвеева Олеся Александровна (oleksisa@mail.ru), Москалева Татьяна Александровна (tanya8m@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

Беков Багдан Бексултанович

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Ингушский
государственный университет»
bars-1964@mail.ru

ACTIVITIES OF THE RUSSIAN PROSECUTION OFFICE FOR INTERNATIONAL COOPERATION

B. Bekov

Summary. This article discusses the problem of international cooperation and interaction of the prosecutor's office of the Russian Federation with the prosecution authorities of foreign countries, other law enforcement agencies and specialized international organizations as one of the priority areas of activity of the Russian supervisory agency, which is facilitated by the unfavorable dynamics of international crime and the impossibility of counteracting it by law enforcement agencies of one state.

Keywords: prosecutor's office, international prosecutor's office, international cooperation, international crime, areas of activity, convention.

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема международного сотрудничества и взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с органами прокуратуры зарубежных стран, другими правоохранительными органами и специализированными международными организациями в качестве одного из приоритетных направлений деятельности российского надзорного ведомства, которому способствует неблагоприятная динамика международной преступности и невозможность противодействия ей правоохранительными органами одного государства.

Ключевые слова: прокуратура, международные органы прокуратуры, международное сотрудничество, международная преступность, направления деятельности, конвенция.

Международное сотрудничество — одно из важных направлений (функций) деятельности прокуратуры Российской Федерации наряду с прокурорским надзором, уголовным преследованием, координацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участием в рассмотрении дел судами и участием в правотворческой деятельности.

Международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации — ненадзорное направление ее деятельности. Однако, поскольку основное историческое предназначение прокуратуры Российской Федерации — осуществление надзора за исполнением законов, все остальные функции органов прокуратуры России неразрывно связаны с надзорными полномочиями.

Возложение функции международно-правового сотрудничества на прокуратуру обусловлено развитием международных связей России, включением ее в мировое сообщество и, как следствие, расширением сферы международно-правового сотрудничества РФ [7, с. 41–42].

Преступления международного характера причиняют вред нормальным межгосударственным отношениям, мирному сотрудничеству государств, организациям и гражданам разных стран. В свою очередь, транснациональная преступность охватывает преступления, совершаемые на территории нескольких государств [7, с. 54].

В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации»

ской Федерации», Генеральная прокуратура Российской Федерации в пределах своей компетенции непосредственно взаимодействует с соответствующими органами иностранных государств и международными организациями, сотрудничает с ними, заключает договоры о правовой помощи и борьбе с преступностью, участвует в разработке проектов международных договоров Российской Федерации.

Взаимодействие с соответствующими органами иностранного государства и международными органами и организациями является одним из приоритетных направлений деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации [5, с. 139–140].

В частности, Генеральная прокуратура Российской Федерации принимает участие в мероприятиях, проводимых под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН), Содружества Независимых Государств (СНГ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), ассоциации Федеративных Республика Бразилия, Российская Федерация, Республика Индия, Китайская Народная Республика и Южно-Африканская Республика (БРИКС). Развивается сотрудничество с прокуратурами прикаспийских государств.

В соответствии с международными договорами и законодательством Российской Федерации Генеральная прокуратура Российской Федерации является компетентным органом по вопросам выдачи, оказания юридической помощи по уголовным делам и правоохранительной помощи, а также по приему и выдаче Российской Федерацией психически инвалиды, в отношении которых вынесено решение суда о применении принудительных мер медицинского характера [7, с. 95–98].

Генеральная прокуратура Российской Федерации обладает исключительными полномочиями в вопросах экстрадиции.

Следует развивать международное сотрудничество по вопросам экстрадиции, если запросы о выдаче касаются преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более строгое наказание.

Другие формы международного сотрудничества также должны использоваться в случае правонарушений. Сотрудничество не должно распространяться на мелкие правонарушения, а должно ограничиваться «серьезными правонарушениями». В исключительных случаях помощь может быть оказана, если дано обоснование получения такой помощи от другого государства и взвешены возможные последствия в случае,

если такая помощь не будет оказана. Обоснование необходимости такой помощи должно быть включено в запрос [5, с. 110].

Там, где это уместно и соответствует их внутренним правовым системам, государства-участники могут оказывать друг другу помощь в расследовании, а также судебном разбирательстве гражданских и административных дел.

Условия выдачи лица должны соответствовать установленным ограничениям в законодательстве государства — исполнителя запроса, например, обвинение в совершении преступления, а не административно наказуемого деяния, категория преступления, наказание, предусмотренное за его совершение — в виде определенного срока лишения свободы [9, с. 28–30].

На практике зачастую возникают сложности с определением наличия таких условий. Например, при сравнении норм уголовных кодексов обоих государств (направившего запрос и исполняющего запрос о выдаче), устанавливающих ответственность за инкриминируемое лицу деяние, необходимо проанализировать не только схожесть наименования деяния (например, непредумышленное убийство и убийство по неосторожности), но и дать оценку сущности рассматриваемого деяния. Так, при наличии специальной нормы в уголовном законодательстве одного из государств, устанавливающей ответственность за квалифицированные виды кражи или мошенничества и общей нормы в законодательстве другого государства, устанавливающей ответственность за данные виды хищения, такую ситуацию нельзя рассматривать как отсутствие условий для выдачи лица в связи с несовпадением уголовно-правовых норм. При сравнении уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, необходимо обратить внимание на вид и объем подобного средства (вещества), запрещенного в обороте обоих государств. Если инкриминируемое лицу преступление было совершено им до введения уголовной ответственности за данное деяние хотя бы в одном из государств, запрос о выдаче не подлежит удовлетворению, поскольку уголовный закон не имеет обратной силы. Вопрос о квалификации преступления по тому или иному пункту, предусматривающему квалифицирующий признак этого преступления, находится в исключительной компетенции запрашивающей стороны.

Федеральным законом от 01.07.2021 № 265-ФЗ на Генеральную прокуратуру Российской Федерации возложены полномочия по представлению и защите интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосудар-

ственных) трибуналах, иностранных и международных судах. Арбитража [3].

Еще одним важным направлением деятельности является международное сотрудничество Генеральной прокуратуры Российской Федерации по оказанию правовой помощи по уголовным делам. На сегодняшний день одним из наиболее значимых направлений является сотрудничество с зарубежными коллегами по поиску, выемке, конфискации и взысканию незаконных доходов из-за рубежа.

В ч. 1 ст. 15 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. как общее правило закреплено положение о направлении запросов и получении ответов на них через Министерства юстиции сотрудничающих государств. Одновременно в указанной статье предусмотрено право государства при подписании Конвенции заявить иной перечень органов. Российская Федерация этим правом воспользовалась и в оговорках к ст. 15 Конвенции определила круг центральных органов, закрепленных впоследствии в ст. 453 УПК РФ. И Россия не является исключением. Целый ряд государств — участников Конвенции в соответствии со спецификой национального законодательства рассматривают в качестве центральных иные ведомства. Для Израиля — это МИД, для Лихтенштейна — суд, для Люксембурга и Мальты — Генеральная прокуратура. Органы внутренних дел рассматриваются в качестве центральных национальных органов для целей Конвенции в Швейцарии и Великобритании. В Молдове, Словакии, Чешской Республике по два центральных органа (Генеральная прокуратура и Министерство юстиции), а в Латвии — три (Генеральная прокуратура, Министерство юстиции и МВД).

В двусторонних договорах о правовой помощи так же, как и в многосторонних, общее правило заключается в организации взаимодействия через центральные органы. Например, по Договору между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1999 г. центральным органом для России является Генеральная прокуратура Российской Федерации или назначенные Генеральным прокурором Российской Федерации лица, для США — Министр юстиции или назначенные им лица.

Анализ приведенных международно-правовых норм позволяет сделать вывод об отсутствии в них единого подхода к определению круга центральных органов, уполномоченных взаимодействовать с органами других государств по вопросам правовой помощи. Вместе с тем во всех договорах как общее правило закреплено взаимодействие через центральные органы [10, с. 83].

Необходимость направления запросов о правовой помощи через центральные органы обусловлена рядом причин. Прежде всего это связано с обеспечением надлежащего контроля за соблюдением требований международных договоров как с точки зрения обоснованности обращения за помощью, соблюдения правил оформления запросов, так и с точки зрения своевременного и полного исполнения запросов. Кроме того, центральный орган непосредственно обеспечивает исполнение поручений, связанных с временной передачей находящихся под стражей лиц в другое государство для допроса в качестве свидетеля или проведения очной ставки. Нельзя не учитывать и координирующую роль центрального органа (органов) в процессе осуществления международной правовой помощи.

Генеральная прокуратура Российской Федерации является субъектом международного сотрудничества не только в сфере уголовного судопроизводства (правовая помощь в самом широком смысле), но и в сфере правоохранительной (полицейской) помощи, является компетентным органом в рамках международных договоров и межправительственных соглашений о противодействии преступности сотрудничество [6, с. 81–83].

На сегодняшний день Генеральной прокуратурой Российской Федерации заключено 103 соглашения и иных акта о сотрудничестве с зарубежными партнерами из 78 государств.

Таким образом, международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации — это основанная на внутреннем законодательстве, а также нормах и принципах международного права совместная согласованная деятельность Генеральной прокуратуры РФ и уполномоченных государственных органов иных государств и международных организаций, направленная на решение задач, стоящих перед указанными органами и требующих межгосударственного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2022) // «Собрание законодательства Российской Федерации». — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 19.12.2022) — 30 декабря 2001 года N 195-ФЗ.

3. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. N 265-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 8.12.2022)
4. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 8.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // «Собрание законодательства Российской Федерации». — 17.07.1995. — № 29. — Ст. 2757.
5. Басков В.И., Коробейников Б.В. Курс прокурорского надзора / В.И. Басков, Б.В. Коробейников. — М.: ЗЕРЦАЛО, 2022. — 512 с.
6. Галустьян О.А., Ендольцева А.В., Сыдорук И.И. Прокурорский надзор: Учебник для студентов вузов. 7-е изд., перераб. и доп. / М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2022. С. 140.
7. Прокурорский надзор. Учебник для вузов. В 2-х томах. Том 2. Особенная и специальная части под ред. Капинус О.С. — М.: Юрайт, 2021. 420 с.
8. Прокурорский надзор. Учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / Под ред. Смирнов А.Ф., Усачев А.А. — М.: Юрайт, 2021. 454 с.
9. Чувилев А.А. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник / Под ред. А.А. Чувилева. — М.: Юристъ, 2020. — 400 с.
10. Щерба С., Гаврилова Е., Международная ассоциация прокуроров (МАП) / С. Щерба, Е. Гаврилова // Законность. — 2021. — № 6. — С. 556.

© Беков Багдан Бексултанович (bars-1964@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ингушский государственный университет

ИСК ИЗ ДОГОВОРА ИЛИ ДЕЛИКТА НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ЗАВЕРЕНИЯ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ: РЕШЕНИЕ КАКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ЯВЛЯЕТСЯ ОПТИМАЛЬНЫМ НА ПРИМЕРЕ США, ГЕРМАНИИ И РОССИИ

AN ACTION FROM CONTRACT OR TORT REGARDING WARRANTIES AND REPRESENTATIONS: WHICH LEGAL SYSTEM HAS THE BEST REGULATION IN RESPECT TO THE USA, GERMANY AND RUSSIA

R. Bikbaev

Summary. This article examines the system of responsibility within the institution of warranties and representations in the law of the United States of America, the Federal Republic of Germany and the Russian Federation. The article provides a general analysis of contractual and tort liability in these jurisdictions, as well as a more detailed comparison on the example of the selected institution. Thus, depending on the jurisdiction, liability (tort or contractual) may differ for the commission of the same acts, which, of course, has a number of consequences when bringing the causer of harm to justice, as well as when proving the harm itself. It also analyzes a fairly young institution in the law of Russia, is considered in comparison with the legal systems that have developed over the years. In conclusion, general recommendations are given for improving responsibility within the framework of the institution of assurance about circumstances in the Russian Federation.

Keywords: warranties and representations, tort liability, contractual liability, Russian Federation, USA, Germany.

Бикбаев Руслан Рястямович

МГИМО (У) МИД РФ

Ruslan.bikbaev.dn@bk.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается система ответственности в пределах института заверения об обстоятельствах в праве Соединенных штатов Америки, Федеративной Республики Германия и Российской Федерации. В работе проводится общий анализ договорной и деликтной ответственности в указанных юрисдикциях, а также более детальное сравнение на примере выбранного института. Так, в зависимости от юрисдикции может различаться ответственность (деликтная или договорная) за совершение одних и тех же деяний, что, безусловно, оказывает ряд последствий при привлечении к ответственности причинителя вреда, а также при доказывании самого вреда. Также анализируется достаточно молодой институт в праве России, рассматривается в сравнении с порядками, которые развивались на протяжении многих лет. В заключении даются общие рекомендации по совершенствованию ответственности в рамках института заверения об обстоятельствах в Российской Федерации.

Ключевые слова: заверения о гарантиях, деликтная ответственность, договорная ответственность, РФ, США, ФРГ.

Тема исков из деликта или договора является весьма широкой и актуальной. Для сравнительно-правового анализа нами были выбраны три юрисдикции: США, Германия и Россия. Для рассмотрения вопросов договорной и деликтной ответственности нами был выбран институт заверений и гарантий. Особенно актуально рассмотрение данного института становится ввиду его недавнего появления в праве России.

После рассмотрения отдельных институтов деликтной и договорной ответственности по данным странам, мы сравним полученные модели и ответим на вопрос, какие система является наиболее оптимальной.

Первой юрисдикцией, которую мы рассмотрим в данной работе, будет деликтная и договорная ответственность по праву США. Начнем с определений. Утверждение будет являться гарантией и иметь договорный статус, если сторона берет на себя материальную ответственность за происшествие или происшествие определенного факта [4]. В случае, когда нарушение такой гарантии является существенным нарушением договора, то добросовестная сторона может взыскать убытки по договору и расторгнуть его (§ 162 Restatement (Second) of Contracts) [2]. При этом возможно взыскать только «позитивные убытки», включая упущенную выгоду. В случае, когда нарушение гарантии не представляет существенное нарушение договора,

сторона не будет иметь право договор расторгнуть, но будет иметь право на возмещение убытков.

Заверением же утверждение будет являться тогда, когда сторона побудила другую стороны заключить договор путем заявления об истинности определенных фактов, которые произошли в прошлом или происходят на момент заключения договора. Нарушение заверений влечет за собой деликтную ответственность [3]. В данном случае даже не требуется доказывать, что такой факт существенно нарушил договор, сторона просто может аннулировать его.

Если сторона заведомо знала о ложности своих заверений, то такое поведение квалифицируется как обман (§ 526 Restatement (Second) of Torts) [3]. В таком случае возможно даже взыскать «позитивные» убытки вопреки обычной деликтной практике.

В случае же, если сторона не знала точно о ложности своих утверждений, но имела основания полагать о таких, то будут возмещаться исключительно «негативные» убытки (§ 552 Restatement (Second) of Torts). Например, как в деле, в котором весовщик по неосторожности допустил ошибку при взвешивании продукции [5]. Когда сторона, дающая заверения, не знала и не могла полагать об их ложности, то даже «негативные» убытки не возмещаются. Однако, есть определенные исключения. «Негативные» убытки взыскиваются в случае, если речь идет о купле-продаже, мене, или аренды (§ 552C Restatement (Second) of Torts). В настоящее время также имеет место практика, когда в случаях деликта могут возмещаться и «позитивные убытки» [8].

Резюмируя вышесказанное, в США урегулированы различными актами основания договорной и деликтной ответственности. Нам представляется, что в большинстве случаев не должно возникать проблем с конкуренцией исков.

Вполне логично может сложиться впечатление, что такой институт как «заверения и гарантии» свойственен только для англо-американской системы права. Однако данное утверждение будет не совсем верным. Дело в том, что отсутствие подобного названия в праве Германии не говорит нам о том, что отсутствует разделение на договорную и внедоговорную (деликтную) ответственность.

По общему правилу, лицо в Германии несет ответственность за умышленные и неосторожные действия, если иное не вытекает из существа правоотношений. Например, если были «предоставлены гарантии», то общее правило уже не применяется. Когда такое обязательство было нарушено, может быть потребовано возмещения (§ 280 BGB) [1].

В договорном праве Германии, как было сказано выше, имеется аналог института «заверений и гарантий». Так, по договору купли-продажи продавец имеет обязанность предоставить вещь, которая бы не имела существенных недостатков и была бы пригодна для обычного использования, которое подразумевается покупателем при заключении договора (§ 433 BGB). В данном случае у покупателя есть возможность требовать устранения недостатков. Если же продавец не согласится, то у покупателя есть возможность отказаться от договора или потребовать снижения цены (§§ 439–441 BGB). Ответственность за нарушение подобных положений будет носить договорный характер. Однако деликтный характер ответственности также может иметь место. Так, иск из причинения вреда может быть подан напрямую производителю (§ 823 BGB), однако покупатель может столкнуться с проблемой доказывания нарушений в сложном технологическом процессе, что сделать достаточно сложно без колоссальных затрат на юристов и экспертов лицу, которое не погружено в особенности или тонкости того или иного производства [7].

По сути, гарантии по отношению к товарам являются основой регулирования данного института в Германии, однако ввиду действующего принципа «свободы договора» никто не может препятствовать сторонам в установлении гарантий касательно любых фактов путем включения этих фактов в положения договора. Такие положения будут являться независимыми договорными гарантиями (§ 311 BGB). Практика показывает, что данные гарантии являются прямым аналогом гарантий в англо-американской правовой системе, то есть ответственность будет носить договорный характер. Однако бывают и такие случаи, когда ответственность за нарушение независимой гарантии будет носить деликатный характер.

Перейдем к рассмотрению деликтной ответственности в праве Германии. Так, в Германии существует общая обязанность возместить причиненный вред. Такая обязанность может возникать в случае нарушения какого-либо закона, направленного на публичную защиту интересов лиц (§ 823 BGB). Более того, даже если лицо не нарушало закон, но действовало против нравственности и причинило вред иному лицу, вред все равно должен быть возмещен (§ 826 BGB).

В частности, стоит выделить такие деликты как мошенничество и причинение вреда действиями, направленными против нравственности и правопорядка. В первом случае, если лицо имело прямой умысел на неправомерное обогащение путем дачи гарантий о заведомо ложных или искаженных фактах, в результате чего его контрагенту был причинен вред, то такое лицо

будет обязано возместить убытки в рамках деликтной ответственности. Второй деликт имеет аналогичный состав за тем исключением, что поведение причинителя вреда является правомерным, но противоречит добрым нравам. По общему правилу, причинители вреда должны будут исполнить обязательство в натуре или, если первое невозможно, возместить ущерб.

Отметим, что по деликтным искам не будут возмещаться чистые экономические убытки. Они могут быть возмещены только в случае договорного иска, так как только в случае с договором у лица появляется обязанность заботиться о достоверности предоставляемых сведений.

Рассуждая о договорном и деликтном праве в Германии, нельзя не затронуть вопросы преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*). Традиционно доктрина, разработанная профессором Иерингом, включает в себя вопросы договорного права. В ГГУ данная доктрина отражена обязанностью сторон заботиться об интересах друг друга даже на стадии вступления в переговоры (§ 241 BGB). Постдоговорная ответственность также является в Германии институтом договорного права. Суть данной доктрины заключается в том, что определенные обязательства не прекращаются между сторонами даже после исполнения договора. Так, например, в одном из дел, Истцу был продан участок земли с прекрасным видом на гору, который, впоследствии, был перекрыт другим зданием. С тем учетом, что для Истца особо важен был вид еще на стадии покупки, он смог привлечь Ответчика к постдоговорной ответственности [9].

Подводя итог по Германии, отметим, что договорная ответственность охватывает куда большее число правоотношений чем договорное [8]. Это обусловлено особенностями правовой системы ФРГ.

В 2015 году в ГК РФ был введен институт «заверений об обстоятельствах». Тогда он вызвал массу дискуссий и споров в юридическом сообществе. Однако мы рассмотрим данный институт в рамках договорной и деликтной ответственности.

В Российской Федерации условно можно разделить все утверждения касательно фактов на две большие группы: на те, которые прописаны в договоре, и те, которые заявлялись в ходе переговорного процесса с целью побудить сторону на заключение договора.

Даже в рамках первой группы могут возникать различные ситуации. Так, в случае с договором купли-продажи, товар должен быть надлежащего качества (ст. 469 ГК РФ) [6]. В случае нарушений покупатель может

требовать устранения определенных недостатков, замены, уменьшения цены, отказа от договора или возврата суммы (ст. 475 ГК РФ). В данных обстоятельствах ответственность будет договорная.

Однако существует возможность потребовать убытки по ст. 15 ГК РФ в случае, если они были причинены ввиду каких-либо недостатков товара. В таком случае ответственность будет деликтной.

Если же определение утверждение о фактах было квалифицировано по ст. 431.1 ГК РФ как «заверение об обстоятельствах», сторона, которой был причинен ущерб, может потребовать возмещения убытков, которые будут исчислены по «позитивной» схеме, что имеет признаки договорной ответственности.

Вторая группа включает факты, которые были заявлены в ходе переговоров или в ходе заключения договора, но не попали в основной текст. Том или ином виде.

Если лицо намеренно вводило своего контрагента в заблуждение, то контрагент может потребовать признания договора недействительным, а также возмещения убытков (ст. 179 ГК РФ) или потребовать просто возмещения убытков (ст. 1064 ГК РФ).

Если же лицо заведомо не знало или не могло полагать о недостоверности своих утверждений, то теоретически убытки могут быть взысканы как из договора, так и из деликта. Во-первых, контрагент все равно может потребовать признания сделки недействительной и возмещения убытков (ст. 178 ГК РФ). Во-вторых, контрагент может попробовать воспользоваться институтом «заверений об обстоятельствах» и взыскать убытки из договора (ст. 431.2 ГК РФ). В-третьих, контрагент может воспользоваться механизмами преддоговорной ответственности. Так, контрагент может взыскать убытки, руководствуясь ст. 434.1 ГК РФ [8]. Отметим, что в отличие от Германии, где *culpa in contrahendo* однозначно относится доктриной к договорной ответственности, в России воплощение данной доктрины скорее является институтом *sui generis*, находясь на грани договорных и деликтных правоотношений.

Подводя итог по России, отметим, что разграничение деликтной и договорной ответственности стоит гораздо более остро в нашей правовой системе по сравнению с рассмотренными ранее (ФРГ и США). Более того, у в российской правовой системе имеет место феномен института *sui generis*, который находится между деликтным и договорным правом.

Если рассматривать теоретически, то Истец должен сам выбирать способ правовой защиты, однако рос-

сийские суды склонны отказывать в удовлетворении иска из деликта при наличии договора. Данная позиция плотно закрепилась в судебной практике [12]. Такое положение дел поддерживают А.Г. Карапетов и В.В. Байбак ввиду того, что только договорный иск позволяет учесть суду все особенности правоотношений между сторонами [11]. Однако А.В. Егоров считает это недостатком и оценивает деликтное право в России как очень слабо развитое [10].

Обосновать такое положение дел можно, пожалуй, тем, что сама система начала формироваться не так давно по сравнению с многими другими зарубежными. На наш взгляд, законодателю стоит определиться, к какой модели соотношения деликта и договора мы движемся: к немецкой с максимально широкой договорной

ответственностью или к французской с их широкой деликтной ответственностью. С тем учетом, что наша система по большей части построена с оглядкой на Германию, то наиболее логично будет двигаться именно в этом направлении. Нам стоит прекратить «мешать коктейли» (как справедливо и остроумно высказался Сергей Будылин) для того, чтобы достичь того уровня правовой системы, который требует продвинутое и современное общество. Да, подобные реформы будут сопряжены с рядом серьезных изменений в законодательстве, в частности, ст. 1064 ГК РФ, а также многих упомянутых в данной работе. Однако на выходе, на наш взгляд, мы можем получить действительно функционирующую, современную и развитую правовую систему, в частности, в разграничении деликтной и договорной ответственности, к чему мы и должны стремиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Date Views 19.12.2022 www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html.
2. Restatement (Second) of Contracts. Date Views 19.12.2022 www.fbcoverup.com/docs/library/1981-Restatement-Second-of-Contracts-1981.pdf
3. Geelan Fahimy. Liable for Your Lies: Misrepresentation Law as a Mechanism for Regulating Behavior on Social Networking Sites. Date Views 19.12.2022 www.digitalcommons.pepperdine.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1362&context=plr.
4. Walters, J.A., 2009. Material Breach and Repudiation. Dallas, Texas: Cooper & Scully, P.C.
5. Glanzer v. Shepard, 233 N.Y. 236 (1922). Date Views 19.12.2022 cite.case.law/ny/233/236/
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ Часть первая // Российская газета URL: <https://rg.ru/documents/2008/03/24/gk1-dok.html> (дата обращения: 19.12.2022).
7. Блинкова Е.В. Конкуренция договорных и деликтных исков в гражданском праве: исторический и сравнительно-правовой аспект // Гражданское право. 2011. № 2.
8. Будылин С.Л. Деликт или нарушение договора? Заверения и гарантии в России и за рубежом. 2016.
9. Будылин С.Л. Дело о красивом виде. Заверения и гарантии в Третьем рейхе // Zakon.ru URL: https://zakon.ru/blog/2015/09/09/delo_o_krasivom_vide__zavereniya_i_garantii_v_tretem_rejhe (дата обращения: 19.12.2022).
10. Ворожевич А.С. Защита нарушенных имущественных прав: что необходимо учитывать, обращаясь в суд? // Экономика и жизнь URL: <https://www.eg-online.ru/article/330333/> (дата обращения: 20.12.2022).
11. Драгунова Т.В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12.
12. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июня 2013 г. N 1399/13

© Бикбаев Руслан Рястямович (Ruslan.bikbaiev.dn@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ИСТОЧНИКИ ПРАВА» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЮСНАТУРАЛИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ПРАВОВЕДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

SOURCES OF LAW THROUGH THE PRISM OF NATURALIST CONCEPTS IN THE WORKS OF RUSSIAN JURISTS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

V. Bondar

Summary. The problem of understanding the category “source of law” is one of the most urgent in legal science. Depending on the type of legal understanding, ideas about what constitutes a source of law also differ. This article considers the problem of the origin and legal understanding of the category “source of law” in the Russian naturalist (natural) philosophy of law of the late XIX — early XX century.

Keywords: legalistic (natural) law, source of law, legal understanding, origin of sources of law, theory of law.

Бондарь Виталий Викторович

Аспирант, Ростовский государственный
экономического университета (РИНХ)

Ростов-на-Дону
vitalbondar1@rambler.ru

Аннотация. Проблема понимания категории «источник права» является одной из актуальнейших в юридической науке. В зависимости от типа правопонимания различаются и представления о том, что собой представляет источник права. В настоящей статье рассмотрена проблема происхождения и правопонимания категории «источник права» в российской юснатуралистской (естественной) философии права конца XIX — начала XX столетия.

Ключевые слова: юснатуралистское (естественное) право, источник права, правопонимание, происхождение источников права, теория права.

Проблемные вопросы, связанные с пониманием такой базовой правовой категории как «источник права», являются сегодня крайне актуальными в юридической науке. Исследователи-теоретики и практикующие юристы всегда уделяли повышенное внимание данной проблеме. Формирование подходов к пониманию источников права находится в тесной взаимосвязи с вопросом о том, что собой представляет само право. Существование различных типов правопонимания опосредует наличие различных представлений о том, что же в сущности является источником права.

Фундаментальными классическими типами правопонимания в конце XIX — начале XX столетия выступили позитивизм и естественное право, каждый из которых имеет своих выдающихся последователей не только в истории политико-правовой мысли, но и в современном правоведении.

Под влиянием развития западноевропейских теорий права, на рубеже XX века в России наступает «ренессанс» естественно-правовых взглядов (юсна-

туралистских). Основным «зерном» в формировании источников права выступило иррациональное начало, являющееся сублимацией понимания свободы как высшего идеалистического блага для человечества.

Проблемами изучения и разработки естественно-правовых теорий на рубеже XIX — XX веков занимались многие ученые-правоведы, ведущими из которых считаются: Б.Н. Чичерин (1828–1904), В.С. Соловьев (1853–1900), Е.Н. Трубецкой (1863–1920), П.И. Новгородцев (1866–1924), И.В. Михайловский (1868–1921), Е.В. Спекторский (1875–1951), А.С. Яшенко (1877–1934), Б.П. Вышеславцев (1877–1954), Б.А. Кистяковский (1868–1920), С.А. Котляревский (1873–1939), В.М. Гессен (1868–1920), Н.Н. Алексеев (1879–1964), И.А. Ильин (1883–1954) и многие др.

Последователей естественно-правовой теории привлекала идея о неотчуждаемых правах человека, необходимости правовой защиты личности и уменьшении доли государственного влияния на право, что соответствовало духу русской интеллигенции. Таким образом, естественно-правовая философия сформировалась

на базе российского абсолютизма, но трансформировалась в источник либерального правосознания, который впоследствии стал основой для возникновения либеральной правовой культуры. В целом, присущими чертами естественного права являлись базовые установки, касающиеся неотчуждаемости прав человека, разделение сущностей права и закона, возможность снижения государственного давления на право, которые в совокупности образуют естественные ценности на базе культурных течений и религии. [4]

Базовые установки позволили отразить сущность источника права и определить его как нормативный регулятор общественных отношений, в основе которого лежат принципы естественного права.

С момента возникновения «источников права», в частности с тех пор, как древнеримский философ Тит Ливий внедрил такой термин в научное сообщество, определив им Законы XII таблиц (*fons omnis publici privatique juris*), ученые юристы расходятся в понимании определения «источников права», являющихся основой юриспруденции [2].

Советский правовед Н.Г. Александров считал, что проблема источников права не должна рассматриваться отдельно от целостного понимания присущих черт и общих признаков права [1].

В свою очередь, известный российский ученый-правовед Марченко Н.Г., указывал, что изучение вопросов, непосредственно связанных с возникновением источников права, имеет огромное значение потому, что представление о них формирует весь процесс познания права [3].

Что же касается отправной точки происхождения источников права, то в целом, в науке исследуемого периода относительно этой темы имелись различные мнения.

Основатель «возрождения естественного права» Б.Н. Чичерин в своей теории выделял противоположность разных подходов к изучению источников права: положительного (позитивный закон) и естественного. Причем последний, по его мнению, формируется благодаря разуму и являются «двигателем» для развития первого. Развитие положительного права прежде всего происходит, благодаря влиянию теоретических норм, которые являются путеводителем для юристов и законодателей и вместе с тем не имеют прямого давления над ними. Компромисс и гармоничность его развития являются основными признаками естественного права, которых не наблюдается в положительном праве. В целом, естественное право не является действующим

законом, имеющим принудительные характеристики, а представляет собой систему общих юридических норм, являющейся производной из человеческого разума и служащей образцом для положительного законодательства. В этом сущность философии права». [5]

Следовательно, Б.Н. Чичерин, продвигая кантовские идеи, называет источниками формирования права природные и неотчуждаемые права (право свободы), являющиеся основой естественного права, которое, в свою очередь, ставится не только выше позитивного, но и считается его первоисточником.

Не менее важный теоретик, принявший участие в заложении основ «возрожденного естественного права» является В.С. Соловьев. Несмотря на схожие взгляды с Б.Н. Чичериным, ученый различает источники положительного и естественного права, о чем указывает в «Собрании сочинений». Правовед считает, что право возникает как естественный процесс, поэтому в истории развития человечества имеет такие же ценностные установки как религия, искусство, литература или язык. [6]

Таким образом, В.С. Соловьев относит формирование источников права к творениям, сочинению, творчеству человека, возникающим в процессе его жизнедеятельности и развития.

В понимании В.С. Соловьева такие принципиальные понятия как «свобода» и «равенство» являются первичными источниками естественного права, потому что свобода является важным субстратом, в то время как равенство выражает его формулу. [7]

В.С. Соловьев, рассматривая источники права под аксиологическим углом, противопоставлял себя Б.Н. Чичерину, считавшему, что принуждение к выполнению добра или порядка в форме права, лишает право суверенности, делая его производной от нравственности.

В дальнейшем развитие теорий естественного права В.С. Соловьева в этико-онтологическом аспекте нашло свой отклик в трудах Е.Н. Трубецкого. Для выражения понятия источников права Е.Н. Трубецкой обращает внимание на причины и силы, которые производят дальнейшее впечатление на формирования правовых норм, то есть сообщают их значение иным правилам с целью их предпочтения и обязательности. [8]

Правовая доктрина Е.Н. Трубецкого получила свое развитие в следующих формах: во-первых, отдельный индивид может пользоваться внешней свободой в таких разумных рамках, в каких это позволяют нрав-

ственные нормы; во-вторых, свобода индивида заканчивается там где начинается свобода иного индивида; в-третьих, свобода индивиду дается с целью получения блага обществом в целом, а через получения блага обществом и получения блага индивидом; в-четвертых, источником права является сила действующая во благо общества и личности.

Исследуя кантовский априоризм, описанный Кантом в работах «Критике чистого разума» и в «Критике практического разума», следует обратить внимание на идеи последователя естественного права и П.И. Новгородцева, усматривающего смысл в возрождении естественного права как возможный путь изучения актуальной проблемы «кризиса правосознания». В частности, ученый отмечал, что необходимо возродить естественное право, которое уникально своими идеальными стремлениями, и придать ему самостоятельное юридическое значение, формирующую в целом моральную сторону права. [9]

Исходя из определения, можно отметить, что естественное право для П.И. Новгородцева является источником права положительного, одновременно при этом являясь его противоположностью.

В.С. Нерсесянц, анализируя взгляды П.И. Новгородцева, акцентирует внимание на том, что его позиции по формированию источников естественного права опираются на принцип гибкости концепции естественного права. В частности, В.С. Нерсесянц отмечает, что его позиции отражают своеобразный подход, при котором реализуются кантовские представления о том, что должное и сущее, естественное и действительное находятся в постоянном противостоянии. [10]

Таким образом, П.И. Новгородцев определяет источники естественного права в качестве «постоянных и неизменных констант», в тоже время считает их генератором для новых реформ и в целом основанием развития права.

В противоположность позиции П.И. Новгородцева, разъясняющего сущность естественного права с позиции трансцендентальной методологии, иной последователь теории естественного права И.В. Михайловский выделял данную категорию, опираясь на объективно-идеалистическое понимание источников права, что, по сути, отражало гегелевские принципы формирования источников права. [11]

Придавая значение природе объективно-идеалистического развития источников права, И.В. Михайловский считал источниками естественного права совокупность основных принципов или норм, которые непосредственно вытекают из теории абсолютной идеи

права, носящей признаки вечных и неизменных принципов и норм, отражающих потребности народа во все времена. При этом определение «естественного права» философ обуславливает развитием религиозной идеи «Абсолютного Разума и Добра», в которой принципиальным критерием выступает «синтез личной свободы и общего блага». [12]

По мнению И.В. Михайловского, основой зарождения «естественного права» явились идеи «Абсолютного Разума и Добра», изначально возникшие в природе в силу присущему им рационально-нравственному характеру, и потому имеющими отпечаток «вечных и неизменных основ» на пути развития права.

Исследователь Е.В. Спекторский при решении вопроса происхождения источников права опирался на сравнительно-исторический подход. В своем «Пособии к лекциям по энциклопедии к праву» он указывает, что сущность права в широком смысле этого слова имеет привилегированную функцию требования ее исполнения от иных индивидуумов либо предписывающего воздержания от определенных действий. [13]

Используя метафизические концепции, Е.В. Спекторский указывал на то, что споры о происхождении источников права разрешаются применением естественных теорий о творении и эволюции. [14]

При этом источниками формирования права Е.В. Спекторский определяет первоначальный интерес и выгоду, сопряженные с пользованием конкретным правом.

В попытке формирования источников права, в частности в контексте обоснования симбиоза трех начал: право, нравственность и религия, оригинально проявил себя правовед А.С. Яценко. Ученый, принимая позицию В.С. Соловьева, полагающего, что естественное право является коллективным разумом и видевшем в этом положительную сторону права, утверждал, что присутствие коллизии в действующем праве, применяемой в сфере понимания человеческой справедливости, лишь подтверждает тот факт, что указанная норма не естественна и не соответствует природе положительного права». [15]

А.С. Яценко в ходе своих исследований сделал вывод, что в основе формирования источников права заложено психическое сознание людей, предписывающее нормам особую психическую санкцию. Иными словами, опираясь на психическое сознание людей определенного общества, можно найти и сущность источника права, который отражает его психическое переживание по поводу нравственных, культурных или

социальных установок. Таим образом образуются формальные источники права. [16]

С позиции осмысления парадигмы закона и благодати божьей также разрабатывал теории формирования источников права известный ученый Б.П. Вышеславцев, который в своей работе «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии», исследуя антиномию свободы и права у Фихте, приходит к выводу, что данная антиномия права одновременно и отрицает и реализует властное принуждение. Поэтому, выделяя интуитивизм у Фихте, определив тему метафизики как пространство таинственной беспредельности, основанной на неразрывно связанных интуиции и рациональном мышлении [17], Б.П. Вышеславцев считал его одним целым с рациональным мышлением.

По мнению философа, формирование источников права заложено на принципе существования таких категорий как «вера и интуиция Абсолютного», соответствующих духу граждан. Он полагал, что закон требует его абсолютного принятия людьми как божественной справедливости, что, по сути, и составляет сущность позитивного права. [18]

В «Философской нищете марксизма» Б.П. Вышеславцев, определил понятие источника власти и права как форму организации власти и права, сформированных установками религиозных норм и существующего этикета в обществе, образовавшихся в силу их естественной природы: от низших материальных потребностей человека до высшей психологической жизни индивидуума. [19]. Поэтому ученый делает вывод, что истоки данных понятий находятся в прерогативе потребности симбиозной организации религии, этики, а также материальной потребности.

С позиции признания естественного права как фундамента позитивного права разрабатывал научную концепцию русский ученый Б.А. Кистяковский. Во многом взгляды Б.А. Кистяковского аналогичны позиции Б.Н. Чичерина, указывающего на естественное происхождение положительных законов, по сути, представляющих собой произведение человеческой воли и, возможно, отражающих как его отрицательные, так и положительные стороны, а поэтому нуждающихся в правовой оценке [20]. Также его умозаключения схожи с позицией П.И. Новгородцева, отразившего нормативный аспект права в научной работе «Нравственный идеализм в философии права».

В свою очередь, Б.А. Кистяковский, используя такие понятия как свобода, равенство и справедливость, указывает на их преимущество при формировании есте-

ственных истоков права, обращая внимание на то, что в совершенстве право всегда стремится тесно объединить в себе свободу и справедливость. [21]

При этом правовед не ставит целью противопоставить праву понятия нравственности и справедливости праву, потому что считает, что эти понятия связаны косвенно. [22]

В философской догматике ученого, определившего, что «подлинное существо права этично, поэтому действующие в обществе правопорядки исключительно имеют нравственный характер» [23], четко прослеживается предпочтение нормам морали и нравственности при моделировании источников права.

Естественно-правовая теория получила также свое развитие в концепциях С.А. Котляревского, являющегося сторонником взглядов (основоположники Т. Гоббс и Дж. Локка) возникновения права как необходимого противовеса государственной силе.

Ученый объяснял сущность истоков права, сформированных естественными и незыблемыми стремлениями человеческого духа на любом этапе эволюции. В частности, он отмечал, что право поиск права наблюдался на протяжении многих веков, при этом искание права воплощал его формы в зависимости от политических и нравственных настроений общества. [24]

С позиции рассмотрения естественного права как идеологического критерия положительного права, необходимого для его развития, выступал ученый-философ В.М. Гессен, который считал, что естественное право представляет собой совокупную систему идеальных, по мнению общества, норм. Таким образом, по его мнению, источники права всегда соответствовали идеальному и вечному началу «абсолюта» на основе предубеждения.

Современный исследователь А.Н. Медушевский, изучая учения В.М. Гессена, сделал вывод о том, что основа философии Канта оказала принципиальное значение на формирование «вечных этических норм», закрепившими понятие источников права. Он считал, что современная теория права включает собой отражение юснатурализма, то есть всего, что прямо соответствует этической и нравственной жизни общества, в отличие от предшествующих теорий естественного права, которые основывались исключительно на принципах, опирающихся на законы природы и божественную волю. [26]

С позиций неокантианских подходов на формирование источников права в ключе естественно-правовой доктрины рассматривал теорию права Н.Н. Алексеев.

В своей научной работе «Общее учение о праве» ученый объяснял, что современная общая теория права содержит распространенное учение об источниках права, которые означают те «исторические памятники, из которых почерпается познание правовых норм (*fontes ex quibus notitia juris hauritur*)». В частности, ими являются общие собрания законов, изданных в хаотической последовательности, а также кодифицированные источники (своды законов). При этом основную роль сыграли социально-исторические силы, под влиянием которых зародилось право в целом. Таким образом, ученый определяет под источником права прежде всего форму проявления действующего права. [27]

Позиция Н.Н. Алексева заключается в том, что источниками права являются формы проявления положительного права как производные исторического разнообразия форм справедливости, поэтому они не могут быть сведены наукой к определенным формальным категориям. В целом, ученый принципиально считает, что вопрос об источниках может являться историческим или политическим вопросом, а не вопросом философии права. Однако философия права привлекает из теории об источниках ряд ценных выводов. Прежде всего, абсолютной категорией выступает «сила права или так называемая юридическая значимость», которые, по сути, не являются правоположностями, но в то же время их историческая функция отражает существующий правопорядок. В силу этого ученый считает, что формы выражения положительного обретают ту или иную окраску в различных социальных и исторических условиях развития общества. [28]

У Н.Н. Алексева со временем получили идеи, заложенные Б.Н. Чичериным, о признании в человеке духовного начала (истока), являющегося носителем сознания, абсолютного, нравственного корня. В частности, он указывал, что распространение идеи «абсолютного в человеческом сознании» доказывает сам факт присутствия в человеке некоего абсолютного начала. В частности, он указывал, что значение человеческой личности не ограничено отражением всемирно-исторического процесса, так как человек имеет собственное абсолютное значение и является его естественным носителем. [29]

С позиций неогегельянских подходов на формирование источников права в ключе естественно-правовой доктрины рассматривал теорию права И.А. Ильин. Понимая под источником естественного права нравственную и духовную жизнь личности, ученый впервые вводит понятие «естественное правосознание», сквозь призму которого проводит глубокий анализ истоков права, раскрывая связь права с правосознанием и с понятием «сила».

В свою очередь, И.А. Ильин определял закон и обычай как основанные на субъективно-психологических факторах явления, так как природа возникновения данных категорий основывалась на абсолютной категории о «здоровом смысле». Ученый отмечал, что убеждение о том, что «не все внешние деяния людей одинаково допустимы и верны, что есть совсем невыносимые поступки и есть справедливые исходы и решения», основано на сущностном разделении понятий о праве и морали, которые лежат в основании любого закона или обычая, поэтому генетически предшествуют процессу правотворчества. В частности, ученый обращает внимание на то, что убеждение людей в существовании «справедливого и несправедливого, законного и незаконного» сформировано объективными причинами и потому не зависит от его внешней формы проявления либо способа реализации действующей правовой нормы. И.А. Ильин заключает, что правовая природа источника заключается в осознании «правового чувства», «инстинкта правоты» или «интуиции правоты», вследствие чего формируется определенная поведенческая культура людей в обществе. Поэтому, по его мнению, важно корректно сформулировать данное инстинктивное чувство с целью его преобразования из бессознательного в сознательное чувство, что отразит в дальнейшем его «зрелое естественное правосознание». [30]

Проведя обзор различных подходов к формированию системы источников права с позиции юснатуралистских концепций второй половины XIX – начала XX века, можно сделать вывод о том, что в России получила большее развитие естественно-правовая доктрина, которая имела целый ряд уникальных признаков. Во-первых, она носила разносторонний характер. Во-вторых, была наделена четкими национальными чертами. В-третьих, в исследованных теориях ученых-правоведов господствовала парадигма онтологизма. В-четвертых, доктрина отвечала потребностям по решению проблем в сфере права, связанного с человеком и личностью. В-пятых, она определяла потребность в регулярном изучении вопросов о природе происхождения источников права. В-шестых, сущность доктрины характеризовала стремление ряда ученых изучить роль «веры» в формировании правосознания личности. В-седьмых, она послужила новым витком в развитии теории о соотношении права, справедливости и нравственности.

Таким образом, исследование идейно-теоретических позиций ряда последователей естественно-правового подхода, рассматривающих проблематику источников права, позволяет соединить потребности современного общества и традиционные ценности прошедшего периода для определения принципиального направления развития источников российского современного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Н.Г. Понятие источника права// ВИЮН. Ученые труды. 1946. Вып. 8. С. 47.
2. Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. М., 2004. С. 17.
3. Марченко М.Н. Источники права: Учебное пособие. М., 2005. С. 3.
4. Жуков В.Н. Философия естественного права в русской мысли первой половины XX в.: дис. доктор философских наук: 09.00.03 — История философии. Москва. 2001. 361 с.
5. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Т. 1., М., 1908.С.42.
6. Соловьев В.С. Собр. соч. СПб., 1914. Т. 8. 2-е изд. под ред. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». 1914. С.2.
7. Соловьев В.С. Собр. соч. СПб., 1911–1913. Т. VII. 2-е изд. под ред. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». 1914. С.498–501.
8. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. М., 1908. С. 91.
9. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. М., 1904. С. 12.
10. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С.530.
11. Щупленков Н.О., Щупленков О.В. Аксиологическое осознание идеи российской государственности в контексте национального характера // ВВ: Философские исследования. 2013. № 12. С.135–194. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_9902.html.
12. Михайловский И.В. Очерки философии права, Т. 1. Томск, 1914. С. 140–141, 199–200, 200, 203–204, 207, 217, 254.
13. Е.В. Спекторский. Пособие к лекциям по энциклопедии к праву. Киев.1917. С. 21.
14. Е.В. Спекторский. Пособие к лекциям по энциклопедии к праву. Киев.1917. С. 26–27.
15. Яценко А.С. Теория Федерализма. Опыт синтетической теории права. Юрьев, 1912. С. 111.
16. Яценко А.С. Теория Федерализма. Опыт синтетической теории права. Юрьев, 1912. С.160.
17. Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М., 1914. С. 77.
18. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С.22.
19. Вышеславцев Б.П. Философская ницета марксизма // Он же. Соч. М., 1995. С. 127.
20. Чичерин Б.Н. Философия права // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. V (45). С. 718
21. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право (Очерки по методологии социальных наук и общественной теории права. СПб., 1998. С. 680.
22. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление. СПб.,1911. С. 17.
23. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление. СПб., 1911.С. 17.
24. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 332.
25. Гессен В.М. Возрождение естественного права // Право. 1902. № 11. С. 9.
26. Балицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. С. 374.
27. Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. Симферополь. 1919. С.64–65.
28. Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. Симферополь. 1919. С.66.
29. Алексеев Н.Н. Идеи и личность Чичерина//Путь, 1930, № 24, с. 80, 132.
30. Ильин И.А. О сущности правосознания / Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1993. С. 80.

© Бондарь Виталий Викторович (vitalbondar1@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ACTUAL PROBLEMS OF CONCILIATION PROCEDURES IN THE CIVIL PROCESS AT THE PRESENT STAGE

A. Bultikova

Summary. The article is devoted to the most urgent problems of the institution of reconciliation in the civil process in modern conditions. Conciliation procedures are currently not in demand in due measure. The author conducts a study of each conciliation procedure enshrined in civil procedural legislation, identifies the main problems that reduce the possibility of their application in a dispute. The article also discusses possible solutions that will contribute to increasing the demand for conciliation procedures in modern realities.

Keywords: conciliation procedures, mediation, negotiations, judicial conciliator, settlement agreement.

Бултикова Айна Еналиевна
Аспирант, Саратовская государственная
юридическая академия
aina_bultikova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена наиболее актуальным проблемам института примирения в гражданском процессе в современных условиях. Примирительные процедуры на сегодняшний день являются не востребованными в должной мере. Автором проводится исследование каждой примирительной процедуры, закрепленной в гражданском процессуальном законодательстве, выявляются основные проблемы, которые снижают возможность их применения при возникшем споре. В статье рассматриваются также возможные решения, которые будут способствовать повышению востребованности примирительных процедур в современных реалиях.

Ключевые слова: примирительные процедуры, медиация, переговоры, судебный примиритель, мировое соглашение.

Основной целью разрешения любого гражданско-правового спора является защита и восстановление законных прав и интересов граждан. Однако большой объем, поступающих на рассмотрение в судебные органы, исковых заявлений не позволяет во всех случаях объективно разобраться в сложившейся ситуации.

Несмотря на то, что в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее ГПК РФ) была включена глава 14.1 «Примирительные процедуры», она не дает четкого законодательного закрепления их понятия. Однако анализируя нормы ст. 153.1 ГПК РФ можно определить основные цели, основания примирительных процедур и принципы. Также в главе перечислены виды процедур, которые могут применяться в гражданском производстве.

Исходя из положений норм, закрепляющих примирительные процедуры, можно выделить некоторые их особенности:

- ♦ инициатива обращения к примирительным процедурам может исходить как от самих сторон, так и от суда;
- ♦ содействие со стороны суда в выборе примирительной процедуры;
- ♦ осуществление применения той или иной процедуры с соблюдением основных принципов:

добровольности, равноправия, конфиденциальности и др.;

- ♦ равные права участников при выборе порядка процедуры примирения;
- ♦ возможность обратиться к выбору процедуры примирения на любой стадии процесса.

Приоритетными аспектами примирительных процедур в сравнение с рассмотрением дела в судебном порядке являются возможность завершения спора на условиях, которые будут устраивать обе стороны, при этом существенно сэкономив время и средства, кроме того, существенно увеличивается вероятность исполнения обязательств в добровольном порядке.

Примирительные процедуры могут быть досудебными, которые применяются до обращения за разрешением правового спора в органы судебной власти (претензионный порядок), судебными, применяемые под контролем суда после возбуждения гражданского дела и непроцессуальными, которые применяются после возбуждения дела судом, но за рамками судебного производства, без контроля со стороны суда.

Споры из правоотношений, в соответствии с ГПК РФ могут быть урегулированы с помощью проведения переговоров и посредничества которое включает медиацию и судебное примирение, либо с применением

других форм примирения, если они не противоречат закону.

Переговоры можно рассматривать как универсальный способ улаживания спора. Под переговорами понимается система действий сторон, направленных на разрешение конфликтной ситуации или спора с помощью компромиссных решений или условий, которые подходят для обеих сторон. Переговоры заключаются не только в обмене требований и условий, правовые противники спора могут совершать в переговорном процессе ряд действий фактического и юридического значения с целью достижения консенсуса, например, производить обмен документацией, информационными данными: проводить исследования, определять возможное развитие ситуации, а предлагать иные способы исполнения обязательств [1].

Переговорная процедура, на сегодняшний день, является самой доступной в судебной практике. Переговоры направлены на оптимизацию гражданского правосудия, их целью является снижение нагрузки на судебные органы [2]. Более того, переговоры, помогают снизить уровень конфликтности и напряженности в отношениях между сторонами спора, способствуют повышению общественного правосознания. Преимуществом переговоров является то, что их порядок не урегулирован в гражданско-процессуальном законодательстве. Однако сторонам необходимо приложить определенные усилия, чтобы достичь оптимального результата и необходимого примирения. В случае недостижения результата, стороны не несут ответственность, поскольку это также не предусмотрено законом.

Посреднические процедуры примирения включают в себя обращение к медиатору. Медиация — это примирительная процедура, в которой помимо сторон спора участвует третья сторона, незаинтересованная в деле в качестве посредника или медиатора. Медиация может быть использована в случае возникшего спора как до судебного обращения, так и в процессе судебного разбирательства в случаях спора из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений. Возможность примирения в процессе медиации сторон и реальность исполнения, заключенного в результате мирового соглашения зависят от квалификации, внимания и опыта медиатора. Поэтому, на наш взгляд, медиатор должен обладать не только юридическими знаниями, но и навыками психолога.

Основной проблемой применения медиации в гражданском процессе, является то в юридических вузах не обучают не тому, как эффективно примирять стороны. Участие в медиационной процедуре подразумевает не только наличие юридических знаний. Необ-

ходимо знание психологических аспектов, понимание позиций и мотивации каждой из сторон, их цели. Также точки зрения практикующих судей, судебные процессы для юристов финансово выгоднее с точки зрения размера полученных денежных средств, а вынесенное в пользу доверителя судебное решение — более значимый результат, чем заключение мирового соглашения [3]. Основная задача медиатора же — принятие действий к примирению сторон и предупреждению споров, в действительности практически не реализуется.

К сожалению, в России медиация не получила широкого распространения, в отличие от европейских государств. Так, 2019 год принес положительные результаты медиации по 1 041 делу, что составило 0,005% от всего количества рассмотренных гражданских споров. Мировые соглашения стали результатом примирения в 81 373 случаях, что составило 0,43% от общего количества рассмотренных гражданских дел [4].

Например, в Германии медиация как процедура примирения может использоваться не только по гражданским и семейным делам, но и по административным делам. Более того, во многие образовательные организации среднего и высшего звена ввели обязательный для изучения курс медиации [5]. Итальянская судебная система предписывает в обязанности судьи осуществить медиативные действия даже самим судьей, не обращаясь к независимым медиаторам. Такая процедура может быть применена неоднократно по одному делу до вынесения решения.

Некоторые страны внедрили медиацию в качестве обязательной процедуры. Например, в законодательстве Словении медиативные процедуры носят обязательный характер и проводятся по судебному предписанию. В Великобритании, отказ стороны судебного спора от применения медиативной процедуры предложенной судом, влечет за собой уплату именно ею всех судебных расходов, независимо от того, в чью пользу вынесено судебное решение. В США еще с 50-х годов прошлого века функционирует Федеральная служба по вопросам посредничества и примирения. В современных условиях процедура медиации в этой стране является одним из самых распространенных способов разрешения спорных ситуаций в договорных и иных правоотношениях.

Еще один вид примирительных процедур — судебное примирение, осуществляемое судебными примирителями (судебными посредниками). Эта примирительная процедура была закреплена законодательством в конце 2019 года. На сегодняшний день участники гражданско-правовых споров не проявляют активности в выборе судебного примирения. Так, в 2020

году судебные примирители содействовали в окончании 798 гражданских споров, принятых судами общей юрисдикции. Для судебного примирения это весомые данные, характеризующие его степень востребованности, но в общем объеме примирительных процедур это указывает на низкий уровень использования судебного примирения как процессуальной процедуры [6].

Судебным примирителем может быть только судья в отставке. Порядок судебного примирения четко не закреплен в законодательстве, но определяется субъектами спора по согласованию с судебным примирителем. Процедура также имеет стадии и этапы: открытие процедуры примирения; рассмотрение фактических обстоятельств спора и заслушивание отношения каждой из сторон относительно спорного правоотношения; постановка вопросов, выносимых на обсуждение, в рамках рассматриваемого спора; индивидуальная беседа судебного примирителя с каждой из сторон; выработка вариантов по урегулированию спора и достижению результатов примирения; юридическое оформление результата примирительной процедуры и ее завершение. Списочную численность судебных примирителей формирует Пленум Верховного Суда РФ, который обязательно учитывает квалификацию кандидата, его прошлую судебную специализацию, сферу научных интересов и др.

На наш взгляд, такая процедура примирения также может встретить препятствия в процессе судебного внедрения. Прежде всего, это связано с личностью примирителя. Судья, который привык действовать с позиции закона, квалифицировать правоотношения с точки зрения норм права, может не учитывать психологические моменты в процессе урегулирования спора и в той или иной степени вынуждать стороны соглашаться с возможным результатом разрешения спора, который может их не устраивать. Именно наличие специального субъекта — судьи в отставке может отпугивать стороны в выборе этого вида примирительной процедуры.

Исходя из проведенного анализа, общая проблема примирительных процедур в российском законодательстве заключается в уровне их востребованности. Абсолютно все предусмотренные гражданским процессуальным законодательством виды примирительных процедур направлены на справедливое, объективное и эффективное разрешение споров без судебного вмешательства, что вполне может оказать положительное

влияние на дальнейшее развитие судебной системы, поскольку отражает способность государства содействовать в защите прав, свобод и законных интересов граждан, их защите от нарушений. Однако основная проблема невостребованности примирительных процедур, заключается в ограниченности информации о них. Не все граждане обладают юридическими знаниями, чтобы понять, что кроме судебного процесса, существуют иные, более оптимальные способы разрешения споров. Также необходимо со стороны государства устанавливать экономические стимулы для обращения к примирительным процедурам. Так, в 2019 году в ст. 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации были внесены изменения, которые гарантируют возможность пропорционального возврата государственной пошлины, если стороны использовали процедуры примирения, в зависимости от стадии. В первой инстанции можно вернуть 70%, в апелляционной — 50%, в кассационном и надзорном производстве — 30% от уплаченной государственной пошлины при обращении. Возможно, еще одним стимулом для использования примирительных процедур в разрешении споров стало бы введение норм, которые бы освобождали сторону, обязанную уплатить исполнительский сбор при заключении мирового соглашения в стадии его исполнения. На наш взгляд, есть необходимость в создании такую экономико-правовой модели правосудия, которая заведомо предопределила бы привлекательность процедуры примирения экономически и будет материальным препятствием для необоснованных исковых требований участников судебного процесса в случае их недобросовестности.

Подводя итог, мы можем сказать о наличии перспектив более широкого внедрения примирительных процедур при решении гражданско-правовых споров. Обращаясь к любой примирительной процедуре, участники спора наделяются более значительными полномочиями, чем в судебном процессе. Также происходит выравнивание положения между сторонами и предоставляются равные возможности всем участникам спора. Кроме того, разрешение споров с помощью обращения к примирительным процедурам, т.е. мирным путем позволяет оптимизировать нагрузку судов, которая с учетом современных реалий очень высока. Для достижения всех вышеуказанных положений, необходимо этого требуется устранить проблемы, которые препятствуют использованию примирительных процедур в гражданском процессе в широком аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова Р.И. Переговоры как процедура примирения в арбитражном процессе // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* — 2020. — № 12–4 (51). — С. 11–14.
2. Шкурова П.Д., Шейджен А.А. К вопросу о соотношении примирительных процедур // *Современная научная мысль.* — 2020. — № 2. — С. 198–203.

3. Достоинства и проблемы медиации. Материалы XVII Международной научно-практической конференции «Ковалевские чтения». 14 февраля 2020 г. [Электронный ресурс: <https://fparf.ru/news/fpa/dostoinstva-i-problemy-mediatsii/>] (дата обращения: 21.01.2023) .
4. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>]. (дата обращения: 19.01.2023) /
5. Внуков А.В. Бузуртанов Д.Х. Медиация в гражданском процессе США// Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве / Сборник материалов Международной научно-практической конференции 26–27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Очердько, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». СПб.: Астерион, 2019. С. 49–61.
6. В Совете судей думают о примирении. [Электронный ресурс: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/30049]

© Бултикова Айна Еналиевна (aina_bultikova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовская государственная юридическая академия

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SECURITY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

*Ya. Vasileva
E. Kalinyuk*

Summary. In this article, the concept of information security is considered from a scientific and legal point of view. The analysis of various problems of information security, such as: information leakage, cyberwar and cyberterrorism, and also presents ways to solve them both at the state and at the global level. The Institute of Information Security in Russia is represented at three levels: legislative, organizational, software and technical. Organizational information security is presented as a set of various measures aimed at protecting information from unauthorized access, planning and using material, financial and other resources, as well as managing them, in order to counter threats to information security. As part of solving problems in the field of information security, it is proposed first of all to improve regulatory and technical regulation, increase the level of legal culture and computer literacy of citizens, create secure information technologies, and ensure the technological independence of the state.

Keywords: information security, threats to information security, problems of information security.

Васильева Яна Валерьевна

Кандидат юридических наук, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
yana.vasileva@list.ru

Калинюк Екатерина Васильевна

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
yekaterina.kalinyuk@yandex.ru

Аннотация. В данной статье с научной и правовой точек зрения рассматривается понятие информационной безопасности. Проводится анализ различных проблем информационной безопасности, таких как: утечка информации, кибервойна и кибертерроризм, а также представляются пути их решения как на государственном, так и на мировом уровне. Институт обеспечения информационной безопасности в России представляется в трех уровнях: законодательном, организационном, программно-техническом. Организационное обеспечение информационной безопасности представлено как совокупность различных мероприятий, направленных на защиту информации от несанкционированного доступа, планированию и использованию материальных, финансовых и иных ресурсов, а также управление ими, в целях противодействия угрозам информационной безопасности. В рамках решения проблем в сфере информационной безопасности предлагается в первую очередь совершенствовать нормативно-правовое и техническое регулирование, повышать уровень правовой культуры и компьютерной грамотности граждан, создавать безопасные информационные технологии, укреплять технологическую независимость государства.

Ключевые слова: информационная безопасность, угрозы информационной безопасности, проблемы информационной безопасности.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в 21 веке получили стремительное распространение и развитие различные информационные технологии. Происходит постоянное увеличение объема информации, которая фиксируется на электронных носителях, а также возрастает количество различных информационных систем. Внедрение информационных технологий обуславливает актуальность изучения проблем информационной безопасности: угрозы и проблемы, субъекты и законодательство в сфере обеспечения информационной безопасности,

средства и меры ее защиты. В современных условиях информационная безопасность является одним из важнейших видов национальной безопасности Российской Федерации.

Обеспечение информационной безопасности осуществляется на законодательном, организационном и программно-техническом уровнях. Это необходимо для защиты информации от преступных и иных противоправных посягательств, соответственно, необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу,

укреплять систему органов власти, обеспечивающих информационную безопасность, а также формировать условия для качественной, высокоэффективной защиты ценной информации.

Понятие информационной безопасности впервые было определено на теоретическом уровне с момента появления компьютерных технологий. В литературе отмечаются различные подходы к определению этого института: А.А. Стрельцов определяет информационную безопасность как невозможность нанесения вреда объектам безопасности, т.е. личности, обществу и государству, и она обуславливается защищённостью от различных угроз информационной безопасности. Также он отмечает, что достижение такого состояния защищённости, исключающего причинения вреда, достичь в принципе невозможно [1]. Более подробно понятие информационной безопасности раскрывает Р.Г. Яновский. Автор пишет, что информационная безопасность — это состояние, когда в обществе созданы все оптимальные условия, которые обеспечивают свободное развитие личности, семьи, государства, при этом данные условия дают возможность объективно оценить обстановку в мире, стране, регионе, вырабатывать самостоятельные решения на основе современной и достоверной информации [2].

Многие ученые поддерживают мнение, что информационная безопасность — это набор аппаратных и программных средств для обеспечения сохранности, доступности и конфиденциальности данных в компьютерных сетях. В данном случае целью является обеспечение целостности информации, ее доступности [3]. Так, на современном этапе понятие информационной безопасности трактуется в различных подходах. Первый подход рассматривает определение информационной безопасности как комплекс мер по защите информации. Второй подход как обеспечение защиты от информационных воздействий и как комплекс мер по противодействию информационной войны. Третий подход рассматривает информационную безопасность как одну из составляющих во всех сферах жизнедеятельности, которая связана с производством, преобразованием, потреблением, накоплением и хранением информации независимо от способов и средств осуществления этих процессов.

На законодательном уровне понятие информационной безопасности впервые было закреплено в 90-х годах 20 века в международных и национальных правовых актах. Закон «О безопасности» от 05.03.1992 № 2446–1 (*утратил силу*), впервые закрепил термин «безопасность». В данном документе информационная безопасность была выделена в качестве одной из составляющих безопасности Российской Федерации.

В утратившей силу «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» родовым признаком информационной безопасности являлось состояние защищенности национальных интересов России, а видовым то, что эти интересы определяются именно совокупностью сбалансированных интересов личности общества и государства.

В 1996 году был принят Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене» (*утратил силу*). В данном нормативном правовом акте информационная безопасность понималась как состояние защищённости информационной среды общества, обеспечивающее её формирование и развитие в интересах граждан, организаций и государства.

Что касается международного закрепления информационной безопасности, то впервые понятие появилось в принятой по инициативе России 4 декабря 1998 года резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности». В резолюции было отмечено, что информационные технологии и средства могут быть использованы не в целях совместимыми с задачами ООН.

В настоящее время информационная безопасность России — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства [4]. Под информационными угрозами понимается совокупность действий и факторов, создающих опасность нарушения национальных интересов в информационной сфере. К ним относятся: рост применения информационных технологий, возрастание компьютерной преступности, рост иностранных организаций, осуществляющих техническую разведку в отношении России, и другие.

Объектами информационной безопасности являются личность, общество и государство. Информационная безопасность личности — это состояние человека, при котором ему не может быть нанесён существенный ущерб путём оказания воздействия на окружающее информационное пространство. Только малая часть населения имеет возможность защитить информацию, большая же часть нуждается в этой защите. В основе информационной безопасности общества лежит безопасность массового сознания граждан при наличии информационных угроз, в результате которой обостряется общественная психоэмоциональная напряжённость.

Информационная безопасность государства неразрывно связана с национальной безопасностью.

Важным документом в регулировании информационной безопасности является Доктрина информационной безопасности, которая представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности России в информационной сфере. Согласно Доктрине, национальными интересами в информационной сфере являются: обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина, развитие в России отрасли информационных технологий, обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры, содействие формированию системы международной информационной безопасности. Угрозами информационной безопасности являются: наращивание зарубежными странами возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях; деятельность террористических и экстремистских организаций; компьютерная преступность, компьютерные атаки и другие. Доктрина информационной безопасности является частью законодательной системы Российской Федерации, в которой определены основы государственной политики, стратегия и тактика правового регулирования общественных отношений в сфере информационной безопасности [5].

Для поддержания мировой стабильности и укрепления международных отношений необходимо обеспечивать международную информационную безопасность. Согласно Указу Президента РФ [6], который является документом стратегического планирования, основными угрозами международной информационной безопасности являются: использование информационно-коммуникационных технологий в экстремистских, преступных и террористических целях, в целях подрыва суверенитета, для посягательства на информационные ресурсы государства. Целями реализации государственной политики в сфере международной информационной безопасности являются предотвращение международных конфликтов в информационном пространстве и формирование системы обеспечения информационной безопасности на межгосударственном уровне. Данный Указ направлен на развитие сотрудничества государств в информационной сфере, совершенствование механизма обмена информацией, создание условий для обеспечения информационной безопасности, организацию международных конференций по вопросам противодействия использованию информационных технологий в преступных целях.

Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) [7] устанавливает противодействие использованию информаци-

онно-коммуникационных технологий для нарушения международного мира и безопасности, а также меры, способствующие тому, чтобы деятельность государств в информационном пространстве способствовала общему социальному и экономическому развитию и осуществлялась таким образом, чтобы быть совместимой с задачами поддержания международного мира и безопасности.

Обеспечение информационной безопасности является важнейшей задачей Российской Федерации для противодействия угрозам безопасности личности, общества и государства. Обеспечение информационной безопасности — это осуществление взаимосвязанных правовых, организационных, оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления.

Проблемами информационной безопасности можно считать утечку информации, кибервойну и кибертерроризм. Утечка информации — незаконное получение либо передача защищенных сведений (таких, как персональные данные, коммерческая, государственная тайна). В современном мире утечка информации окружает нас повсюду, хотя мы даже не догадываемся об этом. Возьмем, например, тот момент, когда нам регулярно звонят сотрудники банков, в которых мы не зарегистрированы. Встает вопрос: «Откуда им известны наши номера?». Всё элементарно. При обслуживании банковских карт в одном из банков, вся информация, полученная этим банком, размещается в общей базе, по сути, в открытом доступе, которая также может стать «жертвой» так называемых «хакеров». Также утечка информации по аналогичной схеме может происходить от компаний, занимающихся доставкой. Один из примеров громкой утечки информации связан с компанией «Яндекс Еда» (сервис заказа быстрой доставки еды из ресторанов и продуктов из магазинов). В открытый доступ были представлены такие данные, как: имя, фамилия, контактный телефон, адрес поставки, комментарии и дата формирования заказа. По факту утечки данных «Яндекс.Еда» представила сообщение 1 марта 2022 года, в котором указано, что ситуация произошла из-за недобросовестных действий работника компании. Уже 22 марта в свободном доступе в сети Интернет появилась интерактивная карта с данными пользователей этого сервиса. В конце мая к этой информации подтянули сведения из реестров ГИБДД, СДЭК, Wildberries, «Билайн», ВТБ, «ВК» и ряда других фирм. Но в данном случае появление данных уже не было связано с утечкой информации. Правонарушители просто аккумулялировали данные из различных источников. По стати-

стике ответственность за утечку информации лежит на сотруднике компании. Процесс отслеживания всех утечек данных в России возложен на Федеральную службу безопасности РФ. Для решения данной проблемы, по нашему мнению, необходимо усилить надзор в данной сфере, ввести отдельную меру ответственности для тех, кто «звонит», и для тех, откуда эта информация поступает.

Кибервойна. С сентября 2022 года, пока отношения России со странами Запада продолжают усложняться, все большую активность проявляют хакерские группировки. Стороны конфликта регулярно организуют DDoS-атаки на важные для оппонентов ресурсы и на время парализуют их работу. Как правило, хакеры хвастаются лишь моментальными результатами работы, например, тем, что тот или иной сайт временно прекратил работать. Именно поэтому вопрос о том, к каким последствиям на самом деле приводят их действия, остается открытым. До начала кибервойны ключевой целью хакеров обычно был шантаж компании-жертвы. Украд данные, они требовали у компании-жертвы выкуп и угрожали продать их третьим лицам, если не получат деньги. Однако после ухода крупных платежных систем из России для хакеров, которые объявили стране войну, эта задача перестала быть актуальной: теперь иностранные злоумышленники просто не могут воспользоваться номерами карт жителей страны. Однако в то же время в России активизировались внутренние хакеры: за последние месяцы количество оказавшихся в открытом доступе баз данных российских компаний выросло в два раза. При этом из междусобойчика российской группировки Killnet, выступившей на стороне России, и Anonymous, который на первых порах многими в даркнете воспринимался как самопиар и тех, и других, кибервойна превратилась в действительно огромное поле боя. От действий хакеров в итоге досталось и другим государствам, в их числе — страны Прибалтики, Молдавия, Италия, Япония и другие. Правозащитной функцией в данной сфере занимаются в совокупности практически все органы власти, в том числе: МВД РФ, ФСБ РФ, суды. Чтобы сократить угрозы, которые вызывают кибервойну, следует также усилить надзор в данной сфере, создав отдельное подразделение в органах исполнительной власти, например, при МВД РФ или ФСБ РФ. Также предлагается ужесточить меры ответственности в данной сфере.

Кибертерроризм — использование компьютерных и телекоммуникационных технологий (прежде всего, Интернет) в террористических целях. Самая скандальная кибератака на международном уровне произошла в мае 2020 года. Хакеры попытались взломать почтовые серверы Агентства национальной безопасности США. Злоумышленники использовали уязвимость в аген-

те пересылки сообщений Exim, обнаруженную в июне 2019 года. Она позволяет преступнику отправлять вредоносное письмо на сервер и сразу же получать возможность удаленно запускать там же свой код. АНБ обвинила в атаке хакерскую группировку Sandworm, связанную с Россией — ту самую, которая предположительно запустила вирус NotPetya. Ее же Минюст США позже обвинил в причастности к политическим событиям в Грузии и на Украине, а также во вмешательстве в выборы во Франции и атаке на компьютерную сеть Зимних Олимпийских игр в Пхенчхане в 2018 году. Также не стоит забывать о 2016 году, который принес много печальных новостей о подростках, существовании в социальных сетях некой игры «Синий кит», в которую играли дети и подростки, и финальной целью являлось совершение самоубийства.

Ключевыми организациями России, занимающимися вопросами безопасности в сфере кибертерроризма, являются: ФСБ РФ, Служба внешней разведки РФ, Министерство обороны РФ, Росгвардия, МВД РФ, Федеральная служба охраны РФ. 10 сентября 2020 года также стало известно о создании Генеральной прокуратурой РФ межведомственной рабочей группы для борьбы с киберпреступлениями. Кибертерроризм стоит признать глобальной проблемой и решать не только на уровне государства, но и совместно с другими странами на мировом уровне.

Организационное обеспечение информационной безопасности представляет собой совокупность различных мероприятий, направленных на защиту информации от несанкционированного доступа, планированию и использованию материальных, финансовых и иных ресурсов, а также управление ими, в целях противодействия угрозам информационной безопасности.

Государственная система информационной безопасности представляет собой совокупность органов государственной власти, осуществляющих обеспечение информационной безопасности. Органы государственной власти составляют организационную основу обеспечения информационной безопасности.

Так, Президент РФ осуществляет руководство органами по обеспечению информационной безопасности, определяет приоритетные направления в области государственной политики в области обеспечения информационной безопасности, утверждает Доктрину информационной безопасности, решает вопросы, связанные с обеспечением защиты информации и государственной тайны, заключает международные договоры в сфере обеспечения информационной безопасности. Федеральное Собрание РФ формирует законодательную базу в области защиты информации. Деятельность

Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи направлена на законодательное регулирование в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций, в том числе повышение эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе. Правительство РФ участвует в определении основных направлений государственной политики в области обеспечения информационной безопасности; при формировании проекта федерального бюджета предусматривает выделение средств, которые необходимы для реализации федеральных программ в области информационной безопасности; организует исполнение законов по охране государственной тайны; устанавливает порядок разработки перечня сведений, составляющих государственную тайну; координирует деятельность органов государственной исполнительной власти.

Совет Безопасности РФ проводит стратегическую оценку состояния информационной безопасности России, рассматривает законопроекты об обеспечении информационной безопасности. В составе Совета Безопасности РФ функционирует межведомственная комиссия по информационной безопасности, которая создана в целях реализации задач, возложенных на Совет Безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности. Данная комиссия анализирует состояние, прогнозирует, выявляет и оценивает угрозы информационной безопасности, рассматривает проекты федеральных целевых программ, направленные на обеспечение информационной безопасности.

Деятельность Федеральной службы по техническому и экспортному контролю РФ обеспечивает безопасность информации и объектов критической информационной инфраструктуры, выявляет угрозы информационной безопасности, осуществляет защиту государственной тайны, противодействует техническим разведкам. Федеральная служба безопасности России организует деятельность по борьбе с преступностью в информационной сфере, разрабатывает меры по защите сведений, составляющих государственную тайну, разрабатывает основные направления государственной политики в области международной информационной безопасности. Министерство внутренних дел РФ осуществляет борьбу с правонарушениями и преступлениями в информационной сфере. В структуре МВД создано специальное управление «К» для предотвращения и раскрытия компьютерных преступлений, преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и направленных против здоровья несовершеннолетних, и общественной нравственности. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций РФ осуществляет контроль и надзор в сфере связи, информационных технологий, защиты детей от информации, которая причиняет вред их здоровью.

Органами государственной власти осуществляется мониторинг потенциальных и реальных угроз информационной безопасности, вырабатывается повышенная устойчивость информационной инфраструктуры к их появлению. На современном этапе развивается система массовой достоверной информации для представления её гражданам и другим лицам, поскольку интерес о событиях общественной жизни внутри страны и за рубежом возрастает. Распространение массовой информации направлено на противодействие угрозам, нарушающим конституционные права граждан на свободное получение информации. Кроме того, формируется компетентность в области защиты информации детей, осуществляется сотрудничество органов власти, образовательных и дошкольных учреждений для повышения информационной культуры несовершеннолетних путём осуществления просветительских проектов. В области обеспечения информационной безопасности осуществляется лицензирование и сертификация данной деятельности. Лицензирование определяет право доступа конкретной организации к государственной тайне для выполнения работ и оказания услуг. Сертификация представляет деятельность по подтверждению соответствия средств защиты информации требованиям безопасности информации в целях защиты конфиденциальной информации.

Проблема обеспечения надлежащей безопасности персональной информации связана с тем, что в основном она собирается, обрабатывается и хранится коммерческими организациями. Соответственно, необходимо на уровне государства обеспечить контроль за соблюдением требований информационной безопасности данными организациями. Для чего необходимо определить все возможные риски и уязвимости, в соответствии с которыми разработать стандарты и правила их предотвращения и устранения.

Таким образом, по нашему мнению, решению проблем информационной безопасности России в настоящее время могут способствовать следующие мероприятия: дальнейшее развитие научно-практических основ информационной безопасности; формирование современной нормативно-правовой базы обеспечения информационной безопасности; ужесточение ответственности должностных лиц и граждан за нарушение требований информационной безопасности; разработка современных методов и технических средств, обеспечивающих комплексное решение задач защиты информации; укрепление технологической независимости России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стрельцов А.А. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности: учебник и практикум для вузов / под редакцией А.А. Стрельцова. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. 325 с.
2. Яновский Р.Г. Теоретические подходы в исследовании информационной безопасности // Информационная безопасность регионов. 2011. № 1 (8). С. 41–44.
3. Шободоева А.В. Развитие понятия «информационная безопасность» в научно-правовом поле России // Известия Байкальского государственного университета. 2017. № 1. С. 73–78.
4. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2016. № 50 ст. 7074.
5. Гриценко В.В. Доктрина информационной безопасности как политико-правовой документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2. С. 16–20.
6. Указ Президента РФ от 12.04.2021 № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 19.04.2021. № 16 (Часть I). ст. 2746.
7. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // МИД РФ [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1698725/ (дата обращения: 14.11.2022).

© Васильева Яна Валерьевна (yana.vasileva@list.ru), Калинюк Екатерина Васильевна (yekaterina.kalinyuk@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ

Галыч Кристина Александровна

Аспирант, Юго-Западный государственный
университет
kristinka23.94@mail.ru

PREVENTION OF FRAUDS COMMITTED BY WOMEN

K. Galych

Fraud in its various manifestations has existed at all times and in any state, and the fight against it, perhaps, will never lose its relevance. Defined according to Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation as "theft of someone else's property or acquisition of the right to someone else's property by deception or abuse of trust," fraud is taking on increasingly new forms as the scientific and technical sphere and the latest information and digital technologies develop, which means it requires close attention and constant development of ways to counter it. The article is devoted to the consideration of the main problems that arise at the level of prevention of women's crime. In addition, certain ways of solving these key problems were proposed. The study of the current state of female crime makes it possible to say that modern means and methods of crime prevention are not effective enough.

Keywords: crime indicators, female crime, mercenary crime, fraud, crime prevention measures, prevention subjects, causes of crime, the identity of the criminal.

Аннотация. Мошенничество в различных своих проявлениях существовало во все времена и в любом государстве, а борьба с ним, пожалуй, не утратит своей актуальности никогда. Определяемое согласно ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [2], мошенничество приобретает все более новые формы по мере развития научно-технической сферы и новейших информационно-цифровых технологий, а значит, требует пристального внимания и постоянной разработки способов противодействия ему. Статья посвящена рассмотрению главных проблем, которые возникают на уровне предупреждения женской преступности. Кроме того, были предложены определённые способы разрешения данных ключевых проблем. Изучение состояния нынешней женской преступности даёт возможность сказать, что современные средства и способы профилактики преступлений недостаточно эффективны.

Ключевые слова: показатели преступности, женская преступность, корыстная преступность, мошенничество, меры предупреждения преступности, субъекты предупреждения, причины преступности, личность преступника.

Актуальность и значимость такой проблемы как — женская преступность, обуславливается многими факторами, к примеру, совершение женщиной преступлений ведёт к весьма существенным общественно-опасным последствиям. В связи с этим, для нынешней криминологии немаловажно сформировать единую концепцию основ и методов возведения теоретикопрактического познания о преступлениях, совершаемых женщинами, причин и условий, которые её определяют, и уже после этого необходимо выработать наиболее успешные пути её предупреждения.

«Предупреждение женской преступности — это часть предупреждения преступности в целом, но оно имеет и определенную специфику, целый комплекс специальных мер, направленных на защиту прав женщин» [2].

Государство и его аппараты, которые представляют собой главные субъекты предотвращения преступно-

сти, встречаются со многими проблемами, во время осуществления такой деятельности.

На современном этапе заслуживают отдельного внимания наиболее злободневные, на наш взгляд, виды мошенничества, так называемые аферы, связанные с банковскими картами, медициной, трудоустройством и благотворительностью. Их особая актуальность заключается в том, что в сегодняшних сложных социально-экономических условиях для многих граждан остро встают вопросы защиты своих денежных средств, заработка и заботы о здоровье. Так, мошенники в сфере здоровья и медицинских товаров/услуг, манипулирующие на здоровье людей и осуществляющие аферы с медицинской продукцией, могут заниматься «продажей» по низким ценам медицинских товаров, которых на самом деле не существует. В частности, в отправленной покупателю посылке вместо заявленного товара могут находиться различные предметы, бумажные салфетки или полиэтиленовые пакеты. Более того, товар может

оказаться не просто неэффективным, но и опасным для здоровья.

Ситуация с лже-трудоустройством также вызывает большие опасения. Зачастую, мошенники ищут свои жертвы в социальных сетях и предлагают работу, которая не требует специального образования и высокой квалификации для получения высокой прибыли, либо уверяют, что могут помочь гарантированно и быстро заработать деньги. Данные о соискателе они предварительно находят на сайтах, куда он подавал свое объявление о поиске работы. В предложении о «работе» в электронном письме может содержаться условие о том, что для устройства на работу следует сначала заплатить за стартовый комплект или материалы, имеющие отношение к будущей трудовой деятельности. Так или иначе, в любой мошеннической схеме с предложением выгодной и хорошо оплачиваемой работы соискателю предлагается сначала заплатить за свое трудоустройство. Соискателю действительно высылают материалы или схемы для выполнения работы, однако после того, как он отправляет получившийся результат, лжеработодатель просто исчезает, перестает выходить на связь, не присылает никаких материалов, не отвечает на звонки и сообщения. Таким образом, цель подобных мошеннических схем предельно проста — собрать как можно больше денежных взносов за возможность трудоустройства и быстро оборвать «сотрудничество».

Ещё один вид мошеннической схемы — фальшивые благотворительные организации. Лже-филантропы выдают себя за настоящих благотворителей и просят пожертвования, утверждая, что собирают деньги для помощи людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации. Поддельные благотворительные организации, играя на жалости и сострадании к нуждающимся, по сути, выманивают денежные средства у частных лиц и даже организаций, не предоставляя при этом убедительных доказательств того, что деньги идут действительно на помощь определенным людям. Фальшивые благотворительные акции уже давно стали привычным и частым явлением, ведь зачастую те, кто искренне готов помочь попавшим в беду, к сожалению, даже не пытаются толком разобраться в ситуации, что и приводит к еще большему числу мошенников в данной сфере. Особенно эффективно удаются аферистам схемы со сбором денег на якобы лечение больных детей.

Итак, к наиболее распространенным сферам женского мошенничества относятся:

- ◆ сделки с активами (фиктивные договоры аренды недвижимости, ипотеки, купля-продажа);
- ◆ заключение иных гражданско-правовых договоров (купля-продажа товаров в Интернете, напри-

мер, бывших в употреблении автомобилей на досках объявлений);

- ◆ оказание туристических и строительных услуг);
- ◆ сайты знакомств (для продолжения общения женщины просили перевести деньги, объясняли данный факт тяжелой жизненной ситуацией) .

Ущерб от действий телефонных и интернет-мошенниц превысил 50 миллиардов рублей в 2021 год. Информация об объемах ущерба в результате мошенничества с помощью интернет-технологий сильно варьируют и зависят от источников, но не зависимо от этого является очень высоким. МВД указывает, за 2021 год ущерб от телефонных и интернет-мошенниц превысил 20 миллиардов рублей (статистика связана с фактическим числом зарегистрированных женских мошеннических действий) .

Социологические опросы и исследования показали ущерб от телефонных и интернет-мошеннических действий в объеме, равном 35 миллиардов рублей за 2020 год, а ущерб за 2021 составил более 50 млрд. За весь 2021 год женщины совершили 227511 преступлений, которые связаны с хищениями с использованием информационных технологий (данные МВД). За аналогичный период 2020 года женщины совершили 217154 преступлений, что является сопоставимым с 2021 годом [1] .

Для хищений женщинами в интернете характерна высокая латентность и низкая раскрываемость, одной из причин которой является возможность дистанционного совершения мошенничества и хищений. Общая раскрываемость мошенничества, совершаемого женщинами, составляет менее 15% (например, в 2021 году было раскрыто 34127 дел). Чаще всего, жертвы женского мошенничества применяют гражданско-правовые способы защиты прав, не обращаясь к уголовно-правовым способам привлечения к ответственности [6] .

К самым распространенным преступлениям, совершаемым женщинами, являются: мошенничество (ст. 159 УК РФ) и его специальные составы:

- ◆ мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), — соответственно, в 2021 году в МВД зарегистрировали 112 209 таких дел;
- ◆ кража, в частности кража, которая совершена женщинами с банковского счета, а также в отношении электронных денег (п. г ч. 3 ст. 158 УК РФ), — МВД зарегистрировало 75108 дел.

Самой часто применяемой из главы 28 УК РФ является статья 272 УК РФ (неправомерный доступ к ком-

пьютерной информации) — 5217 дело в отношении женщин. Чаще всего подобные судебные дела завершаются назначением судебного штрафа или осуждением женщины с назначением условного срока.

Корыстные мотивы, определяющие, поведение женщины, в случае их доминирования и возведенные в ранг допустимой общественной морали (характеризующейся на бытовом уровне утверждениями «все так делают», «все воруют», «от трудов праведных не наживешь палат каменных» и т.п.) закономерно приводят к ослаблению значения в мотивации женщин наиболее позитивных социально-нравственных интенций и институтов, в т.ч. института семьи (2/3 осужденных за мошенничество женщин не состоят в законном браке) [1].

Хищения в сети Интернет характеризуются высокой латентностью и низкой раскрываемостью, в том числе из-за возможности дистанционного совершения данных преступлений. Общая раскрываемость категории дел составляет в среднем 15% ежегодно.

Программы, которые применяются на региональном уровне и проекты предупреждения женской преступности, в целом носят, исключительно формальную направленность и нет в них разграничений предупредительных мер на типы и виды противоправных деяний и гендерным отличиям. Региональные проекты, которые применяются в данной области, зачастую, не несут определённых мероприятий для профилактики и предотвращению, а также в них не упоминаются органы, которые отвечают за их исполнение. Утверждение и внедрение подобных проектов обязано быть согласовано с юристами, психологами, социологами, медицинскими работниками и обязательно с учётом особенностей регионов.

Из первой проблемы вытекает и вторая — недостаточное финансирование таких мероприятий предупреждения женских преступлений. Чтобы проекты были созданы и работали во всех регионах государств, необходимо выделить немало денег, а на это нужен не один дополнительный источник финансирования.

Для того, чтобы решить эту проблему, следует вложить этот тип затрат в федеральный бюджет России, а также сформировать проект по привлечению спонсорской поддержки Третьей проблемой предупреждения преступлений, совершаемых женщинами является — не совсем успешная деятельность правоохранительных органов. Полиция не до конца усовершенствовалась после прошедшей реформы. Уменьшение количества одних сотрудников увеличило нагрузку на других, и в связи с этим возможность осуществлять порученные профилактические работы выполняются

не в полном объёме. Из-за не большого количества полицейских-женщин, могут быть сложности в работе правоохранительных органов. Зачастую, женщины не могут всё рассказывать мужскому полу, в особенности, когда она совершила правонарушение из-за мужчины. Для решения этой проблемы, поможет внедрение совершенно новых должностей в штате органов внутренних дел. К примеру, можно назначить инспектора по семейным делам или психолога, который будет работать с гражданами именно в самом отделении полиции [4].

Так же, проблемой профилактики преступлений, совершаемых женщинами, является большая потребность в пересмотре существующих законов, в изменении уже действующих нормативно-правовых актов и в формировании новых норм права, которые будут регулировать те стороны жизнедеятельности женского пола, в которых практически не защищена. Для начала, следует внести поправки в трудовое законодательство. Например, необходим пересмотр условий для формирования ограничительного списка профессий для женщин. Его не должны связывать только с названиями профессий, ещё нужно определить возможное участие женщин, опираясь на реальное состояние места работы. Но всё это весьма трудный процесс, который требует больших финансовых затрат, труда и времени. Данный вопрос уже долгое время заботит многих учёных. Ещё в своё время Сахаров А.Б. высказал мысль, что «существенным условием успешного предупреждения преступности в стране является правовое обеспечение соответствующей деятельности, т.е. закрепление в законе и иных нормативных актах требований и положений, способствующих реализации этой важной государственной задачи» [8].

Профилактика женской преступности нуждается в большом количестве затрат, таких как: материальных, трудовых и временных. Многогранность данной работы способствует выявлению большого количества трудностей. Разрешать их можно лишь при согласованной работе всех органов власти, социальных организаций, всего общества и любого человека в отдельности. Разрешение таких проблем даст возможность противостоять преступному процессу, который протекает в современном обществе, а также ликвидировать препятствия по реализации прав и свободе личности и поможет сформировать в стране атмосферу покоя и стабильности.

Таким образом, способы предотвращения мошеннических действий лежат в первую очередь в области гражданской сознательности и повышения правовой, а также экономической грамотности общества в целом. Прежде всего гражданам следует помнить, что о про-

изошедшем факте мошенничества обязательно нужно сообщать в правоохранительные органы, причем как можно быстрее, ведь преступления, как правило, наиболее эффективно раскрываются именно по «горячим следам» [9].

Важно, чтобы преступные действия как можно реже оставались незамеченными со стороны правоохранительных органов. Если, например, от действий определенного мошенника пострадало 20 человек, а заявление в полицию написал только один из них, дело может оказаться не раскрытым. Если же из 20-ти пострадавших заявления подадут хотя бы 10–15, шансы найти преступника и привлечь его к ответственности значительно возрастают, ведь существует хотя бы теоретическая вероятность того, что каждый из потерпевших сообщит различные важные детали и обстоятельства произошедшего, что многократно повысит шансы на то, что мошенник не избежит ответственности.

Полагаем необходимым проведение социально — экономических мер по улучшению условий жизнедеятельности. Это должна быть комплексная многогранная система взаимодействия государства, правоохранительных органов общественных организации по созданию достойного уровня жизни, снижения социального напряжения в обществе, введению специального института, занимающегося женской преступностью, целью которого должно являться: снижения уровня женской корыстной преступности, создание специальных центров помощи женщинам оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Необходимо принять меры

по корректировке и дополнению национального законодательства. Также стоит повысить воспитательное и просветительное воздействие на женщин — преступниц для избежания и уменьшения количества рецидивных преступлений. Всё это должно строиться на основе анализа характерных особенностей женской преступности, причин и условий совершения преступлений, раннего опыта и опыта зарубежных стран со схожей с Россией ситуацией и экономикой.

ВЫВОДЫ

Полагаем целесообразными следующие меры профилактики женской корыстной преступности:

1. По выявлению неблагополучных семей Органами опеки и попечительства, контроль и помощь в решении воспитательных задач сотрудниками полиции;
2. Государственная поддержка материнства и детства;
3. Установление источников криминогенных влияний на женщин;
4. Борьба с дискриминацией по гендерному признаку во всех социальных сферах;
5. Меры предотвращения допреступного поведения;
6. Помощь в трудоустройстве и социальной адаптации женщин, отбывших наказание, контроль их поведения;
7. Осуществление профилактического воздействия в отношении лиц, оказывающих на женщин и членов их семьи десоциализирующее воздействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галыч, К.А. Мошенничества, совершаемые женщинами / К.А. Галыч // Правовая реформа. — 2022. — № 2. — С. 23–25. — EDN NLGGDU.
2. Галыч, К.А. Социальные аспекты и криминологические проблемы мошенничеств, совершаемых женщинами / К.А. Галыч // Исторические, философские, методологические проблемы современной науки: сборник статей 3-й Международной научной конференции молодых ученых, Курск, 20 мая 2020 года / Юго-Западный государственный университет. — Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2020. — С. 251–258. — EDN NSWQOI.
3. Галыч, К.А. Социальные аспекты и криминологические проблемы мошенничеств, совершаемых женщинами / К.А. Галыч // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. — 2021. — № 3 (67). — С. 136–142. — DOI 10.26456/vtpravo/2021.3.136. — EDN VRVDUD.
4. Гарамян, Ю.А. Предупреждение мошенничества / Ю.А. Гарамян, А.Д. Малышкина, И.Н. Вобляя // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. — 2022. — № 1. — С. 81–84. — EDN VLYEGT.
5. Коротеева, Д.Д. Основные направления профилактики и предупреждения преступлений, совершаемых женщинами / Д.Д. Коротеева // Актуальные проблемы правоведения. — 2020. — № 4 (68). — С. 49–51. — EDN CSNGYK.
6. Кушхов, Р.Х. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых женщинами / Р.Х. Кушхов // Лига интеллектуалов: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 05 сентября 2021 года. — Пенза: Наука и Просвещение, 2021. — С. 33–36. — EDN SKIXAW.
7. Серeda, В.В. Корыстные и корыстно-насильственные преступления, совершаемые женщинами / В.В. Серeda // Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков: Сборник научных статей студентов, магистрантов, практиков, подготовленный по итогам Международной научно-практической конференции, Ижевск, 27 мая 2021 года. Том Часть 1. — Ижевск: Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2021. — С. 773–782. — EDN KGOQVR.

8. Федорова, Е.С. Мошенничество как форма хищения: проблемы правового регулирования / Е.С. Федорова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 44 (386) . — С. 153–156.
9. Фурман, В.Н. Современные виды мошенничества, способы совершения и их предупреждение / В.Н. Фурман // Миссия права. Юридическая наука: традиции и инновации: Сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, Великий Новгород, 16–17 апреля 2020 года. — Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2021. — С. 307–311. — DOI 10.34680/978–5–89896–737–6/2021.ML.52. — EDN YZJJJB.

© Галыч Кристина Александровна (kristinka23.94@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Юго-западный государственный университет

НАСЛЕДСТВО КАК ОБЪЕКТ ПРАВОПРЕЕМСТВА

INHERITANCE AS AN OBJECT OF SUCCESSION

S. Golikova

Summary. The article deals with issues related to the legal nature and composition of inheritance. Special attention is paid to the analysis of the specifics of objects included in the hereditary mass. The imperfection of the wording of Article 1112 of the Civil Code of the Russian Federation is revealed. The author supports the judgment according to which it is more correct not to limit the composition of the inheritance (hereditary mass) to property (as if this concept is not widely interpreted).

Keywords: heritage, hereditary mass, inheritance, thing, property rights and obligations.

Голикова Светлана Витальевна

*Кандидат юридических наук, Севастопольский
государственный университет
golikovasv@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, посвященные правовой сущности и составу наследства. Отдельное внимание уделяется анализу специфики объектов, включенных в наследственную массу. Выявляется несовершенство формулировки ст. 1112 Гражданского кодекса РФ. Автором поддерживается суждение, согласно которого правильнее не ограничивать состав наследства (наследственной массы) имуществом (как бы данное понятие широко не трактовать).

Ключевые слова: наследство, наследственная масса, наследование, вещь, имущественные права и обязанности.

Категория наследства является ключевой для всего наследственного права. Существование объектов, в отношении которых допускается правопреемство, предопределяет само развитие наследственных правоотношений.

Под наследством следует понимать то, что после смерти наследодателя переходит к его наследникам в порядке наследственного правопреемства [5, с. 493–494]. Понятие «наследства» («наследственной массы», «наследственного имущества») раскрывается через определение состава наследства, т.е. того, что входит и что не входит в состав наследства, что переходит к наследникам и как переходит.

Согласно ч. 1 ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ [3]) в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Наследственная масса мыслится не как сумма разрозненных имущественных объектов, а как некоторое единство, в котором наличность и долги сливаются в одно юридическое целое, переходящее не к случайному захватчику, а к известным, заранее предопределенным лицам, наследникам [9, с. 297]. В наследство входят все вещи, имущество и имущественные права и обязанности, которые принадлежали наследодателю на момент его смерти. Как справедливо отмечает Е.А. Суханов: «... наследство (наследственная масса) рассматривается законом как единый имущественный комплекс, в состав которого входят не только вещи, но и иное имущество наследо-

дателя в виде его имущественных (гражданских) прав и обязанностей (долгов). Такой имущественный комплекс, подобно предприятию, становится единым объектом наследственного преемства и, соответственно, — объектом права собственности наследников. Именно данным обстоятельством объясняется содержание новых норм ГК РФ, устанавливающих общую (долевую) собственность наследников, принявших наследство (ст. 1164), и их солидарную ответственность по долгам наследодателя (ст. 1175)» [10, с. 75].

Анализируя положения ст. 1112 ГК РФ, можно сделать вывод, что наследственное имущество (наследственная масса) представляет собой четыре вида объектов: вещи; имущественные права; имущественные обязанности; иное имущество [6, с. 117].

В праве под вещь принято понимать предмет внешнего (материального) мира, находящийся в естественном состоянии в природе или созданный трудом человека, который является основным объектом в имущественном правоотношении [11, с. 64]. Вещи включаются в состав наследства при условии, что наследодатель имел на них определенное вещное право (право собственности, право пожизненного наследуемого владения и др.). Необходимость существования права на вещь подтверждается указанием на то, что в состав наследства могут входить лишь принадлежавшие наследодателю вещи. Такая принадлежность устанавливается в праве посредством правонаделения и может быть подтверждена соответствующими правоустанавливающими документами (свидетельствами

о праве собственности, судебными решениями, свидетельствами о праве на наследство, договорами о приобретении вещи в собственность и другими) [8, с. 254].

Наряду с правами на вещи в состав наследства могут входить иные имущественные права — субъективные права участников правоотношений, связанные с владением, пользованием, распоряжением имуществом, а также с теми материальными (имущественными) требованиями, которые возникают между участниками гражданского оборота по поводу распределения этого имущества и обмена (товарами, работами, ценными бумагами, деньгами и другим) [12, с. 116]. Сюда относятся, прежде всего, права обязательственные (права арендатора недвижимого имущества — п. 2 ст. 617 ГК РФ [2]; права заимодавца по договору займа и т.п.), корпоративные (например, права акционера на участие в управлении обществом; права участника общества с ограниченной ответственностью в случаях, когда переход таких прав не исключается в учредительных документах общества, — п. 6 ст. 93 ГК РФ [1]; п. 5 ст. 148 ГК РФ) и т.п.

Долги (имущественные обязанности) наследодателя образуют особую группу объектов в составе наследства. Наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя хотя и солидарно, но в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества (ст. 1175 ГК РФ). В состав долгов наследодателя, переходящих по наследству, входят разнообразные имущественные обязанности гражданско-правового характера (долг по договору либо иной сделке, долг из обязательства по возмещению вреда, а также другие долги) [11, с.65].

Имущественные права и обязанности могут входить в состав наследства, если наследодатель выступал их субъектом на день открытия наследства, а если же права и обязанности возникают лишь в результате смерти наследодателя, то говорить о переходе их по наследству не приходится. В данном случае права и обязанности не переходят от наследодателя к наследнику, они не принадлежали умершему, а являются правами самого наследника. Так, в правоотношениях из договора личного страхования в случае смерти застрахованного лица, если в договоре личного страхования не указан иной выгодоприобретатель, страховая сумма выплачивается наследникам застрахованного лица (п. 2 ст. 934 ГК РФ). Однако наследственного преемства здесь не происходит, поскольку право на получение страховой суммы возникает лишь в результате смерти наследодателя. Таким образом, наследник приобретает право, которое самому наследодателю не принадлежало. То же имеет место и тогда, когда в качестве выгодоприобретателя в страховом полисе указан наследник.

Иное имущество, упоминание о котором содержится в ч. 1 ст. 1112 ГК РФ, представляет собой объекты, отличные от вещей, имущественных прав и обязанностей. Так, в состав наследства могут входить имущественные комплексы, в частности: предприятие, в состав которого «входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором» (п. 2 ст. 132 ГК РФ).

Вместе с тем, согласно частям 2 и 3 ст. 1112 ГК РФ, не входят в состав наследства:

1. права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности, право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Здесь следует отметить, что хотя алиментная обязанность лица прекращается с его смертью, но задолженность по алиментам, образовавшаяся ко дню смерти плательщика, согласно ст. 1183 ГК РФ, принадлежит членам семьи наследодателя, проживающим совместно с ним, а также его нетрудоспособным иждивенцам независимо от того, проживали они совместно или нет. Требования о выплате указанных сумм должны быть предъявлены в течение четырех месяцев со дня открытия наследства. При отсутствии вышеназванных лиц соответствующие денежные суммы включаются в состав наследства и наследуются на общих основаниях;
2. права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими законами. Так, например, применительно к отдельным видам договоров обязательства прерываются смертью (как правило, одной из сторон). Например, договор безвозмездного пользования прекращается в случае смерти гражданина-ссудополучателя, если иное не предусмотрено договором (ст. 701 ГК РФ), договор поручения прекращается вследствие смерти доверителя или поверенного (п. 1 ст. 977 ГК РФ). В некоторых ситуациях закон предусматривает прекращение смертью не договора, а определенного имущественного права, существовавшего у наследодателя в таком договоре. Так, ГК РФ устанавливает, что договор социального найма жилого помещения продолжает действовать: «в случае смерти нанимателя ... договор заключается с одним из членов семьи, проживающих в жилом помещении» (п. 2 ст. 672 ГК РФ). Не допускается

в порядке наследования переход отдельных видов имущества и в случаях, указанных в законах. Так, например, в соответствии со ст. 1.2 Закона Российской Федерации «О недрах» от 21 февраля 1992 г. № 2395–1 [7] не могут быть предметом наследования участки недр. При определенных обстоятельствах не входят в состав наследства и государственные награды, которых был удостоен умерший (п. 1 ст. 1185 ГК РФ);

3. личные неимущественные права и другие нематериальные блага. Личные неимущественные права принадлежат человеку от рождения и составляют основу его правового статуса. Сюда относятся такие права, как право на жизнь, свободу, физическую целостность и личную неприкосновенность, право на защиту чести, доброго имени, право на свободное передвижение и т.п.

В большинстве случаев не стоит оспаривать факт неделимости некоторых неимущественных прав от их носителя (например, право авторства). Однако можно согласиться с мнением А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого, что далеко не все личные неимущественные права со смертью их носителя перестают существовать. Например, наследники после смерти наследодателя обнаружили в его архиве рукопись, которая ранее не была опубликована, и представили ее к опубликованию. Какие же права при этом они осуществляют: имущественные или также и личные неимущественные? Видимо, и те и другие, поскольку, с одной стороны, наследники разрешают обнародовать произведение путем его опубликования, а с другой — осуществляют право на использование произведения с целью извлечения прибыли [5, с. 516]. Кроме того, думается, что положение ч. 3 ст. 1112 ГК РФ несколько не соответствует норме, закрепленной в ст. 150 ГК РФ. Так, в ч. 3 п. 2 ст. 150 ГК РФ закрепляется, что в случаях и в порядке, предусмотренных законом нематериальные блага, принадлежащие умершему, могут защищаться другими лицами. Возникает вопрос: в каком качестве наследники могут их защищать? Очевидно, в качестве носителей соответствующих прав

и благ. Но в таком случае можно ли утверждать, что указанные права и блага ни при каких обстоятельствах не переходят по наследству? [5, с. 517].

Также интересен следующий пример, вновь введенная ст. 152.1 ГК РФ, определяющая способы охраны изображения гражданина, предусматривает, что после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей (за исключением установленных законом случаев). Применительно к вопросам наследования такое нематериальное благо, как изображение гражданина, не может быть включено в состав наследства. Однако изображение умершего может быть использовано с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей. Из этого примера опять вытекает допустимость наследования нематериальных благ. Среди гражданских прав особое место занимают исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, которые также могут быть переданы в порядке наследования. Статья 1241 ГК РФ [4] предусматривает, что переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к другому лицу без заключения договора с правообладателем допускается в случаях и по основаниям, которые установлены законом, в том числе в порядке универсального правопреемства (наследования). В ст. 1283 ГК РФ однозначно устанавливается, что исключительное право на произведение переходит по наследству.

Все вышеизложенное позволяет согласиться с мнением, что «было бы правильнее не ограничивать состав наследства (наследственной массы) имуществом, как бы широко ни трактовалось это понятие, а записать, что принадлежавшие наследодателю неимущественные права и другие нематериальные блага входят в состав наследства в случаях, прямо предусмотренных законом, а также, если это вытекает из самой природы указанных прав и благ» [5, с. 517].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994. № 51-ФЗ. // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 26.01.1996. № 15 — ФЗ. // СЗ РФ. 20.01.1996. № 5. ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть третья) от 26.11.2001. № 146-ФЗ. // СЗ РФ. 03.12.2001. № 49. ст. 4552.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ. // СЗ РФ. 5.12.2006. № 52 (1 ч.). ст. 5496.
5. Гражданское право. Том 3. Учебник. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. — М.: «Проспект», 1999. — 624 с.
6. Грудцына Л.Ю. Наследственное право: Учебный курс. — М.: Эксмо, 2006. — 272 с.
7. Закон Российской Федерации от 2.02.1992. № 2395–1 «О недрах». // СЗ РФ. 06.03.1995. № 10. ст. 823.
8. Наследственное право: новеллы законодательства, судеб. практика, нотар. практика / Б.А. Булаевский и др.; отв. ред. К.Б. Ярошенко. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 412 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут, 2013. — 349 с.

10. Суханов Е.А. О третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2002. — № 3. — С. 72–81.
11. Телюкина М.В. Наследственное право: Комментарий Гражданского кодекса Российской Федерации: Учебно- практ. пособие. — М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации; Дело, 2002. — 214 с. 12. Юридическая энциклопедия. / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров. — М.: Юринформ-центр, 2001. — 971 с.

© Голикова Светлана Витальевна (golikovasv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Севастополь

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В НОРМАХ И ПРИНЦИПАХ ИУДАИЗМА

ON THE QUESTION OF THE PREREQUISITES OF THE CONSTITUTIONAL CULTURE IN THE NORMS AND PRINCIPLES OF JUDAISM

**Z. Kalandarishvili
D. Gezenko**

Summary. The article analyzes the prerequisites for the emergence of constitutional culture in the norms and principles of Judaism. The religious norms of this religion protect the natural rights of a person and are a certain limiter of state power. In the Jewish legal tradition, any legislative norm is based on the prescriptions of religion and performs the function of protecting one or another religious value, which are established by the prescriptions of Judaism. The religious values of the Jewish religion, according to the authors, are at the same time legal.

Keywords: Judaism, Christianity, Islam, natural human rights, Abrahamic religions, constitutional culture, legal culture, Bible, Torah, God, constitution, state power.

Каландаришвили Зураб Нодарович

К.ю.н., к.п.н., доцент, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Гезенко Дарья Павловна

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
billy_92@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются предпосылки зарождения конституционной культуры в нормах и принципах иудаизма. Религиозные нормы этой религии защищают естественные права человека и являются определенным ограничителем государственной власти. В иудейской правовой традиции любая законодательная норма основана на предписаниях религии и выполняет функцию охраны той или иной религиозной ценности, которые установлены предписаниями иудаизма. Религиозные ценности иудейской религии, как утверждают авторы, являются одновременно и правовыми.

Ключевые слова: иудаизм, христианство, ислам, естественные права человека, авраамические религии, конституционная культура, правовая культура, Библия, Тора, Бог, конституция, государственная власть.

Предпосылки зарождения конституционной культуры следует искать не только в традиционных, догосударственных обществах, где создателями и блюстителями религиозных предписаний и запретов считались тотемистические предки и духи, но и в нормах и принципах авраамических религий, в частности иудаизме.

Под конституционной культурой следует понимать сложившуюся в результате государственно-правового развития и национального менталитета в конституционной реальности когнитивно-аксиологическую систе-

му, способствующую установлению и реализации в обществе конституционно-правовых знаний, ценностей, норм и правил поведения.

Зачатки конституционной культуры берут свои начала в традиционных догосударственных обществах.

Так как конституционная культура возникла раньше правовой культуры (последняя берет свое начало только с появлением государственных образований), то следует рассматривать правовую культуру как часть конституционной культуры, где под правовой культу-

рой понимается вся существующая в социуме правовая реальность и ее реализация в правопорядке.

Что же представляют из себя авраамические религии и иудаизм в частности?

Авраамические религии — это общее наименование для трех больших мировых монотеистических религий: иудаизма, христианства и ислама, происходящих из древней традиции, восходящей к патриарху семитских племён — Аврааму.

Все основные авраамические религии претендуют на прямое происхождение от Авраама, который упоминается в Торе как предок израильтян через своего сына Исаака, рождённого от Сарры по обещанию, данному в книге Бытия. Христиане подтверждают происхождение евреев от Авраама, но вера определяет принадлежность к христианству, а не происхождение по прямой. Согласно исламской традиции, Мухаммед, как араб, происходит от сына Авраама, Измаила. Еврейская традиция также приравнивает потомков Измаила, измаильтян, к арабам, в то время как потомки Исаака от Иакова, который позже был известен как Израиль, являются израильтянами [7, с.179].

Все три авраамические религии имеют ряд смежных черт — признают одни и те же книги (с вариациями), являются «религиями Откровения», имеют общее происхождение религиозного права и много сходных положений.

Так, в иудаизме к Священному Писанию относится еврейская Библия (Танах) [2, с.286].

В христианстве к Священному Писанию относятся Ветхий Завет (Танах и дополнительные священные книги в православии и католицизме) и Новый Завет, составляющие Библию [1, с.90].

В исламе в качестве Священного Писания признаётся только Коран, причём он, в отличие от Библии, считается не словами вдохновлённого Богом человека, а прямой речью Бога [3, с.140].

Самой древней из авраамических религией является иудаизм.

Главным источником иудейской религии является Тора.

Тора (תּוֹרָה; библейский иврит: Тора תּוֹרָה, «Наставление», «Учение» или «Закон») — сборник первых пяти книг еврейской Библии, а именно книг Бытия, Исхода, Левита, Чисел и Второзакония. В этом смысле

Тора означает то же самое, что и Пятикнижие или Пять книг Моисея.

Иудаизм как религия еврейского народа, включающая культурные, правовые традиции и веру в единого бога, называемого Яхве, окончательно сформировался при пророке Моисее в XIII в. до н.э.

На основе иудейской религии сформировалось еврейское право. Юридические источники еврейского права обладают сложившейся веками классификацией, в которую входят: Каббала — иудейское мистическое учение, рассматриваемое первым правовым источником, с точки зрения времени и по отношению к другим источникам. Этот источник постоянен, и его положение в еврейском праве статично, поскольку в силу своей природы он не поддается развитию и изменениям; Мидраш — толкование и комментирование Торы; Такана и Гзера — законодательство галахических авторитетов, имеющих соответствующие полномочия; Дело как судебные решения, а также поведение и образ действий знатока Галахи в определенной конкретной ситуации; Понимание как правовая и общечеловеческая логика мудрецов Галахи; Обычай во всех его формах и проявлениях, включая установленный порядок и процедуру [6, с.231].

Большую роль в иудаизме и вытекающем из него еврейском праве выполнял обычай.

Необходимо отметить, что право, как система правил поведения имеет более широкие возможности принуждения к должному поведению, выходящее за пределы религиозного сознания, но и авраамические религии и, прежде всего иудаизм, могут претендовать на четкое следование их нормам, не довольствуясь одними лишь религиозными образами.

По мысли И.Ю. Козлихина: «В иудаизме и еврейской культуре религия и право усиливают действия друг друга. Поэтому право и мораль не противопоставлены, как, например, в российской традиции, а всегда дополняют друг друга» [4, с.144].

Одним из главных религиозных источников иудейской религии является Тора, своего рода еврейская религиозная Конституция, данная евреям самим Богом.

На основе иудейской религии сформировалось еврейское право.

По мысли И.Ю. Козлихина «в иудаизме и еврейской культуре религия и право усиливают действия друг друга. Поэтому право и мораль не противопоставлены, как, например, в российской традиции, а всегда дополняют друг друга».

Анализируя, например, иудейское судопроизводство, напрямую вытекающее из иудейской религии ученый, отмечает, что «суд в еврейском обществе, был один из самых древних и был создан еще Моисеем и просуществовал как суд еврейской общины в плоть до эмансипации в XIX веке. Полномочия суда были широкие и были обусловлены взаимопроникновением светской и религиозной составляющей судебной деятельности. Соединение в одном лице священнослужителя и судьи придавало особую авторитетность его решениям, имеющим практико — юридическое значение» [4, с.145] .

Иудаизм напрямую, предусматривает защиту человека от несправедливого суда и произвола. Жажда социальной справедливости должна обязательно способствовать созданию четкой организации судебной системы. Обеспечение правосудия предшествует даже следованию религиозным правилам: «Соблюдение правды и правосудия более угодно Господу, нежели жертва».

Иудейская религия очень «заботлива» в отношении каждого из членов семьи, так в Талмуде говорится, что «если кто отписал свое имущество другим, оставив без наследства свих сыновей и дочерей, то сделанное им сделано, но мудрецы его не одобряют [5, с.202] .

Это объясняется отношением иудеев к семье, т.е. к своим домочадцам и продолжению рода: «Первая заповедь, данная человечеству, и первая заповедь, упоминаемая в Торе это повеление Всевышнего: «Плодитесь и размножайтесь».

В вопросе о смертной казни ярко проявляется гуманистическая составляющая иудейской конституционной культуры.

Человек, созданный по образу и подобию Божьему, может быть лишен жизни при наличии очень серьезных оснований и при соблюдении особой процедуры, отличной от процедуры, принятой при рассмотрении иных уголовных дел и гражданских споров.

Тора основана на ценностной системе, где главной ценностью с точки зрения Торы являются отношения человека с Богом и верность ему. Второй же по значимости окажется жизнь и свобода человека, которые даны постольку, поскольку сам человек считает свои отношения с Богом для себя важными. Наконец, третьей по значимости ценностью оказывается справедливость, связанная с теми отношениями, которые устанавливаются у человека уже не с Богом, а с ближними. Та самая справедливость, которая предполагает, признание в другом личности, столь же абсолютно ценной для каждого, сколь абсолютно ценным оказывается в своих глазах каждый сам для себя.

В иудаизме, безусловно, содержатся зачатки конституционной культуры, т.к. по еврейскому вероучению, права человека — это основные принципы поведения, которые должны быть признаны человеком по отношению к нему самому и к другим людям, чтобы каждый мог выполнить свою часть Божественного замысла. Некоторые из основных прав человека сформулированы в семи заповедях сыновей Ноя, которые, в соответствии с еврейской традицией, распространяются на все человечество. Например, запрет убийства. Запрещая людям лишать жизни себе подобных, заповедь утверждает право человека на жизнь. Для евреев жизнь человека священна, потому что дана Богом (Библия. Бытие 2: 7), и в обычной ситуации только Бог может лишить человека жизни (Библия. Второзаконие, 32–39). Заповеди сыновей Ноя также запрещают воровство. По еврейскому закону сюда включается также похищение людей (например, взятие заложников). Этот запрет, таким образом, утверждает право человека и различных учреждений иметь собственность, а также право людей на беспрепятственное перемещение. Иудаизм признает право властей принимать законы для блага граждан и требовать их выполнения.

Возлагая на человека ответственность за соблюдение законов страны, в которой он живет, заповеди сыновей Ноя, по сути дела, дают каждому человеку право рассчитывать на защиту закона.

Можно сказать, что основные достижения иудаизма стали всеобщим достоянием — и, прежде всего, это главная составляющая конституционной культуры-идея самоценности каждой отдельно взятой человеческой личности. Той личности, которая стала впоследствии восприниматься в качестве субъекта права.

В нормах и принципах иудейской религии и древнееврейском праве, наблюдаются нормы и принципы конституционной культуры, где религиозные нормы этой религии защищают естественные права человека и являются определенным ограничителем государственной власти, так как в иудейской правовой традиции любая законодательная норма основана на предписаниях религии и выполняет функцию охраны той или иной религиозной ценности, которые установлены предписаниями иудаизма. Религиозные ценности иудейской религии, таким образом, являются одновременно и ценностями правовыми.

В заключении, можно подытожить, что в иудаизме, в его нормах и принципах отражены необходимые предпосылки зарождения и развития основ конституционной культуры, которые направлены на защиту естественных и неотъемлемых прав человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Общие сведения // Православная энциклопедия. — М.: Т. V: «Бессонов — Бонвеч». — 751 с.
2. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. — Минск: В.М. Скакун, 1998. — 1280 с.
3. Журавский А.В. Представления о человеке в Коране и в Новом Завете // Страницы. 1996. № 3. — С. 117–127.
4. Козлихин И.Ю. Иудейское судопроизводство: соотношение права и религии // Культура как контекст понимания и взаимодействия государства, права, религии. — СПб.: СПбГУП. 2009. — С.143–148.
5. Лютостанский И. Талмуд и евреи. — Т. 4. — М.: Энциклопедия русской цивилизации. — 734 с.
6. Элон М. Еврейское право. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — С. 231–232.
7. Jon D. Levenson, *Inheriting Abraham: The Legacy of the Patriarch in Judaism, Christianity, and Islam*, Princeton University Press, 2014.

© Каландаришвили Зураб Нодарович (zurab.kalandarishvili@yandex.ru), Гезенко Дарья Павловна (billy_92@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ТОЛКОВАНИЯ ЯВНО ВЫРАЖЕННЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

GENERAL PRINCIPLES OF CONSTRUCTION OF EXPRESS TERMS IN ENGLISH CONTRACT LAW

A. Kozlov

Summary. The article analyzes in detail the process of construction of express contractual terms by English courts. Using concrete examples, the author examines general guidelines on construction, accumulated by modern judicial practice. The conclusion is made about consecutive character of construction process — from analysis of contractual wording to determination of meaning of the contract as a whole and identification of parties' original intents.

Keywords: English contract law, construction process, contract terms, parties' intents, legal principle, courts, legal practice.

Козлов Антон Гордеевич

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО

«Государственный университет управления», г. Москва

antonkozlov3000@yandex.ru

Аннотация. В данной статье подробно анализируется процесс толкования явно выраженных условий договора судами Великобритании. На конкретных примерах автор рассматривает рекомендации и указания по толкованию, накопленные современной судебной практикой. Сделан вывод о последовательном характере процесса толкования — от анализа отдельных договорных формулировок до определения смысла договора в целом и установления подлинных намерений договаривающихся сторон.

Ключевые слова: право договоров Великобритании, процесс толкования, условия договора, намерения сторон, правовой принцип, суды, судебная практика.

В современном договорном праве Великобритании термин «толкование условий договора» («*construction of contractual terms*») используется прежде всего для обозначения процесса установления судами истинного значения формулировок явно выраженных условий договора, выбранных сторонами при составлении текста соглашения. При выяснении сути заключенной сделки суды обязаны рассматривать условия договора с позиции «обычного разумного человека» («*ordinary reasonable person*») — лица-юридической фикции, не обладающего специальными знаниями в области договорного права и коммерческой деятельности и вследствие этого толкующего положения договорной документации и обстоятельства заключения соглашения, (в современной юридической практике Великобритании для обозначения такого рода обстоятельств наиболее часто используются термины «*factual matrix of the deal*» и «*available background of the deal*», которые можно перевести как «фактические обстоятельства заключения сделки» и «известные обстоятельства, сопутствующие заключению сделки», соответственно) исходя исключительно из здравого смысла и базовых правил формальной логики. Британские ученые-правоведы утверждают, что каждое предлагаемое толкование должно в максимально возможной степени соответствовать «духу» заключенного соглашения, а не слепо следовать его «букве» (т.е., явный приоритет

отдается выяснению природы сделки и подлинных намерений сторон договора, а не буквальному соблюдению правил трактовки юридического письма). [1]

В настоящее время большая часть принципов толкования условий договора существует в правовой системе Великобритании в виде общих рекомендаций и указаний («*general guidelines*»). Данный факт является непосредственным выражением тенденции установления практики «контекстно-целевого подхода» взамен «некритического следования пошаговым инструкциям» («*adoption of contextual and purposive approach instead of following step-by-step instructions in an uncritical way*»).

В качестве явно выраженных условий договора современная судебная практика признает договорные положения, содержащиеся в а) письменном документе, выражающем основное содержание сделки; б) промежуточных соглашениях, заключаемых с целью разъяснения основных гражданских прав и обязанностей сторон будущей сделки; в) дополнительных соглашениях, детализирующих существенные условия будущей или исполняемой сделки; г) типовых документах, служащих для единообразного регулирования однородных гражданско-правовых отношений; д) устных заявлениях, сделанных сторонами будущей сделки в ходе переговорного процесса. [4]

Толкование **отдельных слов и выражений** из вышеуказанных источников является «смешанным вопросом факта и права» («*a question of mixed fact and law*») — суды **1)** устанавливают фактическое значение договорных формулировок, а затем **2)** делают вывод об их юридической силе. В процессе такого толкования судьи обязаны воздерживаться от **а)** чрезмерно буквального понимания текста договора («*too literal understanding of contractual text*») и, следовательно, чрезмерного упрощения подлинных намерений договаривающихся сторон, а также **б)** чрезмерного погружения в фактические обстоятельства заключения сделки («*excessive immersion in factual matrix of the deal*») и, следовательно, чрезмерного затягивания судебного разбирательства.

Слова и выражения, составляющие явно выраженные условия сделки, должны пониматься в их **обычном и естественном значении** («*ordinary and natural meaning*»), за исключением тех случаев, когда **а)** такие слова и выражения приобретают специальное значение в связи с предметом сделки (так, например, термин «*expiration*» в тексте завещания следует переводить как «*смерть*» — *the testator directs that upon their expiration the ownership of their real estate be transferred to the Labour Party* — в то время как словосочетание «*contract term expiration*», содержащееся в текстах многих гражданско-правовых договоров, следует переводить как «*истечение срока действия договора*») или **б)** их конкретное значение должно быть определено, исходя из контекста договора (так, например, выражение «*to act with reasonable care and skill*» — «*действовать разумно и с соблюдением профессиональных стандартов*», употребляемое в текстах типовых договоров оказания платных медицинских услуг при описании обязанностей медицинских организаций, после внимательного изучения последующих положений документа следует понимать как «*подрядчик обязан подготовить и надлежащим образом оборудовать помещение для оказания медицинских услуг; проверить действительность страховых гарантий, предоставляемых пациентам; принять все необходимые меры для соблюдения прав пациентов и их защиты от жестокого обращения, безнадзорности и эксплуатации; вовремя сообщить о возникновении конфликта интересов*»). Кроме того, в тех случаях, когда понимание таких слов и выражений в их обычном и естественном значении **а)** говорит о наличии очевидной лингвистической ошибки в тексте договора (так, например, словосочетание «*sustainable gross rate*», используемое в договоре оказания услуг по развитию бизнеса при описании целей заключения сделки, следует, конечно же, понимать как «*sustainable growth rate*» — «*устойчивые темпы роста*»); **б)** делает договор бессмысленным, абсурдным или нелогичным (так, напри-

мер, основное значение слова «*petroleum*» — «*нефть*» является уместным при толковании положений концессионного соглашения, однако в тексте договора оказания услуг по поставке топлива для автотранспортных средств данное слово будет употребляться в качестве синонима слова «*gasoline*» — «*бензин*») или **в)** служит основанием для необоснованного возложения обязательств на одну из сторон договора (так, например, если в соглашении о защите конкуренции, законность которого оспаривается бывшим топ-менеджером компании-поставщика материалов и оборудования для промышленных предприятий, содержится положение «*the former employee is obliged not to engage in sales activities to avoid diminishing the former employer's share in the market*», необходимо ограничительно истолковать словосочетание «*sales activities*» как «*B2B sales*», в противном случае бывший сотрудник не сможет на законных основаниях быть принятым на работу в любую организацию, осуществляющую деятельность по продаже товаров и услуг и фактически будет лишен возможности трудоустройства в бизнесе и возможности заниматься предпринимательской деятельностью), судьи должны определить специальное значение толкуемых формулировок в полном соответствии с существенными условиями сделки.

Следует особо отметить, что прецедентный характер договорного права Великобритании позволяет сторонам договора, содержащего формулировки, ранее истолкованные высшими судами, рассчитывать на идентичное понимание («*the exact same interpretation*») этих формулировок судьями в случае возникновения аналогичного спора по заключенной сделке. Принцип свободы договора («*freedom of contract*»), закрепивший роль гражданских судов в качестве квалифицированных консультационных органов, способствующих достижению договаривающимися сторонами своих коммерческих интересов, в случае наличия двух или более взаимно противоречащих друг другу толкований определенного слова или выражения прямо предписывает судьям отдавать предпочтение толкованию, которое **а)** в наибольшей степени учитывает коммерческий смысл договора и **б)** не ведет к признанию сделки ничтожной. [5]

Устанавливая смысл **договора в целом**, суды могут анализировать декларативные заявления, как правило содержащиеся в преамбуле соглашения («*recitals*») или в его первых параграфах, в целях наиболее точного понимания существенных условий сделки (т.е. предмета договора, а также взаимных прав и обязанностей договаривающихся сторон).

Если сделка существует в форме ряда связанных по смыслу письменных актов, судьи обязаны восприни-

мать их как единый документ, анализ полного содержания которого даст наиболее точное представление о существенных условиях сделки. Ошибки и/или упущения, обнаруженные в тексте одного из таких актов, могут быть исправлены судьями со ссылкой на другой акт из ряда документов, составляющих полное письменное выражение сделки.

При толковании условий договора, заключенного в письменной форме, суды также вправе ссылаться на а) письменные свидетельства ведения переговоров по сделке наряду с черновыми версиями соглашения; б) задокументированные поправки к тексту первоначального соглашения и даже в) условия, добавленные от руки в напечатанный текст соглашения. Кроме того, современная судебная практика утверждает, что изучение условий будущего соглашения, сохранившихся исключительно в черновиках и существенно измененных в окончательном тексте договора или удаленных из него, является «необходимым элементом тщательного подхода к выяснению сути договора перед его толкованием» (*«necessary element of thorough approach to clarification of the essence of the contract before its interpretation»*). [2]

Выясняя подлинные намерения договаривающихся сторон, суды имеют право а) лишить юридической силы положения договора, которые прямо противоречат таким намерениям (например, положение об обязанности одаряемого предоставить встречное удовлетворение, включенное в договор дарения); б) изменить порядок расположения отдельных пунктов в тексте

договора, если установленный сторонами порядок затрудняет выяснение их намерений (так, список обязанностей арендатора по техническому обслуживанию и ремонту помещения должен находиться в тексте договора найма жилого помещения после описания самого помещения); в) исправить очевидные ошибки в названиях или наименованиях (*«obvious misnomers»*), а также ошибочные обозначения (*«mistaken designations»*), содержащиеся в тексте соглашения и препятствующие выяснению намерений участников сделки; г) дополнить текст договора очевидно недостающими словами или выражениями, отсутствие которых затрудняет понимание сути сделки и, как следствие, препятствует достижению сторонами соглашения своих интересов; д) убрать из текста договора юридические формулировки, которые не являются выражением намерений договаривающихся сторон и делают соглашение излишне многословным (*«create surplusage in the text of the contract»*). [3]

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что при толковании явно выраженных условий договора суды а) сначала анализируют отдельные формулировки, содержащихся в тексте соглашения, затем б) устанавливают смысл договора в целом и, наконец, в) проверяют текст договора на наличие противоречий между конкретными формулировками, структурой соглашения и подлинными намерениями договаривающихся сторон, реализация которых в процессе исполнения сделки должна вести к достижению целей, поставленных субъектами договорных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ewan McKendrick. Contract law [Право договоров] /Red Globe Press; 13th edition, 2019. — 476 p.
2. Joseph Chitty. A Practical Treatise on the Law of Contracts: Not Under Seal; and Upon the Usual Defences to Actions Thereon [Практическое исследование права договоров: за пределами формализованного договора; обычные средства защиты против гражданских исков] /HardPress, 2018. — 514 p.
3. Joseph Chitty and others. Chitty on Contracts: General Principles [Читти о договорах: общие принципы] /Sweet and Maxwell; 33rd edition, 2018. — 2561 p.
4. Козлов А.Г. Основные типы условий договора в договорном праве Великобритании/Современная наука: актуальные проблемы теории и практики — серия «Экономика и право», № 10/000 «Научные технологии», 2022 — С. 148–152.
5. Козлов А.Г. Роль судебной практики в создании новых норм права договоров Великобритании/ Современная наука: актуальные проблемы теории и практики — серия «Экономика и право», № 3/000 «Научные технологии», 2021 — С. 84–87.

© Козлов Антон Гордеевич (antonkozlov3000@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНСТИТУТ ОХРАННОГО ОРДЕРА В СИСТЕМЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВОМУ НАСИЛИЮ В ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ

EVOLUTION OF LEGAL COUNTERACTION TO DOMESTIC VIOLENCE IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

A. Krasnov

Summary. The article presents a comparative legal analysis of the administrative prevention tools used to prevent cases of domestic violence in foreign countries. Among the key measures applied by the authorized bodies of foreign states, the central place is given to the institution of a protective order (order). Such a tool of preventive and preventive influence is used by police surveillance bodies and judicial authorities in the framework of civil, administrative and criminal proceedings. The positive reputation of the protective order as a means of preventing domestic violence has been formed by long-term practice of application, numerous criminological studies. There is a significant probability of transplantation of this institute into the system of Russian administrative legislation.

Keywords: domestic violence, court order, public administration, legal proceedings.

Краснов Александр Валерьевич

Аспирант, Московский финансово-юридический университет МФЮА
alex.mos409@gmail.com

Аннотация. В статье произведено сравнительно-правовой анализ инструментария административной профилактики, применяемого для предотвращения случаев семейно-бытового насилия в зарубежных государствах. Среди ключевых мер, применяемых уполномоченными органами зарубежных государств, центральное место отводится институту охранного ордера (приказа). Такой инструмент пресекающего и профилактического воздействия применяется органами полицейского надзора и судебными инстанциями в рамках гражданского, административного и уголовного процесса. Положительная репутация охранного ордера как средства профилактики семейно-бытового насилия сформирована многолетней практикой применения, многочисленными криминологическими исследованиями. Существует значительная вероятность трансплантации данного института в систему российского административного законодательства.

Ключевые слова: домашнее насилие, судебный приказ, публичная администрация, судопроизводство.

Необходимость совершенствования административного законодательства Российской Федерации в части, касающейся мер профилактики семейно-бытового насилия, требует обращения к зарубежному опыту применения соответствующих инструментов превентивного воздействия. Профилактика семейно-бытового насилия требует от публичной администрации в зарубежных юрисдикциях принятия соответствующего комплекса мер по устранению условий и пресечению возможных противоправных действий, направленных на совершение актов домашнего насилия. За пределами непосредственно уголовно-правовых мер воздействия на субъект семейно-бытового насилия располагаются инструменты административно-профилактической работы органов публичной администрации, направленные на пресечение и предотвращение насильственных действий в семье и быту.

Насилие в семье является проблемой глобального значения и остается гендерной проблемой, которая непропорциональным образом затрагивает женщин и детей. Охранные ордера являются базовым юриди-

ческим инструментом, используемым для уменьшения и предотвращения случаев семейно-бытового насилия. Указанное средство юридической защиты обычно включает непосредственную защиту от насилия и угроз насилием, гарантии безопасности потерпевших и лиц, находящихся на их иждивении, гарантии сохранности их имущества, материальную помощь без разрыва существующих отношений с ответчиками [6, с. 39].

В Великобритании охранные ордера (приказы о защите жертв домашнего насилия) используются с 1976 года. В настоящее время действуют шесть основных видов судебных приказов о защите от межличностного и семейного насилия. Это запретительные судебные приказы, приказы о запрещении растления, приказы о занятии, приказы о защите от насилия в семье, приказы о защите от принудительных браков и приказы о защите от калечащих операций на женских половых органах. За последние два десятилетия произошло смещение акцента в разработке охранных приказов от чисто гражданско-правовых мер к приказам, которые всё чаще издаются в рамках уголовного

судопроизводства и представителями уголовной юстиции (сотрудниками полиции). Со временем это привело к распространению различных охранных приказов и к «гибридизации» уголовных, административных и гражданских мер по защите жертв от домашнего насилия.

Запретительные приказы, введенные в административный оборот Великобритании в 1997 году, являются гражданскими судебными приказами, изданными судьей в ходе уголовного разбирательства после вынесения обвинительного приговора (или оправдательного приговора) по уголовному делу. Запретительные приказы предотвращают насилие в семье, преследование и домогательства, запрещая контакты, насилие, запугивание и преследование, а также запрещая правонарушителю посещать определенные места. Срок действия данных актов обычно составляет от шести до 12 месяцев, но они могут быть продлены на неопределенный срок или возобновлены. Запрет вступления в контакт означает воспрепятствование лицу, от которого исходит опасность, вступать с пострадавшей стороной в словесный контакт на улице, по телефону, по факсу, посылать письма, СМС, электронные сообщения и др. [1, с. 425]

В 2009 году содержание запретительных приказов было расширено путем предоставления судье дискреционных полномочий по вынесению данного охранного ордера даже при оправдательном приговоре. Это было связано с ситуациями, когда в рамках уголовного дела были предоставлены явные свидетельства того, что жертва семейно-бытового насилия нуждалась в защите, однако доказательств насилия было недостаточно для уголовного осуждения.

Постановления о запрете растления испрашивают жертвой в рамках гражданского судопроизводства (с участием адвоката или без него). Они направлены на предотвращение домашнего насилия, преследования и домогательств путем предотвращения контакта правонарушителя с жертвой или посещения определенных мест. В 2007 году содержание данных ордеров также было расширено, чтобы охватить более широкий круг сторон (родственников и членов однополых пар, а также гетеросексуальных интимных партнеров), а нарушение приказа было криминализовано с автоматическим правом ареста. Их продолжительность варьируется, но обычно составляет менее одного года; это может быть продлено по заявлению заявителя.

Отдельные виды охранных ордеров могут выдаваться полицией на основании того, что имеются разумные основания полагать, что подозреваемый применял насилие или угрожал насилием в отношении

связанного с ним лица и что приказ необходим для защиты этого лица от насилия или угрозы насилия. Охранный ордер вступает в силу немедленно, действует 48 часов и запрещает правонарушителю приближаться к жертве. Полиции затем необходимо обратиться в мировой суд за выдачей приказа о защите от насилия в семье, которое длится 28 дней. Таким образом, первоначальный ордер фактически является экстренным средством административного реагирования, с той разницей, что решение о его применении принимает полиция, оно вступает в силу немедленно и имеет ограниченный срок действия. Судебный приказ дает право на арест, поэтому полиция может арестовать за нарушение установленных ограничений. Данный охранный ордер не следует рассматривать как альтернативу уголовному обвинению, однако они предусмотрены в тех случаях, когда арест и предъявление обвинения не являются немедленным инструментом административного реагирования. Полиция обязана в своем заявлении обосновать, почему предотвращение дальнейшего насилия не может быть достигнуто другими средствами, например, условиями освобождения под залог, и в руководстве полиции настоятельно рекомендуется избегать их использования в случаях высокого риска или в случаях, когда может быть предъявлено уголовное обвинение.

Объем защиты жертв семейно-бытового насилия в европейских государствах различен. Это расхождение может привести к тому, что некоторые насильственные действия (например, насильственные действия в отношении супруга в однополых браках или сексуальное насилие в отношении лиц, не являющихся родственниками) могут быть основанием для принятия мер защиты в одних юрисдикциях, но не являются таковыми в других. Из-за этого различия в некоторых государствах-членах жертвы гендерного насилия будут защищены не административно-профилактическими мерами защиты, а мерами пресечения, связанными с реализацией уголовной ответственности, которые не учитывают особые характеристики домашнего насилия.

В большинстве европейских государств есть несколько органов публичной администрации, которые могут издавать административно-профилактические меры защиты по уголовным, административным, гражданским или полицейским делам. В целом административные меры обычно принимаются быстрее, чем уголовные, но последние сопровождаются большим количеством процессуальных гарантий. Продолжительность защитных мер и возможность их продления, изменения, отмены или отзыва сильно различаются в разных европейских государствах. Охранный ордер, исходя из модельного закона, по своей природе явля-

ется не репрессией (административной или уголовной), а разновидностью промежуточного процессуального акта, реально обеспечивающего разъединение сторон [5, с. 80].

В США на протяжении 1970-х годов женщины могли получить охранный приказ только в рамках бракоразводного процесса, а женщины, которые не состояли в браке или не стремились к разводу, не имели такой возможности. Только в 1975 году правозащитным организациям удалось добиться принятия Закона Пенсильвании о защите от жестокого обращения, который позволял незамужним женщинам подавать заявки на охранные приказы. Несколько других штатов впоследствии приняли аналогичные нормативно-правовые акты. Уже к середине 1990-х годов во всех штатах США существовала та или иная форма закона о порядке административной защиты жертв гендерного или домашнего насилия, хотя законы различались в зависимости от определений злоупотреблений и форм помощи. Выданный судом охранный ордер вносится в Реестр охранных ордеров штата — компьютерной системы учета, используемой судьями и правоохранительными органами; причем охранные ордера, выданные в одном штате, также действительны и в других штатах [3, с. 84].

В случаях, когда полиция, реагирующая на вызов о семейно-бытовом насилии, не находит доказательств причинения вреда одному из партнеров или вреда обоим, офицеры традиционно отказываются вносить решение о том, кто является основным или единственным преступником, а кто является основной или единственной жертвой, предпочитая вместо этого арестовать обе стороны. В результате фактическая жертва может быть несправедливо наказана за то, что представляет собой самозащиту от своего обидчика. Более того, в юрисдикциях, где широко используются приказы о взаимной защите, злоумышленники могут легко угрожать «перекрестной подачей» запроса на выдачу охранный ордера, тем самым убеждая жертв от обращения за данным актом. Некоторые штаты защищают жертв от перекрестного обращения за охранными приказами, требуя доказательств взаимного насилия, прежде чем издавать приказ о взаимной защите.

Финансовая зависимость является основным препятствием, которое мешает многим жертвам семейно-бытового (гендерного) насилия прекратить угрожающие им отношения. Женщины, подвергшиеся насилию, оказываются в финансовой изоляции и часто сталкиваются с серьезным финансовым стрессом, который может вынудить их вернуться к своим обидчикам. В дополнение к статутам об охранных приказах, возлагающим на делинквентов финансовую ответственность за их поведение, некоторые штаты устанавливают ме-

дицинские выплаты, ущерб имуществу, транспорт и гонорары адвокатов в рамках средств правовой защиты. Охранный ордер, таким образом, включает в себя не только процессуальный порядок разграничения жертвы и насильника, но и комплекс социальных, психологических мер для устранения причин насилия, сохранения и нормализации семейных отношений [4, с. 54].

Развитие административного законодательства азиатских государств о противодействии семейно-бытовому насилию обусловлено рядом ключевых факторов. Некоторые государства в силу своего колониального прошлого склонны выступать реципиентами западно-европейских административных практик, трансплантируя основные модели профилактики семейного насилия из законодательства Великобритании, Франции и ряда других западных государств. Для некоторых азиатских государств свойственен типичный чрезмерный социально-политический консерватизм, что тормозит процесс развития правозащитных начал в системе административно-правового регулирования. Для большинства государств Азиатско-Тихоокеанского региона базовым стимулом развития собственного административного законодательства о профилактике семейно-бытового насилия являются международно-правовые обязательства.

Хотя домашнее насилие является глобальной проблемой, оно имеет особое значение в Азии, где преступления против женщин во имя семейной чести являются традиционными формами домашнего насилия. Дискриминация и насилие в отношении женщин часто начинаются в детстве и продолжаются во взрослом возрасте. Этот подход к рассмотрению насилия в отношении женщин на протяжении всего жизненного цикла затрагивает некоторые традиционные практики, которые весьма разнообразны. Культурные традиции могут выступать фундаментом для проверки на девственность, селективных аборт, принудительных браков, брака девочек с пожилыми мужчинами, посвящение молодых девушек храмам (девадаси в Индии и деуки в Непале), кабальный труд девочек и женщин. Поскольку проблемы женщин были включены в повестку дня в области прав человека, женское движение выдвинуло проблему гендерного насилия на передний план не только в глобальной повестке дня, но и, что более важно, в национальных повестках дня, где они наиболее необходимы [2, с. 441].

Индийский закон о насилии в семье добивается значительных успехов в устранении и попытке искоренить негативные культурные обычаи, которые являются оскорбительными по отношению к женщинам. Это важно, потому что традиционная практика, которая

обесценивает девочек и отдает предпочтение сыновьям, часто является основной причиной дискриминации в отношении девочек и женщин в Азии. Словесное и эмоциональное насилие включает оскорбления или насмешки, особенно в связи с отсутствием ребенка или ребенка мужского пола. Экономическая защита женщин, предусмотренная индийским законодательством, включает отчуждение любых активов, банковских счетов, включая ее приданое. Насилие в законе также включает причинение насилия иждивенцам или другим родственникам. На практике определения домашнего насилия, включающие психологическое и экономическое насилие, могут быть проблематичными. Эти виды насилия часто трудно доказать судебным органам, которые не имеют достаточной подготовки по гендерным вопросам.

Можно сделать вывод, что в зарубежных правопорядках в последние годы произошел сдвиг в подходе к охранным ордерам о защите от домашнего насилия. Произошло изменение их природы от гражданских мер, истребуемых жертвами, к усилению межотрасле-

вой гибридации правовой сущности издаваемых судебных приказов, а также усилению акцента на приказы, издаваемые в ходе уголовного судопроизводства, и передаче большей ответственности за принятие решений и их исполнение полиции. Также увеличилось количество и диапазон доступных заказов. Охранные ордера расширяют инструментарий, доступный полиции для управления процессов административно-профилактического противодействия семейно-бытовому насилию. Положительной чертой зарубежных правопорядков остается наличие специализированного нормативно-правового акта, задающего контуры административно-правового противодействия семейно-бытовому насилию. Такие законодательные акты содержат развернутую юридическую терминологию, регламентируют порядок и основания мер административно-предупредительного и профилактического воздействия. Опыт зарубежных правопорядков является предпосылкой для заимствования такого института, как охранный ордер, в российское административное законодательство о профилактике семейно-бытового насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекетов О.И., Майле А.Д. Профилактические меры полицейского воздействия в системе мер противодействия домашнему насилию в государствах европейского сообщества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 1 (6). С. 420–431.
2. Селезнева Н.А. Противодействие гендерному насилию: российский и зарубежный опыт // Образование и право. 2020. № 9. С. 438–444.
3. Струков В.А. Мировой положительный опыт противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений и перспективы его использования в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 81–85.
4. Ткачук Т.А., Толпыго О.А. Защита жертв домашнего насилия: международные и национальные аспекты // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. 2019. № 4 (22). С. 53–55.
5. Тунина Н.А. Охранный ордер как способ превенции семейного насилия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 4. С. 78–82.
6. Харламов В.С. Институт охранный ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности от внутрисемейного насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 34–40.

© Краснов Александр Валерьевич (alex.mos409@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ УБЫТКОВ ПРИ БЕЗДОГОВОРНОМ ПОТРЕБЛЕНИИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

THE MAIN PROBLEMS OF COLLECTING DAMAGES FOR NON-CONTRACTUAL ELECTRICITY CONSUMPTION

V. Kulabukhov

Summary. Due to the annual increase in the number of disputes arising from contractual obligations due to unauthorized connection to the consumer's power receiving devices, the issue of compensation for real damage in the form of electric energy costs is of particular interest. The article presents the main problems of recovery of losses caused by unauthorized connection to the electric networks of economic entities in the absence of contractual legal relations. The author analyzes the main steps to the successful satisfaction of claims in disputes related to compensation for damages in case of non-contractual consumption of electric energy, with reference to examples from judicial practice in the most significant court cases. The author presents arguments that distinguish between the concept of "losses" and "unjustified enrichment" when formulating claims to the court, in order to prevent a double interpretation and improve the effective work of judicial bodies.

Keywords: non-contractual consumption of electric energy, unauthorized connection of power receiving devices, network organization, losses, unjustified enrichment, conditional obligation, causal relationship.

Кулабухов Вадим Сергеевич

Аспирант, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
urist.russia86@mail.ru

Аннотация. В связи с ежегодным возрастанием количества споров, возникающих из кондикционных обязательств, вследствие самовольного подключения к энергопринимающим устройствам потребителя, особый интерес вызывает вопрос о возмещении реального ущерба в виде расходов на оплату электрической энергии. В статье представлены основные проблемы взыскания убытков, вызванных несанкционированным подключением к электрическим сетям хозяйствующих субъектов в отсутствие договорных правоотношений. Автор анализирует основные шаги к успешному удовлетворению исковых требований в спорах, связанных с возмещением убытков при бездоговорном потреблении электрической энергии, со ссылкой на примеры из судебной практики по наиболее значимым судебным делам. Автор приводит аргументы, ограничивающие понятие «убытки» и «неосновательное обогащение» при формулировании требований в суд, в целях недопущения двойного толкования и ускорения эффективной работы судебных органов.

Ключевые слова: бездоговорное потребление электрической энергии, самовольное подключение энергопринимающих устройств, сетевая организация, убытки, неосновательное обогащение, кондикционное обязательство, причинно-следственная связь.

Правовые основы экономических отношений в области электроэнергетики, основные права и обязанности субъектов при реализации деятельности в упомянутой области, и потребителей электроэнергии регулируются посредством ФЗ от 26.03.2003 № 35-ФЗ [1] (далее — Закон). В статье 3 Закона закреплены основные понятия, применяемые в регулировании исследуемой области.

Согласно п. 4 ст. 539 ГК РФ к отношениям по договорному соглашению снабжения электроэнергией применяются такие правила, которые указаны в пар. 6 гл. 30 ГК РФ, но только если в действующем законодательстве или иных нормативных актах не определено иное [2].

Двусторонним договорным соглашением купли-продажи электроэнергии признается такое согла-

шение между сторонами, согласно которому сторона-поставщик должна поставить стороне-покупателю электроэнергию в установленном объеме и соответствующем качестве. Сторона-потребитель, согласно рассматриваемому договорному соглашению обязуется принять и оплатить электроэнергию.

Гарантирующим поставщиком выступает организация, которая обязуется согласно Закону или добровольно взятым на себя обязательствам заключить соответствующее договорное соглашение о купле-продаже электроэнергии с потребителем, который к нему обратиться, и с отдельным лицом, которое действует от его имени.

Согласно абзацу 13 п. 2 Постановления Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (далее — Постановление

№ 442), в качестве бездоговорного потребления электроэнергии (БПЭ) выступает следующее: самовольное подключение энергоприборов к объектам электросетей; потребление при отсутствии заключенного договорного соглашения между сторонами, позволяющего осуществлять продажу электроэнергии на розничных рынках; потребление при приостановлении поставок по упомянутому договорному соглашению по причине введения полного ограничения режима его потребления [9].

Согласно п. 177 Постановления № 442, если сетевой организацией или гарантирующим поставщиком будет установлен факт БПЭ, то в обязательном порядке составляется акт о неучтенном потреблении электроэнергии.

Учитывая имеющуюся сегодня судебную практику можно сказать, что требования о взыскании убытков, которые были причинены вследствие самовольного подключения к электросетям, подлежат как удовлетворению, так и не удовлетворению со стороны судебных органов. Данное обстоятельство обуславливается тем, какие именно доводы и доказательства стороны представляют суду. Рассмотрим основные причины, по которым обращаются в суд:

1. В качестве одного из основных условий, способствующих удовлетворению поданного потерпевшей стороной иска, выступает наличие акта о БПЭ, оформленного согласно Постановлению № 442.

Так, истец обратился в суд о взыскании с абонента понесенных убытков, представленных в виде стоимости БПЭ. В рамках проведения специализированных проверок истцом были выявлены факты БПЭ на нужды уличного освещения, и нарушение о присоединении энергопринимающих устройств (ЭПУ). В результате проведенной проверки истцом были составлены соответствующие акты, подтверждающие упомянутый факт.

Судом первой инстанции было вынесено решение, согласно которому он частично удовлетворил требования. При вынесении решения, суд учитывал следующие документы и их содержание: ст. 544 ГК РФ, Постановление № 442, подпункт 21 п. 1 ст. 14 ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», соответствие составленных от 21.05.2010 актов п. 177 Правил № 530. Стоит отметить, что судебный орган посчитал, что другие акты, составленные, как от 31.03.2010, так и от 08.06.2010, согласно п. 177 указанных Правил имеют определенные нарушения. Свой вывод суд обусловил тем, что в упомянутых актах отсутствовали необходимые подписи представителя стороны-потребителя электроэнергии,

поэтому суд вынес отказ по удовлетворению тех требований, которых основываются на упомянутых актах.

Однако Апелляционный суд не согласился с решением, вынесенным ранее, и подчеркнул, что указанные акты по собственной форме и своему содержанию в полной мере соответствуют требованиям Постановления № 442, и содержат в себе объяснения ответчика, под которыми и отражается подпись. Подчеркивается, что ссылку ответчика на формирование упомянутых актов в одностороннем порядке судебный орган признал несостоятельной.

Кассационный суд оставил решение, вынесенное предшествующим судом без каких-либо изменений. Это обуславливается тем аспектом, что суд поддержал озвученный вывод о том, что если в актах представлены объяснения стороны-ответчика, подкрепленные подписью, то они в полной мере соответствуют Постановлению № 442. Также суд подчеркнул, что по причине указанных Положений у истца нет обязанности, которая обязывала бы ее заранее уведомлять потребителя о дате проверки.

2. В качестве следующего условия выступает отсутствие договорного соглашения энергоснабжения и фактическое подключение к электросетям энергоснабжающей организации.

Так, истец обратился в судебный орган с требованием о взыскании со стороны управляющей компании стоимости БПЭ.

К сетям, принадлежащим истцу, присоединен МКД. В качестве исполнителя ЖКХ данного дома выступает именно ответчик. В рамках проведения проверки собственных приборов учета, истец выявил факт БПЭ ответчиком посредством использования трансформаторной подстанции. Составленный акт был подписан соответствующим исполнителем ЖКХ без вносимых замечаний.

В рамках рассмотрения дела было установлено, что договорного соглашения на энергоснабжение ответчиком заключено не было, а также соответствующая оплата за потребляемую им и жильцами МКД электроэнергию не производилась. Учитывая жилищное законодательство и Постановление Правительства РФ от 23.05.2006 № 307 [4] (далее — Постановление № 307), суд вынес положительное решение в части взыскания стоимости электроэнергии в подтвержденном приборами объеме, и по тарифу, утвержденному для расчетов с населением страны и всех приравненных лиц.

Апелляционный суд согласился с решением, вынесенным ранее, опираясь на Постановление № 442.

Кассационный суд полностью поддержал все ранее вынесенные решения, оставив их без изменений (Постановление ФАС СЗО от 11.12.2012 по делу № А44–276/2012).

Стоит отметить, что аналогичные решения содержатся в Постановлениях ФАС СЗО от 15.05.2012 по делу № А26–3368/2011, от 03.07.2012 по делу № А66–9637/2011, от 18.03.2013 по делу № А26–2655/2012. Следовательно, отсутствие договорного соглашения — весомое основание для того, чтобы взыскать стоимость БПЭ.

3. В качестве условия для отказа в поданном иске выступает отсутствие доказательств потребления. Такое условие обуславливается тем, что трансформаторная подстанция, которая указывается истцом в виде ЭПУ, к ней не относится.

Истец в рамках проверки выявила факт БПЭ ответчиком — муниципальным образованием, — посредством применения с его стороны энергоприборов, которые были присоединены к электросетям истца с определенным нарушением порядка присоединения [5].

По данному факту стороной-истцом был составлен акт. На его основании истец провел соответствующий расчет объема БПЭ. Так как ответчик не произвел оплату по выставленному счету, это выступило основанием для подачи иска. Однако суд вынес решение об отказе. Учитывая определение такого понятия, как «трансформаторная подстанция», закрепленного в ст. 3 Закона, суд решил, что она не относится к виду ЭПУ. Поэтому, факт потребления не доказан (Постановление ФАС СЗО от 14.02.2011 по делу № А05–6058/2010).

Судебные инстанции Уральского округа пришли к выводу о том, что стоимость БПЭ не подлежит взысканию. Это обуславливается тем аспектом, что подключение ЭПУ для обеспечения соответствующего освещения отдельной рекламной конструкции произведено именно посредством ЭПУ жилого дома, а понесенные затраты на ее электроснабжение возмещены согласно действующему договорному соглашению с управляющей компанией МКД (Постановление ФАС УФО от 25.06.2013 по делу № А76–8964/2012).

4. Лицо, которое присоединено к сетям сетевой организации и не заключившее с ней соответствующего договорного соглашения, подлежит привлечению к ответственности за БПЭ [6, с. 218].

Так, истец обратился в суд с заявлением о взыскании с УФМС стоимости потребленной электроэнергии. В обосновании своего заявления истец указал на БПЭ

ответчиком электроэнергии посредством ЭПУ, присоединённые к электросети стороны-истца.

Однако, согласно материалам рассматриваемого дела, помещение УФМС располагается в здании, которое находится на балансе у ОВД. Именно упомянутый отдел приобретал электроэнергию на основании договорных соглашений с гарантирующим поставщиком. Это было подтверждено, как соглашением энергоснабжения, так и госконтрактом на энергоснабжение.

В удовлетворении иска было отказано. Свое решение суд обусловил недоказанностью факта БПЭ со стороны ответчика, который возмещал ОВД стоимость потребляемой им электроэнергии согласно договорному соглашению (Постановление ФАС СЗО от 29.05.2012 по делу № А26–7731/2010).

5. Самовольное подключение потребителя к электросетям квалифицируется непосредственно как БПЭ [7, с. 13–75].

Подобный вывод подтверждается следующими Постановлениями: ФАС ПФО от 25.03.2013 по делу N А55–20270/2012 и от 29.07.2013 по делу N А06–3753/2012, ФАС ДФО от 03.06.2013 по делу N А73–12052/2012, ФАС Московского округа от 18.03.2013 по делу N А40–120204/11–59–1061.

Следовательно, БПЭ отсутствует при условии, что факт подачи напряжения непосредственно в точку присоединения ЭПУ абонента не является доказанным. Отсутствие соответствующего уведомления о дате и времени проверки упомянутой организацией собственных приборов никаким образом не влияет на правомерность актов, и не может выступать основанием для отказа во взыскании стоимости неучтенного потребления энергии, но если доступ к ЭПУ и расчетному прибору абонента был должным образом обеспечен его действующими сотрудниками.

Следовательно, главная проблема при исследуемом потреблении состоит в довольно сложном разграничении требований о взыскании понесенных убытков, и неосновательного обогащения, что довольно часто вызывает определённые коллизии в судебных делах.

При обращении с иском, суд не способен корректно и правильно сформулировать свои требования, выдвигаемые ответчику, а именно — взыскать с него понесенные убытки или неосновательное обогащение. Под первым, согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ, убытки — это расходы, которые потерпевшее лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества, и дохо-

ды, которые оно могло получить при обычных условиях при учете, что его права не были бы нарушены.

Основанием для упомянутого взыскания выступает гражданское противоправное деяние. Постановление КС РФ от 12.10.2015 № 15-П, предметом доказывания определяет: «При рассмотрении дел о взыскании убытков арбитражному суду необходимо установить состав правонарушения, включающий факт наступления вреда, вину причинителя вреда, противоправность его поведения, наличие причинно-следственной связи между его действиями и наступившими неблагоприятными для истца последствиями, размер ущерба» [8, с. 788].

Обязательства из неосновательного обогащения выступают видом обязательств, которые обладают внедоговорным характером. Согласно ст. 1102 ГК РФ, лицо, которое без законных, иных правовых или договорных оснований приобрело или сберегло имущество за счет потерпевшего, в обязательном порядке должно возратить ему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество, за исключением тех случаев, которые отражены в ст. 1109 ГК РФ. Предусмотренные рассматриваемой главой правила, в обязательном порядке подлежат применению вне зависимости от того, выступило ли данное обогащение результатом поведения приобретателя, потерпевшего, иных лиц или же это произошло не по их вине и воли.

Следовательно, чтобы возникло обстоятельство из упомянутого выше обогащения, в обязательном порядке требуется наличие таких условий, как: приобретение или сбережение имущества за счет потерпевшей стороны, отсутствие оснований подобного приобретения или сбережения.

Принимая положения законодательства, которые регулируют исследуемые институты, и рассмотренную ранее судебную практику, можно отметить, что различиями между упомянутыми ранее взысканиями выступают следующие: возникновение неосновательного обогащения никаким образом не связано с виной приобретателя; убытки — основная мера гражданской ответственности, а неосновательное обогащение выступает видом внедоговорного обязательства; основания для практического применения норм и положений о каждом правовом институте.

Но следует подчеркнуть, что в определении правовой природы упомянутых выше институтов и состоят их отличия. Соотнесение исковых требований с представленными ранее положениями, а также анализ их отличий позволит более корректно и верно определить сущность спорных правоотношений, а также предоставит возможность установить между ними разграничение.

Учитывая все вышеуказанное, следует рассмотреть направления в имеющейся сегодня судебной практики по вопросу разграничения требований о рассматриваемых взысканиях, и позиции судебных органов при неверной квалификации упомянутых требований.

Подчеркивается, что правильная квалификация требований о взысканиях является довольно значимой. Однако если сторона-истец не сможет их верно понять, то суд обладает правом самостоятельно установить характер возникших спорных правоотношений.

Если требования о взыскании неосновательного обогащения будут ошибочно определены как возмещение убытков, то судебный орган в обязательном порядке должен будет самостоятельно установить характер рассматриваемых спорных правоотношений и норм законодательства, которые подлежат соответствующему применению. Помимо этого, если стороной-истцом будет заявлено требование о возмещении убытков, то определение ее суммы как неосновательное обогащение не выступает в качестве изменения предмета иска.

Правовой анализ имеющейся судебной практики предоставляет возможность сформулировать вывод о том, что при рассмотрении дел, сложность в рамках разграничения упомянутых требований вызывают ситуации об установлении суммы предварительной оплаты в виде убытков или неосновательного обогащения, взыскания последнего при признании договорного соглашения незаключенным, фактическом пользовании услуг при отсутствии договорного соглашения, признании сделки недействительной, и безосновательном пользовании недвижимостью.

Подчеркивается, что в преимущественном большинстве, неверная квалификация встречается в отношении требований о взыскании неосновательного обогащения в том время, как истцы изначально трактуют их как взыскание понесенных убытков.

Таким образом, для решения вопроса, касающегося разграничения исследуемых требований, в обязательном порядке следует использовать все признаки данных правовых институтов, которые определены, как законодательными нормами, так и сформированные имеющейся судебной практикой. Следовательно, судебная практика в исследуемом вопросе является довольно значимой, так как именно она способствует укреплению более точного и верного восприятия норм, которые регулируют исследуемые правовые отношения для недопущения каких-либо ошибок в их практическом применении, а как следствие и для улучшения практической работы российских судов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (последняя редакция) .
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (II часть), параграф 6 главы 30.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 04.05.2012 N 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии», которым устанавливаются правовые основы функционирования розничных рынков электрической энергии.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.05.2006 № 307 «О порядке предоставления коммунальных услуг гражданам».
5. О.В. Белова. Взаимосвязь цены и спроса // Энергетика: Эффективность, надежность, безопасность: материалы XVII Всероссийской научно-технической конференции. — Томск: ТПУ; СПб ГРАФИКС, 2014.
6. О.А. Городов. — Введение в энергетическое право, учебное пособие // Москва: РГУ, 2015. — 218 с.
7. Савельев А.И. Договор присоединения в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. № 5. С. 13–75.
8. Садиков О.Н. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. М.: Юринформ, 1995. 788 с.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2010 № 1172 «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности».

© Кулабухов Вадим Сергеевич (urist.russia86@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Белгород

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА, В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, БОЛЬНЫХ НАРКОМАНИЕЙ

Лутцева Ксения Владимировна

*Преподаватель, Рязанский филиал Московского
университета МВД России им. В.Я. Кикотя
kseniya.luttseva@bk.ru*

PECULIARITIES OF THE APPLICATION OF A PRECAUTIONAL MEASURE IN THE FORM OF HOUSE ARREST IN RESPECT OF PERSONS WITH DRUG ADDICTION

K. Lutseva

Summary. Currently, the criminal procedural legislation does not contain any special norm regarding the procedure for bringing to criminal responsibility persons suffering from drug addiction. Nevertheless, drug addiction is one of the main factors influencing the commission of repeated crime by persons who allow non-medical use of drugs, as well as preventing the execution of a measure of restraint in the form of house arrest. House arrest, a preventive measure associated with the execution by a person brought to criminal responsibility of the prohibitions imposed by the court, while in law enforcement practice there are no cases of imposing the obligation to undergo treatment for drug addiction or rehabilitation, which directly affects the real possibility of serving the prescribed preventive measure.

Keywords: drug crime, drug addicts, drug addiction, drug addiction treatment, medical and social rehabilitation, application of a preventive measure in the form of house arrest.

Аннотация. Уголовно — процессуальное законодательство в настоящее время не содержит ни одной специальной нормы, касающейся порядка привлечения к уголовной ответственности лиц, страдающих наркоманией. Тем не менее, наркомания, является одним из основных факторов, влияющих на совершение повторной преступности лицами, допускающими немедицинское употребление наркотических средств, а также препятствующим исполнению меры пресечения в виде домашнего ареста. Домашний арест, мера пресечения, связанная с исполнением лицом, привлекаемым к уголовной ответственности запретов, налагаемых судом, при этом, в правоприменительной практике отсутствуют случаи, возложения обязанности пройти лечение от наркомании, либо реабилитацию, что напрямую влияет на реальную возможность отбытия назначенной меры пресечения.

Ключевые слова: наркопреступность, лица, больные наркоманией, наркозависимость, лечение от наркомании, медико-социальная реабилитация, применение меры пресечения в виде домашнего ареста.

Вменяющихся условиях информатизации общества, наркопреступность в структуре всей преступности, имеет высокие показатели криминализации общества, как и в предшествующие годы.

В теории криминологии, личность лица, больного наркоманией, являлась предметом многих исследова-

ний, при этом и в настоящее время наркопреступность, поведенческие особенности личности лиц, больных наркоманией, представляют особый интерес. В связи с чем, изучение личностных аспектов лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, в том числе лиц, больных наркоманией, совершающих различного рода преступления, невозможно

рассматривать в отрыве от уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Изучение личности лиц, больных наркоманией, главным образом позволяет не только проработать вопросы, связанные с предупреждением, пресечением, предотвращением наркопреступности, но и преступности лиц, больных наркоманией, криминальная активность которых с каждым годом возрастает в общей структуре преступности.

Как минимум четверть всего тюремного населения России, то есть людей, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (следственных изоляторах, исправительных колониях), находятся там, в связи с обвинением или вынесенным судом приговором по статьям уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ), связанным с незаконным оборотом наркотиков. По состоянию на 1 сентября 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 463 964 чел. (–1 932 чел. к 01.01.2022), на учете в уголовно-исполнительных инспекциях на 1 июля 2022 г. состояло 486 262 чел., в том числе: освобожденных условно-досрочно из мест лишения свободы — 25 881 чел., подозреваемых и (или) обвиняемых, в отношении которых избраны меры пресечения в виде домашнего ареста — 7 974 чел., запрета определенных действий — 5 067 чел., залога — 65 чел [1].

Наркомания, как заболевание, главным образом влияет на применение уголовно-правовых, уголовно-исполнительных мер в отношении лиц, совершивших преступления, страдающих данным заболеванием. Так, при назначении наказания, избрании меры пресечения, наличие заболевания в виде наркомании, главным образом влияет на совокупность применяемых к осужденным (лицам, привлекаемым к уголовной ответственности) мер исправления и предупреждения их преступной деятельности [2, С. 115–127].

Таким образом, можно отметить, что наркомания, это не только заболевание, но и одна из детерминант, обуславливающих совершение преступления лицом, больным ею.

Исследование криминальной активности лиц, больных наркоманией, позволяет выделить основные виды преступлений, совершаемых ими, условно их можно разделить на три группы:

- ◆ преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров;
- ◆ преступления, которые совершаются после потребления наркотических средств, в состоянии наркотического опьянения;

- ◆ преступления, совершаемые из корысти или нужды, с целью приобрести наркотики, например кражи, грабежи, разбои.

В первом полугодии 2022 г. всего осуждено 36 203 лица за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, из которых: лишение свободы назначено 13 965 лицам, условное лишение свободы назначено 12 173 лицам, принудительные работы назначены 2 лицам, ограничение свободы назначено 472 лицам, исправительные работы назначены 791 лицу, обязательные работы назначены 2 523 лицам, штраф назначен 5 941 лицу, условное осуждение к иным мерам назначено 183 лицам, назначено освобождение от наказания по различным основаниям или наказание не назначалось 153 лицам, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как дополнительная мера наказания назначена 45 лицам, штраф как дополнительная мера назначена 568 лицам, ограничение свободы как дополнительная мера наказания назначено 178 лицам, возложена обязанность пройти лечение от наркомании на 1 311 лицам, отсрочка отбывания наказания в порядке ст.ст. 82–82.1 УК РФ назначена 217 лицам [3].

Динамика уголовных наказаний, назначаемых указанной категории преступников, позволяет сделать вывод, что ежегодно судами назначаются наказания не связанные с лишением свободы, с возложением обязанности пройти лечение от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию.

При этом необходимо обратить внимание на отсутствие возможности применения данных мер, а именно лечения и реабилитации от наркомании, к лицам, которые находятся в статусе подозреваемого и обвиняемого на стадии расследования преступлений и избрании предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством мер пресечения, в том числе избрании такой меры пресечения как домашний арест в отношении больного наркоманией.

В теории уголовно-процессуального права выделяют меры пресечения, контроль за исполнением которых осуществляют должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, а также должностные лица уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний России (далее по тексту — ФСИН России).

Среди избираемых мер пресечения в отношении лиц, больных наркоманией, необходимо отметить домашний арест, как наиболее распространенную меру пресечения, альтернативную заключению под стражей.

В качестве основных отличительных особенностей применения данной меры от иных мер уголовно-правового характера необходимо отметить, что при ее назначении прежде всего учитываются: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства, согласно положений ст. 99 УПК РФ.

Так, домашний арест связан с применением к лицу различного вида ограничений, основным из которых является нахождение по месту жительства в течении всего срока предварительного расследования. Основные вопросы избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста в настоящее время регулируются ст. 107 УПК РФ.

При этом каких — либо особенностей, связанных с применением данной меры в отношении лиц, страдающих наркоманией, действующее законодательство не предусматривает, что недопустимо в условиях сложившейся наркоситуации, обусловленной стабильно высоким уровнем наркотизации общества.

Исходя из буквального толкования положений ст. 99 УПК РФ, при избрании меры пресечения учитывается состояние здоровья подозреваемого или обвиняемого, однако критерии, которые должны быть учтены судом, законодателем четко не прописаны в уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, исходя из практической деятельности следственных подразделений, судом учитываются сведения, указанные в справках наркологического, психоневрологического диспансера, а также иные медицинские заключения, подтверждающие наличие хронических заболеваний, препятствующих отбытию избранной меры пресечения. При этом диагноз наркомания, установлен у незначительной части населения, так как в большинстве своем данное заболевание носит латентный характер и лица, больные наркоманией до вовлечения в сферу уголовного, либо административного судопроизводства, официально не признаются таковыми. Отсутствие у лица официально установленного диагноза наркомания, влияет на возможность и целесообразность избрания меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лиц, страдающих наркоманией, что в свою очередь влияет на отбывание данной меры пресечения.

Так, практика избрания данной меры пресечения позволяет выявить следующие проблемные аспекты, решение которых на законодательном уровне никак не регламентировано.

В первую очередь необходимо отметить, что применение любой меры пресечения в отношении лиц, больных наркоманией, находится в тесной зависимости от течения заболевания наркоманией. При этом, латентный характер наркопреступности, который заключается в отсутствии официального учета наркозависимых лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств, непосредственным образом влияет на возможность отбытия наркозависимыми наказания, а также исполнения меры пресечения. Наркомания отличается различными стадиями течения данного заболевания, влияющими на общее состояние, поведение лица, что в большинстве своем приводит к нарушению запретов, установленных судом в рамках избранной меры пресечения. К сожалению, законодатель не предусмотрел возможность проведения лечения от наркомании, медико-социальной реабилитации, в период отбывания меры пресечения в виде домашнего ареста наркозависимыми, что непосредственным образом влияет на возможность ее отбытия, так как наркомания является не только фактором, обуславливающим повторную преступность, но и фактором, приводящим к ухудшению физического состояния, в том числе и эмоционального.

Принимая во внимание изложенное, необходимо отметить, что уголовно-процессуальное законодательство должно предусмотреть положения, касающиеся осуществления уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства в отношении лиц, больных наркоманией, так как наркомания предопределяет применение мер репрессивного характера в отношении указанной категории лиц. При применении меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении наркозависимого лица, суду надлежит рассмотреть возможность наложения не только запретов, связанных с ограничением передвижения последнего, но и возможность прохождения лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации. В ином случае, применение мер пресечения в отношении лиц, страдающих наркоманией, не связанных с изоляцией от общества, вне следственных изоляторов ФСИН России, является просто невозможным. Лечение от наркомании не должны назначаться судом только при рассмотрении вопроса о назначении уголовного наказания.

Наркопреступность в свете развития информационно-телекоммуникационных технологий наращивает темпы роста, как и количество лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств, в связи с чем, вопросы, связанные с лечением от наркомании, прохождением медико-социальной реабилитации, должны рассматриваться и разрешаться на стадии досудебного разбирательства, согласно положений уголовно — процессуального законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сводные статистические сведения о количестве осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций // Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 17.12.2022).
2. Гордеев А.Ю. Современное состояние, тенденции наркотизма в России и система мер по его противодействию / А.Ю. Гордеев // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 7А. С. 115–127.
3. Сводные статистические сведения о количестве осужденных в исправительных учреждениях // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 17.12.2022).

© Лутцева Ксения Владимировна (kseniya.luttseva@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

КОНФИГУРАЦИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ДИСПОЗИЦИЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПДД

CONFIGURATION OF NORMS OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LAW IN THE FORMATION OF NEW DISPOSITIONS DETERMINING RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF SDA

G. Lyubimova

Summary. The author of the article assesses the latest transformations, by which the issue of using administrative prejudice as a sign of a criminal act was resolved by introducing new dispositions and principles. Analyzing the logic of the legislator the author tries to identify the main features that contribute to the correctness of this implementation and also touches upon the issue of legal standardization of the criminal law if the offense does not entail the onset of material consequences. In support of the conclusions drawn the author gives examples of the development of legislative logic, which is inherent in foreign ideas about the correctness of the legal regulation of the sphere of road safety.

Keywords: security, prejudice, administrative punishment, criminal process, traffic.

Любимова Галина Михайловна

Аспирант, МГИМО МИД Российской Федерации
asketka@list.ru

Аннотация. Автором статьи дается оценка последним преобразованиям, которыми вопрос использования административной преюдиции в качестве признака уголовно-правового деяния, разрешался путем введения новых диспозиций и принципов. Анализируя логику законодателя, автор старается выявить основные признаки, способствующие правильности имплементации эти принципов, а также затрагивает вопрос правовой стандартизации уголовного закона в случае, если правонарушения не влекут за собой наступление материальных последствий. В обоснование сделанных выводов автор приводит примеры развития законодательной логики, которая присуща иностранным представлениям о правильности правового регулирования сферы обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность, преюдиция, административное наказание, уголовный процесс, дорожное движение.

Несмотря на то, что на данный момент законодатель фактически уже нашел то оптимальное сочетание, которое бы позволяло провести баланс между требованиями административного и уголовного законодательства по части установления мер ответственности за нарушение правил дорожного движения (далее по тексту — ПДД [1]), в ученой среде попытки оценки сложившегося положения дел, а также возможного развития указанного направления не прекращаются.

Причина сложившегося положения в том, что законодатель изначально отвергал некоторые возможности, которые позволяли бы более предметно подойти к вопросу определения субъективных признаков некоторых правонарушений, сюда же можно отнести и несогласие теоретиков, указывающих на то, что предписания, которыми определяют характер тяжести со-

вершенных правонарушений, охватывают только объективную сторону того или иного происшествия, но не учитывают принцип превентивности, который играет предупреждающую роль в оценке не только действий нарушителя, но и условий, способствующих проявлению противоправного поведения.

Так, автор диссертационного исследования «Противодействие нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264, 264.1 Уголовного Кодекса РФ): проблемы построения составов преступлений, пенализации и предупреждения» Д.В. Собин отмечает, что основательное предупреждение в борьбе с правонарушениями, совершаемыми через призму нарушения правил дорожного движения, оказывает административная ответственность, и дело совсем не в том, что её принципы более тонко (предметно) определяют концепт нарушения, либо ге-

нерируют какие-то особые условия оценки действий правонарушителя, а за счет того, что её прерогатива основана на более категоричной оценке условий и действий того же водителя, в свою очередь, формируемых общими представлениями об опасности, возникающей от действий нарушителя и возможных последствиях. В свою очередь, уголовная ответственность при том же самом вопросе применяется только в том случае, если в действиях нарушителя может усматриваться непосредственно общественная опасность. В таком случае не имеет принципиального значения идет ли речь об оценке действий или последствий, порождаемых нарушением, важно только одно — чтобы аспект общественной опасности был очевиден [2, с.36].

Учитывая приведенную точку зрения логично предположить, что технология определения признака общественной опасности, а следовательно и образования последствия уголовно-правового характера для нарушителя ПДД может строиться на некоем свободном представлении о том, что такое «общественная опасность» и каковы предпосылки интеграции указанного явления при условии, что, например, тот или иной состав административного правонарушения не оказывает существенного влияния на правовые последствия. Для разрешения этого вопроса необходимо проанализировать последние преобразования уголовного законодательства и понять, какие именно причины и условия являются основанием для принятия решения о правовой трансформации, и что в этом случае следует учитывать, когда имеются сомнения в правомерности установления уголовной ответственности за нарушение ПДД.

В частности, Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 485-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3] в Уголовный Кодекс Российской Федерации [4] была введена статья 246.2, которой предусматривалась ответственность за повторное нарушение норм административного права, в данном случае речь идет о том, что потенциальный преступник был привлечен к ответственности, которая нашла свое выражение в лишении лица права управления транспортным средством, достаточно распространенной мере в административной практике. Лишение права управления транспортным средством устанавливается только по решению суда, и эффективность данной меры никто не оспаривает.

Вместе с тем, принятое решение стало следствием того, что законодатель стараясь укрепить эффективные методы, применяемые государством в данной области, переходит установленную грань и вводит уголовную ответственность без учета необходимых признаков, свидетельствующих о том, что данный вид ответвен-

ности сможет решить задачи, которые обусловлены Федеральном законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [5].

В свою очередь, диспозиция, изложенная в ст. 264.2 УК РФ предусматривает три условия, которые с точки зрения оценки деяния и признания такового в качестве социально опасного, являются существенными:

1. Имею место исчерпывающие и конкретные нарушения правил дорожного движения, из которых явно вытекает факт нарушения: превышение пределов скорости, за которое предусмотрено административное наказание в виде лишения правил управления транспортным средством, выезд на встречную полосу, а также встречные трамвайные пути.
2. Лицо, которое уличено в вышеуказанных действиях, ранее уже привлекалось к административной ответственности, при этом наказание, которое ему избиралось, предусматривало возможность лишения права управления ТС. Эти же условия учитываются, если лицо имело судимость за данное преступление (ч. 2 ст. 264.2 УК РФ).
3. Факт совершения преступления может быть зафиксирован исключительно уполномоченным должностным лицом, которое специализируется на вопросах обеспечения безопасности дорожного движения. На последнее условие указывает примечание к ст. 264.2 УК РФ, определяющее, что диспозиция приведенной статьи не распространяет свое действие на правонарушения, которые были зафиксированы техническими средствами, работающими в автоматическом режиме.

Из приведенного следует, что законодательное представление об общественной опасности, в случае нарушения правил дорожного движения, основано на принципе учета: фактора повторности (неоднократности) совершения правонарушения; наличия у субъекта права административных наказаний за аналогичные или смежные нарушения; того, что факт повторного нарушения должен быть зафиксирован именно должностным лицом, а не средствами технического контроля. Насколько это приемлемо в целом — вопрос спорный.

Вместе с тем, анализ сущности уголовно-правового реагирования на то или иное правонарушение — аспект, который требует учета ряда субъективных и объективных признаков, поскольку в противном случае применение уголовно-правовой нормы не будет содействовать достижению главной цели — назначению справедливого наказания. Логично отметить и то, что проявления, связанные с определением дополни-

тельных мер, предпринимаемых в сфере регулирования безопасности дорожного движения, носят исключительно формальный характер. В то время как состав преступления, предусмотренный ст. 264 УК РФ, который фактически стал базисом для введения вышеуказанных уголовных предписаний, носит исключительно формальный отображение; в каждой из диспозиций речь идет о причинении вреда здоровью, в том числе повлекшего смертельный исход. Это говорит о том, что само по себе ужесточение не должно быть беспричинным, тем более, если речь идет о переходе от одного отраслевого подхода к другому. В то же время, такая тенденция стала все более распространенной.

Как нередко отмечается исследователями, все больше и больше составов преступлений, где вопрос установления ответственности за конкретное деяние не связан с причинением какого-либо вреда здоровью, становятся объектом критики со стороны тех, кто старается применять их на практике [6, с.164].

Более того, в некоторых случаях очевидно, что законодатель, стараясь расширить возможности в первую очередь правоприменителей, не создает внятного представления о роли административной преюдиции в формировании норм уголовного права. В частности, противник обращения к данному приему, А.Ю. Якимов указывает, что отечественный законодатель в последнее время все чаще вполне необоснованно прибегает к методике формирования уголовных предписаний за счет распространения благотворной идеи, которая может (или должна) содержаться в административной преюдиции. Между тем, критиков у данного метода оценки поведения нарушителя правил дорожного движения более чем достаточно. Наиболее веским, с правовой точки зрения, является аргумент, который указывает на то, что в настоящее время, весь арсенал административно-правового влияния не исчерпан, в то время, как законодательное представление о правильности построения общей концепции борьбы с правонарушителями в сфере безопасности дорожного дви-

жения основано на том, что выбрать для виновника максимально жесткое наказание [7, с.109].

Безусловно, такое видение должно быть учтено. В западной практике вопрос административной ответственности и её использования в качестве признака другой необходимости уголовной ответственности формируется посредством учета не просто факторов, которые мы привели выше, а тех условий, в которых находится нарушитель, когда совершает повторное правонарушение. Белорусским законодательством предусмотрена возможность безвозмездной конфискации орудия совершения административного правонарушения, но при условии, если транспортное средство принадлежит виновнику [8, с.62]. В таком случае, уголовная ответственность не предусматривается, так как действует иной вид юридической ответственности — материальная. Аналогичные меры применяются в иных странах, при этом их опыт регулирования затронутых отношений признается более удачным, нежели российский.

Таким образом, можно сказать, что межотраслевой переход от норм административного права к уголовным — явление обычное, однако, правовая конфигурация такого перехода должна быть обусловлена устойчивым представлением общества о том, что из себя представляет понятие «общественная опасность», и какую роль в оценке данного явления играет сам нарушитель. Что касается формирования указанной составляющей в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, то его архитектура может зависеть от ряда условий и факторов, одним из которых, на наш взгляд, является материальное последствие. В конечном счете, учет данного фактора позволит лучше понимать негативность влияния административных правонарушений на безопасность на дорогах, и одновременно с этим позволит сформировать верное представление о той законодательной логике, которая используется для выделения административного проступка в разряд преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 31.12.2020) «О Правилах дорожного движения» // (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 22.11.1993. N 47. ст. 4531.
2. Собин Д.В. Противодействие нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264, 264.1 УК РФ): проблемы построения составов преступлений, пенализации и предупреждения: дисс. ... канд.юрид.наук. Специальность: 12.00.08. Краснодар. 2020. 187 с.
3. Федеральный закон от 30.12.2021 N 458-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2022. N 1 (Часть I). ст. 27.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. ст. 2954.
5. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ (ред. от 29.11.2021, с изм. от 27.10.2022) «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. 11.12.1995. N 50. ст. 4873.

6. Керамова, С.Н. Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения / С.Н. Керамова // Евразийский юридический журнал. — 2021. — № 12 (163). — С. 162–165.
7. Якимов, А.Ю. Вопросы гармонизации норм, устанавливающих административную и уголовную ответственность за нарушения в области дорожного движения / А.Ю. Якимов // Государство и право. — 2022. — № 8. — С. 103–110.
8. Сергейчук, Б.С. Особенности Правил дорожного движения Российской Федерации в сравнении с правилами дорожного движения Республики Беларусь / Б.С. Сергейчук, С.Г. Кондаков // Семьдесят пятая всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов с международным участием: Сборник материалов конференции. В 3-х частях, Ярославль, 20–21 апреля 2022 года. — Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2022. — С. 601–603.

© Любимова Галина Михайловна (asketka@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГИМО

ОПЫТ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СУБЪЕКТАХ РФ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 1993 Г. И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

THE EXPERIENCE OF INDEPENDENT STATE BUILDING IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AFTER THE CONSTITUTIONAL REFORM OF 1993 AND CURRENT TRENDS IN ENSURING THE UNITY OF THE PUBLIC AUTHORITY SYSTEM

A. Magomedov

The article is devoted to the study of the historical and legal experience of post-Soviet Russia in the field of constitutional regulation of federal relations. The author proves that the main priority of modern state policy is aimed more at the integration of federal relations than at supporting their differentiation. In legal science, this causes a corresponding theoretical controversy. The principle of the unity of the system of public authority in its integrating meaning is in demand in legal science, mainly not by itself, but under extraordinary and extraordinary circumstances, when the interests of national security, the existence of a constitutional order, democratic rule of law, the rule of law, constitutional rights and freedom of man and citizen. Under normal circumstances of the functioning of the state and law, the principle of the unity of the system of public authority should be understood more narrowly, as the presence of a sphere of competing competence, the delimitation of subjects of jurisdiction and powers, the independence of the activities of all links of the public apparatus of power within the boundaries of the competence established by it by the Constitution of the Russian Federation and laws.

Keywords: federalism, state building, delimitation of subjects of jurisdiction and powers, unity of the system of public authority.

Магомедов Арсен Магомедович

Аспирант, РАНХиГС (г. Орёл)

magomedov.jurist@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию историко-правового опыта постсоветской России в области конституционного регулирования федеративных отношений. Автор доказывает, что основной приоритет современной государственной политики направлен скорее на интеграцию федеративных отношений, чем на поддержку их дифференциации. В юридической науке это вызывает соответствующую теоретическую полемику. Принцип единства системы публичной власти в его интегрирующем значении востребован в юридической науке, главным образом, не сам по себе, но при чрезвычайных и экстраординарных обстоятельствах, когда под угрозу поставлены интересы национальной безопасности, существования конституционного строя, демократического правопорядка, верховенства права, конституционных прав и свобод человека и гражданина. При обычных же обстоятельствах функционирования государства и права принцип единства системы публичной власти должен пониматься более узко, как наличие сферы конкурирующей компетенции, разграничение предметов ведения и полномочий, самостоятельность деятельности всех звеньев публичного аппарата власти в границах установленной им Конституцией РФ и законами компетенции.

Ключевые слова: федерализм, государственное строительство, разграничение предметов ведения и полномочий, единство системы публичной власти.

Федеративные отношения в России в течение периода действия Конституции РФ от 1993 года развивались весьма дискретно и неравномерно [17, с.45]. Их генезис можно подразделить на два крупных этапа, в соответствии с которыми первоначально наблюдалась тенденция к децентрализации (зачастую, не всегда и не во всем оправданная вплоть до стремления к неограниченному суверенитету субъектов РФ), затем — обозначился приоритет государ-

ственной политики, направленный на централизацию (в ряде случаев — в ущерб конституционным основам федерализма, но главным образом, в целях обеспечения единства российской государственности, гарантирования ее полноценного суверенитета с учетом многонационального уклада и множественности национальных культур). Переход от одной тенденции к другой осуществлялся относительно «плавно», с разумным переходным периодом и возможностью адаптации

правовой системы к изменениям в приоритетах конституционно-правового регулирования общественных отношений [9, с.74].

Одна из ключевых идей, которая была изначально заложена в Конституции РФ в ее первой редакции от 1993 года, заключалась в признании возможности *самостоятельного государственного строительства* в субъектах РФ. Если страна имеет федеративную форму, то субъекты РФ обладают существенными конституционными полномочиями. Их перечень не был четко обозначен в положениях ст. 73 Конституции РФ (в отличие от нормативных установлений статей 71 и 72, где имелся конкретный перечень предметов ведения Федерации и предметов совместного ведения России и ее субъектов), однако предполагалось, во всяком случае, что система органов государственной власти устанавливается субъектами РФ самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя и при ограниченном дополнительном вмешательстве федерального законодателя. В этом, прежде всего, на практике усматривалась конституционная самостоятельность регионов, по смыслу ст. 73 Конституции РФ, в вопросах государственного строительства.

Указанная конституционно-правовая реформа проводилась одновременно «сверху» и «снизу» [7, с.76], но следует признать, что решающее значение сыграла позиция федерального центра. Если республики в составе Федерации во многом ожидали данные приоритеты в федеративной политике центра и даже, отчасти, настаивали на своих конституционных правах, то для субъектов РФ других видов (края, области, города федерального значения, автономные национальные образования) подобный поворот в конституционно-законодательной политике оказался, в некоторой степени, неожиданным. Субъекты Федерации на рубеже 1993–1994 гг. не были полноценно готовы к самостоятельному конституционно-уставному нормотворчеству, учреждению собственных моделей организации публичной власти. Даже слово «закон» применительно к субъекту РФ (за исключением республик в составе Федерации) воспринималось как нечто экстраординарное и принципиально новое [10, с.65. 12, с.41]. Примечательно, что Совет Федерации и Государственная Дума в 1994–1995 гг. проводили инструктажи региональных законодателей, объясняя им методику самостоятельной законодательной работы, ориентировали их на публичное самоуправление и ответственность за результаты государственной деятельности, главным образом, перед населением (не только и не столько перед федеральными органами государства, которые больше стимулировали децентрализованные принципы федеративной политики, чем ограничивали их).

Этому способствовали умышленно созданные пробелы в Конституции РФ от 1993 года [1, с.11], в которой не было упоминания о конкретных органах государственной власти в субъектах РФ. Термины «законодательный орган субъекта РФ», «представительный орган субъекта РФ», «законодательный (представительный) орган субъекта РФ», «высшее должностное лицо субъекта РФ», «высший исполнительный орган субъекта РФ», «руководитель высшего исполнительного органа субъекта РФ» и т.п. — являются абстрактными, они опираются на общерегулирующий метод в конституционном праве, оставляя субъектам РФ существенную учредительную власть в сфере государственного строительства.

В данных конституционно-правовых условиях субъекты РФ заметно активизировали законодательную деятельность. Не обладая достаточным опытом в сфере самостоятельного государственного строительства, они, однако, в довольно сжатые сроки продемонстрировали весьма продуктивную способность к активному уставному нормотворчеству и учреждению собственных систем органов публичной власти. Подчеркнем, что это происходило в историко-правовой период преодоления федерального кризиса власти от 1993 года [18, с.37], в ходе которого полномочия Президента РФ были досрочно прекращены решением народных депутатов, в свою очередь, Президент РФ досрочно прекратил полномочия депутатского корпуса, имели место вооруженные столкновения, закончившиеся принятием путем декабрьского референдума Конституции РФ от 1993 года, заключением Договора общественного согласия, амнистией ряда депутатов бывшего Верховного Совета РФ [15, с.113–132] и т.д.

Модель организации федеральной публичной власти образца 1993 года отличалась от предыдущей в том смысле, что парламент стал более «компактным» (Совет Федерации и Государственная Дума), его контрольные полномочия были ограничены, Президент РФ приобрел широкую конституционную компетенцию. Очевидно, что в субъектах РФ в период после 1993 года «по инерции» продолжалось организационно-правовое противостояние между «президентской» и «депутатской» вертикалями власти. Каждая из этих властных структур стремилась закрепить посредством законодательного регулирования полноту своих полномочий и компетенции. Именно таким образом первоначально принимались конституции и уставы субъектов РФ, до формулировки Конституционным Судом РФ правовых позиций по соответствующим делам о проверке конституционности учредительного законодательства субъектов РФ, а также до принятия Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

В течение первых лет после принятия Конституции РФ от 1993 года субъекты РФ имели уникальную и, по существу, не ограниченную федеральным конституционным законодательством возможность выбора модели «президентской», «парламентарной» либо «смешанной» [6, с.102] формы правления. Многие регионы данным правом активно воспользовались, что имело последствием возникновение существенных конституционно-правовых споров между законодательной и исполнительной ветвями публичной власти. Поскольку учредительные акты, как правило, разрабатывались и принимались депутатским корпусом, последний стремился к упрочению своего конституционно-правового статуса, зачастую, в ущерб принципу разделения властей и полномочиям исполнительной власти. В ряде регионов, напротив, пользуясь поддержкой избирателей и федерального центра исполнительная власть демонстрировала эффективное использование административного ресурса, направленного на усиление полномочий исполнительно-распорядительной системы как основного звена в публичном управлении субъектами РФ.

В условиях «не связанности» нормативно-правовыми установлениями федерального центра, регионы в данный историко-правовой период могли свободно определять наименование представительного органа, его численный состав, срок полномочий депутатов, однопалатную или двухпалатную структуру, порядок формирования каждой из них (включая мажоритарную, пропорциональную и смешанную избирательные системы, представительство в верхней палате органов местного самоуправления), законодательные полномочия и компетенцию подзаконного характера, возможность автономной промюльгации конституций (уставов) и законов, т.е. без участия высшего должностного лица субъектов РФ, учреждать или отказываться от учреждения органов конституционной (уставной) юстиции [4, с.9]. Неудивительно, что данные обстоятельства стимулировали исполнительную власть к активизации политико-правового противодействия, включая использование юридического потенциала федерального конституционного правосудия.

Сравнительно кратковременный период «неограниченной свободы» законодательных органов субъектов РФ в выборе юридических приоритетов государственного строительства на местах закончился в 1996 году (т.е. наблюдался лишь в течение двух лет), когда Конституционным Судом РФ были приняты два весьма значимых постановления по делам о проверке конституционности, соответственно, уставов Алтайского края [20, с.409] и Читинской области [21, с.700]. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по данным делам «пересекаются», имеют много общего и, разумеется, не про-

тиворечат друг другу. Однако важно подчеркнуть, что начиная с 1996 года они принципиально изменили общий ход государственного строительства в субъектах РФ и правовой организации федеративных отношений в целом. Стало очевидным, что основы конституционного строя (глава 1 Конституции РФ) в интерпретации Конституционного Суда РФ *существенным образом ограничивают законодательно-учредительную дискрецию региональных властей*. Даже в отсутствие федерального закона, который определял бы общие принципы организации публичной власти в субъектах РФ, *федеральные конституционные принципы связывают региональную нормативную власть*.

Перед Конституционным Судом РФ в 1996 году, казалось, был поставлен лишь ряд «частных», даже «незначительных» проблемных вопросов, но в общей совокупности они показали, что федеральный конституционный принцип разделения властей не позволяет в субъектах Федерации иметь такую модель конституционно-уставного регулирования, которая полностью нивелировала бы роль и значение исполнительной ветви власти [11, с.64]. Обладающие законодательно-учредительными полномочиями депутаты теперь должны были осознать, что они *конституционно обязаны к самоограничению* [13, с.93]. В историко-правовой период с 1994 по 1996 гг. это воспринималось довольно неоднозначно в юридической науке и профессиональном сообществе, вызывало споры и разногласия, порождало противоречивую практику прокурорского надзора и деятельности судов общей юрисдикции.

Конституционное правосознание и конституционная культура того времени еще не адаптировались к *современной роли конституционного правосудия в интерпретационной и правоустанавливающей государственной деятельности*. Было принято считать, что основные приоритеты в данных отношениях подлежат установлению федеральным законодателем. Если федеральное законодательство содержит пробелы или федеральное законодательное регулирование данных отношений отсутствует вовсе — адекватные этому полномочия, якобы, *полностью* перемещаются в сферу законодательной компетенции субъектов Федерации. Но «полнота» (буквальное выражение ст. 73 Конституции РФ) усмотрения региональных законодателей была *ясно и однозначно опровергнута правовыми позициями Конституционного Суда РФ*, причем мотивировалось это, главным образом, *общими принципами*, которые установлены в главе первой Конституции РФ [14, с.9].

После конституционной реформы от 2020 года в России наблюдалась новая стадия развития федеративных отношений, обусловленная введением

в законодательное регулирование и последующую правоприменительную практику принципа единства системы публичной власти. Изначально данный принцип позиционировался конституционным законодателем, главным образом, в приложении к взаимодействию государственной власти и местного самоуправления [8, с.14]. Таким образом предпринималась попытка, в некоторой степени, «смягчить» установление ст. 12 Конституции РФ о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Однако по мере дальнейшего развития правового регулирования и публичной политики стало очевидным, что границы применения принципа единства системы публичной власти значительно шире: они охватывают и федеративные отношения, и механизм взаимодействия федеральных органов государственной власти друг с другом [16, с.3–8]. При этом конституционные принципы разделения властей и федерализма сохраняют свое юридическое действие как императивы, содержащиеся в главе первой Конституции РФ.

Анализ современной конституционно-правовой литературы показывает сложность и неоднозначность проблемы соотношения принципов «единства системы публичной власти», «разделения властей» и «разграничения предметов ведения и полномочий в федеративном государстве». Одни авторы усматривают между ними институциональное противоречие; другие, напротив, считают их взаимно дополняющими и уравновешивающими [2, с.19]. Критике подвергается сужение трактовки понятия «публичная власть» до «системы органов» (утверждается, что публичная власть — это не только и не столько «органы», сколько политически организованное общество и конкурирующие в данном обществе политические сообщества), прямое или косвенное опровержение полноты действия принципа разделения властей «по вертикали» и «по горизонтали» [19, с.29. 4, с.24]. При этом выглядит очевидным, что основной приоритет современной государственной

политики направлен скорее на интеграцию федеративных отношений, чем на поддержку их дифференциации. В юридической науке, в свою очередь, это вызывает соответствующую теоретическую полемику.

Полагаем, что принцип единства системы публичной власти в его наиболее крайнем, интегрирующем значении востребован в юридической науке, главным образом, не сам по себе, но при чрезвычайных и экстраординарных обстоятельствах, когда под угрозу поставлены интересы национальной безопасности, существования конституционного строя, демократического правопорядка, верховенства права, конституционных прав и свобод человека и гражданина. Это может быть не только установленный Конституцией РФ режим военного или чрезвычайного положения, регулируемый текущим законодательством режим контртеррористической операции. Общественно-политическая жизнь более разнообразна и может вызывать к жизни другие специальные режимы, которые допустимы с конституционно-правовой точки зрения. При экстраординарных обстоятельствах требуются сплоченность общества, его мобилизованность на решение текущих политических задач, т.е. наиболее полное «единство» системы публичной власти.

При обычных же обстоятельствах функционирования государства и права принцип единства системы публичной власти также имеет право на существование, но его трактовка должна быть более ограничительной. При сохраняющем интегрирующем значении функционирования федеральных властей, важную роль играют также публичные власти в субъектах РФ и в муниципальных образованиях. Соответствующее «единство системы» должно пониматься более узко, как наличие сферы конкурирующей компетенции, разграничение предметов ведения и полномочий, самостоятельность деятельности всех звеньев публичного аппарата власти в границах установленной им Конституцией РФ и законами компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.
2. Астафичев П.А. Проблемы реализации конституционного принципа единства системы публичной власти в федеральном законодательстве // Градостроительное право. 2022. № 2.
3. Безруков А.В. О необходимости формирования и месте конституционных (уставных) судов субъектов РФ в механизме разделения властей // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 1.
4. Безруков А.В. Укрепление единства системы публичной власти в условиях обеспечения правопорядка в России // Проблемы права. 2015. № 1.
5. Биюшкина Н.И. Эволюция нормативно-правового регулирования федеративных отношений в советском государстве // Юридическая техника. 2023. № 17.
6. Варнавский А.Г. Смешанная (полупрезидентская) форма государственного правления: причины и условия становления, факторы трансформации в современных условиях // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 4.
7. Гуляков А.Д. Федерализм: механизм возникновения и основные направления развития (историко-государствоведческое исследование). — М., 2019.

8. Добрынин Н.М. Конституционный принцип единства системы публичной власти: к вопросу об эволюции муниципального управления в России // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11.
9. Дробышева Е.В. Переходный период как стадия образования и принятия нового субъекта Российской Федерации: отдельные аспекты правового регулирования // Проблемы права. 2009. № 1.
10. Исаков И.Н. Региональное законодательство: современное состояние и пути совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3.
11. Кравцова Е.А. Проблемы реформирования системы государственных органов власти субъектов РФ в сфере конституционных норм о разделении властей // Уральский форум конституционалистов. — Екатеринбург, 2022.
12. Лебедева Н.В. Правотворческая деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Проблемы права. 2010. № 4.
13. Малый А.Ф., Соломонов П.Н. О воплощении принципа разделения власти в организационной структуре субъекта Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2018. № 2.
14. Невинский В.В. Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов // Российский юридический журнал. 2004. № 1.
15. Пихоя Р.Г. Конституционно-политический кризис в России 1993 года: хроника событий и комментарий историка // Отечественная история. 2002. № 5.
16. Россинский Б.В. Проблемы единства исполнительных органов в системе публичной власти // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 11.
17. Фомичева О.А. Конституционно-правовые основы регулирования федеративных отношений в России: проблемы теории и практики. — Саратов, 2014.
18. Шахрай С.М. Конституционный кризис 1993 года и принятие Конституции Российской Федерации // Вопросы правоведения. 2015. № 5.
19. Югов А.А. Система разделения властей в Российской Федерации: единство и дифференциация публичной власти // Право: история, теория, практика. — М., 2016.
20. Постановление Конституционного суда РФ от 18 января 1996 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // СЗ РФ. 1996. № 4.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 1996 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава — Основного Закона Читинской области» // СЗ РФ. 1996. № 7.

© Магомедов Арсен Магомедович (magomedov.jurist@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ЛИЦ С РЕЛИГИОЗНЫМИ УБЕЖДЕНИЯМИ

PROBLEMS OF EXAMINATION OF PERSONS WITH RELIGIOUS BELIEFS

**A. Maksakova
D. Brager**

Summary. The article examines the legal and ethical aspects of the examination of persons with religious beliefs and the problems associated with refusing to participate in this investigative action. For this purpose, the current criminal procedure legislation and scientific literature are analyzed. Attention is drawn to the flaws in the legal regulation of Art. 179 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, namely the absence of a provision regulating the possibility of conducting a forced examination, as well as the legal interpretation of the concept of "nudity", which gives rise to a conflict. The ways of solving existing legal problems are proposed, expressed in the form of introducing clauses into the criminal procedural legislation on the interpretation of the concept of "nudity", compulsory examination and the implementation of this investigative action by a medical specialist. The relevance of the article is due to the influence of world religions on society in general and each person in particular.

Keywords: examination, investigative action, criminal procedure legislation, exposure, religious beliefs, consent.

Максакова Александра Сергеевна

Дальневосточный государственный университет
путей сообщения (Хабаровск) (СахиЖТ — филиал
ДВГУПС) в г. Южно-Сахалинске)
sasha_maksakova_sasha@mail.ru

Брагер Дмитрий Константинович

Кандидат юридических наук, доцент,
Дальневосточный государственный университет
путей сообщения (Хабаровск) (СахиЖТ — филиал
ДВГУПС) в г. Южно-Сахалинске)
brager-4@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются правовые и этические стороны производства освидетельствования лиц с религиозными убеждениями и проблемы, связанные с отказом от участия в данном следственном действии. С этой целью анализируется действующее уголовно-процессуальное законодательство и научная литература. Обращается внимание на изъяны в правовом регулировании ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а именно отсутствие положения, регламентирующего возможность проведения принудительного освидетельствования, а также легального толкования понятия «обнажения», рождающее коллизию. Предложены пути решения существующих правовых проблем, выражающиеся в виде внесения в уголовно-процессуальное законодательство пунктов о толковании понятия «обнажение», принудительном освидетельствовании и осуществлении данного следственного действия медицинским специалистом. Актуальность статьи обусловлена влиянием мировых религий на общество в целом и каждого человека в частности.

Ключевые слова: освидетельствование, следственное действие, уголовно-процессуальное законодательство, обнажение, религиозные убеждения, согласие.

Введение

Следственные действия — это основной процессуальный способ сбора доказательств во время расследования преступления. Они оказывают колоссальное влияние на результат расследования, рассмотрение уголовного дела в суде и как итог вынесение однозначного и верного вердикта.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет широкий перечень следственных и иных процессуальных действий, работающих инструментами для проверки сообщения о преступлении, возбуждения уголовного дела, производства предварительного расследования и судебного разбирательства.

Освидетельствование считается одним из наиболее простых по механизму производства, но сложно исполнимых с точки зрения соблюдения процессуального законодательства следственных действий. Являясь одной из форм осмотра, оно выражается в визуальном исследовании тела живого человека с целью обнаружения особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или других свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы (ч. 1 ст. 279 УПК РФ) [2].

Основная часть

Главной проблемой, связанной с производством освидетельствования, является отказ подлежащему

освидетельствованию лица добровольно пройти процедуру. Причиной такого отказа зачастую является принадлежность освидетельствуемого лица к одному из течений мировых религий. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на 2021 год в Российской Федерации самыми распространенными религиями стали ислам — 6% от числа опрошенных, и православие — 66% от числа опрошенных [8].

Данные верования основаны на определенном своде законов и правил (основные из которых — Коран и Библия), которых должны придерживаться все их последователи.

В большей степени религиозные запреты касаются женщин. Например, ислам содержит в себе такое понятие, как «аурат», которое обозначает часть тела, которую мусульмане обязаны прикрывать перед другими людьми [5, с. 324]. Для женщин перед мужчинами ауратом является всё тело, кроме лица и кистей рук, для мужчин — так называемые «срамные места», а именно то, что находится между пупком и коленями. Для прикрытия аурата вне дома мусульманские женщины носят хиджаб — одеяние, скрывающее тело и лицо от посторонних взглядов.

Библия также содержит ряд запретов на ношение христианами определенных одежд (например, брюк — женщинами), но в православии нет прямого запрета на оголение ног, рук или шеи [12]. Обычно православные женщины носят юбки в пол, верхнюю одежду с длинным рукавом и платки, прикрывающие волосы, исходя из своих морально-этических принципов, основанных на толковании священнослужителями изречений святых людей и библейских заповедей о грехах.

В ч. 4 ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержится такое правовое понятие, как «обнажение». Однако законодатель не даёт ему легального толкования. С точки зрения ислама, обнажением является всё то, что оголяет аурат. А женщинам, исповедующим ислам, строго запрещена демонстрация мужчинам и женщинам не мусульманкам всего, что скрыто под одеждой (например, предплечий или щиколоток). Для не религиозного человека демонстрация предплечья не является чем-то позорным, но для мусульман это — грех, за совершение которого может последовать наказание.

То есть понятия «обнажение» с точки зрения закона и с точки зрения религии не тождественны. Это означает, что закон позволяет следователю-мужчине провести осмотр, к примеру, конечностей потерпевшей, но для религиозного субъекта освободить от одежд

руки — означает обнажиться, и такой субъект не станет проходить освидетельствование. Таким образом, из-за отсутствия легального толкования законодателем понятия «обнажения» происходит столкновение интересов, препятствующее расследованию дела или тормозящее его.

Мы считаем, что для предотвращения дальнейшего расхождения норм законодательства (де-юре) и правоприменительной практики (де-факто) в ст. 5 и ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации стоит внести толкование определения «обнажение», а именно: «Обнажением может считаться действие, приводящее тело человека в состоянии полной наготы (отсутствие какой-либо одежды на теле освидетельствуемого) или частичной наготы (части тела освидетельствуемого, обычно прикрытые одеждой, обнажены)»

Ч. 2 ст. 179 Уголовно-процессуального Кодекса РФ говорит о том, что постановление о производстве освидетельствования, вынесенное следователем, является обязательным для освидетельствуемого лица. Значит ли это, что в отношении таких категорий лиц, как подозреваемый, обвиняемый и потерпевший, отказывающимся пройти освидетельствование исходя из личных побуждений (например, религиозного характера), данное следственное действие может быть произведено в принудительном порядке?

Мнения учёных-юристов расходятся. Н.Т. Кереселеидзе считает, что необходимость принудительного освидетельствования лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, несомненна, если на его одежде или теле есть вероятность обнаружить следы преступления или особые приметы [11, с. 165]. Е.А. Зайцева в своей статье «Трижды потерпевший» говорит о том, что при возникновении вопроса о принуждении лица к прохождению освидетельствования нужно исходить из конституционных идей о защите личности, ее прав и свобод, и при отказе лица от прохождения освидетельствования применение принуждения недопустимо, так как в правовом государстве права личности, провозглашенные Конституцией, не должны и не могут быть нарушены или ущемлены [9, с. 36].

Принудительное освидетельствование действительно нарушает основополагающие конституционные права и свободы личности, главное из которых — личная неприкосновенность (ст. 23 Конституции РФ) [1]. Это значит, что проводить его нужно только при наличии веских оснований и только тогда, когда все возможные инструменты влияния на волю субъекта следствия исчерпаны.

Но даже при проведении принудительного освидетельствования такое лицо не должно подвергаться любым действиям и речи, потенциально влекущей за собой сильные негативные эмоции, такие как ощущение страха, злости или униженности. Неприкосновенность чести и достоинства человека гарантируется ст. 21 Конституции РФ, а ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ дополнительно закрепляет эти гарантии для участников уголовного судопроизводства.

Законодатель чётко не регламентирует возможность осуществления освидетельствования в принудительной форме, но и прямо не запрещает его. Это создает неоднозначную правоприменительную практику.

Мы считаем, что в УПК РФ должна быть закреплена возможность принудительного освидетельствования, но только с разрешения суда [7, с. 23]. В связи с этим предлагаем внести в ст. 179 УПК РФ пункт, содержащий положение следующего содержания: «Принудительное освидетельствование может быть проведено только на основании постановления суда».

Но такому освидетельствованию должны предшествовать разнообразные действия следователя, направленные на бесконфликтное разрешение возникшей ситуации. На этот случай сотрудниками правоохранительных органов должна быть разработана определенная тактика взаимодействия с религиозными элементами, позволяющая им без применения физического воздействия, силой убеждения, оказывать влияние на подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего.

Освидетельствование как осмотр живого лица требует индивидуализированного подхода к каждому человеку. Зачастую при осуществлении данного вида следственного действия требуется умение установить доверительный психологический контакт, который возможен только с непредвзятым по своей сущности человеком — врачом.

При нежелании религиозного лица добровольно пройти процедуру освидетельствования в присутствии следователя, прежде чем осуществлять меры принудительного характера, по нашему мнению, будет рационально предложить ему вариант проведения освидетельствования врачом одного пола с освидетельствуемым.

Например, ислам не запрещает оголение аурата при враче-женщине не мусульманке если в этом есть необходимость [10]. Хатыб аш-Ширбини, исламский учёный, толкователь Корана, в своей книге «Мугни-аль мухтадж» пишет: «Знай, что всё перечисленное из за-

претности и прикосновения относится к ситуации, когда в этом нет нужды... но пусть это будет в присутствии махрама или мужа...» [14]. То есть, при стратегически верном подходе следователя к религиозному субъекту принудительное освидетельствование может не потребоваться.

Преимущество производства освидетельствования тела живого лица врачом отмечают и некоторые ученые. Например, О.В. Волохова пишет: «Надо сказать, что и участие врача в освидетельствовании не только обеспечивает обнаружение следов преступления и примет человека, влияет на полноту их описания, но и предупреждает возможность причинения вреда здоровью, избавляет лицо от неприятных переживаний» [6, с. 207].

Ч. 2 ст. 290 УПК РФ, предусматривающая производство освидетельствования в период судебного разбирательства только врачом либо иным специалистом, также позволяет выдвигать предложения о постоянном производстве данного следственного действия исключительно врачом, без возможности привлечения должностного лица.

Заключение

Мы считаем, что внесение в ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации изменения следующего содержания: «В случае, когда освидетельствование сопряжено с обнажением (полным или частичным), производство процессуальных действий допускается только врачом либо иным медицинским специалистом одного пола с освидетельствуемым» в некоторой степени разрешит конфликт интересов следствия и лица с религиозными убеждениями.

Важно, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ, несмотря на необходимость внесения в него некоторых корректив, содержит такую правовую категорию, как «согласие». Однако, в научной литературе справедливо отмечается, что УПК РФ не предусматривает оформление данного вида согласования [13, с. 109]. Для того, чтобы следственное действие, предусматривающее согласие лица, не было признано незаконным, это согласие должно быть зафиксировано в протоколе следственного действия.

Что примечательно, не все государства предусматривают институт согласия в вопросе производства освидетельствования и других следственных действий, присущих уголовно-процессуальному законодательству данной страны. Например, в ч. 1 ст. 220 УПК Республики Армения закреплена возможность освидетельствования подозреваемого, обвиняемо-

го, потерпевшего и свидетеля без получения согласия перечисленных участников или других субъектов уголовного процесса (например, суда), т.к. это является их обязанностью исходя из норм, регламентирующих процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля (ч. 2 ст. 59, ч. 4 ст. 65, ч. 5 ст. 62, ч. 3 ст. 86, ч. 1 ст. 220 УПК Республики Армения) [3].

УПК Республики Беларусь также говорит о возможности принудительного освидетельствования подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при наличии постановления о проведении данного следственного действия (ч. 2 ст. 206 УПК Республики Беларусь) [4].

Такой подход кажется нам тактически обоснованным, но вступающим в противоречие с Конституцией РФ и не подходящим для России как правового государства. Мы считаем, что право не давать согласие на со-

вершение в отношении себя определенных действий, когда это предусмотрено законом, — важнейшее право субъекта уголовного процесса, и нарушено оно может быть только с санкционирования суда.

В связи с этим, нами считается верным предложение внести в Уголовно-процессуальный кодекс РФ положений, регламентирующих форму отображения согласия подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, в результате рассмотрения ст. 179 УПК РФ были выявлены определенные процессуальные проблемы, которые требуются в доработке. В результате корректировки рассмотренных в статье норм можно будет избежать спорных вопросов и конфликтных ситуаций в ходе производства освидетельствования, в том числе с лицами, имеющими религиозные убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.01.2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.01.2023).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.11.1998 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 13.01.2023).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. // Кодексы Республика Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://kodeksy-by.com/ugolovno-protsessualnyj_kodeks_rb.htm (дата обращения: 13.01.2023).
5. Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.
6. Бабаева Э.У., Волохова О.В., Егоров Н.Н., Жижина М.В. Криминалистика: учебник для бакалавров и специалистов. М.: Проспект, 2020. 560 с.
7. Брагер Д.К. Криминалистические аспекты принудительного проведения освидетельствования // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2011. № 3. С. 20–23.
8. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Аналитический обзор [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://web.archive.org/web/20210608083716/https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 23.01.2023).
9. Зайцева Е.А. Трижды потерпевший // Законность. 2015. № 1. С. 34–38.
10. Исламская цивилизация. Можно ли мусульманке лечиться у мужчины? [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://islamcivil.ru/mozhno-li-musulmanke-lechitsya-u-muzhchiny/> (дата обращения: 12.01.2023).
11. Кереселеидзе Н.Т. Нравственно-религиозные детерминаты обережения участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 2. С. 162–166.
12. Официальный сайт прихода храма Покрова Пресвятой Богородицы с. Боршева. Как должна выглядеть православная женщина? // Режим доступа: URL: <http://borsheva.ortox.ru/2013/09/02/kak-dolzha-vyglyadet-pravoslavnaya-zhenshhina/> (дата обращения 24.01.2023).
13. Сидоренко О.В. Освидетельствование на стадии возбуждения уголовного дела как проверочное мероприятие // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 1. С. 107–112.
14. Хатыб аш-Ширбини. Мугни-аль мухтадж. Академия ислама. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://ru.quranacademy.org/our-goal> (дата обращения 12.01.2023).

© Максакова Александра Сергеевна (sasha_maksakova_sasha@mail.ru), Брагер Дмитрий Константинович (brager-4@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАЩИТА ЖЕРТВ ОТ ЗАДЕРЖЕК МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

PROTECTING VICTIMS FROM DELAYS IN INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE: MYTH OR REALITY?

O. Manzanga

Summary. The article deals with the protection of victims from delays in international criminal justice. It is noted that the protection of victims of mass crimes is currently one of the goals of international criminal justice. It was revealed that for some time the victims had almost all the rights necessary to protect their interests and receive compensation for damage. It is noted that this development of events is positive, since the victims suffer, first of all, from the cruelty of crimes. It is revealed that this rule has a number of shortcomings: on the one hand, we are talking about an exception to which victims are subject to a reasonable time in international criminal proceedings, and, on the other hand, about the flexibility of the right to prompt compensation for damages. The study showed that, in all cases, victims of international crimes are effectively not protected from international criminal justice delays, with the main consequence of prolonging their enormous suffering.

Keywords: victim, international crimes, reasonable time, international criminal justice, delays, right to prompt reparation, insufficient protection.

Манзанга Овид Кпанья

*Аспирант, Казанский федеральный университет
ovidemanzanga@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается защита жертв от задержек международного уголовного правосудия. Отмечено, что защита жертв массовых преступлений в настоящее время является одной из целей международного уголовного правосудия. Выявлено, что в течение некоторого времени жертвы имели почти все права, необходимые для защиты своих интересов и получения возмещения ущерба. Отмечено, что такое развитие событий является позитивным, поскольку жертвы страдают, в первую очередь, от жестокости преступлений. Выявлено, что данная норма имеет ряд недостатков: с одной стороны, речь идет об исключении, которому жертвы подлежат в сфере разумного срока международного уголовного процесса, и, с другой стороны, о гибкости права на незамедлительное возмещение ущерба. Исследование показало, что во всех случаях жертвы международных преступлений фактически не защищены от задержек международного уголовного правосудия, что имеет главное последствие затягивания их огромных страданий.

Ключевые слова: жертва, международные преступления, разумный срок, международное уголовное правосудие, задержки, право на незамедлительное возмещение, недостаточная защита.

Введение

Международное уголовное правосудие с момента создания МУС отличается постоянством также, как и национальное уголовное правосудие, подразумевающее новую парадигму урегулирования конфликтов международного масштаба в рамках учета прав человека, нарушаемых в процессе уголовных преступлений массового характера. К числу прав относится право на разумный срок, которое, как правило, закреплено у всех участников судебного разбирательства, включая потерпевшего. Стоит отметить, что «интерес своевременного разрешения уголовно-правового конфликта является обоюдоострым для государства и в равной степени для потерпевшего от преступления и лица, его совершившего» [3]. Однако, что касается международного уголовного права, то его толкование представляется совершенно иным, поскольку все учредительные акты международных уголовных судов также предусматривают указанную норму, но, исключая жертв массовых преступлений. Контрасти-

рует ли данная ситуация с эволюцией прав человека в международном праве, в частности, прав жертв?

Действительно, положение жертв серьезных преступлений с тех пор стало предметом серьезной озабоченности со стороны органов международного права, гарантом которого выступает международное уголовное правосудие. Интерес к изучению данной темы очевиден, особенно во время разработки Римского статута Международного уголовного суда, предпосылкой разработки которого послужило то, что «за последнее столетие миллионы детей, женщин и мужчин стали жертвами немыслимых злодеяний, глубоко потрясших человечество» [21]. В отличие от других предыдущих юрисдикций, Римский статут в статье 68 предоставляет жертвам значительные права в международном уголовном судопроизводстве.

Эволюция вопроса о признании прав жертв в уголовном процессе фактически приводит к формированию новых идей о выгоде, которую они могут извлечь

из данного процесса. Потерпевшим недостаточно присутствовать в процессе, самый большой вопрос заключается в возмещении ущерба. Но этот вопрос теперь связан с периодом времени, в течение которого должно быть принято решение о возмещении. В 2005 году Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию об «основных принципах и руководящих положениях, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба жертвам грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права», в которой подчеркивается право жертв на правовую защиту, что подразумевает, в частности, быстрое возмещение ущерба. Возникает вопрос, является ли такая формулировка защитой от задержек международного уголовного правосудия (1) и утверждает ли право жертв на разумный срок рассмотрения дела (2)?

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы представить анализ прав жертв на защиту от задержек в международном уголовном правосудии. Для достижения ожидаемых результатов в дополнение к толкованию правовых текстов и судебных решений были использованы два взаимодополняющих подхода. С одной стороны, системный подход к рассмотрению понятия задержки как неотъемлемого аспекта системы международного уголовного правосудия и, с другой стороны, ретроспективный подход, прослеживающий эволюцию прав жертв в международном уголовном процессе с целью точного определения масштабов и случаев их применения.

1. Право на незамедлительное возмещение причиненного ущерба: неприменимая прерогатива в отсутствие компетентного суда или возбуждения разбирательства на международном уровне

Что касается права на незамедлительное возмещение, то речь идет непосредственно о праве добиваться возмещения в соответствующем органе, включая судебные органы. Под средством правовой защиты понимается здесь в узком смысле как тот факт, что потерпевший обращается в суд с целью восстановления своего (субъективного) права, нарушенного фактом совершения преступления. В связи с этим международное право обеспечивает прочную правовую основу в статье 8 Всеобщей декларации прав человека, которая гарантирует каждому право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав [4]. То же самое относится к Международному пакту о гражданских и политических правах [14], Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [13], Конвенции против пыток [9], Конвенции о правах

ребенка, Гагской конвенции 1907 года и Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов [5]. К этим текстам следует также добавить соответствующие положения региональных европейских [8], африканских [2] и американских [1] текстов.

Гарантия средств правовой защиты в случае нарушения основных прав жертв преступлений является в то же время правом конституционной ценности, о котором лицо, предоставляющее право, без колебаний четко заявляет [10; 11], с тем чтобы ни законодатель, ни судья, не говоря уже об исполнительной власти, не отступали от него в рамках своих соответствующих полномочий. С этой точки зрения нельзя исключать нарушения международного права в области прав человека и международного гуманитарного права. Иными словами, речь идет не только о нарушениях национального законодательства, но и судебных органов международного правосудия.

Генеральной Ассамблеей была добавлена резолюция 60/147 от 16 декабря 2005 года, в которой излагаются основные принципы и положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба жертвам нарушений международного права человека и международного гуманитарного права. Его цель состоит в том, чтобы напомнить государству о его обязанности уважать, обеспечивать уважение и применять международное право в области прав человека и международного гуманитарного права, включая право на компенсацию за ущерб [29].

Четко напоминая об этом обязательстве, резолюция подчеркивает противоречие в осуществлении права на защиту в случае международных преступлений. Компенсация за причиненный ущерб должна быть *не только адекватной, эффективной, но и быстрой*. Цель состоит в том, чтобы восстановить быстро права жертв [20], нарушенные в результате совершения преступления. Продолжительность рассмотрения дела становится незаменимым фактором для реализации этого права. Под скоростью понимается способность быстрой судебной реакции, которая может позволить пострадавшему получить компенсацию.

Таким образом, в тех случаях, когда быстрое возмещение ущерба не осуществляется, можно установить ответственность государства на следующих основаниях: отсутствие надлежащих законодательных и административных мер, непроведение быстрого расследования, отсутствие механизма, позволяющего жертвам получить возмещение. Однако ответственность не может лежать только на государстве [7], поскольку «доступ к адекватным, эффективным и быстрым средствам

правовой защиты при грубых нарушениях международных норм в области прав человека или серьезных нарушениях международного гуманитарного права должно включать использование всех имеющихся и надлежащих международных процедур, в рамках которых заинтересованное лицо может иметь правосубъектность...» [20].

Проблема в том, что на международном уровне длительность рассмотрения дела является существенной. Если говорить конкретно о судебных механизмах, то трудности в скорости рассмотрения дела придется решать в зависимости от того, является ли МУС постоянным судом в отличие от других специальных судов, характеризующихся временным характером их миссии. Такое разграничение породило бы две основные трудности: с одной стороны, обязательство возбуждать международное уголовное разбирательство в рамках механизма, предусмотренного Римским статутом, и, с другой стороны, необходимость создания и учреждения специального (международного) суда в том случае, если МУС некомпетентен и не рассматривается Советом Безопасности.

В первом случае необходимо начать с признания того, что система суда в значительной степени способствует применению данной меры, поскольку в соответствии со статьей 42.1 Римского статута можно передать дело в Канцелярию Прокурора посредством обоснований, которые могут позволить Прокурору начать расследование в суде. Такое постоянство Суда открывает возможности для быстрого возмещения ущерба, а именно доступ к правосудию, поскольку, передавая дело в Канцелярию Прокурора, жертвы уже могут обеспечить учет их мнений и интересов. Однако такая уверенность на быстрое возмещение ущерба ставится под сомнение двумя факторами.

Во-первых, получая просьбы потерпевших, Канцелярия Прокурора *ipso facto* не передает их в Суд, поскольку надо рассматривать их скрупулезно и методично. Чтобы прийти к решению о преследовании, Канцелярия Прокурора проверяет серьезность информации, доведенной до его сведения, и может решить использовать другие источники информации для выяснения сведений. Целью такого подхода является установление разумной основы, которая будет обосновывать уголовное преследование перед судом. Статья 53 Статута предусматривает элементы, которые будут определять уголовное преследование, а именно: юрисдикцию Суда; приемлемость дела в соответствии со статьей 17 Римского статута; интересы правосудия.

Таковы правовые критерии, установленные учредительными актами Суда, однако Канцелярия Прокурора

остаётся единственным компетентным органом для оценки целесообразности судебного преследования. Таким образом, при отборе дел также применяется критерии отбора, основанные на «тяжести фактов, степени ответственности и обвинениях, которые могут быть предъявлены предполагаемым преступникам» [16]. Все эти критерии применяются к этапу предварительного расследования, проводимому Канцелярией Обвинителя после «процедуры проверки, состоящей из четырех этапов» [17], ведущих к принятию решения об окончательном начале расследования.

Проблема заключается в том, что до сих пор вопрос о незамедлительном или быстром возмещении ущерба жертвам преступлений остаётся нерешённым ввиду отсутствия возмещения ущерба до принятия прокурором решения о возбуждении судебного преследования. Единственной обязанностью Прокурора является принятие мер защиты жертв на этапе расследования. В любом случае до тех пор, пока Прокурор не примет решения о передаче дела в Суд, предварительное рассмотрение дела остаётся задачей принятия решения о начале судебного расследования.

Практика предварительного рассмотрения дела после вступления в силу Римского статута показывает, что для завершения данного этапа потребуется несколько лет. Ещё одно очень важное уточнение заключается в отсутствии каких-либо ограничений на продолжительность этого этапа. Прокурор не связан никакими обязательствами в отношении предельного срока [28] или обязательствами по продолжительности рассмотрения, которые проявляются скорее на этапе расследования. Поэтому юридически Прокурор не может подвергаться какому-либо давлению со стороны потерпевших, государства или Совета Безопасности и Суда.

Во-вторых, независимо от постоянства МУС, нельзя упускать из виду тот факт, что он является договорным трибуналом. Иными словами, его функционирование, особенно возбуждение расследования, зависит от практически косвенного отношения соответствующего государства. Это фактически создаёт реальную проблему реактивности Суда, особенно с учётом того, что необходимо будет обеспечить всестороннее сотрудничество государства, часто на территории которого должно проводиться расследование. Однако в данной сфере расходятся как политические интересы, очевидны препятствия в процессе возбуждения уголовного преследования. Следствием этого является то, что на протяжении всего периода оценки тяжести преступления право на незамедлительное возмещение ущерба жертвам де-факто полностью игнорируется. Само собой разумеется, что эта реальность требует временных затрат.

Во втором случае пределы юрисдикции МУС имеют катастрофические последствия для права жертв на незамедлительное возмещение ущерба. Нужно сказать, что в отсутствие компетентного суда компенсацию ущерба придется искать в другом месте, а не в суде. Но все же основной проблемой, с которой сталкиваются жертвы преступлений, очень часто является отсутствие судебного преследования или соответствующего судебного механизма на национальном или региональном уровне. Именно в таком контексте навязывается идея использования международного механизма в качестве крайней меры, вторичной или дополнительной. Иными словами, необходимым является создание специального суда. С этой целью возникает еще одна серьезная проблема, которая заключается в том, что процесс, ведущий к созданию специального суда, чреват неопределенностью, не способной к эффективной реализации права на незамедлительное возмещение ущерба, поскольку данный процесс сам по себе не является быстрым.

Например, жертвы таких нарушений, совершенные в ДРК до вступления в силу Римского статута или нарушения, совершенные в Гвинее Конакри 28 сентября 2009 года, уже несколько лет ожидают создания адекватного механизма, который мог бы учитывать их интересы. Поэтому очевидно, что время, затрачиваемое с момента совершения преступления по сей день, делает бессмысленным право на незамедлительное возмещение ущерба и относится к экзистенциальным вопросам системы правосудия. Более того, в отличие от МУС, право на быстрое возмещение ущерба не предусмотрено в связи с тем, что сначала придется бороться за доступ к правосудию, но это правосудие все еще носит гипотетический характер.

Логическим следствием во всех случаях является то, что право на незамедлительное возмещение ущерба представляется несовместимым с нынешней системой международного уголовного правосудия. Между медлительностью в процессе возбуждения уголовного преследования (МУС) и отсутствием компетентного суда (специальный суд) скорость как центральный элемент этой системы исчезает. Как указано в резолюции 2005 года, скорость рассмотрения дела должна также включать продолжительность времени, необходимой для расследования предполагаемых нарушений, ведущих к возмещению ущерба (раздел II).

Наконец, следует отметить, что подобная ситуация создает парадоксальную проблему, поскольку речь идет о самых тяжких преступлениях, известных всем. Развитие новых информационных технологий не может допустить никакого оправдания незнанию данных фактов. Серьезные нарушения прав человека, совер-

шаемые во всем мире, широко известны и в большинстве случаев содержатся в официальных докладах. К сожалению, если эти жертвы не получают быстрого возмещения ущерба на национальном уровне, международное уголовное правосудие также отличается своей классической неэффективностью, особенно в том, что касается продолжительности его реагирования. При этом право на незамедлительное возмещение ущерба, которое закреплено в резолюции, не является обязательным, значит представляется недостаточным или неэффективным для защиты жертв от задержек в рассмотрении дел. Хуже всего-то, что, когда им так или иначе удается получить доступ к международному правосудию и участвовать в судебном процессе, жертвам как гражданским участникам международного уголовного процесса, потребуется время и терпение, чтобы дождаться окончательного решения судьи, при этом не имея возможности требовать, чтобы процесс проходил быстро.

2. Жертвы, лишённые права на разумный срок в ходе судебного разбирательства

Что касается права на разумный срок судебного разбирательства, то не вызывает больше опасений необходимость создания специального трибунала с целью возбуждения международного уголовного преследования. Необходимым является исключить период, отведенный на предварительное рассмотрение, которое не предусматривает проведения судебного разбирательства, поскольку оно не только не подлежит какому-либо сроку, но также означает, что судебные органы еще официально не приняли решения о расследовании, преследовании. Это позволяет утверждать, что разумный срок является исключительно процедурной нормой, цель которой состоит в недопущении того, чтобы процедура заняла слишком много времени или была слишком быстрой. Это временный аспект концепции справедливого судебного разбирательства, который представляет собой вопрос по существу с учетом многочисленных последствий как для прав сторон, так и для самой процедуры.

Проблема заключается в том, что в международном уголовном процессе жертвы, независимо от того, присутствуют ли в суде, лишены права на разумный срок. Это утверждение вытекает из буквального толкования учредительных актов международных уголовных судов, согласно которым, в праве быть судимыми без чрезмерной задержки [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27] *ipso jure* исключают потерпевших из сферы действия данной нормы. Стоит отметить, что во всех системах уголовного правосудия судят именно обвиняемого, а жертва пользуется скорее защитой и имеет право отстаивать свои гражданские интересы либо в едином контексте

уголовного процесса, либо отдельно перед гражданским судом. Следовательно, право быть судимым без неоправданной задержки ни при каких обстоятельствах не может включать интересы жертв. Кроме того, содержание данной нормы в этих учредительных актах прекрасно иллюстрирует, что это исключительное право обвиняемого.

Тем не менее потерпевшие, которые не могут на любой стадии разбирательства ссылаться на эту прерогативу, должны смириться с проверкой продолжительности судебного разбирательства. Это серьезное влияние, когда надо уточнить, что они уже пережили несколько лет до начала этого процесса, в котором участвуют. Поэтому стоит отметить, что лица, которые пострадали, с одной стороны, от преступных деяний обвиняемого, а с другой стороны, от запоздалости судебной системы, продолжают больше страдать от продолжительности судебного разбирательства, не имея права повлиять на рассмотрение дела в разумный срок. Очевидно, что составители международных актов, включая Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., который являлся основой учредительных актов международных уголовных судов, больше озабочены продолжительностью судебного разбирательства в отношении обвиняемого, чем интересами потерпевших.

Однако практика четко демонстрируя уязвимость жертв преступлений перед судебными задержками по сравнению с обвиняемыми. В то время как обвиняемый стремится избежать правосудия на протяжении всего периода рассмотрения дела, жертва стремится увидеть начало судебного разбирательства. В то время как обвиняемый в ходе судебного разбирательства направляет просьбы о приостановлении разбирательства, последствия задержки которых неоспоримы, жертва лишь пассивно ожидает результата.

В последнем случае дело прокурора против Лорана Гбагбо, правового представителя потерпевших, указывает на то, что «принятая обвиняемым стратегия увеличения числа просьб об отсрочке слушаний и разрешении на подачу апелляции, вероятно, нарушит его собственное основополагающее право быть судимым без неоправданной задержки» [18]. Однако благодаря общему смыслу ответа, направленного представителем потерпевших, можно заметить обеспокоенность потерпевших, увидев, что дело, все еще находящееся на стадии предъявления обвинений, затягивается из-за поведения обвиняемого. Не имея прямой ссылки на право провести судебное разбирательство в разумный срок, потерпевшие в этом ответе пытались опираться на понятие «целостность процедуры», спектр которого шире, чем «справедливость процедуры». Представитель потерпевших в этом ответе, что хотя концепция *процес-*

суальной справедливости, как представляется, связана с этой конфронтацией между правами обвиняемого и нормативными полномочиями правосудия, концепция процессуальной целостности призвана защитить основные ценности, на основе которых была создана система уголовного правосудия [18]. Поэтому защита потерпевших является одной из основных проблем, которые обусловили необходимость создания данного суда, и игнорирование их интересов, несомненно, может подорвать целостность всей процедуры, то есть сделать ее бессмысленной. Однако такое общее обязательство представляется бессмысленным в отношении продолжительности судебного разбирательства, которое, помимо этого, зависит от интересов сторон, в частности, интересов обвиняемого или прокурора. Если обвиняемый будет ссылаться на право быть судимым без неоправданной задержки, жертва ничего не сможет предпринять, поскольку не имеет возможности заявить о нарушении его права на разумный срок. Например, потерпевшая сторона не может говорить о том, что в связи с прекращением столь длительного процесса требовать компенсацию, как это явно сделал бы обвиняемый. Поэтому в этом вопросе нет равенства перед законом между потерпевшим и обвиняемым, как это имеет место, например, в российском уголовном процессе [6]. В данных условиях жертва обречена на пассивность с непредсказуемыми последствиями.

В действительности же длительное разбирательство оставляет за собой риск прекращения, особенно в случае смерти обвиняемого. В этом случае становится понятным, что жертва, которая порой долго ждала этого момента, в конечном итоге не узнает истины о криминальных фактах, причинивших ему вред. Установление истины является самой целью участия потерпевших в уголовном процессе, что связано с их правом на доступ к правосудию. Межамериканский суд по правам человека, пытаясь установить нарушение разумного срока, отмечает прежде всего неотделимость этой нормы от концепции справедливого судебного разбирательства, разрушая барьеры формального противостояния между обвиняемым и прокурором в уголовном процессе.

В своем решении, вынесенном 1 марта 2005 года на основании заявления, поданного 14 июня 2003 года Межамериканской комиссией по правам человека против государства Сальвадора, Суд постановил, что право на доступ к правосудию и установлению истины также гарантируется жертве или его родственникам и что виновные будут наказаны в разумный срок [12]. Спустя семь лет после того, как дело было передано в сальвадорские суды без какого-либо решения по существу или идентификации преступников, Суд пришел к выводу о нарушении пункта 1 статьи 8 Конвенции.

Таким образом, в системе, гарантирующей потерпевшему право на разумный срок судебного разбирательства, жертва имеет право ссылаться, как и обвиняемый, на нарушение этого права всякий раз, когда его интересам противоречит непрерывность судебного разбирательства. Однако интерес потерпевшего должен соблюдаться только в данном контексте, поскольку результат разбирательства может противоречить их ожиданиям и праву установить истину в разумный срок или право на оперативное рассмотрение дела. В МУС по делу прокурор против Бембы потерпевшие, которые ждали разбирательства в течение почти 12 лет с момента совершения преступления, выразили свое беспокойство в связи с оправдательным решением, принятым апелляционной палатой. Тяжесть принятия жертвами такого решения заключалась не в оправдании, а в продолжительности процедуры, в результате которой ВИЧ-инфицированные умирали, не узнав истины [15].

Наконец, можно увидеть, что судебные задержки в рассмотрении дела могут серьезно повлиять на права жертв преступлений. Если говорить о МУС, например, то данная ситуация также приводит выживших жертв в полное замешательство в связи с тем, что Суд по прошествии многих лет иногда не может установить истину, то есть выявить реальных исполнителей совершенных преступлений, особенно в Центральноафриканской Республике или Кот-д'Ивуаре. Следует отметить, что если судебное решение об оправдании является обоснованным и не может быть поставлено под сомнение стремлением потерпевших установить виновность обвиняемого, то самой трудной частью дела остается продолжительность времени рассмотрения дела, при этом возможности ссылаться на разумный срок система правосудия не предоставляет.

Заключение

Из вышесказанного следует, что нынешняя эволюция международного права в целом и международного уголовного права, в частности, недостаточно учи-

тывает реальные риски судебных задержек, которые грозят жертвам международных преступлений. Вместе с тем следует признать, что доказанная сложность международных уголовных процессов и большое число потерпевших, допущенных к участию в судебном разбирательстве, могут осложнить любые попытки гарантировать им скорейшую процедуру рассмотрения дела. Однако в случае, если невозможно признать их право требовать от судей радикальных мер, можно было бы предоставить им право ссылаться на разумный срок судебного разбирательства в тех случаях, когда поведение, приписываемое обвиняемому или Прокурору, или даже судебному органу, может отложить рассмотрение дела без учета интереса правосудия. Таким образом, если требования установлены, судья может санкционировать любые затягивающие судебное разбирательство действия сторон или просто отказаться от своих собственных, если это необходимо. Тем не менее для этого следует укрепить право на доступ к правосудию, которое по-прежнему в полной мере зависит от сложной структуры международной системы уголовного правосудия. Создание новых специальных судов для рассмотрения дел, которыми не сможет заниматься МУС, оказывается сложным шагом. В таком случае государство или международное сообщество должны нести ответственность за любую предвзятую задержку рассмотрения дела, вызванную отсутствием адекватного механизма для осуществления этого права сначала на национальном уровне, а затем на международном уровне.

Наконец, право на доступ к правосудию, которое подразумевает оперативное установление истины, должно быть укреплено с самого начала разбирательства. Поэтому стоит задуматься над тем, чтобы прокурор МУС должен учитывать интересы потерпевших и делать выбор в пользу быстрой процедуры, особенно в отношении на стадии предварительного рассмотрения, а также расследования. В этом смысле последствия медлительности или задержек могут больше приносить пользу не только обвиняемым, как это всегда имело место, но и жертвам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американская конвенция о правах человека: Пакт Сан-Хосе-де-Коста-Рика Организация Объединенных Наций, Treaty Series, Vol. 1144. I-17955, с. 183.
2. Африканская хартия прав человека и народов, документ ОАЕ. Кабина/Ножка/67/3 оборот. 5, 21 I.L.M. 58 (1982), 27 июня 1981 года, вступил в силу 21 октября 1986 года.
3. Бормотова Л.В., Тарнавский О.А. Сущностная ценность правовых позиций Европейского суда по правам человека о праве на разумный срок уголовного судопроизводства для российского правоприменителя // Право и политика. 2022. № 6. С. 33–44.
4. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года.
5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), 8 июня 1977 года, United Nations — Treaty Series, vol. 1125, p. 272.

6. Егорова Р.Е., Прокофьева С.М. Разумный срок уголовного судопроизводства и права потерпевшего // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razumnyy-srok-ugolovno-go-sudoproizvodstva-i-prava-poterpevshego> (дата обращения: 28.08.2022).
7. Кебурия К.О., Солнцев М.А. Значение Основных принципов и руководящих положений ООН о праве на защиту и возмещение ущерба 2005 г. Московский журнал международного права. 2021; (2):78–98. С. 86.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод с поправками, внесенными Протоколами No 11 и 14, European Treaty Series No. 5, Рим, 4.XI.1950.
9. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Нью-Йорк, 10 декабря 1984 года, United Nations, Treaty Series, vol. 1465, p. 85.
10. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 с изменениями от 01.07.2020.
11. Конституция от 18 февраля 2006 года с поправками, внесенными Законом No 11/002 от 20 января 2011 года о пересмотре некоторых статей Конституции Демократической Республики Конго от 18 февраля 2006 года.
12. Межамериканский суд по правам человека. Решение по делу «Сестры Серрано-Крус с. Сальвадора» от 1 марта 2005 года. S . 66.
13. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Нью-Йорк, 7 марта 1966 года, United Nations, Treaty Series, vol. 660, p. 195.
14. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.: Treaty Series, vol. 999, 1976, 187–301.
15. МУС. Дело Прокурор против Жан-Пьера Бембы Гомбо, Совместные представления законных представителей потерпевших о последствиях решения Апелляционной камеры от 8 июня 2018 года о возмещении ущерба, исс-01/05–01/08–3647, 06 июля 2018 года, S . 19, с. 9.
16. МУС. Канцелярия Прокурора. Аналитический документ по выбору и установлению приоритетов дел, Гаага, сентябрь 2016 г., с. 13.
17. МУС. Канцелярия Прокурора. Аналитический документ по выбору и установлению приоритетов дел, Гаага, сентябрь 2013 г., с. 16.
18. МУС. Палата предварительного производства I, Прокурор с. Лорана Гбагбо, Ответ Общего юридического представителя потерпевших на «Просьбу о разрешении обжаловать «Решение отложить слушание по утверждению обвинений в соответствии со статьей 67–7-с-1 Статута» (ICC-02/11–01/11–432-tFRA) от 3 июня 2013 года», поданную защитой 25 июня 2013 года, No: ICC-02/11–01/11 от 1 июля 2013 года, S . 47.
19. Резолюция 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.
20. Резолюции 60/147 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 2005 года об Основных принципах и руководящих положениях, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международного права прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права.
21. Римский статут принятой Ассамблеей государств-участников 17 июля 1998 года, документ ООН. A/CONF.183/9, 17 июля 1998 года.
22. Статут Временных уголовно-процессуальных правил Восточного Тимора
23. Статут Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии 1993 г.
24. Статут Международного уголовного трибунала по Руанде 1994 г.
25. Статут Специального трибунала по Ираку
26. Статут Специального трибунала по Ливану, 2007 г.
27. Статут Специального суда по Сьерра-Леоне 2002 г.
28. Manon D., “Sélection et hiérarchisation des affaires devant la CPI: les dits et non-dits de la politique pénale du Procureur”, La Revue des droits de l’homme [Online], Actualités Droits-Libertés, Online since 13 June 2016, connection on 27 June 2021. URL: <http://journals.openedition.org/revdh/2105>
29. WEMMERS J-A. Annexe 1. Déclaration des principes fondamentaux de justice relatifs aux victimes de la criminalité et aux victimes d’abus de pouvoir: Adoptée par l’Assemblée générale dans sa résolution 40/34 du 29 novembre 1985 In: Introduction à la victimologie [en ligne]. Montréal: Presses de l’Université de Montréal, 2003 (21 марта 2022 г) .

© Манзанга Овид Кланья (ovidmanzanga@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТИКА КАК БАЗИС ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА

ETHICS AS THE BASIS OF FUNCTIONAL ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR

R. Melnikov

Summary. This article proposes to consider the rules of ethics, enshrined in the Code of Ethics for prosecutors, as the basis for the prosecutor's performance of the functions assigned to him. The author, analyzing the essential content of some ethical provisions and considering their direct effect in the work of the prosecutor, comes to the conclusion that ethics is the basis of his functional activity, since it contributes to the proper performance of official duties, focuses on correct law enforcement, and allows achieving the goals and objectives set for the prosecutor's office.

Keywords: Prosecutor's Office of the Russian Federation. ethics for prosecutors, Code of Ethics for prosecutors, prosecutor, ethical requirements, law.

Мельников Руслан Викторович

Прокурор отдела по надзору за соблюдением прав и свобод граждан управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры ХМАО-Югры; Аспирант, Университет прокуратуры Российской Федерации kash717ruslan@gmail.com

Аннотация. В данной статье предлагается рассмотреть нормы этического содержания, закрепленные в Кодексе этики прокурорского работника, утвержденного приказом Генерального прокурора от 17.03.2010

№ 114, в качестве основы выполнения прокурором возложенного на него функционала. Автор, анализируя сущностное содержание некоторых этических положений и рассматривая их непосредственное действие в работе прокурора, приходит к выводу, что этика является базисом его функциональной деятельности, поскольку способствует надлежащему исполнению должностных обязанностей, ориентирует на корректное правоприменение, позволяет достичь поставленных перед органами прокуратуры целей и задач.

Ключевые слова: Прокуратура Российской Федерации, этика прокурорской деятельности, Кодекс этики прокурорского работника, прокурор, этические требования, право.

Понятие «этика», введенное в оборот Аристотелем в работах о Никомаховой, Эвдемовой и Большой этике, образовано древнегреческим мыслителем на основе слова «этос», означающего привычки, обычаи и нравы [11]. Этика как учение о нравственности, морали и правилах поведения в социуме получило широкое развитие и в профессиональной деятельности, в особенности в тех сферах, где люди активно взаимодействуют друг с другом, выстраивают межличностные коммуникации.

Нравственные начала и ориентиры, к примеру, недвусмысленно сформулированы для медицинских работников в клятве Гиппократова, впервые задокументированной в III веке до н.э. [7], и в наши дни для российских медиков закреплены в ст. 71 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Этика играет ключевую роль и при применении права представителями юридической профессии, в особенности прокурорами, которыми нередко оказывается существенное влияние на судьбы людей при разрешении правовых споров, привлечении виновных лиц к различным видам юридической ответственности.

В данном контексте юридическая этика как совокупность правил человеческого взаимодействия, принципов и ценностей, категорий о добре и зле, свободе и ответственности, справедливости и гуманизме, о долге, чести и совести [9] невидимой рукой ориентирует юриста на толкование права и его применение в соответствии с заложенным в нормы смыслом о высшей ценности, незыблемости прав и свобод человека и гражданина и их государственной защите, равноправия, гуманизма, неотвратимости наказания за противоправное поведение и справедливости при его назначении.

В этой связи следует обратиться к юридической этике через призму применения сформулированных ей правил конкретными представителями юридической профессии в их профессиональной деятельности, поскольку именно в работе юриста, судьи, прокурора, адвоката, нотариуса, консультанта и иных лиц, нормы этики обретают истинный смысл, а не остаются лишь учением о ценностях и нравственном долге юриста [3].

Понятие «юридическая этика» является широким по своему содержанию и включает в себя этические

правила отдельных профессиональных сообществ, которыми общепринятые этические начала развиваются исходя из специфики профессии в ее проявлении.

Основные положения этики прокурора закреплены в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»

(далее — Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации») и конкретизированы в Кодексе этики прокурорского работника, утвержденном приказом Генерального прокурора от 17.03.2010 № 114 (далее — Кодекс этики).

Анализ содержания Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» позволяет прийти к выводу о малочисленности положений этического характера. В большей степени законом урегулированы вопросы исполнения функциональных обязанностей, процедуры проведения проверочных и иных мероприятий, правовой статус прокуроров различного звена. Этическая основа деятельности прокурора заложена в присяге, содержащейся в ст. 40.3 Федерального закона, и требует от прокурора активной роли при защите интересов личности, общества и государства, чуткого и внимательного отношения к гражданам и их обращениям, стремления к обеспечению верховенства закона, сохранению профессиональной чести, следованию ориентирам моральной чистоты и скромности.

Поскольку, действительно, как справедливо замечал Фойницкий И.Я.: «Правила доброго поведения и безукоризненной жизни имеют особенно важное значение для людей, публично обличающих порок и преступления» [10], этические требования, предъявляемые к прокурорам, в различных аспектах нашли свое отражение и развитие в Кодексе этики, и закреплены в качестве базиса выполнения органами прокуратуры задач по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Несмотря на то, что обозначенные Кодексом этики такие морально-этические ориентиры, как профессионализм, честность, неподкупность, независимость, беспристрастность, порядочность, добросовестность, уважительное отношение к гражданам и социальным группам находят свое выражение в ежедневной работе прокурорских работников при проведении ими проверок исполнения требований федерального законодательства, поддержании государственного обвинения и даче заключений по делам в судах, разрешении обращений конкретных граждан и выполнении иной

функциональной деятельности, предусмотренной Федеральным законом

«О прокуратуре Российской Федерации», остается открытым вопрос о сущностном содержании данных категории, широте их толкования при принятии решений о привлечении виновных лиц к ответственности, взаимодействии с органами государственной власти, местного самоуправления, гражданами, представителями бизнес-сообщества. Интересны наблюдения Шабанова П.Н., которым замечено, что в частных беседах ни один прокурорский работник не смог объяснить сколь-нибудь разумно и внятно, что такое общепринятые нормы морали и нравственности [12].

Пунктом 2.1.2 Кодекса этики предусмотрено, что при рассмотрении вопроса об ответственности лиц, допустивших нарушения закона, прокурорский работник руководствуется принципами справедливости и неотвратимости ответственности, учитывает характер и степень общественной опасности допущенного правонарушения и данные, характеризующие личность правонарушителя.

Таким образом, помимо юридической квалификации того или иного деяния, прокурору в большей степени следует уделить внимание категориям, которые справедливо назвать оценочными, обозначить для себя критерии справедливости, дать оценку тяжести правонарушения и последствиям, к которым оно привело. В то же время, такому понятию как справедливость свойствен плюрализм в его понимании, который обусловлен социально-экономической и политической конъюнктурой, особенностями мировоззрения и личностных качеств прокурора-правоприменителя.

Анализируя понятие справедливости согласимся с позицией Нерсисянца В.С., который под ней понимал общезначимую правильность и всеобщую правомерность, то есть существо и начало права [6].

Примером оценки соотносимости совершенного правонарушения и предусмотренного за него наказания с точки зрения справедливости является решение прокурором вопроса о вынесении постановления о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении работодателя, своевременно не выплатившего заработную плату.

Так, действуя в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2019 № 196 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан», прокурор обязан обеспечить восстановление нарушенных прав и привлечение виновных лиц к установленной ответствен-

ности. Поступая профессионально и беспристрастно, прокурор, путем внесения представления работодателю, обеспечит выплату заработной платы и восстановление справедливости. Однако, будет ли справедливым инициировать в отношении работодателя в лице организации и ответственных работников либо директора возбуждение дел об административных правонарушениях, когда задержка выплаты заработной платы составила 1 или 2 дня, либо, когда невыплата связана с тяжелой экономической ситуацией на предприятии, которому государственный или муниципальный заказчик не оплатил оказанные услуги по заключенному контракту.

Учитывая, что наличие таких обстоятельств не может быть заложено в основу решения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении при наличии признаков состава, груз ответственности за инициирование применения санкции ложится на конкретного прокурора, который не может абстрагироваться от понятий справедливости и целесообразности, и должен четко осознавать, насколько принимаемые им решения способствуют не только формальному следованию букве закона, но и позволят достичь истинных целей юридической ответственности.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что казалось бы справедливое решение не возбуждать в отношении предпринимателя дело об административном правонарушении в предложенной ситуации может и не являться таковым, а быть причиной коррупционно-опасного поведения, когда усмотрение прокурора направлено не на достижение справедливости, а обусловлено той или иной заинтересованностью. В данном случае, вновь видится важность этической составляющей следования принципам неподкупности, беспристрастности и честности, основываясь на которых, поведение, способное подорвать авторитет органов прокуратуры, будет исключено.

Важность внутреннего убеждения, понимания основных нравственных и этических начал не раз отмечалась Кони А.Ф., который рассуждал об этике, которая позволит прийти к истине по делу и добиться справедливого и честного суда [2].

Заложенные в ходе Судебной реформы 1864 года основы прокурорской этики находят свое отражение и в наши дни при поддержании государственного обвинения в суде. Так, назначение справедливого наказания виновному лицу, которое запрашивает прокурор, оценивая тяжесть, последствия, обстоятельства преступления и личность подсудимого, в силу ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ является обя-

зательным требованием, предъявляемым к приговору суда.

Справедливым же с точки зрения данной нормы является приговор, постановленный в соответствии с процессуальным и материальным законом. В тоже время, согласно ст. 389.18 Уголовно-процессуального кодекса РФ справедливый приговор не должен быть слишком мягким или напротив слишком суровым, наказание, назначенное виновному лицу, должно находиться в пределах санкции соответствующей статьи Уголовного кодекса РФ.

Думается, что подобное толкование справедливости, отмеченное уголовно-процессуальным законом, не является полным и не должно ограничиваться лишь оценкой примененного судом наказания. Справедливость приговора и всей процедуры уголовного судопроизводства для прокурора — государственного обвинителя, думается, должна заключаться не только в допустимости санкции, но и в соблюдении прав всех участников судопроизводства, надлежащей оценке представленных доказательств [4] и истинности установленных фактов. Как верно замечает Лупинская П.А.: «Справедливость выносимых решений определяется тем, насколько справедлива сама процедура, путь к решению» [5].

Только в таком случае, будучи справедливым и беспристрастным, прокурор, представляющий интересы государства, сможет достигнуть верховенства закона, восстановления нарушенных прав и достижения целей юридической ответственности.

Таким образом, следует, что характер исполняемого прокурором функционала самим своим содержанием ставит этическую составляющую профессиональной деятельности на главенствующие позиции. В этой связи Кодекс этики является не только сводом правил и рекомендаций о том, каких норм поведения следует придерживаться в служебной и внеслужебной деятельности, а представляется актом, основываясь на котором, прокурор при исполнении своего функционала, будучи лицом, к которому предъявляются повышенные требования [1], обеспечит верховенство закона и справедливое применение права. Этика прокурорской деятельности, сформулированная в Кодексе, формализовавшим нравственные идеалы [13], при ее корректном понимании и неукоснительном следовании выступает основой исполнения возложенных на прокуроров полномочий, способствует достижению целей и задач, поставленных перед органами прокуратуры, в том числе по восстановлению прав граждан, требующих в первую очередь к ним чуткого и справедливого отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капинус О.С., Рябцев В.П. Правовое регулирование государственной службы в прокуратуре Российской Федерации: тенденции и перспективы развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 5 (19). С. 12.
2. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. М., Госюриздат, 1956, 206 с.
3. Кутько В.В. Профессиональная этика юриста: учебное пособие, Белгород, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права»: Издательство Белгородского университета кооперации, экономики и права, 2018, 172 с.
4. Ларинков А.А. Оценка доказательств на стадии судебного разбирательства // Бюллетень практики участия прокуроров в рассмотрении дел судами. Вып. 1 / под ред. С.П. Зайцева, Н.П. Дудина. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2009, с. 160–166.
5. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юрист, 2006, 174 с.
6. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006, 848 с.
7. Петровский Б.В. Большая медицинская энциклопедия. изд. 3-е. (в 30 т.). М., «Сов. энциклопедия», 1977. Т. 6, 632 с.
8. Рудакова С.В. Нравственно-этические проблемы обжалования прокурором судебных решений // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11 (165). С. 132–136.
9. Рябина Т.К. Нравственные начала уголовного процесса: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция». Курск: Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Курский гос. технический ун-т». 2 изд., 2007, 439 с.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. с. 527.
11. Халиулина В.П. Профессиональная этика юриста: учеб. пособие. М.: РУДН, 2004, 161 с.
12. Шабанов П.Н. Профессиональная этика и антикоррупционные стандарты деятельности прокурора // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4. С. 219–224.
13. Шадрина, Е.Г. Роль Кодекса этики прокурорского работника РФ в исполнении прокурором своих обязанностей // Законность. 2013. № 6 (944). С. 53–57.
14. Шобухин В.Ю. Моральный облик прокурорского работника и его формирование в учебном процессе // Подготовка кадров для органов прокуратуры в условиях образования Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации: материалы науч.— практ. конф. (Екатеринбург, 22 марта 2008 г.) / отв. ред. Л.А. Лазутин, В.Ю. Шобухин. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2008. С. 34–38.
15. Шобухин В.Ю. Этика и антикоррупционные стандарты в деятельности прокурора: некоторые вопросы правового регулирования // Бизнес, менеджмент и право. 2017. № 1–2. С. 82–87.
16. Яковлев Н.М. Морально-нравственные качества прокурора государственного обвинителя (НАЧАЛО часть 1) // 2019. № 45. С. 3–8.
17. Якушева С.Е., Желокhov Н.В. О нравственных началах прокурорской деятельности // Вестник СГЮА. 2020. № 1. С. 206

© Мельников Руслан Викторович (kash717ruslan@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

PROBLEMATIC ASPECTS OF DETERMINING THE OBJECTIVE SIDE OF MEDIATION IN BRIBERY

D. Mikhailin

Summary. The qualification of the objective side of mediation in bribery remains relevant. This independent form of corruption has undergone a certain evolution. The article clarifies the features of the objective side of the crimes of this group. The author analyzed the problematic aspects of the qualification of the objective side of mediation in bribery and other related structures. Based on the materials of judicial practice, it is concluded that there are gaps in the state regulation of the fight against crimes of this group and differentiation of the degree of responsibility for their commission.

Keywords: bribery, objective side, mediation, crime.

Михайлин Даниил Александрович

*Аспирант, Самарский государственный
экономический университет
mihailin-daniil@yandex.ru*

Аннотация. Квалификация объективной стороны посредничества во взяточничестве сохраняет свою актуальность. Эта самостоятельная форма коррупции претерпела определенную эволюцию. В статье уточнены особенности объективной стороны преступлений данной группы. Автор проанализировал проблемные аспекты квалификации объективной стороны посредничества во взяточничестве и других смежных составов. На основе материалов судебной практики делается вывод о существовании пробелов в государственном регулировании борьбы с преступлениями данной группы и дифференциации степени ответственности за их совершение.

Ключевые слова: взяточничество, объективная сторона, посредничество, преступление.

Актуальность

В фокусе внимания науки уголовного права и судебно-следственной практики находятся вопросы квалификации преступлений коррупционной направленности. Нарушение нормального функционирования аппарата государственных институтов, подрыв и дискредитация их авторитета, тяжелые последствия для экономики, увеличение социального неравенства и разложение морали в социуме по причинам коррупции определяют круг социально-экономических и социально-правовых последствий, разрушающих основы правопорядка.

Пик преступлений данной группы пришелся на 2015 г., когда было передано в суд 5564 уголовных дела. Справочно установлено, что только за 2022 г. в суд было передано 2582 дела по статье 291 УК РФ [4], что на 53,59% меньше, чем в 2015 г. Влияние личных экономических возможностей и широкий круг неформальных связей зачастую сильно влияет на объем прав и свобод граждан РФ. При такой ситуации конституционные нормы носят декларативный характер, определяют недоверие граждан.

Одной из форм подобных преступлений является посредничество во взяточничестве, которое стало

рассматриваться как самостоятельная форма коррупции. Анализ адвокатской практики позволяет говорить об эволюции преступлений данной группы, и появлении инновационных его форм [8].

Актуальность заявленной в статье проблемы заключается в том, что: во-первых, без противодействия усилия государственных институтов по обеспечению верховенства закона будут малоэффективными, во-вторых, преступления данной группы отличает высокий уровень латентности в силу того, что принимающие участие в посредничестве во взяточничестве стороны не готовы делиться информацией о взяточничестве ни с кем; в-третьих данный вид преступности принял черты коррупционного предпринимательства, с четкой организованной структурой.

В рамках данной публикации целью статьи является анализ проблемных аспектов определения объективной стороны посредничества во взяточничестве.

Методика

Оценка достоверности и обоснованности результатов исследования строится на основе теоретического анализа научной литературы, положений уголовного законодательства и материалов судебной практики.

Результаты и обсуждение

Правовая сущность посредничества во взяточничестве имеет непосредственную связь с институтом соучастия (статья 291.1 УК РФ). Посредничество является категорией сложного соучастия, реализация которого требует распределения ролей и обязанностей, связанных с организацией, подстрекательством и пособничеством, то есть учитывают необходимость формирования некоторой структуры. Посредник — исполнитель посредничества. Действиям, связанным с пособничеством, в разъяснениях Верховного Суда РФ отводится самостоятельное значение, где определяется их вспомогательная, второстепенная роль по устранению препятствий для совершения преступных деяний [3]. Однако, санкции за такие действия более жесткие и предусматривают до 5 лет лишения свободы [6]. *Тем самым законодатель признает преступления данного типа как более опасные, чем дача и получение взятки.*

Общественные отношения, гарантирующие реализацию государственной власти, выступают родовым объектом посредничества во взяточничестве; общественные отношения, гарантирующие нормальное и легальное функционирование государственной власти, и органов муниципальной службы — видовой объект. Часть 1 статьи 291.1 УК РФ определяет объективную сторону посредничества во взяточничестве. Суть такого посредничества выражается в следующем: предоставление сведений заинтересованным лицам; организация сговора по тайной передаче взятки; передача взятки в крупном размере.

Посредничество во взяточничестве близко по значению к термину «пособничество». Статья 33 Уголовного кодекса РФ определяет, что предоставление необходимых сведений, советов, указаний, средств и орудий совершения преступлений, следы преступления и добытые нелегальным способом предметы, а также их сбыт либо приобретение в совокупности определяют пособничество [5]. Соответственно, посредник — это пособник в получении либо даче взятки, устраняющий любые препятствия для ее получения либо передачи

В.А. Шадрин и Ф.Ф. Хабибулин акцентируют внимание на том обстоятельстве, что посредничество во взяточничестве становится социальной нормой в правоохранительных органах РФ. Их действия нередко связаны с феноменом мнимого посредничества во взяточничестве, объективной стороной которого выступают обман и злоупотребление доверием. Для этого существует целый ряд смежных составов преступлений (статьи УК РФ: 30; 33; 290; 291; 291.2; 159; 165), которые непросто разграничивать с посредничеством во взя-

точничестве. К примеру, данные нормы применяются с учетом нюансов в ситуациях, когда принимающее в участие в посреднических действиях лицо принимает материальные ценности для дальнейшей их передачи взяткополучателю, но принимает решение отказаться от намерения их передавать и присваивает себе. Сюда можно и отнести сообщение заведомо ложных сведений, фальсификацию и подделку документов, имитацию взаимодействия или иллюзии передачи взятки, бездействие, покушение на мошенничество. В таких ситуациях следует говорить о мнимом посредничестве во взяточничестве [9]. Если лицо принимает ценности, для дальнейшей их передачи руководителю коммерческой компании или должностному лицу (в качестве предмета коммерческого подкупа или дачи взятки), однако изначально не имел намерений их передать, и присвоил эти ценности себе, то такие действия следует квалифицировать как обычное мошенничество [1]. *Следует признать, в будущем целесообразно ввести норму ответственности за присвоение взятки для регламентирования состава действий посредника.*

На значимую для теории и практики проблему обращает внимание Ю.А. Клименко. Автор обращает внимание на такую проблему квалификации, как схожесть норм между такими составами, как «посредничество в коммерческом подкупе» (204.1 УК РФ), «посредничество в мелком коммерческом подкупе» (204.2 УК РФ) и «посредничество во взяточничестве» (291.1 УК РФ). Необходимо полагать, чтобы правильно квалифицировать эти смежные составы, следует учитывать величину предмета взяточничества и коммерческого подкупа, эквивалентную в рублях (более 10.000; 25.000 или более 25.000 рублей). Если предмет преступления превышает сумму свыше 25.000 рублей, то наступает уголовная ответственность (на основании примечания 1 к статьям 204 и 290 УК РФ). Критерии объективной стороны данных преступлений совпадают. Таким образом, следует подчеркнуть, что актуальной становится проблема в ситуациях, когда происходит посредничество во взятке, сумма которой меньше, чем значительный размер суммы взятки. Анализ мнений исследователей и судебной практики показывает, что посредничество во взятке с незначительным ее размером (менее 25.000 рублей) квалифицируется обычно как криминальное, требующее уголовного наказания [2]. Иллюстрирующим примером являются материалы Постановления Тульского областного суда, рассмотревшего в 2015 г. дело о посредничестве во взятке. За услугу посредничества за совершение заведомо незаконных действий гражданин получил электронный перевод на сумму 20.000 рублей. На основе сложения наказаний по приговору районного суда Тульской области гражданин был приговорен к 3,5 годам лишения свободы в колонии общего режи-

ма и штрафа в размере 1,5 млн. руб. Адвокат выразил несогласие в вынесенном приговором, ссылаясь на нарушение норм уголовного законодательства. С учетом анализа обвинения и фактических обстоятельств дела и размера взятки, ссылаясь на статью 291.1 УК РФ, суд не смог найти в действиях гражданина обязательный элемент состава преступления (взятка значительного размера), и принял решение о прекращении уголовного дела. Гражданин был реабилитирован [6]. *Таким образом, существуют пробелы в государственном регулировании борьбы с коррупцией. В зарубежной правовой концепции все наоборот: посредничество в даче и получении взятки независимо от размера суммы уголовно наказуемо.*

Выводы

Подведение итогов статьи позволяет заключить, что объективную сторону посредничества во взяточничестве предполагает физическое и интеллектуальное посредничество: первое носит характер специальной нормы, а последнее определяет дифференциацию способов его совершения. Учитывая большую опасность

последнего, для обеих групп посредничества санкции следует дифференцировать.

Преступления данного типа законодатель квалифицирует как более опасные, чем дача и получение взятки. Криминализирующий признак посредничества во взяточничестве позволяет дифференцировать преступления данной группы от других составов (мнимое посредничество во взяточничестве, в коммерческом подкупе, в мелком коммерческом подкупе).

Существующая формулировка диспозиции, определяющей объективную сторону посредничества во взяточничестве, детерминирует недостаточно обоснованное расширенную интерпретацию посредничества, сущность которого объективно выражается во взаимодействии с взяткодателем и взяткополучателем, что выступает объединяющим началом для совершения криминальных деяний этих групп. Анализ сложности доказывания состава посредничества во взяточничестве показывает, что диспозиции статей 290 и 291 УК РФ в недостаточной степени эффективны в правоприменительной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дронова Ю.А., Харитошкин В.Я. Некоторые вопросы квалификации мнимого посредничества во взяточничестве / Ю.А. Дронова, В.Я. Харитошкин // Вестник Тверского государственного университета. — 2014. — № 3. — С.113–120.
2. Егиян А.М. Проблемы квалификации объективной стороны посредничества во взяточничестве / А.М. Егиян // Балтийский гуманитарный журнал. — 2016. — № 1. — С.176–179.
3. Клименко Ю.А. Квалификация посредничества в коммерческом подкупе и взяточничестве / Ю.А. Клименко // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2016. — № 4. — С.96–105.
4. Количество преступлений по ст. 291 УК РФ (дача взятки), уголовные дела о которых направлены в суд / Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура РФ. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 24.01.2023).
5. Куликов А.В., Перцев Д.В. Проблемные вопросы квалификации посредничества во взяточничестве // Известия Тульского государственного университета. — 2022. — № 1. — С.45–52.
6. Постановление № 44У-132/2015 4У-1572/2015 от 24 ноября 2015 г. по делу № 44У-132/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/hRSFtusYP45I/> (дата обращения: 24.01.2023).
7. Саблина М.А. Разграничение ролей исполнителя и пособника: закон и правоприменение / М.А. Саблина // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 1. — С.91–104.
8. Сложные вопросы квалификации посредничества во взяточничестве / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fparf.ru/news/fpa/slozhnye-voprosy-kvalifikatsii-posrednichestva-vo-vzyatochnichestve/> (дата обращения: 24.01.2023).
9. Шадрин В.А., Хабибуллин Ф.Ф. Проблемы квалификации объективной стороны мнимого посредничества во взяточничестве / В.А. Шадрин, Ф.Ф. Хабибуллин // Наука. Общество. Государство. — 2018. — № 4. — С.102–108.

© Михайлин Даниил Александрович (mihailin-daniil@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЛАБАЯ СТОРОНА В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВООТНОШЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

WEAKNESS IN THE LEGAL RELATIONSHIP OF OBLIGATIONS: PROBLEMS OF IDENTIFICATION

V. Nuzhdaeva

Summary. The author concluded that only a party that has unequal negotiating opportunities due to its inability to influence the formation of the content of the contract or its individual conditions should be recognized as weak. To recognize a business entity as a party with unequal negotiating opportunities, it is required to establish an increased standard of proving the disparity of negotiating opportunities.

Keywords: weak side, unequal negotiating opportunities, freedom of contract, restriction of freedom of contract.

Нуждаева Валерия Васильевна

Аспирант, РАНХиГС при Президенте РФ;
практикующий юрист
nuzhdaeva.valerya@yandex.ru

Аннотация. Автором сделан вывод о том, что слабой следует признавать исключительно сторону, обладающую неравными переговорными возможностями в силу ее неспособности оказывать влияние на формирование содержания договора или его отдельных условий. Для признания субъекта предпринимательской деятельности стороной, обладающей неравными переговорными возможностями требуется установить повышенный стандарт доказывания диспаритета переговорных возможностей.

Ключевые слова: слабая сторона, неравные переговорные возможности, свобода договора, ограничение свободы договора.

Укрепление принципа свободы договора происходило параллельно с развитием мысли о том, что стороны свободы договора вольны самостоятельно формировать параметры обменных операций, а также определять предмет и иные условия договора. Ценность свободы договора придавало средневековое отсутствие у людей личной свободы и частной собственности на средства производства. Разрушение этих и иных барьеров свободного экономического обмена повлекло абсолютизацию автономии воли сторон в воле определении условий договора.

На сегодняшний день в российском праве сформировано три основных цели ограничения свободы договора: защита слабой стороны договора, защита публичных интересов, а также защита кредиторов должника.

В российском гражданском праве принцип свободы договора толкуется достаточно своеобразно. ВАС РФ, к примеру, указывал, что «Принцип свободы договора предполагает также добросовестность поведения его сторон, разумность и справедливость договорных условий. Признание за сторонами договора свободы в своих собственных интересах определять содержание условий не наделяет их неограниченным правом осуществлять права без учета прав контрагентов» [1]. Доктриной данный подход был не поддержан, поскольку

он отождествлял принцип свободы договора, который в прочтении ст. 421 ГК РФ касается свободы выбора контрагента и содержания договора, и принцип недопустимости злоупотребления правом [2].

По мнению А.М. Ширвиндта то, как суд толкует ст. 421 ГК РФ предполагает несколько вариантов соотношения принципа свободы договора и принципа справедливости.

Согласно первому варианту, свобода договора обуславливает возможность его сторон действовать в рамках доброй совести и справедливости. Негативный аспект такого толкования заключается в лишении свободы договора статуса самостоятельного принципа и перенос ее на второй план в сравнении с принципом справедливости.

Второй вариант толкования выглядит следующим образом. Свобода договора, справедливость, добросовестность представляют собой самостоятельные, равнозначные принципы гражданского права. Но их противопоставление предполагает необходимость выбора одного из принципов, руководствуясь правилом определения допустимых оснований ограничения принципа свободы договора в целях соблюдения принципа справедливости [3].

Думается, что второй подход является единственно возможным, поскольку указанное толкование предполагает наличие условий для реализации принципа диспозитивности.

В науке также выделяются разные виды государственного патернализма, которым в разной степени ограничивается принцип свободы договора [4].

Мягкий патернализм базируется на волевой концепции ограничения свободы договора. В соответствии с ним, ограничение свободы договора считается допустимым исключительно в случаях наличия дефекта волеизъявления стороны на стадии заключения договора. Под дефектом волеизъявления понимается любое наличие угрозы, обмана, насилия или какое-либо принуждение к заключению договора. В этом случае процедура заключения договора считается нарушенной в силу чего, содержание договора может быть подвергнуто контролю со стороны суда.

Жесткий патернализм предполагает контроль за условиями договора в отсутствие нарушения процедуры. Правовым основанием нарушения договорной автономии является необходимость защиты слабой стороны договора.

Впервые о необходимости защиты слабой стороны в России заговорил КС РФ, который указал, что «граждане-вкладчики как сторона в договоре лишены возможности влиять на его содержание, что является ограничением свободы договора и как таковое требует соблюдения принципа соразмерности, в силу которой гражданин, как экономически слабая сторона в этих правоотношениях, нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны, т.е. для банков» [5].

Далее о защите слабой стороны высказался ВАС РФ в постановлении Пленума от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», определив положение слабой стороны как положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора, являющихся обременительными и нарушающими интересы стороны. Почти через год после опубликования Постановления Пленума ВАС № 16 вступила в силу обновленная редакция ст. 428 ГК РФ, которая привнесла сразу два важных изменения в правовое регулирование договора присоединения. Во-первых, в рассматриваемой статье существенно изменен п. 3, что формально поставило точку в дебатированном вопросе относительно возможности применения статьи к договорам, заключаемым субъектами предпринимательской деятельности (в док-

трине еще ведутся споры относительно реальной возможности признания слабой стороной предпринимателя), во-вторых, сфера применения статьи была расширена и фактически выведена за пределы договора присоединения, поскольку распространялась на договоры, условия которого разработаны одной стороной и приняты в предложенной редакции в силу существенного неравенства переговорных возможностей сторон.

Вместе с этим законодатель не предлагает четкой дефиниции слабой стороны. Следует согласиться с Н.Г. Гусельниковой, утверждающей, что в соответствии с логикой законодателя и наиболее авторитетных исследователей, слабой стороной договора является заранее предопределенный субъект — присоединившаяся сторона, несовершеннолетний или недееспособный гражданин, контрагент кредитной организации [6]. Другими словами, сформирована тенденция, где слабую сторону «наделяют» меньшими переговорными возможностями еще до начала переговорного процесса, и как следствие, заключения договора. Таким образом, вполне обоснованно формируется презумпция слабости определенной категории контрагентов (или, напротив, переговорной силы другой категории, например, кредитных организаций).

Как представляется, подобная презумпция может действовать только в отношениях между очевидно неравными контрагентами (как, например, кредитор и банк) и становится совершенно бесполезной в ситуации, когда необходимо выявить слабую сторону из равных на первый взгляд сторон обязательства и защитить ее.

На сегодняшний день доктрина изобилует точками зрения относительно основных отличительных черт слабой стороны договора.

По мнению А.А. Томтосова, необходимо выделять три признака слабой стороны договора: повышенная заинтересованность в заключении договора; непрофессионализм по сравнению со своим контрагентом в сфере, в которой заключается договор; неравные переговорные возможности по сравнению с контрагентом-профессионалом [7]. А.Г. Карапетов и А.И. Савельев предлагают при анализе переговорных возможностей учитывать следующие факторы: подавляющая или ситуативная рыночная власть, асимметрия информации и профессионализма, наличие доверительных отношений и личная зависимость [8].

В кандидатской диссертации Д.В. Славецкого разработан достаточно широкий перечень признаков слабой стороны договора:

- ◆ повышенная заинтересованность в заключении договора относительно его контрагента;
- ◆ отсутствие достаточной информации относительно предмета деятельности контрагента по договору, предлагаемых товаров и услуг;
- ◆ отсутствие достаточной информации относительно установленных прав, обязанностей и ответственности субъектов договорных отношений;
- ◆ необдуманность решения о заключении договора, принятого в условиях, очевидно способствующих принятию необдуманного решения и позволяющих утверждать об отсутствии соответствия воли субъекта, принявшего решения, его волеизъявлению [9].

Достаточно обоснованной выглядит позиция Е.В. Вавилина, в рамках которой слабая сторона договора представляет собой «условное обозначение участника договорных обязательств, обладающего значительно меньшим запасом тех или иных организационных, материальных, профессиональных, информационных и других конкурентных, имеющих значение для формирования, осуществления и защиты субъективного права ресурсов в сравнении со своим контрагентом» [10].

На экономическое неравенство субъектов указывает много авторов [11,12] и такие отношения широко распространены, особенно если приходится говорить о монополистах рынка. Однако представляется, что использование критерия экономического превосходства сильной стороны нерационально по нескольким причинам. Во-первых, такого критерия может оказаться недостаточно для того, чтобы суд сделал вывод о слабости стороны, которая экономическим превосходством не обладает, а во-вторых, использование критерия крайне затруднительно в условиях, когда стороны обладают более-менее равным положением на рынке и балансовая стоимость их активов вполне сопоставима (если речь идет о двух юридических лицах). Однако в отношениях двух (или более) коммерческих организаций может оказаться так, что одно из лиц будет обладать большими переговорными возможностями в сравнении со своими контрагентами в условиях экономического равенства.

Такие признаки как информационное или организационное неравенство, которые также предлагается учитывать при определении слабой стороны, не должны приниматься во внимания ввиду их незначительности в сравнении с признаком профессионального неравенства и, в некоторых случаях, экономического неравенства. Представляется, что два последних признака полностью поглощают остальные, что делает доказывание остальных ненужным. В свою очередь признак, характеризующий диспаритет переговорных

возможностей поглощает такие признаки как профессиональное и экономическое неравенство.

При этом нельзя говорить об объективности установления слабой стороны с помощью тех или иных признаков. Другими словами, в некоторых случаях статус слабой стороны имеет определенную долю условности. Е.В. Вавилин не без оснований замечает, что не в любом договоре можно обнаружить переговорную слабость одной из сторон [13]. Действительно, на первый взгляд невозможно определить слабую сторону в договоре энергоснабжения, заключенном между энергоснабжающей организацией и государством.

М. Ефремова под фактическим неравенством понимает ситуацию, при которой «одна сторона отношений (сильная сторона) использует формально-юридически имеющиеся у нее права во вред другой стороне (слабой стороне); при этом первая получает необоснованные преимущества, а вторая не получает того, на что вправе была рассчитывать» [14].

А.А. Волос оценивая отдельные признаки слабой стороны утверждает, что перечень признаков слабой стороны должен быть закрытым, а сами признаки носить объективный характер [15].

Представляется, что главным квалифицирующим признаком слабой стороны следует признать именно неравенство переговорных возможностей по согласованию договора на иных условиях. Все иные признаки, обычно выделяемые учеными наряду с неравенством переговорных возможностей или помимо него, конкретизируют данный признак или поглощаются им. Такая позиция более чем согласуется с позицией, предложенной в Постановлении Пленума № 16. При этом «положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора» не может существовать в отрыве от неравенства переговорных возможностей, которое может быть обеспечено самыми разными обстоятельствами.

Сказанное позволяет говорить о слабой стороне договора как в первую очередь о стороне, обладающей неравными переговорными возможностями по сравнению с ее контрагентом.

Важно указать, что высказанный в настоящем исследовании подход укладывается в канву популярной на Западе теорией неравенства переговорных возможностей, подробный анализ которой представлен в научных исследованиях А.Ф. Пьянковой [16], которая со ссылкой на западного исследователя указывает, что «теории неравенства переговорных возможностей между договаривающимися сторонами может возникать»

коть по разным причинам, среди которых различные формы морального давления, социальные условия, ситуация на рынке и более широко — несправедливое извлечение выгоды» [17].

Отдельно следует проанализировать доктринальные позиции, касающиеся признания субъекта предпринимательской деятельности стороной обладающей неравными переговорными возможностями.

Представляется интересным, что в отношении предпринимателей исследователи также стремятся выделить категории лиц, которые возможно заранее предопределить в качестве сторон, обладающих неравными переговорными возможностями. В частности, А.А. Волос выделяет конкретный исчерпывающий перечень ситуаций, в которых то или иное юридическое лицо возможно признать слабой стороной: предприниматель-контрагент монополиста, предприниматель-контрагент публично-правового образования, а также предпринимателей-заемщиков в отношениях с кредитными организациями [18]. С последней категорией солидарен С.К. Соломин, указывая, что в рамках заемных отношений с банком субъектом предпринимательской деятельности выступает только банк, реализуя свою исключительную правоспособность; заемщик же, в любом случае выступает слабой стороной, поскольку не может влиять на условия кредитного договора.

Обе позиции не лишены смысла, однако представляются нам слишком ограниченными. Достаточно представить себе ситуацию, когда в договорные отношения вступают два монополиста. Как в таком случае следует возможно определить сторону, обладающую неравными переговорными возможностями и будет ли она присутствовать в таком соглашении? Или другой пример. Монополист заключает кредитный договор с банком. Можем ли мы в данном случае заранее признать монополиста слабой стороной? И будет ли иметь определяющее значение статус монополиста в рамках таких отношений?

Кроме того, если продолжать логику авторов, то можем ли признать любого субъекта, осуществляющего определенный вид деятельности на предпринимательской основе сильной стороной по отношению ко всем его контрагентам? По нашему мнению, подобное заблаговременное предопределение сильной (или слабой) стороны в рамках определенного вида договора или определенного контрагента может привести к нарушению договорной свободы.

Вполне обоснован взгляд на проблему А.А. Томцова: «... Сам по себе факт признанного государством осуществления гражданином предпринимательской

деятельности не усиливает переговорные возможности на рынке, на котором он не является профессионалом. В качестве примера можно привести позицию Арбитражного суда Московского округа, указавшего на сильную ограниченность переговорных возможностей индивидуального предпринимателя при заключении договора лизинга, так как он не обладает сопоставимыми финансовыми (один только уставный капитал лизингодателя превышает 75 млн. руб.) и организационными возможностями, не способен существенно повлиять на состояние бизнеса лизингодателя» [19].

Вместе с тем наиболее обоснованную позицию по данному вопросу высказала О.И. Мягкова, указав, что субъект предпринимательской деятельности может быть признан стороной, обладающей неравными переговорными возможностями только при одновременном соблюдении двух условий, а именно при невозможности определять содержание договора и невозможности заключения аналогичного договора с другим контрагентом на приемлемых условиях [20]. Вместе с тем подобный подход возлагает дополнительный предмет доказывания на заинтересованное лицо, а именно, сторону с неравными переговорными возможностями.

Важно также упомянуть о возможности признания стороной, обладающей неравными переговорными возможностями государства. Впервые об этом высказался В.А. Бабаков, указывая, что интересы лиц, уполномоченных вступать в гражданско-правовые правоотношения от имени государства не всегда совпадают с интересами самого государства [21]. Данная позиция представляется нам достаточно спорной, поскольку если мы разделяем интересы конкретных людей, которые составляют органы управления публично-правовых образований, то имеет смысл разделять интересы органов управления других юридических лиц. При этом законом установлено, что лица, уполномоченные выступать от имени юридического лица, равно и его органы управления обязаны действовать в интересах добросовестно и разумно (ст. 53 ГК РФ).

Таким образом, на сегодняшний день законодательство и судебная практика однозначно позволяют признать субъекта предпринимательской деятельности стороной, обладающей неравными переговорными возможностями. Совсем иным вопросом является определение такой стороны в рамках конкретного договора. При этом нет сомнений в том, что предопределение сильной стороны в договорах определенного вида может сильно расширить пределы правового патернализма и ограничить свободу договора в силу чего рассматриваемый механизм нуждается в более тонкой настройке и индивидуальному подходу в определении стороны, обладающей неравными переговорными возможностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 июля 2011 г. № 17389/10 // СПС «Гарант».
2. Курбатов А.Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. М.: «Юстицинформ», 2013. С. 131.
3. Ширвиндт А.М. Режим соглашений об ответственности за нарушение обязательства в негосударственных сводах гражданского права. Часть первая // Вестник гражданского права. 2014. № 3. С. 70.
4. Мягкова О.И. Несправедливые договорные условия в российском гражданском праве // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 30.
5. Постановление КС РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части 2 статьи 29 Федерального закона от 03.02.1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // СПС «Консультант плюс».
6. Гусельникова Н.Г. Слабый субъект в договорном правоотношении: проблемы идентификации // Юридические исследования. — 2019. — № 5. — С. 36–45. DOI: 10.25136/2409–7136.2019.5.29568 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29568.
7. Томтосов А.А. Новые подходы к защите слабой стороны договора // Свобода договора: Сб. статей / Рук. авт. колл. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2016. С. 369.
8. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: В 2 т. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012. С. 387–393.
9. Славецкий Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 7.
10. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 412.
11. Вавилин Е.В. Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей // Саратов. Саратов. гос. академ. права. 2008;
12. Волос А.А. Принципы обязательственного права. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2015. С. 79.
13. Вавилин Е.В. Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей // Саратов. Саратов. гос. академ. права. 2008. С. 95.
14. Ефремова М. Защита слабой стороны в договорах страхования. Сравнительно-правовой аспект // Хозяйство и право. 2008. № 1. С. 21.
15. Волос А.А. Принципы обязательственного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 16.
16. Пьянкова А.Ф. Доктрина неравенства переговорных возможностей глазами западных теоретиков: Pro et Contra // Норма. Закон. Законодательство. Право: Материалы XIII Всероссийской науч. — практич. конференции молодых ученых. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011. С. 167–169.
17. Cicoria C. The Protection of the Weak Contractual Party in Italy vs. United States Doctrine of Unconscionability. A Comparative Analysis // Global Jurist Advances. 2003. Vol. 3: Iss. 3, Article 2. P. 4.
18. Волос А.А. К вопросу о признании субъекта предпринимательской деятельности слабой стороной в договоре // Юрист. 2014. № 13. С. 26–29.
19. Томтосов А.А. С. 371–372.
20. Мягкова О.И. Несправедливые условия договора в российском гражданском праве / Дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2019. С. 11–12.
21. Бабаков В.А. Защита государства как слабой стороны в гражданских правоотношениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2. С. 150.

DOI 10.37882/2223–2974.2023.03.28

ПРАВИЛЬНАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ КАК ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ И МЕРА ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ ПРИ НЕСЕНИИ СЛУЖБЫ

CORRECT VISUAL ASSESSMENT OF THE OFFENDER AS A TACTICAL DEVICE AND A MEASURE OF PERSONAL SAFETY FOR A POLICE OFFICER ON DUTY

I. Pavlov

Summary. The article highlights the issue of the correct visual assessment of the danger of the offender by police officers while on duty. The author offers examples of visual assessment of the degree of the offender's armament, as well as his clothes as a factor influencing the success of the actions of police officers in suppressing his illegal actions and neutralization.

Keywords: police officer, offender, duty, visual assessment, degree of armament, signs of concealed carrying of weapons.

Павлов Игорь Михайлович

*Старший преподаватель, Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
igorek-pavlov-1966@mail.ru*

Аннотация. В статье освещен вопрос о правильной визуальной оценки опасности правонарушителя сотрудниками полиции при несении службы. Автор предлагает примеры визуальной оценки степени вооруженности правонарушителя, а также его одежды как фактора, влияющего на успешность действий сотрудников полиции при пресечении его противоправных действий и обезвреживании.

Ключевые слова и фразы: сотрудник полиции, правонарушитель, несение службы, визуальная оценка, степень вооруженности, признаки скрытого ношение оружия.

Выполнение сотрудниками полиции своих обязанностей, связанных с охраной общественного порядка, обеспечением общественной безопасности и противодействием преступности, предполагает их непосредственное участие в противостоянии с правонарушителями, преимущественно в экстремальных условиях, когда результат такого противостояния зависит от уровня физической и психологической подготовки сотрудника.

При задержании правонарушители часто оказывают активное сопротивление сотрудникам полиции, в том числе с применением разного вида оружия. Поэтому, в совершенстве владеть тактическими приемами обезвреживания правонарушителей не только профессиональная обязанность каждого сотрудника, но и гарантия его личной безопасности.

Экстремальные ситуации создают большие сложности в решении профессиональных задач, особенно работников ОВД, сказываются на успешности действий по охране правопорядка, требуют от сотрудников ОВД психологической устойчивости и специальной подготовленности, основанной на сформированных умениях действовать при таких условиях [1, с. 324].

К сожалению, ошибочные действия сотрудников полиции, допускаемые ими при выполнении профессиональных обязанностей, связанных с задержанием правонарушителей, могут привести к ранению или гибели сотрудников, завладению их табельным оружием, или же к неправомерному применению оружия.

Одной из распространенных ошибок является ложное восприятие правонарушителя, которое состоит в определении степени его вооруженности, а также оценки его одежды, которая может затруднить или, наоборот, облегчить его задержание.

Прежде всего, следует обратить внимание на признаки наличия у него огнестрельного или холодного оружия, а также предметов, которые могут быть использованы как средства нападения или сопротивления.

Наиболее часто правонарушителями применяются такие виды огнестрельного оружия, как пистолеты и револьверы, в том числе переделанные из газового оружия. Также могут применяться, но реже, охотничьи и помповые ружья, карабины, винтовки. С началом специальной военной операции не исключено «просачивание» на тер-

ритории приграничных субъектов Российской Федерации боевого ручного стрелкового и холодного оружия, в том числе иностранного производства.

Общая оценка опасности применения правонарушителем огнестрельного оружия содержит оценку готовности оружия к производству выстрела и оценку его боевых качеств.

Готовность огнестрельного оружия к производству выстрела определяется наличием присоединенного магазина (обоймы), выключенным предохранителем, постановкой курка на боевой взвод, а также его (оружия) положением (оружие может быть уже направлено в сторону сотрудника, находиться в кобуре у правонарушителя и т.д.).

Огнестрельное оружие может быть автоматическим или самозарядным. К боевым качествам оружия также относится емкость его магазина (обоймы, барабана), пробивная сила боеприпасов, которые используются для этого образца оружия, быстрота приведения оружия в готовность для производства первого выстрела.

Представим себе, что правонарушитель держит в вытянутой правой руке пистолет Макарова, ствол которого направлен в сторону сотрудника. Светлое время суток, предохранитель выключен (флажок предохранителя опущен вниз), курок на предохранительном взводе, а сам правонарушитель находится на расстоянии 4 метров от сотрудника.

Находясь в указанных выше обстоятельствах, следует рассчитывать на худшее: магазин снаряжен и находится в рукоятке пистолета, патрон дослан в патронник, и через несколько мгновений прозвучит выстрел. Пистолет Макарова является самозарядным оружием, поэтому вероятность попасть под «очередь» исключается. Из этого пистолета имеется возможность вести огонь «самовзводом». При этом, усилие пальца на спусковом крючке должно быть втрое больше, чем при выстреле с помощью курка, который находится на боевом взводе. Осевая линия канала ствола под действием такого усилия указательного пальца отклоняется влево и вниз от стрелка.

Надо отметить, что рассмотренный случай не является безнадежным для сотрудника. Существует способ ухода с линии огня при огневом контакте на близкой дистанции, который заключается в резком уходе в левую (от себя) сторону, присев на левое колено. Правая нога должна быть максимально прижата к земле, чтобы не пострадать от выстрела правонарушителя. После такого ухода сразу должен стрелять сам сотрудник, если хочет остаться в живых.

Оказавшись в условиях экстремальной ситуации, сотрудник, профессионально оценив и проанализировав обстановку с предвидением ее дальнейшего развития, должен научиться принимать, возможно, единственно правильное решение, которое позволит ему выйти победителем [2, с.55].

Разумеется, чтобы действовать таким образом, сотрудник должен обладать соответствующими навыками. Такой навык приобретается в результате тренировок.

Подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в стрессовой ситуации, возникающей при выполнении оперативно-служебных задач, требует отработки до автоматизма соответствующих навыков и умений на занятиях и тренировках [3, с.122].

Как можно определить время начала маневра сотрудника по уходу с линии огня, чтобы он привел к положительному результату?

Перед выстрелом человек прищуривает глаза, так как готовит себя к определенному дискомфорту в момент выстрела (отдача пистолета, громкий звук выстрела). На близкой дистанции это можно увидеть, отследить. Имеется до 0,5 с на какие-либо действия со стороны сотрудника полиции, прежде чем прозвучит выстрел.

Преступник перед выстрелом может сделать рукой с оружием тычковое движение вперед (от груди при стрельбе двумя руками или от живота при стрельбе с одной руки). Пока он не закончит это движение, он не выстрелит, а по окончании этого движения выстрелит обязательно, если собирался стрелять. Он психологически запрограммирован на это. И пока он делает это тычковое движение, можно уйти с линии огня указанным выше способом [4, с. 233].

Среди видов холодного оружия, которые используют правонарушители, преобладают ножи, кинжалы и кортики, в том числе изготовленные кустарным способом. Правонарушитель может оказать сопротивление сотруднику полиции вооружившись также топором, кастетом, цепью и т.д.

Общая оценка опасности применения правонарушителем холодного оружия содержит оценку предназначения этого оружия, оценку длины и формы его боевой части, а также оценку наиболее ожидаемого способа применения этого оружия.

Представим себе, что правонарушитель вооружен ножом. Нож предназначен для нанесения колюще-ре-

занных ударов. Боевая часть длинной примерно 20 см, а форма боевой части — «щучка». Имеется в виду форма клинка, у которого острие образовано встречей основной режущей кромки со скосом обуха, имеющим вогнутую или прямую линию (по аналогии с формой головы рыбы).

Учитывая указанные выше характеристики, можно ожидать нанесение всех видов ударов ножом.

Правонарушитель вооружен цепью. Цепь может быть использована для нанесения хлестких ударов свободным концом сверху вниз, по горизонтали на всех уровнях, в том числе, для захлестывания ноги (ног). Длина цепи примерно 3 метра.

В качестве холодного оружия могут быть использованы предметы хозяйственного или бытового назначения. Правонарушители оказывали сопротивление сотрудникам полиции, применяя против них трости, зонтики, садово-хозяйственный инвентарь, тарелки, бутылки, высокие стаканы, стулья и т.д. Оценка опасности применения этих предметов осуществляется по критериям оценки опасности применения холодного оружия.

В настоящее время преобладает скрытое ношение оружия. В большинстве случаев применение его в конфликтной ситуации является для противника неприятной неожиданностью. Существуют тактические приемы визуального выявления скрытого ношения оружия.

Человека, который скрывает под верхней одеждой пистолет, будет выдавать его походка. Пистолет у него может находиться в кармане, в кобуре на пояском ремне или просто за поясным ремнем справа. В этом случае пистолет будет мешать движению правой ноги человека, шаг этой ногой у него будет короче. Кроме того, при ходьбе правая рука у него инстинктивно будет двигаться ближе к телу (к пистолету), чем левая.

Когда вооруженный правонарушитель приближается к сотруднику полиции, то он пытается встать так, чтобы оружие было скрыто от визуального обнаружения. Это проявляется в произвольном легком повороте корпуса, движении бедер.

Если человек, который намеревается совершить внезапное нападение, держит оружие в руке, то, как правило, прячет ее за спину, а другую руку инстинктивно выставляет вперед.

Одежда правонарушителя может быть союзником сотрудника при физическом контакте с правонаруши-

телем в конфликтной ситуации, а может, наоборот, являться серьезным препятствием для успешного пресечения его противоправных действий и задержания.

Оценка одежды правонарушителя осуществляется сверху вниз. Критериями оценки элементов одежды является:

- ◆ степень затруднения движений правонарушителя;
- ◆ степень защиты его жизненно важных органов и болевых точек;
- ◆ эффективность ударов и приемов против человека, одетого определенным образом.

При оценке обуви правонарушителя рассматривается эффективность нанесения им ударов ногами.

Представим себе, что правонарушитель одет в рубашку навыпуск (две верхние пуговицы расстегнуты), джинсы, кроссовки.

Из названных предметов только джинсы могут сковывать движения. Поэтому, правонарушитель при оказании сопротивления, вероятно, будет наносить удары ногами по среднему и нижнему уровням.

Рубашка не защищает жизненно важные органы. Все удары по корпусу правонарушителя будут эффективными. Такая манера носить рубашку способствует проведению сотрудником захватов, бросков и удушения краем одежды при силовом задержании правонарушителя.

Кроссовки не увеличивают силы ударов ног.

Зимой правонарушитель может быть одет в зимнюю шапку, длинный тулуп с поднятым воротником, ботинки с толстой рельефной подошвой.

Зимняя одежда сковывает движения правонарушителя. Его удары, как ногами, так и руками, скорее всего, будут похожи на сильные толчки. Удары ногами, вероятно, будут наноситься по нижнему и среднему уровням. Почти вся поверхность тела правонарушителя закрыта и защищена. Удары по его корпусу будут неэффективными. Толстый тулуп делает почти невозможным применение в отношении правонарушителя болевых приемов на его конечности (руки).

При конфронтации с правонарушителем, в указанном выше случае, самым эффективным для сотрудника будут нанесение прямых ударов рукой в голову правонарушителя и толчковые удары ногами по его корпусу. Ботинки правонарушителя увеличивают силу его ударов ногами, а это является опасным для сотрудника,

особенно при нанесении правонарушителем ударов по нижнему уровню.

Проблема правильной визуальной оценки опасности правонарушителя сотрудниками полиции при несении службы может быть исследована в большей степени, если проанализировать материалы служебных расследований по фактам применения сотрудниками

физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

На основании этих исследований должны быть разработаны соответствующие методические рекомендации, которые должны изучаться сотрудниками полиции на занятиях по профессиональной служебной и физической подготовке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устинова Л.Г., Султанова М.В. Влияние экстремальных ситуаций на личность и деятельность сотрудников ОВД // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68) .
2. Косовский В.Б., Мартынюк С.Н. Особенности формирования психологической устойчивости и готовности в процессе огневой подготовки. / Косовский В.Б., Мартынюк С.Н. // Альманах современной науки и образования. — № 3 (93) . — Тамбов: Грамота, 2015. — 144 с.
3. Исайченко Д.В. Ситуационное моделирование при организации тактико-специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел / Исайченко Д.В. // Вестник Краснодарского университета МВД России. — № 2 (48) . — Краснодарский университет МВД России, 2020.
4. Павлов И.М. Тактика действий сотрудника полиции при огневом контакте на близкой дистанции // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 13 марта 2015 г./ под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь: ДИАПИ, 2015. — 474 с. — С. 231–234.

© Павлов Игорь Михайлович (igorek-pavlov-1966@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Краснодар

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ПЕРИОД С ЗАВЕРШЕНИЯ (ПРЕКРАЩЕНИЯ) ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА И ДО ОТМЕНЫ ВЫШЕСТОЯЩИМ СУДОМ ТАКОГО СУДЕБНОГО АКТА

THE LEGAL STATUS OF THE FINANCIAL
MANAGER IN THE PERIOD FROM
THE COMPLETION (TERMINATION)
OF THE BANKRUPTCY PROCEDURES
OF A CITIZEN TO THE CANCELLATION
BY A HIGHER COURT OF SUCH
A JUDICIAL ACT

A. Prokhorov

Summary. The article provides an analysis of the current norms of the institute of insolvency (bankruptcy) for the procedural and financial situation of the financial manager in the period from the completion (termination) of the bankruptcy procedures of a citizen to the cancellation by a higher court of such a judicial act. The author provides current judicial practice on this issue. In addition, the article reveals the legal position of the financial manager in cases of appeal against the court ruling, which completed the consideration of the case on the merits, in case of revision of such a judicial act, as well as in case of cancellation of the settlement agreement and resumption of proceedings.

Keywords: insolvency (bankruptcy), bankruptcy of citizens, financial manager, completion (termination) of bankruptcy procedures of a citizen.

Прохоров Артём Викторович

Преподаватель, Оренбургский институт
(филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);
ФГБОУВО «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
Оренбургский институт (филиал)
proartvi3@mail.ru

Аннотация. В статье приведён анализ действующих норм института несостоятельности (банкротства) на предмет процессуального и материального положения финансового управляющего в период с завершения (прекращения) процедур банкротства гражданина и до отмены вышестоящим судом такого судебного акта. Автором приводится актуальная судебная практика по указанному вопросу. Помимо этого в статье раскрывается правовое положение финансового управляющего в случаях обжалования определения суда, которым завершено рассмотрение дела по существу, в случае пересмотра такого судебного акта, а также в случае отмены мирового соглашения и возобновления производства по делу.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), банкротство граждан, финансовый управляющий, завершение (прекращение) процедур банкротства гражданина.

Финансовый управляющий утверждается в делах о банкротстве гражданина на основании судебного акта арбитражного суда. Именно с этого момента у финансового управляющего возникают его полномочия по отношению к должнику, кредиторам и третьим лицам. В связи с этим можно утверждать, что правоспособность и дееспособность возникают одновременно в момент оглашения резолютивной части определения суда.

Вопрос прекращения полномочий финансового управляющего, а следовательно, и прекращения его правоспособности и дееспособности, более сложный, так как осложнён возможностью отмены определения

суда первой инстанции о завершении или прекращении соответствующей процедуры банкротства.

Так, действующее законодательство о банкротстве содержит положения о том, что полномочия финансового управляющего прекращаются в момент объявления определения суда о завершении и прекращении производства по делу (пункт 13 статьи 213.9 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту — Закон о банкротстве). Однако указанное положение стоит толковать следующим образом. Полномочия финансового управляющего прекращаются по отношению к должнику, кредиторам и третьим лицам. Так, финан-

совый управляющий с указанного момента не является представителем должника-гражданина, все имущественные и неимущественные права должника теперь осуществляет самостоятельно. Гражданин самостоятельно распоряжается своим имуществом: он может получать заработную плату, открывать и закрывать счета, вклады в кредитных организациях и т.д. Но на практике такой должник сразу после завершения процедуры реализации имущества гражданина сталкивается с трудностями — кредитные организации отказываются разблокировать банковские карты без согласия финансового управляющего, мотивируя свои действия тем, что определение арбитражного суда о завершении процедуры реализации имущества гражданина может быть обжаловано и в последующем отменено. Но подобная позиция кредитных организаций не соответствует действующему Закону о банкротстве. Действительно, определение может быть обжаловано в установленный законом срок, и в случае наличия оснований оно может быть отменено вышестоящим судом. Но возможность обжалования судебного акта не отменяет тот факт, что такое определение суда первой инстанции подлежит немедленному исполнению. В связи с этим у кредитных организаций нет правовых оснований для отказа в обслуживании клиента-гражданина — бывшего банкрота.

Также с момента завершения процедуры реализации имущества гражданина, у финансового управляющего прекращаются полномочия на представление должника во взаимоотношениях с третьими лицами. Финансовый управляющий не может делать запросы в органы власти с целью получения сведений об имущественном состоянии гражданина и получать другую информацию о должнике.

Кредиторы тоже утрачивают возможность взаимодействовать с финансовым управляющим как с законным представителем должника. Так, у финансового управляющего отсутствуют права получать и исполнять от кредиторов какие-либо запросы, поручения или требования.

Таким образом, стоит резюмировать, что с момент оглашения резолютивной части определения арбитражного суда о завершении или прекращении процедуры банкротства гражданина, финансовый управляющий утрачивает свои права на законное взаимодействие с должником, кредиторами и третьими лицами по вопросу представления интересов гражданина-банкрота. Но само по себе завершение или прекращение процедур банкротства не означает, что у финансового управляющего утрачиваются иные права по вопросам банкротства гражданина, а именно по вопросам обжалования финансовым управляющим

судебных актов, на основании которых завершена (прекращена) процедура банкротства гражданина.

Стоит отметить, что в целях экономии в настоящей статье под понятием «процедура банкротства гражданина» нужно понимать одну из трёх процедур в делах о банкротстве гражданина: реструктуризацию долгов гражданина, реализацию имущества гражданина и мировое соглашение.

Таким образом, стоит подчеркнуть, что с момента завершения (прекращения) процедуры банкротства гражданина полномочия финансового управляющего прекращаются, но он не утрачивает возможность подачи апелляционной (кассационной) жалобы на определение суда первой инстанции. Так, в случае незавершения всех мероприятий в процедуре банкротства гражданина, сокрытия должником ликвидного имущества, либо в случае несогласия финансовый управляющий по вопросу освобождения (неосвобождения) гражданина от долгов, такой финансовый управляющий может обжаловать судебные акты суда первой инстанции. Более того, даже в случае согласия финансовым управляющим с определением суда первой инстанции, в случае подачи жалобы на такой судебный акт другими лицами, участвующими в деле, финансовый управляющий должен будет представить свой отзыв на поданную жалобу.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что завершение (прекращение) процедуры банкротства гражданина прекращает лишь возможность использовать материальные права и исполнять обязанности финансового управляющего, но не его процессуальные права и обязанности, в частности возможность обжалования судебных актов, представления процессуальных документов (отзывов, ходатайств, заявлений) и других документов в материалы дела. В целом законодательство о банкротстве представляет из себя сочетание материальных и процессуальных норм, что хорошо отражается в вопросе правомочий финансового управляющего после завершения процедур банкротства гражданина.

Ещё более любопытным является вопрос о возобновлении полномочий финансового управляющего в случае отмены вышестоящим судом определения о завершении (прекращения) процедуры банкротства. Так, в случае отмены апелляционным (кассационным) судом определения суда первой инстанции направления дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение [1, 2, 3], суд первой инстанции продолжает рассмотрение дела в прежнем составе лиц, то есть финансовый управляющий не меняется, не требуется сведений из саморегулируемой организации арбитражных управляющих для подтверждения его полномочий. В связи с этим

можем утверждать о явлении, заключающемся в том, что на период с завершения (прекращения) процедуры банкротства гражданина до момента отмены вышестоящим судом такого судебного акта полномочия финансового управляющего приостанавливаются, а после направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции полномочия финансового управляющего и вовсе возобновляются, что свидетельствует о том, что правоспособность и дееспособность финансового управляющего могут быть приостановлены на период обжалования судебного акта первой инстанции, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, до возобновления рассмотрения дела в суде первой инстанции в случае отмены обжалуемого определения вышестоящим судом и рассмотрения дела снова в суде первой инстанции.

Помимо возможности обжалования определения арбитражного суда о завершении или прекращении производства по делу действующее законодательство о банкротстве содержит также и другой порядок пересмотра судебных актов суда первой инстанции, а именно пересмотр определения о завершении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина и возобновление производства по делу о банкротстве гражданина (статья 213.29 Закона о банкротстве). Указанная процедура имеет отличия от первой модели, заключающиеся в том, что такой пересмотр может быть осуществлён и по истечении месячного срока на обжалование, а также в том, что такой пересмотр происходит в суде первой инстанции, а не в арбитражном суде. В результате пересмотра судебного акта о завершении (прекращении) процедуры банкротства гражданина, дело о банкротстве граж-

данина возобновляется и в таком деле утверждается не обязательно предыдущий финансовый управляющий [4, 5, 6], а может быть утверждён новый финансовый управляющий при условиях соблюдения процедуры, предусмотренной статьёй 45 Закона о банкротстве.

Схожая ситуация происходит и в случае прекращения производства по делу в случае утверждения мирового соглашения (статья 213.31 Закона о банкротстве). Так в случае, если условия мирового соглашения не соблюдаются должником, то суд возобновляет производство по делу, признаёт гражданина банкротом и утверждает финансового управляющего [7, 8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что завершение и прекращение производства по делу о банкротстве гражданина не прекращает полностью осуществление прав и обязанностей финансового управляющего. В этом случае можно утверждать о приостановлении материальных прав финансового управляющего, но процессуальные права ему так и продолжают принадлежать в виде возможности обжалования судебных актов и представление в дело процессуальных документов. А в случае отмены вышестоящим судом судебного акта суда первой инстанции материальные права и обязанности финансового управляющего возобновляются. Однако в случае возобновления производства по делу в случае пересмотра судебного акта первой инстанции или неисполнения мирового соглашения, права и обязанности финансового управляющего не приостанавливаются и не возобновляются в будущем, так как в возобновлённом деле не обязательно будет утверждён предыдущий финансовый управляющий, а может быть утверждено совершенно новое лицо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2021 N 18АП-11175/2021 по делу N А76–15857/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.11.2022 N Ф09–7732/22 по делу N А76–36806/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.11.2022 N Ф09–7281/22 по делу N А50–12684/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.02.2022 N Ф09–7617/17 по делу N А60–43308/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.11.2021 N Ф03–6056/2021 по делу N А51–24208/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.02.2022 N Ф05–8310/2019 по делу N А41–79752/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 01.11.2021 N Ф03–5868/2021 по делу N А51–12319/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.02.2022 N Ф09–7617/17 по делу N А60–43308/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

© Прохоров Артём Викторович (proartvi3@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ FATCA НА ЮРИСДИКЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ САНКЦИЙ

IMPACT OF FATCA ON THE JURISDICTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE AGE OF SANCTIONS

*E. Saliakhutdinov
V. Uimanova*

Summary. The article considers the US FATCA Law. The purpose of this study is to analyze the FATCA implementation mechanism aimed at combating cross-border tax evasion by US residents, as well as its impact on the jurisdiction of the Russian Federation in the era of sanctions. The methodological basis of the study was dialectical, formal-legal, logical methods. The study showed that despite the sanctions pressure, financial market organizations continue to comply with FATCA by submitting reports on US residents to the US Internal Revenue Service.

Keywords: FATCA, foreign financial institutions (FFI), US taxpayer identification, tax evasion, automatic exchange of information, sanctions.

Сяляхутдинов Эмиль Шамилович

*Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва*

emil.shamilevich.01@bk.ru

Уйманова Валерия Сергеевна

*Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва*

uimanova.lera@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается Закон США FATCA. Целью данного исследования является анализ механизма реализации FATCA, направленного на борьбу с трансграничным уклонением от уплаты налогов резидентами США, а также его влияние на юрисдикцию Российской Федерации в эпоху санкций. Методологическую основу исследования составили диалектический, формально-юридический, логический методы. Исследование показало, что несмотря на санкционное давление организации финансового рынка продолжают исполнять FATCA, направляя отчеты о резидентах США в Налоговую службу США.

Ключевые слова: FATCA, иностранные финансовые учреждения (FFI), идентификация американских налогоплательщиков, уклонение от уплаты налогов, автоматический обмен информацией, санкции.

Закон о соблюдении налогового законодательства в отношении иностранных счетов (далее по тексту — FATCA) был принят Конгрессом США в 2010 году в рамках Закона о поощрении найма для восстановления занятости (далее по тексту — HIRE). Данный закон является административным инструментом, использование которого призвано разрешить основные проблемы. Во-первых, с помощью FATCA выявляют и предотвращают уклонение налогоплательщиков США от уплаты налогов, которые пытаются скрыть активы на нераскрытых счетах в иностранных банках. Во-вторых, FATCA призван повысить налоговую культуру среди налогоплательщиков. Предпосылкой принятия FATCA стал финансовый кризис 2008–2010 гг., вызвавший рост безработицы и быстрорастущий государственный долг США (который сейчас равен \$31 трлн). Ухудшение экономической ситуации, дестабилизация рынка побудили власти США провести совокупность мероприятий: введение монетарных инструментов, таких как количественное смягчение; макроэкономические и фискальные стимулы для восстановления занятости — HIRE; FATCA. Данные мероприятия были направлены на нивелирование указанных проблем.

Актуальным исследование данного иностранного нормативного правового акта делает то, что FATCA требует, чтобы организации финансового рынка (далее по тексту — ОФР) регулярно сообщали в Налоговую службу США — Internal Revenue Service (далее по тексту — IRS) подробную информацию об иностранных счетах налоговых резидентов США. То есть его действие имеет экстерриториальный характер. Закон также предусматривает суровые наказания для тех ОФР, которые не соглашаются участвовать в FATCA или не выполняют требования данного закона. В таких случаях предусматривается удержание 30 процентного штрафа, взимаемого с дохода из источника в США, который применяется в отношении ОФР и владельцев счетов, которые не предоставляют требуемую информацию.

Целями данного исследования являются: во-первых, исследование механизма реализации FATCA; во-вторых, определение выгод и издержек участия в FATCA для Российской Федерации в эпоху санкций.

Научная новизна исследования заключается в том, что FATCA в условиях санкций действует довольно не-

продолжительное время, поэтому как таковых научных исследований в этой сфере проводилось малое количество. Прикладная ценность исследования FATCA заключается в том, что данный закон влияет на инвестиционную деятельность во всем мире, а также поможет финансовым организациям разработать правильную комплаенс-стратегию по применению FATCA, в том числе в Российской Федерации.

Экстерриториальный характер FATCA вызвал множество споров среди третьих стран, в том числе стран Евросоюза и России, затронутых «внутренним» правилом налогового кодекса США. Наряду с вопросами издержек, связанными с соблюдением требований, существует риск нарушения национального законодательства при следовании положениям FATCA, поскольку американский закон может не соответствовать положениям законодательства о банковской тайне, персональных данных и других нормативных правовых актов [1; 61].

Власти США, в целях борьбы с трансграничным уклонением от уплаты налогов резидентами США через использование оффшорных счетов, предусмотрели широкий круг субъектов ОФР, на которых распространяются положения FATCA, например, такие как кредитные организации, паевые инвестиционные фонды, биржевые брокеры, хедж-фонды, пенсионные фонды, клиринговые организации, страховые компании и т.д. Помимо соблюдения положений FATCA от этих субъектов требуется использование новой и расширенной системы отчетности. FATCA требует от субъектов, на которых распространяются ее положения, соблюдать ряд положений:

1. Обязанность ОФР предоставлять ежегодные отчеты в IRS, включающие сведения о наибольшем остатке на счете за год по каждому клиенту из США, а также их персональные данные;
2. Обязанность любого иностранного юридического лица, не котирующегося на фондовой бирже, 10% долей которого принадлежит резидентам США, сообщать в IRS имена и налоговый идентификационный номер (TIN) любого американского владельца доли;
3. Обязанность граждан США, держателей зеленых карт (Green Card), обладающих активами свыше 50 000 долларов США, которые содержатся в банковских счетах, счетах ценных бумаг, договорах аннуитета, арендной недвижимости, договорах страхования, пенсионных планах, трастах и частных инвестициях в компаниях и товариществах, уведомлять IRS обо всех иностранных активах на финансовых счетах. Данное требование является дополнением к требованиям Министерства финансов США по отчетности по иностранным финансовым счетам.

В случае несоблюдения FATCA, а также не заключения соглашения с IRS субъектами, на которых распространяются ее положения, наступает ответственность в виде 30-процентного штрафа на все соответствующие доходы ОФР из США, в том числе дивиденды и проценты, выплачиваемые американскими корпорациями. Штраф по ставке 30 процентов применяется ко всем «удерживаемым платежам» и «сквозным платежам», полученным ОФР [3;48].

Следование положениям FATCA возможно:

1. через индивидуальные соглашения между ОФР и IRS;
2. через межправительственные соглашения:
 - 2.1. модель 1 (1 IGA) — внедрение отчетности FATCA путем межправительственного обмена информацией;
 - 2.2. модель 2 (2 IGA) — прямое предоставление отчетности, полученной ОФР, в IRS.

Важно отметить, что FATCA требует от ОФР, расположенных в различных юрисдикциях, сообщать об обязательствах, которые несовместимы с их национальным законодательством, поскольку требования FATCA может не соответствовать положениям о банковской тайне и защите персональных данных. Поэтому необходимо принять иные меры, помимо подписания индивидуальных соглашений между ОФР и IRS. Таким решением могло бы стать международное соглашение.

Важно учитывать, что имплементация FATCA требует значительных издержек. В то время как американцы оценили выгоды от внедрения FATCA в 800 миллионов долларов налоговых поступлений в год, финансовое сообщество выразило мнение, что расходы, необходимые для адаптации глобальной финансовой системы, приведут к объёмным затратам, в частности по совершенствованию IT оснащения по идентификации и получению информации о клиентах или сделках с клиентами США, поскольку закон требует от ОФР отбирать клиентов, которые возможно являются американскими налогоплательщиками. Это означает необходимость детального процесса анализа клиентов ОФР в этом отношении. Обязанности по отчетности потребуют отслеживания и сообщения информации, которая может не отслеживаться банками и быть для них недоступной.

Deloitte в своем докладе отразило затраты на внедрение FATCA для глобальных ОФР, которые могут достигать 200 миллионов евро, для европейских ОФР затраты могут составить около 15 млн. евро. По данным Deloitte, большая часть этой суммы будет потрачена в течение 2–3 лет.

Экстерриториальный характер FATCA вызвал неоднозначную реакцию среди политиков и професси-

оналов. Сторонники поднимали как национальные вопросы (например, защита налоговой базы США), так и международные проблемы (например, борьба с уклонением от налогов и повышение прозрачности международных финансовых потоков). Оппоненты отметили, что, хотя, цели FATCA по полному соблюдению налогов и прозрачности являются оправданными и достойными, вся концепция FATCA является экономическим нонсенсом.

Противники также заявили, что FATCA может привести к некоторым негативным последствиям для интересов США, таким как:

1. сокращение инвестиционной активности на рынках США;
2. дискриминация граждан США во всем мире;
3. создание предвзятого отношения к США во многих странах.

Снижение инвестиционной активности на рынке США может быть вызвано неспособностью или нежеланием ОФР соблюдать правила FATCA, а также опасением институциональных инвесторов по поводу снижения спроса и, как следствие, снижения цен и маржи. Существует также риск изъятия средств из банковских вкладов в США, принадлежащих иностранным гражданам — нерезидентам.

Дискриминация граждан США во всем мире может привести к сокращению услуг в ОФР для американцев, проживающих за рубежом. В результате также может произойти уклонение от участия американских инвесторов в международных проектах.

Однако, одним из самых серьезных негативных последствий FATCA является создание предвзятого отношения против США во многих странах. Чувство несправедливого экстерриториального применения правил США, коллизии с национальными правовыми нормами (например, конфиденциальность данных и т.д.) являются серьезными вопросами, которые не следует упускать из виду. Кроме того, одним из сложных вопросов является сокращение налоговых поступлений для национальных правительств во всем мире, вызванное огромными затратами на осуществление, не подлежащими налогообложению, эксплуатационными расходами на применение FATCA.

По данным IRS FATCA не направлен на сбор удерживаемых налогов, а направлен на то, чтобы заставить ОФР и другие иностранные учреждения раскрывать информацию о своих владельцах счетов в США. С помощью этого механизма IRS будет принуждать граждан США за рубежом выполнять свои налоговые обязательства. Тем не менее, законодательство FATCA вызвало

всемирную критику, отчасти из-за затрат на соблюдение, а также из-за того, что оно потребовало бы от банков нарушать закон в некоторых юрисдикциях. Критика мировой финансовой индустрии относительно издержек и правовых вопросов привела к тому, что Казначейство США объявило о некотором изменении в подходе к осуществлению FATCA [2;94].

С учетом введенных санкций США и ЕС против Российской Федерации остается актуальным вопрос соблюдения положений FATCA, так как прямые запреты на осуществление экономической деятельности установлены только в отношении граждан США и юридических лиц с ОФР, попавших в список Specially Designated Nationals — «специально назначенные лица» (далее по тексту — SDN). В 2022 году в SDN-лист попали десять российских банков: Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк, Промсвязьбанк, «Открытие», Совкомбанк, Новикомбанк, Транскапиталбанк, Инвестторгбанк, Дальневосточный банк. Также заметное влияние санкции оказали на американских инвесторов, которым запретили торговать российскими акциями и облигациями на рынке ценных бумаг.

В свою очередь, Правительством РФ было издано Распоряжение от 05.03.2022 N 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц», в который включены Соединенные Штаты Америки. Дополнительно Указом Президента РФ от 28.02.2022 N 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» были введены ограничения на осуществление валютных операций, связанных с предоставлением резидентами в пользу нерезидентов иностранной валюты по договорам займа, только с получения согласия Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации в порядке, утверждаемом Правительством Российской Федерации.

Таким образом, экономическое сотрудничество между Россией и недружественными странами, в частности США, временно приостановлено. Несмотря на это субъекты экономической деятельности, в том числе граждане США и юридические лица, в которых доля более 10 процентов владения принадлежит резидентам США, продолжают обслуживаться в российских ОФР, которые не находятся под санкциями и исполняют требования положений FATCA. На данный момент в IRS зарегистрировано 961 российская ОФР. При этом все индивидуальные соглашения имеют юридическую силу и исполняются российской стороной в полном объеме.

Так, Положения FATCA на территории Российской Федерации действуют на основании индивидуальных соглашений между российскими ОФР и IRS и федерального закона от 28.06.2014 № 173-ФЗ «Об особенностях осуществления финансовых операций с иностранными гражданами и юридическими лицами, о внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее по тексту — ФЗ № 173).

Согласно ФЗ № 173 ОФР принимают обоснованные и доступные в сложившихся обстоятельствах меры по выявлению лиц, которых можно отнести к категории клиента — иностранного налогоплательщика, по критериям, установленным в федеральном законе. После этого организация финансового рынка вправе осуществить передачу иностранному налоговому органу и (или) иностранным налоговым агентам информацию для удержания иностранных налогов и сборов только при условии получения согласия на передачу данной информации от иностранного клиента.

Процедура взаимодействия по требованиям FATCA состоит из заключения ОФР соглашения с IRS и регистрации на сайте IRS, а также получения FATCA-статуса «Участвующее иностранное финансовое учреждение» с получением идентификационного номера, тем самым подтвердив свое согласие на сбор и представление в IRS информации о налогоплательщиках США [2;101].

Согласно ФЗ № 173 ОФР обязана передать налогоплательщику-иностранцу для целей FATCA обязательные для заполнения формы налоговых деклараций, а также форму для предоставления информации об идентификационном номере налогоплательщика W-9 и направить их в адрес IRS.

Утверждены две формы налоговых деклараций (W-8BEN, W-8BEN-E) для подтверждения статуса налогового резидентства США и для подтверждения статуса налогового нерезидентства США. Кроме того, ОФР предоставляет сведения о счетах клиента, операциях по счетам и остатках на счетах в IRS и (или) лицу, исполняющему обязанности налогового агента.

IRS может счесть, что в каждом конкретном случае ОФР не может исполнять надлежащим образом обязательства, взятые соглашением. В свою очередь это ведет к исключению из FATCA и к ряду негативных последствий. В качестве примеров таких негативных последствий можно отметить различные риски:

Во-первых, это репутационные риски на финансовом рынке, так как ОФР, которые не участвуют в си-

стеме FATCA, заведомо подразумеваются недобросовестными и рискованными контрагентами, потому что не раскрывают информацию о налоговых резидентах США, чем снижают прозрачность операций и поощряют уклонение от уплаты налогов;

Во-вторых, это риски медленного развития постольку, поскольку такие ОФР не соответствуют международным тенденциям по развитию прозрачности финансовой информации. Многие ОФР вводят систему FATCA, которая заключается в качественной идентификации клиентов и контрагентов, для соответствия международным стандартам и повышения инвестиционной привлекательности для потенциальных клиентов [5;36];

В-третьих, это финансовые издержки для ОФР. У российских ОФР, не присоединившихся к положениям FATCA, существует риск безакцептного удержания 30 процентного штрафа с определенных долларовых банковских переводов в российские организации, если банк-контрагент или банк-корреспондент посчитает, что источником перечисляемых средств является доход, связанный с США. В этом случае добросовестные клиенты ОФР несут налоговые издержки в виде штрафа за нарушения законодательства США.

Участие ОФР в FATCA несёт за собой ряд обязательств. В частности, к таким обязательствам относятся предоставление информации о конечных получателях дохода по каждой выплате дохода из источников в США, подпадающего под FATCA.

Говоря о преимуществе для Российской Федерации, которые даёт FATCA, является то, что перечень сведений, подготовленный ОФР по каждому налоговому резиденту США, сначала передаются в ФНС России, Центральный Банк РФ (далее — ЦБ РФ) и Росфинмониторинг [4;5], а затем в IRS. Таким образом, государственные органы и ЦБ РФ получают максимальную информацию о налоговом резиденте США, что повышает уровень прозрачности операций на финансовых рынках и позволяет избежать уклонения от уплаты налогов.

Аналогом FATCA является CRS (Common Reporting Standard) этот стандарт был разработан «Организацией экономического сотрудничества и развития». Равно как и FATCA целью CRS является обеспечение прозрачности финансов и информации об иностранных налогоплательщиках, а также предотвращение уклонения от уплаты налогов. Российская Федерация вступила в правоотношения путем подписания ФНС России в 2016 году Соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией от 29 октября 2014 года.

Следует сделать вывод, что в условиях санкционного давления российские ОФР находятся в законодательном ограничении, что является ответной мерой на санкции, введенные недружественными странами. Однако российские ОФР справились с внедрением FATCA, путем подписания отдельных соглашений с IRS и продолжают исполнять обязательства по FATCA. Так, ОФР отправляют отчеты в IRS и выполняют взятые на себя обязательства, чем снижают риски для своих клиентов и становятся более привлекательными для иностранных инвесторов, так как способствуют лик-

видации правонарушений, связанных с уклонением от уплаты налогов.

Действительно, FATCA открывает новые перспективы для укрепления автоматического обмена информацией между государствами, повышает прозрачность на мировом уровне. В условиях нестабильной геополитической ситуации следует улучшить сотрудничество субъектов финансового рынка в целях обеспечения налоговой безопасности и взаимодействия в интересах налоговых органов и организаций финансового рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братко А.Г., Волуевич И.Е., Готов В.И., и др.: Финансовый мониторинг: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю.А. Чиханчина, А.Г. Братко. М.: Юстицинформ, 2018. Т. 2. 480 с;
2. Грекова И.Ю. FATCA: новые трудности контроля // Внутренний контроль в кредитной организации. 2012. N 3. С. 93–102;
3. Кирилин А.В., Сарнакова А.В. Закон США «О налогообложении иностранных счетов» (FATCA): особенности реализации и возможность применения // Банковское право. 2015. N 4. С. 42–48; N 5. С. 37–44; N 6. С. 46–53;
4. Прошунин М.М. Деятельность Росфинмониторинга в сфере бюджетного и налогового контроля // Финансовое право. 2016. N 1. С. 3–6;
5. Сорокин К.Г. Перспективы имплементации ключевых требований новой редакции международных стандартов ФАТФ в рамках Таможенного союза ЕврАзЭС // Таможенное дело. 2012. N 4. С. 32–36.

© Саляхутдинов Эмиль Шамильевич (emil.shamilevich.01@bk.ru), Уйманова Валерия Сергеевна (uimanova.lera@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОРПОРАЦИЙ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ РОССИИ

LEGAL STATUS OF CORPORATIONS IN THE SYSTEM OF LEGAL ENTITIES OF RUSSIA

**E. Simonova
T. Alekhina
E. Mosina**

Summary. The lack of legislative consolidation of the term “corporation” gives rise to many legal issues. The current practice in Russia leads to the synonymization of corporations with business entities, which does not seem quite right. Embedding the word “corporation” in the name of legal entities also leads to some confusion. Borrowing Western practices in corporate regulation does not always have a positive effect on Russian economic and legal realities.

Keywords: corporation, legal entity, management, legislation, economy.

Симонова Евгения Владимировна

Доктор экономических наук, профессор,
Среднерусский институт управления — филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации» (г. Орел)
simonova-ev@ranepa.ru

Алехина Татьяна Алексеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Среднерусский институт управления — филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации» (г. Орел)
tat.alehina@mail.ru

Мосина Екатерина Игоревна

Кандидат экономических наук, доцент,
Среднерусский институт управления — филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации» (г. Орел)
caterinamosina@yandex.ru

Аннотация. Отсутствие законодательного закрепления термина «корпорация» порождает множество правовых вопросов. Сложившаяся практика в России приводит к синонимизации корпораций с хозяйственными обществами, что представляется не совсем верным. Встраивание в название юридических лиц слова «корпорация» также приводит к определенной путанице. Заимствование западной практики в вопросах регулирования корпораций не всегда положительным образом отражается на российских экономических и правовых реалиях.

Ключевые слова: корпорация, юридическое лицо, управление, законодательство, экономика.

В среде практиков-юристов, а также ученых, занимающихся вопросами корпоративного права, существуют зачастую расхожие представления у сущности корпораций. Все это объяснимо историческими причинами появления в нашей стране данного института. Для начала отметим, что до настоящего времени законодательство Российской Федерации, о чем пойдет речь ниже, не содержит определения термина «корпорация», существует множество трактовок данного понятия.

В системе национальных счетов 2008 года, согласованной на международном уровне стандартном наборе рекомендаций по исчислению показателей эко-

номической деятельности в соответствии с четкими правилами ведения счетов и учета на макроуровне, основанных на принципах экономической теории, на сайте ООН корпорация трактуется как юридическое лицо, созданное с целью производства товаров или услуг для продажи их на рынке, которое может быть источником прибыли или других финансовых выгод для ее собственника (собственников). Она находится в коллективной собственности акционеров, которые имеют полномочия назначать директоров, ответственных за общее управление корпорацией [6]. В свободной энциклопедии Википедия корпорация значит как организация бизнеса, основанная на долевыми собственности и отдельной функции собственника и управ-

ления [3]. В дискуссионном документе по программе Гарвардской школы права по корпоративному управлению отмечено, что корпорация — это организация, обычно группа людей или компания, уполномоченная государством действовать как единое целое (юридическое лицо, признанное частным и публичным правом «рожденным на основании закона»; юридическое лицо в юридическом контексте) и признаны таковыми по закону для определенных целей [7]. В Encyclopaedia Britannica корпорация представляется как определенная организационно-правовая форма лиц и материальных ресурсов, зарегистрированная государством для целей ведения бизнеса [1]. Хотя, по сути, речь об объединении предприятий по типу корпораций была в 90-е годы, когда в свет вышел Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 года № 445-1, в котором статья 13 декларировала добровольное договорное объединение предприятий для развития, действовавшее на основе устава [4]. В правовом поле нашей страны сразу появилось понятие «государственная корпорация» в Федеральном законе от 8 июля 1999 г. № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» (в настоящее время утратил силу) в отношении агентства по реструктуризации кредитных организаций, где данная организационно-правовая форма агентства была обозначена как «государственная корпорация», созданная Российской Федерацией, статус, цель деятельности, функции и полномочия которой определялись Федеральным законом «О некоммерческих организациях» и Федеральным законом «О реструктуризации кредитных организаций». Агентство создавалось с целью реструктуризации кредитных организаций как небанковская кредитная организация в форме закрытого акционерного общества с уставным капиталом в размере 10 млрд. рублей [17] и просуществовало пять лет. В 2003 году появляется Агентство по страхованию вкладов, имеющее статус государственной корпорации — единственной на тот момент в России, созданной Российской Федерацией, деятельность основана на Федеральном законе от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» и иных нормативно-правовых актах [13]. Данное агентство в течение четырех лет не имело аналогов и лишь в 2007 году произошел некий прорыв по образованию юридических лиц в аналогичном правовом статусе. В этот год в стране появились такие государственные корпорации как ВЭБ.РФ [10], Российская корпорация нанотехнологий [11], Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства [12], Государственная корпорация по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта [16], Государственная корпорация «Ростехнологии» [14], Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» [9].

Информация с сайта Руспрофиль показывает, что на сегодняшний день действующих и имеющих в своем названии термин «корпорация» почти 3000 юридических лиц, из них коммерческих корпоративных организаций — более 2000, некоммерческих корпоративных организаций — более 50, коммерческих унитарных организаций — около 10, некоммерческих унитарных организаций — более 40 [18]. Важным является то, что все эти организации не имеют ничего общего с корпорациями, рассматриваемыми нами в данной работе.

В 2012 году в ГК РФ была внесена поправка, касающаяся предмета гражданского законодательства, корпоративные отношения стали составной частью гражданского законодательства. Ключевыми в корпоративных отношениях, являющихся предметом гражданского права, стали юрлица, с чем связана специфика особых гражданско-правовых связей [3]. Однако до настоящего времени ГК РФ не содержит четкого определения «корпорация», что приводит к ряду затруднительных для трактования правовых ситуаций. Анализ действующего ГК РФ позволяет говорить лишь об имеющемся определении «корпорации», содержащемся в статье 65.1 ГК РФ, которое, на наш взгляд, является не очень удачным в виду недостаточного количества перечисленных признаков: обозначено, что корпорация — это юридическое лицо, обладающее двумя признаками (право членства и наличие высшего органа). Однако, если обратиться к пп. 8 п. 3 ст. 50 ГК РФ, мы увидим, что к некоммерческим организациям относятся государственные учреждения, в том числе государственные академии наук, которые по своей правовой природе имеют членов академии и в роли высшего органа управления госакадемии выступает общее собрание членов. Но, вопреки ст. 65.1 ГК РФ, обладая некоторыми признаками корпорации, академия наук не относится к таковым, что еще раз подтверждает неточность законодательного регулирования корпорации, в которой основным признаком, прежде всего, является объединение имущества, что никак не распространяется на академию, где собственником имущества является Российская Федерация. Аналогичная ситуация и с религиозными объединениями. В связи с этим можно предложить трактовку корпорации как добровольное объединение лицами имущества для достижения общей совместной цели, основанное на договоре, с возможной регистрацией юридического лица. Ключевым здесь будет являться именно объединение имущества для совместной деятельности, отделенное от учредителей корпорации, причем не только юридических лиц, но и некоторых неправосубъектных объединений.

Корпорацию по мнению некоторых ученых можно считать разновидностью гражданско-правового общества, но по общепринятой практике корпорации

считают все же юридическими лицами. И данная позиция требует некоторого разъяснения с точки зрения трактования, так как смысловая нагрузка юридического лица состоит в обособлении имущества, как его признака, а в корпорациях имеет место отделение имущества учредителей от имущества корпорации. Именно в этой связи имеет место быть, по мнению некоторых юристов, так называемый «корпоративный щит» корпорации против кредиторов, защищающий имущество участников корпорации от требований кредиторов. Данная позиция является спорной в части действия норм законодательства о банкротстве, в котором в статье 61.11 говорится о субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов [15]. Судебная практика показывает в данном аспекте определенную динамику с выработкой единого критичного подхода к лицам, негативно повлиявшим на деятельность организации. Примером может служить определение Верховного суда РФ, касающееся привлечения к субсидиарной ответственности учредителя общества [5].

По разновидности выделяют коммерческие и некоммерческие типы объединения имущества корпорации, также как и по видам юридические лица делятся на коммерческие и некоммерческие. Коммерческие организации разделяются на корпорации и унитарные организации. Конструкция унитарного предприятия существует только в российском правовом порядке и об этом подробнее будет сказано ниже.

В европейском континентальном праве также как и в России появились коммерческие корпорации двух разновидностей, а именно: акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью, являющиеся различными по видам корпораций и по видам юридических лиц. В США корпорации создаются в соответствии с законами отдельных штатов и регулируются законами штатов. Государственные корпорации регулируются федеральным законом, в первую очередь, через Комиссию по ценным бумагам и биржам. В англо-американском праве только один вид корпораций — компания с ограниченной ответственностью на паях (*company limited by shares*), существование которой возможно в таких разновидностях как: публичная компания (*public limited company*) и частная компания (*private limited company*) или как ее часто называют закрытая компания (*closed corporation*). Причем контроль осуществляется только за публичными компаниями, в отличие от частных компаний [8].

Деление на публичные и не публичные компании в России также присутствует, что заимствовано из англо-американского права, а точнее соответствует американской концепции экономического анализа

права. *Public limited company* является аналогом акционерного общества в нашей стране, а *private limited company* — аналогом обществ с ограниченной ответственностью. Однако попытка переложить нормы англо-американского права на действующее российское законодательство не представляется возможным в виду сильного различия в нормативно-правовом регулировании выше обозначенных юридических лиц и в целом отсутствия единства в юридической конструкции данных организаций.

Юридическое лицо должно обладать имуществом в соответствии с действующим гражданским законодательством нашей страны. Существует два разных подхода к юридическим лицам, в том числе к коммерческим корпорациям. Один подход — континентальный, который близок России, — это так называемый «контроль на входе», когда происходит контроль юридического лица в процессе его создания с последующей записью в едином государственном реестре юридических лиц, после чего контролирующая функция в рамках гражданского правового регулирования прерывается. В англо-американском праве действует последующий контроль корпораций в виде проверки на состоятельность, что позволяет прийти к выводу, что американское право в отношении компаний не является либеральным, а по сравнению с российским видится достаточно жестким.

Управление в корпорациях (управление в хозяйственных обществах) в соответствии с п. 3 ст. 66.3 ГК РФ осуществляется участниками в соответствии с уставом. Помимо этого, для реализации корпоративных прав участники могут заключить корпоративный договор. Термин «корпоративный договор» впервые зафиксирован в Федеральном законе от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах», где в ст. 18 отмечено: «система, структура и полномочия органов управления партнерства, порядок осуществления ими деятельности и прекращения деятельности определяются соглашением об управлении партнерством с учетом положений настоящего Федерального закона». В соответствии с п. 1 ст. 67.2 ГК РФ предмет корпоративного договора ограничен двумя моментами: порядком голосования и отчуждением или приобретением долей.

Корпоративный договор известен не только американцам, в континентальной Европе он также применяется за исключением отличия — он законодательно во многих странах не регулируется. В России корпоративный договор, предусмотренный ст. 67.2 ГК РФ, не стоит смешивать с корпоративным договором, предусмотренным в законе об ООО и АО, в силу не приведения норм законов об ООО и АО в соответствие с ГК РФ. Тексты законов об ООО и АО в части корпоративного

договора также различны при сравнении. На практике юристы зачастую ссылаются на нормы специального закона, однако в силу ст. 3 ГК РФ нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ. Несмотря на это противоречие, несомненно, что корпоративный договор не призван регулировать неограниченный круг отношений и имеет ряд ограничений, например, в случае единственного участника в обществе корпоративный договор заключить невозможно.

В коммерческой сфере выделяют следующие корпорации:

1. Товарищества, действующие без устава, несущие личную субсидиарную ответственность по долгам корпорации без участия имущества в уставном капитале, специальных руководящих органов. Товарищ действует от имени товарищества в гражданском обороте, по долгам отвечают все товарищи в случае неспособности нести ответственность в силу отсутствия личного имущества товарищем, заключившим сделку. Данный вид взаимодействия говорит о наличии доверительных отношений между участниками юридического лица, так как в противном случае объединение теряет смысл. Исторически сложилось, что таким наиболее распространенным видом юридического взаимодействия является семейный.
2. Общества, действующие на основании устава с коллегиальным органом, только общество отвечает по долгам, участники общества по долгам общества не отвечают. Хозяйственные общества могут быть компаниями одного лица. Общества и товарищества рассчитаны на внесение имущественного вклада в виде денег или иного имущества, что требует привлечение состоятельных участников. Для не имеющих возможности материальных и денежных вкладов приемлемыми стали кооперативы.
3. Производственные кооперативы. Родиной кооперативов считается Англия. В России также есть достаточно богатый опыт кооперативов. Исторически они назывались артелями (сельскохозяйственными и т.д.). Сегодня в нашей стране кооперативов насчитывается более 100 тысяч. Они имеют особый тип юридического лица и являются особым видом корпораций, так как в них один участник равен одному голосу, вне зависимости от размера вклада; в конечном итоге образуется имущество, которое делится по паям (паевой взнос). Вклад в кооперативе может быть трудовым и наиболее адаптирован данный кооператив для среднего и малого бизнеса. Разделение в данной подгруппе кооперативов на производственные и потребительские является важным.

Производственные кооперативы выполняют определенную экономическую функцию, полученные доходы распределяются между участниками по паям, которые одинаковые. Мелкие организации, входящие в данный кооператив, требуют финансовой поддержки, а именно посредством привлекаемых юридических лиц, участвующих в объединении своими денежными взносами.

По разновидностям выделяют производственные и потребительские кооперативы. Основные положения о потребительских кооперативах установлены в ст. 123.2 ГК РФ. И потребительский и производственный кооператив может заниматься хозяйственной деятельностью, но производственный кооператив доходы от такой деятельности может распределять между своими членами, и он коммерческая организация. Потребительский кооператив даже в случае появления прибыли между участниками ее распределять не имеет права, в силу чего он является некоммерческой организацией.

В некоммерческой сфере выделяют три типа корпораций:

1. Потребительские кооперативы — это особая форма некоммерческой корпорации.
2. Ассоциации (союзы). Это либо общественные организации в виде добровольного объединения граждан, либо это объединение граждан и юридических лиц (например, торговая промышленная палата). Объединение имущества членов в виде членских взносов является важным признаком данного вида корпораций, а также занятие любой законной некоммерческой деятельностью.
3. Товарищества собственников недвижимости (ТСН) (п. 1 ст. 123.12 ГК РФ). Функционируют в качестве ТСЖ либо в виде СНТ. Жилищные, гаражные, дачные и прочие кооперативы существуют временно до момента полной уплаты паевого взноса участниками.

В коммерческой сфере трем типам коммерческих корпораций (товарищества, общества, производственный кооператив) противопоставит одна унитарная организация — унитарные предприятия.

В некоммерческой сфере трем типам некоммерческих корпораций (потребительский кооператив, ассоциация (союз), товарищество собственников жилья) противопоставит несколько унитарных организаций.

Некоммерческие унитарные организации — это фонды и учреждения. Аналогом учреждений являются автономные некоммерческие организации (АНО).

Особое внимание стоит уделить отдельной группе унитарных организаций, конструкции которой имеют особый правовой статус, объединенные в одну группу достаточно условно: государственные корпорации (в настоящее время действует 6 госкорпораций), госкомпании (действует 1 госкомпания), публично-правовые компании (действует 2 публично-правовых компаний). Госкорпорации в России функционируют как юрлица в соответствии с специальными федеральными законами, являются собственниками своего имущества, государство по долгам госкорпорации не отвечает, а они, в свою очередь, не отвечают по долгам государства, тем самым являются типичными частными собственниками. К ним относятся: Агентство по страхованию вкладов, Внешэкономбанк, Росатом, Роскосмос, Ростехнологии, Фонд содействия реформированию ЖКХ. Госкорпорациям Росатом, Роскосмос, Ростехнологии подчиняются юридические лица разных организационно-правовых форм. Госкомпании Российские автомобильные дороги (Росавтодор) имущество (автомобильные трассы) дается государством в доверительное управление на 40 лет в отличие от госкорпораций, которым имущество передается государством в собственность. Публично-правовая компания «Фонд развития территорий» — не отвечает по обязательствам своего учредителя (РФ), и наоборот, также не может быть признана банкротом, имеет право выпускать облигации (что на наш взгляд противоречит принципам

действия некоммерческой организации). Вторая публично-правовая компания была создана в 2020 году, называется «Застройщик», является заказчиком строительства, которое осуществляется за счет средств федерального бюджета. Здесь существует проблема участия государства в публично-правовых образованиях в гражданском обороте, которая решается с помощью конструкции юридических лиц публичного права, которые в нашей правовой системе не предусмотрены.

Многообразие юридических лиц достаточно трудно укладывается в четкую графическую классификационную схему. Правовое регулирование, имеющиеся пробелы и даже противоречия в законодательстве не позволяют этого сделать однозначно. К тому же попытка частичного заимствования западной практики не всегда положительным образом отражается на российских экономических и правовых реалиях. Отдельные конструкции возможны для применения в нашей стране, но в таком случае потребуются глобальная реформа законодательства, что повлечет за собой экономические преобразования, требующие финансовых вливаний со стороны государства, что представляется не целесообразным. Сложная работа, достижения консенсусов по разным проблемным четко не урегулированным вопросам экономистов-практиков с юристами позволит добиться максимального эффекта в создании эффективной институциональной системы под названием корпорация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Британика, Редакторы энциклопедии. «Корпорация». Encyclopedia Britannica, 30 декабря 2022 г. URL: <https://www.britannica.com/topic/corporation>.
2. Википедия URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10164072/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/>.
4. Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 года № 445-1. URL: <https://base.garant.ru/3961922/5ac206a89ea76855804609cd950fcdf/>.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2022 г. № 305-ЭС21-23266 по делу № А40-184062/2019. URL: <https://base.garant.ru/403749316/>.
6. Система национальных счетов 2008 года на сайте ООН. URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf>.
7. Скотт Херст, Дело о размещении заказов инвесторами, в № 2017-13 Дискуссионный документ по программе Гарвардской школы права по корпоративному управлению (2018). URL: https://scholarship.law.bu.edu/faculty_scholarship/343.
8. Суханов, Е.А. Американские корпорации в российском праве (о новой редакции гл. 4 ГК РФ) / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. — 2014. — Т. 14. — № 5. — С. 7-24. — EDN STSLZX.
9. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». URL: <https://base.garant.ru/12157441/>.
10. Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О банке развития». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12053549/>.
11. Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий». URL: <https://base.garant.ru/12154723/>.
12. Федеральный закон от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства». URL: <https://base.garant.ru/12154776/>.
13. Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12133717/>.
14. Федеральный закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех». URL: <https://base.garant.ru/12157231/>.

15. Федеральный закон от 26 октября 2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)». URL: <https://base.garant.ru/185181/2ad2cd3366f72a86c3210a630073139a/>.
16. Федеральный закон от 30 октября 2007 г. № 238-ФЗ «О Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта». URL: <https://base.garant.ru/5758785/>.
17. Федеральный закон от 8 июля 1999 г. № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций». URL: <https://base.garant.ru/3960004/>.
18. Rusprofile. URL: <https://www.rusprofile.ru/>.

© Симонова Евгения Владимировна (simonova-ev@anepa.ru),
Алёхина Татьяна Алексеевна (tat.alehina@mail.ru), Мосина Екатерина Игоревна (caterinamosina@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Орел

К ВОПРОСУ О ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ТУШЕНИЮ ПОЖАРОВ В НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТАХ, НА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТАХ И ОБЪЕКТАХ ИНФРАСТРУКТУРЫ

ON THE QUESTION OF LICENSING OF FIRE EXTINGUISHING ACTIVITIES IN RESIDENTIAL AREAS, AT PRODUCTION FACILITIES AND INFRASTRUCTURE OBJECTS

*I. Stepanova
A. Zamyatin*

Summary. The article analyzes the changes in the legislation of recent years on the procedure for licensing fire extinguishing activities. Particular attention is paid to the imperfection of the legislation and by-laws regulating the specified field of activity. Specific amendments and additions to the existing regulatory legal acts of various levels are proposed.

Keywords: licensing of activities, license applicant (licensee), fire hazardous facilities, federal territories, civil defense tasks, tasks for the prevention and elimination of emergency situations.

Степанова Ирина Александровна

Академия ГПС МЧС России

7503139@gmail.com

Замятин Анатолий Вячеславович

Начальник специальной пожарно-спасательной

части № 4 ФГКУ «Специальное управление ФПСН № 36

МЧС России»

Zamyatin_anatoliy@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются изменения законодательства последних лет о порядке лицензирования деятельности по тушению пожаров. Особое внимание уделяется вопросам несовершенства законодательства и подзаконных нормативных актов, регулирующих указанную сферу деятельности. Предлагаются конкретные поправки и дополнения в действующие нормативные правовые акты различного уровня.

Ключевые слова: лицензирование деятельности, соискатель лицензии (лицензиат), пожароопасные объекты, федеральные территории, задачи гражданской обороны, задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В соответствии со статьей 37 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [1] руководители организаций обязаны обеспечивать создание и содержание подразделений пожарной охраны на объектах, включенных в утвержденный Правительством Российской Федерации перечень объектов, критически важных для национальной безопасности страны, других особо важных пожароопасных объектов, особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, закрытых административно-территориальных образований, федеральных территорий, где создаются объектовые, специальные и воинские подразделения федеральной противопожарной службы исходя из требований, установленных статьей 97 Федерального закона от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [2]. В большей степени данное требование имеет отношение к производственным объектам. Более конкретные требования к размещению подразделений пожарной охраны и пожарных депо на производственных объектах изложены в ст. 97 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент

о требованиях пожарной безопасности» [2]. В соответствии с указанным законом подразделения пожарной охраны и пожарные депо размещаются на следующих производственных объектах:

1. с суммарным объемом зданий категорий А и Б по пожарной и взрывопожарной опасности и помещений категорий А и Б по пожарной и взрывопожарной опасности в составе зданий категории В по пожарной и взрывопожарной опасности более 100 тысяч кубических метров и (или) с одновременно обращающимися в наружных технологических установках пожароопасными, пожаровзрывоопасными и взрывоопасными технологическими средами массой более 100 тысяч тонн. Объемы зданий, помещений и масса технологических сред суммируются, при этом подразделения пожарной охраны создаются на производственных объектах с суммарным числовым значением более 100 тысяч;
2. с суммарным объемом зданий категории В по пожарной и взрывопожарной опасности более 2 миллионов кубических метров;

3. атомных электростанций вне зависимости от мощности, тепловых электростанций мощностью 1000 мегаватт и более, гидроэлектростанций мощностью 1500 мегаватт и более.

Подразделения пожарной охраны оснащаются пожарными автомобилями исходя из специфики производственных объектов, требуемого расхода воды на наружное пожаротушение, однородности средств пожаротушения, а также с учетом показателей пожарной опасности, токсичности, химической активности хранящихся и обращающихся на производственных объектах веществ и материалов. Тип и количество пожарных автомобилей подразделений пожарной охраны на производственных объектах определяются с учетом привлекаемых для тушения пожара сил и средств других подразделений пожарной охраны пожарно-спасательного гарнизона исходя из установленной частью 1 статьи 76 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [2] условия прибытия к месту пожара.

В соответствии со ст. 37 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [1] пожарная охрана — совокупность созданных в установленном порядке органов управления, подразделений и организаций, предназначенных для организации профилактики пожаров, их тушения и проведения возложенных на них аварийно-спасательных работ.

Основными задачами пожарной охраны являются: организация и осуществление профилактики пожаров; спасение людей и имущества при пожарах, оказание первой помощи; организация и осуществление тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ.

Деятельность по тушению пожаров является лицензированным видом деятельности в соответствии с Федеральным законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [3]. Требования данного закона распространяются на все виды пожарной охраны, определённые в статье 4 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [1] кроме деятельности добровольной пожарной охраны.

Лицензирование деятельности по тушению пожаров в населённых пунктах, на производственных объектах и объектах инфраструктуры в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.07.2020 № 1131 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по тушению пожаров в населённых пунктах, на производственных объектах

и объектах инфраструктуры» [4] осуществляется МЧС России, включая его территориальные органы — органы, специально уполномоченные решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъектам Российской Федерации.

При проведении проверок соискателей лицензии (лицензиатов) деятельности по тушению пожаров в населённых пунктах, на производственных объектах и объектах инфраструктуры лицензирующий орган осуществляет проверку соответствия соискателей лицензии (лицензиатов) лицензионным требованиям при осуществлении лицензируемого вида деятельности, к которым относятся [4]:

- а) наличие у соискателя лицензии (лицензиата) зданий, помещений и сооружений установленного в соответствии со статьей 33 Федерального закона от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [2] типа и принадлежащих ему на праве собственности или ином законном основании, размещенных на территории поселений и городских округов с учетом требований статьи 76 Федерального закона от 22.07.2008 № 123-ФЗ, а в случае размещения на территории производственных объектов — в соответствии со статьей 97 Федерального закона от 22.07.2008 № 123-ФЗ;
- б) наличие у соискателя лицензии (лицензиата) необходимых для осуществления лицензируемого вида деятельности мобильных средств пожаротушения, первичных средств пожаротушения, средств связи, огнетушащих веществ, средств спасения, пожарного оборудования, средств индивидуальной защиты пожарных, средств самоспасения пожарных, принадлежащих ему на праве собственности или ином законном основании, предусматривающем право владения и пользования, и соответствующих установленным требованиям, а также технической документации на указанные средства, вещества и оборудование;
- в) наличие у соискателя лицензии или лицензиата работника, ответственного за осуществление лицензируемого вида деятельности, заключившего с соискателем лицензии или лицензиатом трудовой договор, имеющего высшее или среднее профессиональное образование по специальности «Пожарная безопасность», либо высшее образование по направлению подготовки «Техносферная безопасность» (профиль — «Пожарная безопасность»), либо иное высшее образование при условии получения дополнительного профессионального образования по типовой дополнительной профессиональной программе — программе профессиональной переподготовки, утверж-

денной лицензирующим органом, и имеющего стаж работы не менее 5 лет в организациях, осуществляющих лицензируемый вид деятельности на должностях, связанных с выполнением работ (оказанием услуг), составляющих лицензируемый вид деятельности, и (или) службы в организациях (учреждениях) федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы на должностях, связанных с осуществлением лицензируемого вида деятельности. Работник может быть ответственным за осуществление лицензируемого вида деятельности только у одного юридического лица или индивидуального предпринимателя;

- г) наличие в штате у соискателя лицензии или лицензиата работников, выполняющих работы (оказывающих услуги), составляющие лицензируемый вид деятельности (при выполнении 1 или 2 видов работ (услуг) — не менее 2 человек, при выполнении 3 или 4 видов работ (услуг) — не менее 3 человек, при выполнении 5 и более видов работ (услуг) — не менее 5 человек), заключивших с соискателем лицензии или лицензиатом трудовые договоры;
- д) отсутствие медицинских противопоказаний для исполнения должностных обязанностей у лиц, указанных в подпунктах «в» и «г» настоящего пункта;
- е) получение лицами, указанными в подпунктах «в» и «г» настоящего пункта, не реже 1 раза в 5 лет соответствующего выполняемым работам (оказываемым услугам) в области лицензируемого вида деятельности дополнительного профессионального образования по типовым дополнительным профессиональным программам — программам повышения квалификации.
- ж) выполнение лицензиатом положений нормативных правовых актов и нормативных документов по пожарной безопасности в части организации тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ, в том числе с использованием средств индивидуальной защиты органов дыхания и зрения в непригодной для дыхания среде, организации деятельности пожарно-спасательных гарнизонов, организации и несения караульной службы, подготовки личного состава пожарной охраны, проведения аттестации на право осуществления руководства тушением пожаров и ликвидацией чрезвычайных ситуаций, а также привлечения сил и средств подразделений пожарной охраны, пожарно-спасательных гарнизонов для тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ;
- з) соблюдение лицензиатом требований к порядку учета пожаров и их последствий, установленных

федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на решение задач в области пожарной безопасности.

Важность обсуждаемой темы обусловлена несовершенством существующей в настоящее время нормативно — правовой базы по вопросам лицензирования и осуществления лицензионной деятельности по тушению пожаров в населенных пунктах, на производственных объектах и объектах инфраструктуры. Хочется отметить ряд проблемных вопросов, возникающих при реализации указанных выше положений нормативно — правовых документов лицензирующими органами.

Требования Постановления Правительства РФ от 28.07.2020 № 1131 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по тушению пожаров в населенных пунктах, на производственных объектах и объектах инфраструктуры» [4] не содержат четкого и закрытого перечня работ, услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности. Такая ситуация не может быть признана верной и нуждается в корректировке. Для упорядочения действий представителя лицензирующего органа при проведении контрольно — надзорных мероприятий в отношении соискателей лицензии (лицензиатов) необходимо разработать четко регламентированный порядок, закрепив его в вышеназванном документе.

В требованиях подпункта «а» пункта 3 Постановления Правительства РФ от 28.07.2020 № 1131 следует обозначить также и возможность размещения соискателя лицензии (лицензиата) в зданиях, приспособленных для зданий пожарных депо. Там же следует отразить необходимость соответствия указанных зданий (помещений, сооружений) требованиям нормативных документов, в частности требованиями приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 11.12.2020 № 881н «Об утверждении Правил по охране труда в подразделениях пожарной охраны» [8] и Приказа МЧС России от 01.10.2020 № 737 «Об утверждении Руководства по организации материально — технического обеспечения МЧС России» [5].

В подпункте «б» пункта 3 Постановления Правительства РФ от 28.07.2020 № 1131 не определен обязательный перечень необходимого для осуществления лицензируемого вида деятельности мобильных средств пожаротушения, первичных средств пожаротушения, средств связи, огнетушащих веществ, средств спасения, пожарного оборудования, средств индивидуальной защиты пожарных, средств самоспасения пожарных. Такое положение дел крайне опасно, поскольку в процессе боевых действий может привести к необратимым последствиям и утратам.

В подпункте «в» пункта 3 не определено, что должностное лицо, ответственное за осуществление лицензируемого вида деятельности с подтвержденным образованием и стажем работы следует иметь по каждому месту осуществления деятельности лицензиата.

В подпункте «г» пункта 3 количество работников, состоящих в штате у соискателя лицензии или лицензиата, выполняющих работы (оказывающих услуги), составляющие лицензируемый вид деятельности, не определяется в соответствии с расчетными методиками определения численности личного состава (приказ МЧС России от 15.10.2021 № 700 «Об утверждении методик расчета численности и технической оснащенности подразделений пожарной охраны» [6], СП 232.1311500.2015 Свод правил. Пожарная охрана предприятий [9]).

В соответствии с требованиями приказа МЧС России от 24.09.2019 № 505 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности в МЧС России и его территориальных органах» [7], к полномочиям территориальных органов МЧС России отнесено участие в проведении проверок соискателей лицензий (лицензиатов), претендующих осуществлять (осуществляющих) деятельность по тушению пожаров на производственных объектах и объектах инфраструктуры управлений,

организующих деятельность подчиненных пожарных, пожарно — спасательных, поисково — спасательных и аварийно — спасательных формирований и других сил МЧС России на территории субъекта РФ. Однако оказанное положение отсутствует в полномочиях специальных подразделений ФПС, в результате чего участие должностных лиц управлений, организующих деятельность подчиненных пожарных, пожарно — спасательных, поисково — спасательных и аварийно — спасательных формирований и других сил МЧС России на территории субъекта РФ в проведении проверок соискателей лицензий (лицензиатов), претендующих осуществлять (осуществляющих) деятельность по тушению пожаров на производственных объектах зачастую невозможно в виду отсутствия форм допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Все вышеперечисленное, а именно — несоответствия и противоречия, имеющиеся в нормативных документах, в значительной мере затрудняют и усложняют практическую деятельность, связанную с тушением пожаров и проведением аварийно-спасательных работ и свидетельствуют о необходимости внести изменения в законодательную базу по вопросам организации и осуществления лицензионной деятельности и лицензионного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности».
2. Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».
3. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2020 № 1131 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по тушению пожаров в населенных пунктах, на производственных объектах и объектах инфраструктуры».
5. Приказа МЧС России от 01.10.2020 № 737 «Об утверждении Руководства по организации материально — технического обеспечения МЧС России».
6. Приказ МЧС России от 15.10.2021 № 700 «Об утверждении методик расчета численности и технической оснащенности подразделений пожарной охраны».
7. Приказ МЧС России от 24.09.2019 № 505 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности в МЧС России и его территориальных органах».
8. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 11.12.2020 № 881н «Об утверждении Правил по охране труда в подразделениях пожарной охраны».
9. СП 232.1311500.2015 Свод правил. Пожарная охрана предприятий.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОЛЛИЗИИ И КОНКУРЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE COLLISION AND COMPETITION OF CRIMINAL LAW NORMS

D. Tugutova

Summary. The issues of collision and competition of criminal law norms are of particular complexity not only for law enforcement practice, but also for the doctrine of criminal law. Despite the representativeness of scientific works on the subject under study, there is still no uniform approach to understanding not only the content of these concepts, but also to the question of their relationship. The application of the comparative legal method to the study of the collision and competition of criminal law norms allows us to answer the questions posed. The results of the study indicate the presence of distinctive features, which indicates the difference between the analyzed legal phenomena.

Keywords: criminal law, competition of criminal law norms, collision, Criminal Code of the Russian Federation, comparative legal analysis, semantics.

Тугутова Дулма Аюровна

Аспирант, Университет прокуратуры Российской Федерации
tugutova.dulma@gmail.com

Аннотация. Вопросы коллизии и конкуренции уголовно-правовых норм представляют особую сложность не только для правоприменительной практики, но и для доктрины уголовного права. Несмотря на репрезентативность научных трудов по исследуемой проблематике до настоящего момента отсутствует единообразный подход к пониманию не только содержания указанных понятий, но и к вопросу их соотношения. Применение сравнительно-правового метода к изучению коллизии и конкуренции уголовно-правовых норм позволяет ответить на поставленные вопросы. Результаты исследования свидетельствуют о наличии отличительных признаков, что свидетельствует о различии анализируемых правовых феноменов.

Ключевые слова: уголовное право, конкуренция уголовно-правовых норм, коллизия, Уголовный кодекс Российской Федерации, сравнительно-правовой анализ, семантика.

Введение

Исследование конкуренции и коллизии правовых норм заслуга правовой доктрины, в большей части вопросы конкуренции изучались уголовно-правовой наукой. Тем не менее отсутствие законодательной регламентации приводит к различному пониманию сущности исследуемых явлений. Диаметрально различаются подходы к пониманию признаков анализируемых терминов, что в свою очередь приводит к различному содержанию, вкладываемых в изучаемые понятия.

Исследование содержания понятий коллизия и конкуренция уголовно-правовых норм целесообразно начинать с анализа их семантики.

Обратимся к априорно иностранному термину «коллизия». Впервые в общеупотребительном значении ему дается объяснение еще в дореволюционное время. Так, в словаре иностранных слов 1866 года указано следующее — «от латинского *collisio, colligere* — столкнуть одно с другим, столкновение» [12, с. 136]. Латинско-русский словарь под редакцией И.Х. Дворецкого определяет коллизия как:

1. столкновение;
2. выдавливание, выталкивание;
3. сотрясение [10, с. 204].

В советское время происходит трансформация вкладываемого в термин значения, что наглядно прослеживается в словаре иностранных слов 1949 года [16, с. 307], который определяет коллизия как столкновение противоположных сил, стремлений и интересов. Аналогичным образом коллизия определяется в словаре Академии Наук СССР 1956 года [18, с. 1167]. В новом определении усматривается идеологическое влияние диалектического закона единства и борьбы противоположностей.

Большая советская энциклопедия дает понятия коллизии законов и прав. Коллизия законов определяется как расхождение или противоречие между законами. При этом указывается, что для советского законодательства она законов не характерна в отличие от буржуазных стран. Ссылаясь на статью 20 Конституции СССР делается оговорка о приоритете общесоюзных законов над законами республик. Коллизия прав определяется как столкновение двух или нескольких притязаний по отношению к одному и тому же объекту [2, с. 627].

Большой академический словарь русского языка под редакцией РАН 2007 года указывает юридическое значение: «расхождение между отдельными законами государства или противоречие законов, судебных решений и т.п. различных государств» [4, с. 239–240], что свидетельствует об однозначной закреплённости данного термина в юридической науке. Это подтверждается и широкой репрезентативностью научных работ, посвящённых изучению коллизии.

Вместе с тем, в правовой доктрине наличествует плюрализм мнений относительно сущности самого термина коллизия и его соотношения с конкуренцией уголовно-правовых норм.

Представители первого подхода считают данные понятия синонимичными и не требующими разграничения (Л.В. Иногамова-Хегай [7, с. 9], З.А. Незнамова [12, с. 8]).

Диаметрально противоположна позиция о необходимости различия данных понятий, однако широка вариативность взглядов по вопросу их соотношения:

1. Конкуренция — вид коллизии (А.Ф. Черданцев [20, с. 60], Н.А. Власенко [5, с. 39–48]);
2. Коллизия — вид конкуренции (В.П. Малков [11, с. 98], С.Ф. Сауляк [15, с. 87]);
3. Конкуренция и коллизия правовых норм не находятся в отношении соподчинения:
 - ◆ Конкуренция возникает в случае противоречия правовых норм, а коллизия предполагает наличие двух и более правовых норм, регулирующих одно и то же общественное отношение, из которых применению подлежит лишь одна (В.Н. Кудрявцев [8, с. 244–245]).
 - ◆ Конкуренция — это противоречия внутри обособленных нормативных актов или отраслей, а коллизия — противоречия между нормами целых отраслей (А.И. Бойко [1, с. 16]).
4. Н.Ф. Кузнецова приходит к выводу о том, что логичнее отказаться от неизвестного УК РФ и практике понятия «конкуренция», а употреблять законодательную терминологию о квалификации по общей и специальной нормам [9, с. 125].

О неоднозначном употреблении исследуемых терминов свидетельствует и судебная практика. Так, в решениях Конституционного суда Российской Федерации наглядно прослеживается тенденция к отсутствию единообразия употребления данных терминов. К примеру, выявлены случаи одновременного употребления терминов коллизия и конкуренция в тексте одного решения: «... выступает в качестве специальной нормы по отношению к общим положениям УПК РФ, а значит, в случае *коллизии* между ними она обладает приори-

тетом исходя из общеправового принципа *lex specialis derogat generali*, определяющего критерий выбора в случае *конкуренции* общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения» [14].

Для разрешения вопроса о соотношении исследуемых понятий проведем диалектический анализ семантики термина конкуренция уголовно-правовых норм. Само слово конкуренция нашло свое закрепление в русском языке в дореволюционное время, но ранее чем коллизия. Словарь русского языка XVIII века даёт следующее определение: «от латинского *concurrentia*, непосредственно и через французского *concurrence*, польского *konkurencja* — соперничество» [?, с. 136]. Словотолкователь И.Ф. Бурдона 1871 года указывает на происхождение термина от латинского «бежать вместе» [19, с. 299].

В советское время данный термин преломляется в силу идеологического противопоставления социалистического и капиталистического обществ. В словаре иностранных слов 1949 года конкуренция определяется через борьбу капиталистов, обостряющую противоречия, ведущую к поражению и смерти одних, победе и господству других. В социалистическом обществе вместо конкуренции предполагалось социалистическое соревнование, основанное на товарищеской помощи отставшим со стороны передовых, чтобы добиться общего подъёма [3, с. 385].

Одно из первых определений понятия конкуренции уголовно-правовых норм принадлежит А.А. Герцензону, который понимал под ней наличие двух или нескольких уголовных законов, в равной мере предусматривающих наказуемость деяния [6, с. 21].

Латинско-русский словарь даёт множественные значения исследуемого термина:

1. сбегаться (толпами), сходиться, стекаться
2. скопляться;
3. сталкиваться, набегать друг на друга, сшибаться;
4. стремительно надвигаться;
5. встречаться, соединяться, смыкаться;
6. одновременно происходить, совпадать;
7. согласоваться;
8. прибегать, искать прибежища;
9. соперничать, конкурировать [10, с. 226].

Для выделения отличия между анализируемыми явлениями в первую очередь надлежит выяснить условия возникновения указанных явлений.

Не стоит забывать, что и коллизия, и конкуренция правовых норм являются правовыми явлениями, соот-

ветственно не могут существовать вне правового поля, а значит первым условием их возникновения является урегулированность общественных отношений правовой нормой, что отличает указанные понятия от пробела правового регулирования.

Вторым условием является наличие двух и более правовых норм, регулирующих общественное отношение.

Третьим условием является регулирование двумя и более правовыми нормами одного общественного отношения.

При указанных обстоятельствах коллизию и конкуренцию правовых норм можно было бы воспринять синонимичными понятиями. Однако тогда не был бы учтен важнейший признак, различающий эти понятия. Противоречия, лежащие в основе коллизии правовых норм предполагают исключение возможности применения одной из правовых норм, регулирующих общественное отношение. В то же время при конкуренции уголовно-правовых норм отсутствует противоречия, исключающие действие других правовых норм, регулирующих правовые отношения.

Следовательно, четвертым условием конкуренции правовых норм является отсутствие противоречия между ними противоречия.

К примеру, в нарушение требований охраны труда водитель осуществляет перевозку груза, превышающего установленную норму, при этом нарушая правила дорожного движения, превышает скоростной режим, в результате чего груз падает на пассажира, которому причиняется тяжкий вред здоровью. При указанных обстоятельствах лицом нарушаются одновременно требования охраны труда и правила дорожного движения, действия которых не исключают друг друга. При этом правоприменителю с учетом фактических обстоятельств дела надлежит выбрать наиболее подходящую правовую норму между частью 1 статьи 143 и частью 1 статьи 264 УК РФ.

Пятым условием конкуренции правовых норм полагаем их равную юридическую силу, поскольку нормы большей юридической силы всегда имеют приоритет.

Заключение

На наш взгляд необходимо как выделять конкуренцию уголовно-правовых норм, так и делать это в отличном от коллизии смысле, поскольку существенной характеристикой синонимии является семантическое тождество либо близость терминов. Анализ вышеприведенных лексических значений изучаемых терминов свидетельствует о том, что семантика термина конкуренция не предполагает обязательного конфликта по принципу *tertium non datur*; что в тоже время характерно для коллизии.

Указанный тезис приводит нас к последующему логическому обоснованию невозможности родовидовых отношений, соподчиненности между понятиями конкуренция и коллизия. Аргументом в пользу данной позиции является априорная дихотомия данных терминов. Путем мысленного эксперимента представим, что все правовые нормы можно разделить на противоречащие и непротиворечащие. Оговоримся, что в правовом государстве презюмируется отсутствие правовых противоречий, тем не менее в силу различного рода причин как объективного (например, развития общественных отношений), так и субъективного характера (например, нарушения правил юридической техники на стадии законодательства) такой ситуации невозможно избежать. Так, в случае одновременного регулирования одних и тех же общественных отношений правовыми нормами, находящимися в противоречии (конфликте) друг с другом, одна из них в обязательном порядке будет исключать действие другой. Под такими ситуациями в дальнейшем мы будем понимать коллизию правовых норм. В противном случае, когда на регулирование одного общественного отношения претендуют несколько правовых норм, не исключающих действие друг друга, мы будем понимать конкуренцией правовых норм, при существовании последней одна норма всегда исключает действие другой, способом решения данного вопроса является — преодоление, зачастую законодательным путем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко А.И. Системная среда уголовного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М, 2008. — 59 с.;
2. Большая советская энциклопедия Т. 22. / Под ред. Б.А. Введенского. — 2-е изд. — М., 1953. — 628 с.
3. Большая советская энциклопедия. Т. 21. / Под ред. Б.А. Введенского. — 2-е изд. — М., 1953. — 628 с.
4. Большой академический словарь русского языка. Т. 8. — М.: Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., 2007. — 839 с.
5. Власенко Н.А. Коллизии в праве как объект современного научного познания // Юридическая техника. — 2017. — № 11. — С. 39–48.
6. Герцензон А.А. Квалификация преступлений. — М.: РИО ВЮА, 1947. — 26 с.
7. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. — М, 1999. — 333 с.
8. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — М.: Юрид. лит., 1972. — 352 с.

9. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». — М.: Городец, 2007. — 336 с.
10. Латинско–русский словарь / Под ред. И.Х. Дворецкого. — 2-е изд. — М.: Русский язык, 1976. — 1096 с.
11. Малков В.П. Избранные труды. Т. 1. — Казань: Познание, 2011. — 484 с.
12. Михельсон А.Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. — М., 1866. — 771 с.
13. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. — Екатеринбург: Cricket, 1994. — 284 с.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 мая 2019 г. № 20–П «По делу о проверке конституционности пункта 2–1 части второй статьи 30 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 21. — Ст. 2657.
15. Сауляк С.Ф. Проблема конкуренции уголовно–правовых норм: Дис. ... канд. юрид. наук. — М, 1990. — 188 с.
16. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. — М.: Советская энциклопедия, 1949. — 784 с.
17. Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 10. / М.: Рос. акад. наук, Ин–т лингвист. исслед., 1998. — 256 с.
18. Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. / Акад. наук СССР. Ин–т рус. яз. — М., 1956. — 1920 с.
19. Словотолкователь 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней / Под ред. И.Ф. Бурдона — 3-е изд. — М.: Типография Бахметева. — 608 с.
20. Черданцев А.Ф. Системность норм права // Сборник ученых трудов СЮИ. — 1970. — Вып. 12. — С. 47–63.

© Тугутова Дулма Аюровна (tugutova.dulma@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Университет прокуратуры Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ» ЗА ОБЩЕЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ИЛИ ПОПУСТИТЕЛЬСТВО ПО СЛУЖБЕ

TOPICAL ISSUES OF QUALIFICATION OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME OF "TAKING A BRIBE" FOR GENERAL PATRONAGE OR CONNIVANCE IN THE SERVICE

**E. Fomenko
E. Trufanova**

Summary. The article examines topical issues of qualification of the objective side of the crime of receiving a bribe for general patronage or connivance in the service. The problems of interpretation of these issues in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" are shown. A large place in the work is occupied by the consideration of the difference between the objective side of receiving a bribe for connivance in the service and receiving a bribe for illegal actions (inaction). The problem of inaccurate definition of the phrase "in the service" in relation to the actions of the bribe-giver and the degree of probability of the official committing acts "paid" by a bribe in the service is considered. Analyzing judicial practice and the current criminal law, the author's version of the definition of the relationship "in the service" is proposed. The work reveals in detail the essence of the objective side of the crime of "taking a bribe" for general patronage or connivance in the service, analyzes the legislative framework, judicial practice and scientific literature on the issue under study.

Keywords: general patronage and connivance in the service, illegal actions (inaction), the bribe-giver, the bribe-taker, giving a bribe for the future, receiving a bribe.

Фоменко Елена Владимировна

Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России), г. Москва
89266006361@mail.ru

Труфанова Елизавета Геннадьевна

Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России), г. Москва
liza.trufanova22@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы квалификации объективной стороны состава преступления получения взятки за общее покровительство или попустительство по службе. Показана проблематика толкования этих вопросов в постановление Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Большое место в работе занимает рассмотрение различия объективной стороны получения взятки за попустительство по службе и получение взятки за незаконные действия (бездействия). Рассмотрена проблема неточного определения словосочетания «по службе» по отношению к действиям взяткодателя и степень вероятности совершения должностным лицом «оплачиваемых» взяткой деяний по службе. Анализируя судебную практику и действующий уголовный закон, предлагается авторский вариант определения отношений «по службе». В работе подробно раскрывается суть объективной стороны состава преступления «получения взятки» за общее покровительство или попустительство по службе, анализируется законодательная база, судебная практика и научная литература по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: общее покровительство и попустительство по службе, незаконные действия (бездействия), взяткодатель, взяткополучатель, дача взятки на будущее, получение взятки.

Взяточничество и подкуп, по мнению специалистов [6], являются наиболее опасными проявлениями коррупции в современном обществе, которые пагубно влияют на все стороны социальной жизни. Получение взятки является наиболее опасным преступлением в силу того, что нарушает нормальное

функционирование государственного аппарата, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, граждан и организаций. Повышенная общественная опасность этого преступления обусловлена участием в его совершении должностного лица, каждое неправомерное решение и дея-

ние которого имеют серьезные последствия, которые умоляют в глазах общества доверие к власти, закону и государству.

Одним из самых сложных вопросов квалификации при получении взятки является получение за общее покровительство и попустительству по службе со стороны должностного лица.

Данная проблематика связана с тем, что суды не всегда учитывают основные толкования Пленума Верховного Суда Российской Федерации [3], которые разъясняют специфику и общий характер покровительства и попустительства при взятничестве.

Можно выделить две основные проблемы квалификации получения взятки за общее покровительство и попустительству по службе, которые состоят в понимании судов по-разному:

- а) значения словосочетания «по службе» для определения отношений должностного лица и взяткодателя;
- б) степень вероятности совершения должностным лицом «оплачиваемых» взяткой деяний по службе.

Первый вопрос решается легче, чем второй, так как здесь достаточно применить толкование признака, отраженного в абз. 4 п. 5 постановления Пленума ВС РФ № 24 [3]. Так, в нем указывается, что имеющие отношение к общему покровительству или попустительству по службе действия (бездействие) могут быть осуществлены должностным лицом (взяткополучателем) в пользу не только своих непосредственных подчиненных, но и тех лиц, на которых распространяются его полномочия контрольного, надзорного и иного характера как представителя власти, а также полномочия организационно-распорядительного характера.

Так, Гончаров А.О., являясь должностным лицом-начальником ... полиции ... отдела МВД России на транспорте, лично получил от Л. взятку в виде денег, в значительном размере, в сумме 140400 рублей, за совершение заведомо незаконного бездействия в пользу Л., выражающегося в не выявлении, не пресечении и не документировании деятельности Л., а также в не передаче (направлении) заявлений и сообщений о совершаемом Л. административного правонарушения, в государственных и муниципальных органах, организации или должностному лицу, к компетенции которых относится решение соответствующих вопросов либо не информировании соответствующих государственных и муниципальных органов, организаций и должностных лиц этих органов и организаций о ставшем известным ему факте, незаконной уличной торговли Л., требующем их

оперативного реагирования, то есть в осуществлении попустительства по службе к незаконной деятельности Л., и осуществление ее покровительства, посредством использования им (Гончаровым) своего служебного положения, в виде способствования незаконному бездействию других должностных лиц, по отношению к деятельности Л., связанной с осуществлением последним незаконной уличной торговли мобильными аксессуарами [4].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что широкое и правильное, на наш взгляд, понимание отношений «по службе» включает в себя любую область служебной компетенции взяткополучателя, в том числе, выходящую за пределы отношений подчиненности.

По нашему мнению, необходимо внести конкретику в определение «иных лиц» в абзац 4 п. 5 ПП ВС РФ № 24, так как из примера выше видно, что суд отнес к «иным лицам, на которые распространяются контрольный и надзорный функции» физическое лицо, торгующее без лицензии. А именно предлагаем этот абзац изложить в следующей новой редакции: «Относящиеся к общему покровительству или попустительству по службе действия (бездействие) могут быть совершены должностным лицом в пользу как подчиненных, так и ... иных лиц, на которые распространяются его надзорные, контрольные или иные функции представителя власти, а так же его организационно-распорядительные функции в области рабочих отношений, как линейного подчинения, так и функционального».

Законодатель в п. 5 постановления Пленума ВС РФ [3] в качестве примеров общего покровительства по службе приводит отношения подчиненности между руководителем и работником, хотя указывает на иных лиц «на которых распространяются его надзорные, контрольные или иные функции представителя власти, а также его организационно-распорядительные функции». Следовательно, Пленум ВС РФ дает слишком широкое толкование «отношений по службе». И хотя для квалификации получения взятки за общее покровительство и попустительству по службе не является обязательным условием наличия отношений подчиненности, возникает недопонимание истинного толкования, так как получается, что форма поведения должностного лица может иметь место не только в сфере контроля за работой подчиненных, либо органов подконтрольных должностному лицу.

К тому же, как отмечала Е.В. Фоменко, взяткодатель при общем покровительстве или попустительстве может быть лицо, которое не подчинялось непосредственно должностному, но оказалось в силу различных обстоятельств в сфере действия властных полномочий

последнего, что и подвигло такого взяточдателя на подкуп представителя власти [5]. Тем самым остается нерешенным вопрос кто именно подпадает под действие властных полномочий должностного лица. Эта проблема вызывает затруднение у правоприменителя и требует разрешения, путем внесения разъяснений в действующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Решение второго обозначенного выше вопроса представляется сложнее, и обуславливается это необходимостью понимать в какой момент и за какие именно действия (бездействия) происходит сговор на передачу и передача предмета взятки.

Если говорить об общем покровительстве и попустительстве, то нужно отметить, что в этом случае обязательным является, что конкретные действия не оговариваются, а только лишь предполагаются и носят возможный характер или вовсе подразумевается создание благоприятных условий для взяточдателя в любой возможной ситуации.

Тем самым взятка дается не за обещание совершить действие (бездействие), а за готовность в конкретном необходимом случае использовать свои полномочия должностным лицом в пользу взяточдателя. Для правильной квалификации дачи взятки за общее покровительство и попустительство необходимо, чтобы должностное лицо действительно в рамках своих должностных полномочий и компетенции, имело возможность для совершения данных деяний лично или опосредованно.

Существует проблема разграничения получения взятки за общее попустительство по службе и получение взятки за незаконное действие (бездействие), поэтому выше мы и указали необходимость понимать при окончательной квалификации в какой момент была договоренность и передача взятки, и за какие деяния [1].

Разграничение этих двух форм поведения должностного лица заключается в том, что при общем попустительстве по службе, как мы уже отмечали выше, имеется ввиду предполагаемое деяние ввиду не реа-

гирования на правонарушение, а в случае незаконного действия (бездействия) правонарушение уже совершено и договоренность происходит постфактум за конкретное деяние.

Нельзя, на наш взгляд, в решении этого вопроса согласиться с М.А Любавиной [2], которая отмечает, что систематическое получение взятки в рамках общего покровительства и попустительства по службе «на всякий случай» и обещания при необходимости посодействовать должностным лицом, будет квалифицироваться по ч. 3 ст. 290 УК РФ при наступлении этой необходимости и считаться продолжающимся единым преступлением. По нашему мнению, вернее будет квалифицировать такие действия по ч. 1 ст. 290 УК РФ, ПП ВС РФ № 24 [3] в п. 6 приводит в пример одно из деяний как незаконного бездействия, а именно: «состоят в неисполнении служебных обязанностей» и, казалось бы, квалификация подходит, но сущность общего попустительства по службе и состоит в незнании за что именно дается взятка. При предлагаемой М.А Любавиной квалификации теряется необходимый признак объективной стороны преступления, разница состоит в том, что при незаконных действиях (бездействиях) (ч. 3 ст. 290 УК РФ) взятка дается уже за совершенный проступок взяточдателя, на момент получения взятки взяточполучатель уже знает за что именно он ее получает, когда при общем попустительстве должностное лицо, так сказать, узнает за что получил взятку только на момент сложившихся обстоятельств и той самой необходимости.

С учетом изложенного следует сделать вывод, что эта проблема, на наш взгляд, также подлежит разрешению путем внесения дополнений в действующее толкование, закрепленное в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В целом считаем важным обратить внимание на необходимость более детального и точного толкования бланкетных и оценочных признаков, относящихся к составам преступления, связанным с получением взятки и смежным с ним составам, с целью повышения эффективности противодействия взяточничеству уголовно-правовыми средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восканян Р.О. Европейская практика проведения государственных закупок // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2020. — № 1 (183). — С. 42–49.
2. Любавина М.А. Квалификация взяточничества (ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ): учебное пособие / М.А. Любавина. — СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 156 с.
3. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) // Рос. газ. — 2013.17.07

4. Приговор суда по ч. 3 ст. 290 УК РФ № 1–586/2020// Stud.Praktika.ru: сайт. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551316.html> (дата обращения 4.01.2023).
5. Фоменко Е.В. Подкуп должностных лиц: современное состояние законодательства и правоприменительной практики: учебное пособие/Е.В. Фоменко. — М.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016, С. 80.
6. Фоменко Е.В. Соотношение понятий «подкуп» и «коррупция»: сравнительно-правовой анализ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 8. С. 43–47.
7. Фоменко Е.В. Подкуп как наиболее общественно опасное проявление коррупции // Закон и право. 2021. № 9. С. 105–109.

© Фоменко Елена Владимировна (89266006361@mail.ru), Труфанова Елизавета Геннадьевна (liza.trufanova22@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Всероссийский государственный университет юстиции РПА Минюста России

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Gukovskaya A. — Ph. D in Economics, Assistant Professor, Russian State University of Humanities (Moscow)
gukovskaya.a@rggu.ru

Gumerov M. — Doctor of Economics, Moscow technic university of connection and informatics
maratushka85@gmail.com

Dombrovskaya M. — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Institute for the Development of Education of the Irkutsk Region
marina_dombr@mail.ru

Isaev M. — Candidate economy. sciences, associate professor, Dagestan State University
ef.dgu@mail.ru

Kuznetsova E. — Candidate of Economics, Associate Professor, FGBOU VO «Chuvash state university of I. N. Ulyanov» (Cheboksary)
elvira.kuz.70@mail.ru

Sokolov D. — Candidate of Economics, Associate Professor, FGBOU VO «Chuvash state university of I. N. Ulyanov» (Cheboksary)
sokolov77@inbox.ru

Maleshina L. — PhD of technical sciences, associate professor, Russian University of transport (MIIT), Moscow
docentglm@gmail.com

Shatskaya I. — PhD in Economics, associate professor, Russian University of transport (MIIT), Moscow
irina_shatskaya@mail.ru

Rasheva O. — Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
lululu5116@mail.ru

Rusnakova E. — Assistant, FSAOU VO «SevSU», Sevastopol
1995liz@mail.ru

Kovaleva N. — Candidate of Pedagogical Sciences, «Pedagogical Education», FSAOU «SevSU», Sevastopol

Sokolitsyna N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; Graduate School of Production Management
natasokoli@yandex.ru

Speshilova N. — Doctor of Economics, Professor, Orenburg State University
spfenics@yandex.ru

Dedeeva S. — Candidate of Economic Sciences, Orenburg State University
dedeeva79@mail.ru

Arkova O. — Orenburg State University
arkova84@mail.ru

Turishcheva T. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, REA named after G.V. Plekhanov; Financial University under the Government of the Russian Federation
ttb2812@mail.ru

Alyokhina E. — Candidate of Economics, Donskoy State Technical University
Ket_as@mail.ru

Matveeva O. — Lecturer, Donskoy State Technical University
oleksisa@mail.ru

Moskaleva T. — Candidate of Social Sciences, Donskoy State Technical University
tanya8m@yandex.ru

Bekov B. — Senior Lecturer, Ingush State University
bars-1964@mail.ru

Bikbaev R. — Moscow State University of International Relationships
Ruslan.bikbaev.dn@bk.ru

Bondar V. — Rostov State University of Economics (RINH),
Rostov-on-Don
vitalbondar1@rambler.ru

Bultikova A. — Postgraduate student, Saratov State Law
Academy
aina_bultikova@mail.ru

Kalinyuk E. — North-West Institute (branch) of the Kutafin
Moscow State Law University (MSAL)
yekaterina.kalinyuk@yandex.ru

Galych K. — Postgraduate student, Southwestern State
University
kristinka23.94@mail.ru

Golikova S. — Candidate of Legal Sciences, Sevastopol
State University
golikovasv@mail.ru

Kalandarishvili Z. — Candidate of Law, candidate of
pedagogical sciences, Associate Professor, Russian State
Pedagogical Herzen University
zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Gezenko D. — Senior lecturer, Saint-Petersburg University
of the humanities and social sciences
billy_92@mail.ru

Kozlov A. — Senior lecturer, The State University of
Management, Moscow
antonkozlov3000@yandex.ru

Krasnov A. — PhD student, Moscow University of Finance
and Law
alex.mos409@gmail.com

Kulabukhov V. — Postgraduate student, Belgorod State
National Research University
urist.russia86@mail.ru

Lutseva K. — Lecturer, Ryazan branch of Moscow
University Ministry of Internal Affairs of Russia. V.Ya. Kikotya
kseniya.luttseva@bk.ru

Lyubimova G. — PhD student, MGIMO Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation
asketka@list.ru

Magomedov A. — Postgraduate student, Central russian
institute of management (Orel city)
magomedov.jurist@gmail.com

Maksakova A. — Far Eastern State Transport University
(Khabarovsk) (SakhIzhT - a branch of the «Far Eastern State
Transport University» in Yuzhno-Sakhalinsk)
sasha_maksakova_sasha@mail.ru

Brager D. — PhD in Law, Associate Professor, Far Eastern
State Transport University (Khabarovsk) (SakhIzhT - a
branch of the «Far Eastern State Transport University» in
Yuzhno-Sakhalinsk)
brager-4@mail.ru

Manzanga O. — Graduate student, Kazan Federal
University
ovidemanzanga@gmail.com

Melnikov R. — Post-graduate student, The University of
the prosecutor's office of the Russian Federation
kash717ruslan@gmail.com

Mikhailin D. — Graduate student, Samara State University
of Economics
mihailin-daniil@yandex.ru

Nuzhdaeva V. — Postgraduate student of the RANEPa;
Practicing lawyer
nuzhdaeva.valerya@yandex.ru

Pavlov I. — Senior lecturer, Crimean branch of the
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia
igorek-pavlov-1966@mail.ru

Prokhorov A. — Lecturer, Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
proartvi3@mail.ru

Saliakhutdinov E. — Financial University under The Government of the Russian Federation
emil.shamilevich.01@bk.ru

Uimanova V. — Student, Financial University under The Government of the Russian Federation
uimanova.lera@yandex.ru

Simonova E. — Doctor of Economic Sciences, Associated Professor, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPА
simonova-ev@ranepa.ru

Alekhina T. — Candidate of Economic Sciences, Associated Professor, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPА
tat.alehina@mail.ru

Mosina E. — Candidate of Economic Sciences, Associated Professor, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPА
caterinamosina@yandex.ru

Stepanova I. — Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
7503139@gmail.com

Zamyatin A. — Head of the special fire and rescue unit No. 4 of the FGKU «Special Directorate of the Federal Fire Service No. 36 of the Ministry of Emergency Situations of Russia»
Zamyatin_anatoliy@mail.ru

Tugutova D. — Postgraduate student, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
tugutova.dulma@gmail.com

Fomenko E. — All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow
89266006361@mail.ru

Trufanova E. — All-Russian State, University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow
liza.trufanova22@mail.ru

Mindlin Yu. — Candidate of Economic Sciences, associate professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin
mindliny@mail.ru

Vasileva Ya. — Candidate of legal sciences, North-West Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
yana.vasileva@list.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).